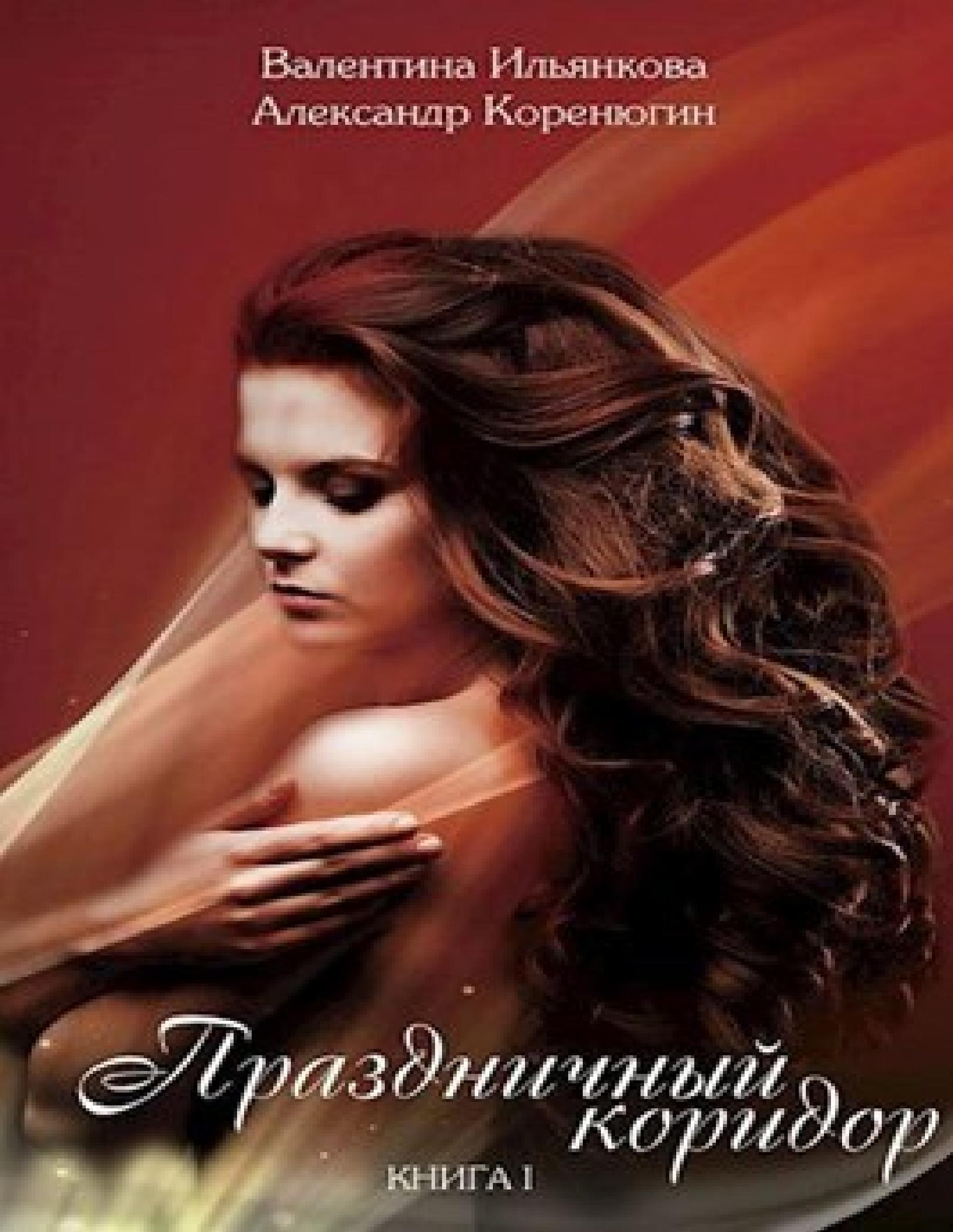

Валентина Ильянкова
Александр Коренюгин

*Праздничный
коридор*

КНИГА I

Annotation

Сюжет романа — ожерелье правдивых историй из взаимоотношений советских граждан. О любви приходящей, уходящей, либо на всю жизнь. О жизни советского человека в брежневском «застое» и горбачевской «перестройке». О денежных реформах и материальном благополучии граждан стран СССР в этот же период. О разбоях, грабежах и переделах государственной собственности в последнем десятилетии XX века. О становлении демократии, банковской системы, предпринимательства и политиков в одной из бывших стран СССР.

Предисловие

«... Я сама создам праздничный коридор моей жизни. И сама решу, в какой из небесных миров он меня поведет...»

Предисловие

По окончании университета Николая Бражкина направили на работу в далекий сибирский город, даже не город, а рабочий поселок в таежной глухомани, где был расположен металлургический комбинат. Из западных окраин Советского государства он уезжал работать в далекую восточную глубинку своей необъятной Родины. По меркам сокурсников, в подобные места обычно отправляют лодырей и бездельников на перевоспитание суровой рабочей действительностью.

Целеустремленный и эрудированный Коля Бражкин знал спецпредметы и экзамены мог бы сдавать только на «отлично», но оценки за результаты его знаний преподаватели всегда сознательно занижали. Всему виной была история КПСС. Николаю история партии и другие политические дисциплины, как предметы, были неинтересны, и он прямо об этом заявил на общем комсомольском собрании университета.

Случай для университета был неординарный, и его внесли отдельным вопросом в повестку дня заседания партбюро университета, где и постановили обратить внимание университетских преподавателей на аморальный облик зарвавшегося студента. Преподаватели отреагировали, и в зачетной книжке студента прочно прописалась оценка «удовлетворительно».

С отрицательной характеристикой университета и фанерным чемоданчиком Коля Бражкин прибыл на металлургический комбинат, где был принят на работу экономистом в плановый отдел. В те времена металлургический комбинат остро ощущал нехватку специалистов с высшим образованием, а Николай не просто был дипломированным экономистом, но и обладал незаурядным талантом аналитика.

Директор комбината нарадоваться не мог на молодого специалиста и вскоре назначил его начальником планового отдела. Жил Николай в общежитии барачного типа, но после повышения в должности ему профком завода обещал отдельную благоустроенную жилплощадь. Администрация комбината предпринимала все меры для того, чтобы молодые специалисты после отработки положенного законом срока не уезжали в более теплые края.

Коля Бражкин привык к суровой красоте таежного края, и менять место работы в ближайшем будущем не планировал. Тем более, что ночами стала сниться кареглазая директорская дочка Даша, которая тоже получила экономическое образование и работала в его отделе. Вместе с Дашей они уже вели обратный отсчет дням, оставшимся до ввода в эксплуатацию дома, где Коля должен был получить квартиру.

Директор комбината, участник войны, коммунист с большим стажем, отличный производственник в это время упаковывал свои вещи и собирался переезжать в Москву — его должны были перевести на работу в ЦК КПСС, но Даша оставалась здесь, потому что свою дальнейшую жизнь видела только рядом с Коленкой.

Но случилось непредвиденное — комбинат завалил план текущего квартала и вопрос перевода директора комбината на Московскую должность мог надолго затянуться или вовсе не состояться.

Начальник производственного отдела комбината Матвей, он же лучший друг Николая,

предложил директору искусственно улучшить производственные показатели комбината в текущем отчете, и пообещал, что в следующем квартале он предпримет все меры, и объемы выплавки стали подтянет.

Николая позвали к директору и при закрытых дверях попросили исправить отчет. Ответственность за последствия, стуча кулаком себе в грудь, взял на себя Матвей — три-четыре месяца, и он сумеет подтянуть фактические объемы к плановым. Бражкин упорно не соглашался приписывать в отчет несуществующие тонны стали, но посмотрел на мрачное лицо своего будущего тестя и пошел переделывать отчет.

Отчет подписали и отправили в столицу, а через две недели оттуда прислали проверку. Приписки были сразу обнаружены, а материалы проверки отправлены в прокуратуру. Кому-то в столице очень не хотелось, чтобы сибиряк-провинциал занял высокую должность в ЦК КПСС.

Коля Бражкин, на допросе у следователя прокуратуры заявил, что ответственность за достоверность отчетных данных несет он, начальник планового отдела комбината. Директор о приписках в отчете ничего не знает. Суд приговорил Николая Бражкина к четырем годам исправительно-трудовых работ, и его этапом отправили в лагерь, затерявшийся в болотистых лесах Лабении.

Николай Бражкин был грамотным специалистом, к тому же малосрочником, и начальник лагеря взвалил на него учет и систематизацию производимой спецконтингентом продукции. Лагерь получил отлично налаженную систему учета, а заключенный Николай Бражкин — отдельную комнату и некоторые послабления в тюремном режиме.

Директор комбината вскоре после суда уехал в Москву, забрал с собой и дочь, Дашу. Дочери он пообещал, что позаботится о Николае, но породниться им уже не придется — не может в родственниках у работника ЦК КПСС состоять бывший уголовник. Даша была согласна на любые условия отца, лишь бы он сдержал свое обещание и помог Коленке.

Однако отец не торопился с помощью и через год сказал ей, что помощь действительно реально будет, но для этого ей нужно выйти замуж, чтобы у него была уверенность в том, что она порвала все отношения с Николаем. И она вышла замуж за партийного функционера, на которого указал пальцем ее отец.

Только за полгода до окончания срока, в лагерь был отправлен Матвей с новыми документами для Николая Бражкина и большой суммой денег. Матвей не мог смотреть в глаза своему другу, говорил, что это он во всем виноват, но сейчас ничего нельзя исправить. Коля хмуро улыбался и отвечал, что срок вот-вот заканчивается и все останется позади.

Новые документы были выписаны на фамилию Колиного отца Чарышева, погибшего во время войны под Сталинградом. Еще Матвей сообщил, что личное дело заключенного Бражкина будет уничтожено вместе с остальными личными делами некоторых заключенных, о чем уже есть некий приказ подписанный несколькими министрами. Это достоверно известно от ответственного работника министерства юстиции. После освобождения Николай должен остаться работать здесь, в республике Лабения, на химическом комбинате. На этот счет существует договоренность с местными партийными органами. Правда, о Даше лучше забыть, потому, что она давно вышла замуж и счастлива в браке. На прощание Матвей долго и виновато жал руку Николаю, а потом, уже ступив ногой на порог, сказал:

— Я тут подсуетился и прикупил для тебя деревенскую девочку. Соскучился, небось, по женской ласке? Завтра тебе один местный проходимец приведет молоденькую красавицу.

Ни о чем не беспокойся, я все устроил и услуги оплатил. Прости меня, Коля! Даст Бог, еще увидимся.

Глава 1

Неудачный день назначила судьба началом жизни Зосеньки Ромашовой — 29 февраля 1968, високосного, года.

Святой Касьян отслужил на страже у ворот ада положенные ему три года и явился на землю на целый год — имеет право почести от народа принимать. Святым Касьян стал через свое предательство, за которое выпросил у Бога прощение, но сам остался прежним Касьяном — недоброжелательным, корыстным, скупым, завистливым, злопамятным. Это о нем легенды твердят — "Пришел Касьян, пошел хромать, да на свой лад все ломать".

День его памяти отмечается народом раз в четыре года и этот, четвертый год, названный високосным, очень часто повторяет все зловредные черты характера святого Касьяна.

Родиться 29 февраля, значит, дни рождения отмечать всегда в обществе святого Касьяна — раз в четыре года. Грустная история! Но астрологи, всем рожденным 29 февраля, пророчили богатство с ранних лет до глубокой старости и любящих родителей, старость которых эти дети сделают счастливой и обеспеченной.

Но у Зосеньки не было родителей от рождения. Она родилась и сразу стала сиротой.

Все мы приходим в эту жизнь в одиночестве, но редких детей не принимают сразу мамины руки.

А Зосеньку мама родила, но на руки взять не захотела.

Так осталась Зося без родительской любви и поддержки, а судьба назначила ей тернистый жизненный путь с темными переходами и крутыми обрывами.

Природа при рождении одарила нас по-разному: одному — здоровье и талант, другому — красоту и ветреность, третьему — и то и другое.

Но жизненную дорогу мы выбираем самостоятельно. Конечно, здорово, когда тебе надолго подставлено родительское плечо, но и у замечательных, умных и любящих родителей иногда дети становятся мелкими людьми и жизнь их — благополучная, скучная череда дней, без острых углов и эмоций.

Дети без родительской любви и поддержки, как тоненькие тростиночки в зимнюю вьюгу — одних жизнь подхватит и унесет в дурман загулов с алкоголем и наркотиками, а те, которые гнулись, захлебывались, однако, выстояли, выплывали в реку жизни израненными, но стойкими, смелыми и мужественными людьми.

В советском государстве были приняты законы и постановления, гарантирующие детям-сиротам образование и дальнейшее трудоустройство. Но детдомовский менталитет ориентировал сирот на рабочую специальность и койку в общежитии. Редкие детдомовцы стремились продолжить свое образование, хотя их принимали вне конкурса, по направлению воспитавшего их детского дома. Сразу выделяли места в учрежденческих общежитиях и гарантированную стипендию от государства.

А Зося никакими льготами не пользовалась, потому что документами ее сиротство не подтверждалось.

На самом деле у Зоси были родители. Правда, не было отца, но были две мамы. Ее настоящая, биологическая мама, Аня, принесла дочку «в подоле» в неполные шестнадцать лет. Зосина бабушка, Юлия Дмитриевна Ромашова, среди деревенского люда просто Юлька, узнала о беременности дочери только по явно обозначенному животу, когда предпринимать

что-либо было поздно.

Анюта сама выросла без отца. Когда Анюте было три года, ее отец погиб на колхозном зернотоку. Тогда из армии на побывку к родителям приехал сосед Иван. Был самый разгар зерноуборочной страды, и в колхозе каждая пара рук была на учете. Семен, Юлин муж, просидел с Иваном за разговорами и банкой хлебного первача до утра.

А утром ушел на работу, на зерноток, где сушили сырой намолот, и больше домой не вернулся. Прилег на старый ватник, который расстелил на склоне бурта непросушенного зерна и заснул. Зерно, пригретое солнцем, потекло в бункер, вместе с зерном стек туда же и Семен. Затем в бункер добавили еще зерна. Мертвого Семена откопали только к вечеру.

Юля похоронила мужа на деревенском кладбище, а вместе с ним похоронила и свою молодость: надела черный вдовый платок и стала сторониться людей. Не смогла простить односельчанам, что не заметили Семена и засыпали зерном. Может, кто из сельчан и захотел бы на ней жениться, но подступиться к мрачной, озлобленной женщине было невозможно.

Сруб для нового дома, который успел Семен поставить недалеко от старенького Юлиного дома, где они жили, стал чернеть и подгнивать. Юля понимала, что закончить строительство дома ей не по силам, а потому продала сруб дальнему соседу, чтобы глаза не мозолил и сердце не рвал. Сама пошла работать на ферму, а маленькую Анютку дома оставляла одну. Но дочку любила и как могла, баловала. Это был ее капитал, от которого она в скором времени надеялась получить дивиденды.

Мечтала, измученная непосильной работой, без выходных и праздников колхозная доярка, что дочь подрастет, получит образование, выйдет замуж, в семье появится мужчина и их жизнь изменится: из старой, дедовской хатки они переедут жить в город, в новый дом с красивой мебелью и непременно нейлоновыми занавесками, в семье будет достаток и покой. Они навсегда забудут свою окруженную лесами и болотами глухую деревеньку с жутким названием — Чертовщина.

И вдруг все рухнуло. А сколько пересудов было в деревне. Вот уж почесали языки деревенские кумушки! Всех мучил один вопрос: а кто ж отец ребенка?

— Доченька — уговаривала Юлия Дмитриевна — скажи от кого забрюхатела, мы его заставим жениться. Не сами, так председатель поможет или в райком поедем. Одной-то тяжело ребенка поднимать. Да если и не женится, то хоть алименты будет платить. А-то и дите, попросим взять на воспитание, а ты подрастешь, выучишься, выйдешь замуж и потом, может, забереешь ребенка. Ведь ты сама малая еще, школу вон не закончила, а погулять успела.

Но Анюта хранила молчание. Юлия Дмитриевна сначала уговаривала, затем начала ругать и упрекать дочь. Даже вожами перетянула пару раз по спине, но все безрезультатно. Имя героя романа осталось под семью печатями. И ведь никто в деревне никогда не видел Анюту в мужском обществе. Долгими бессонными ночами Юлия Дмитриевна прикидывала самые разные варианты Анютиного падения.

Первым претендентом на отцовство был учитель сельской восьмилетки по физкультуре. В деревне его особенно не уважали и за глаза звали Колькой-приблудой. В деревне он действительно был человеком пришлым. Года три назад Колька освободился из заключения, женился на местной деревенской девушке Лене и устроился на работу в сельскую восьмилетку. Познакомился Колька с Леной в исправительно-трудовом лагере. После окончания кулинарного профтехучилища Лена возвратилась в родную деревню и устроилась

на работу в лагерь, помощником повара.

Лагерь, в котором Колька отбывал наказание, находился в трех километрах от деревни, а если идти через лес, а не по шоссе, то и двух километров не наберется. В лагере работали многие деревенские — все-таки не коров доить, и не в поле горбатиться над картошкой и капустой. Да и зарплату там по местным меркам платили немаленькую и, что очень важно для деревенского жителя-бытия, деньги выдавались регулярно, один раз в месяц.

Этой весной Лена, жена Колькина, предложила и Анюте временную работу в лагере с весны до поздней осени. Работа не тяжелая, овощи почистить, на кухне прибраться, а за лето девчонка заработает приличную сумму, хватит на одежды-обувки к новому учебному году. Юлия Дмитриевна с радостью согласилась, какая-никакая, а помощь. Она даже сходила в школу и договорилась с директором школы, чтобы Анютке разрешили на пару недель пораньше уйти на каникулы. Девчонка училась хорошо, а лишние дни обещали прибавку к заработанным деньгам.

Лена на работу уходила затемно, чтобы успеть нехитрый завтрак для заключенных приготовить. В основном-то это каша-размазня, но и та требует времени в приготовлении. Поэтому Анюту в первый раз на работу Колька повел через лес, дорогу показать и в лагерь провести.

— Может, и испоганил в лесу девчонку паршивец? — гадала Юлия Дмитриевна.

Анютка была в самой поре формирования девичьей красоты. Длинные, не стриженные от рождения и заплетенные в толстую косу волосы, какого-то странного, необычного цвета гречишного меда и голубые, а иногда темно-серые глаза в обрамлении густых и длинных ресниц. Цвет Анютиных глаз менялся в зависимости от смены ее настроения. Мать давно заметила, что если при разговоре внимательно смотреть в ее глаза, то всегда можно узнать, правду дочь говорит или вилает, запутавшись в лабиринтах лжи, и от этого сильно волнуется. Угловатая, по-детски тоненькая фигурка Анютки только-только начинала принимать женское очарование — появились остренькие грудки, округлилась попа.

Всю весну и летние каникулы Анюта работала в лагере. Первые две-три недели возвращалась домой хмурая, осунувшаяся и сразу пряталась в свой закуток за занавеской.

— Наверное, сильно устает — думала мать, — не так-то там легко работать, как Ленка рассказывала. Может, сказать Анютке, чтобы завтра не ходила в лагерь, пусть по двору поработает, огород присмотрит.

Но Анютка вдруг повеселела. С вечера готовила себе какие-то вещички. Утром долго расчесывала волосы и заплетала их в косу, ныряла в чистенькое платьице и убегала из дома. Именно убегала, даже не завтракала.

— На кухне поем, — успокаивала девчонка мать, — там Ленка уже что-нибудь приготовила.

Так и пробежало лето. Анюта действительно заработала деньги. Может, не так уж и много, но для Юлии Дмитриевны это было целое состояние. В конце августа они с Анютой выбрались в райцентр, спасибо председатель разрешил поехать на молоковозе. И пока водитель сдавал колхозное молоко районному молокозаводу, успели в городском универмаге купить целое приданое для Анюточки и кое-что для Юлии Дмитриевны. Анюта примеряла юбочки и кофточки, раскраснелась, по вискам закучерявились колечки волос. Красавица.

Через пять, шесть лет можно замуж отдавать — любовалась и гордилась дочкой мать.

« Попрошу сестрицу, Василину, подыскать Анютке городского жениха. Замуж выйдет по

знакомству — жить хорошо будет, в согласии и богатстве. Мужа-то надо будет подбирать не по красоте, а по уму и ловкости в работе. Да и родители, чтоб были оба, небось, помогут молодой семье и с жильем, и с работой. А уж поднимать малых детей, своих внуков, и я пригожусь. А Анюточка моя работать будет в городе, непременно бухгалтером, на большом заводе или фабрике».

Но не суждено было сбыться материнским мечтам.

В ноябре, на праздник октябрьской революции в гости к Юлии Дмитриевны из райцентра приехала младшая сестра Василина с мужем Олегом. К приезду родственников был забит кабанчик и несколько курочек. Домашние колбаски, кровянка и сало свежего засола наполнили чесночно-кориандровым запахом весь дом.

В былые времена это был любимый запах и Анютки, и Юлии Дмитриевны. Но в этом году Анютка, скорее всего, чем-то отравилась. Ее мутило и подташнивало, а к домашним деликатесам она даже не притронулась. Василина долго и внимательно присматривалась к племяннице, а потом неожиданно спросила сестру:

— Юль, а часом Анютка не беременна?

— Типун тебе на язык, — рассердилась Юлия Дмитриевна, — откуда? Ей ведь только пятнадцатый годочек минул. Да и не тебе знать-то, сама ты пока не рожала, и не знаешь, что это такое!

— Да, не рожала, — не унималась Василина, — но беременна была. Забыла что ли, что я в девичестве аборт сделала?

Василинин муж Олег был срочно отправлен за два километра в сельмаг за вино-водочными покупкам, а женщины вызвали на допрос бледную Анюту.

— Рассказывай, с мужиками миловалась, целовалась, подол задирали? — в гневе мать не соображала, что Анюта могла просто не понимать смысл ее вопросов.

Тетка Василина была мудрее.

— Юля помолчи, — попросила она разгоряченную сестру, — Анюточка, детка, скажи, когда последний раз у тебя были месячные? Подумай, посчитай и скажи точную дату, это очень важно.

Анюта нахмурила лобик, подумала и сказала:

— В конце мая, а потом мазня эта прекратилась — я и обрадовалась, все лучше, когда ничего не болит и все чисто. А сейчас я заболела животом — он распух и в нем что-то шевелится.

Юлия Дмитриевна вцепилась побелевшими пальцами в спинку стула. Допрос был продолжен, но уже на другую тему — с кем из мужиков Анюта завела любовь? Девочка опустила голову, закусила губу и молчала. Ясно было одно — скоро Юлия Дмитриевна и Василина станут бабушками. Уже совсем скоро.

Василина как могла, успокоила сестру, мол, утро вечера мудрее, что-нибудь придумается. Аборт делать поздно, пусть рожает, а там видно будет.

На следующий день Василина вместе с Олегом уехали из деревни в город, а Юлия Дмитриевна осталась со своими мыслями одна. В общем-то, не одна — рядом как тень мелькала беременная девчонка.

Что теперь делать, как дальше жить, чем оправдаться в дочернином беспутстве перед скорыми на язык односельчанами?

Конечно, от ребенка нужно избавиться — многие отдают детей на воспитание бездетным семьям или сдают в детский дом, а проще всего оставить ребенка в больнице, а

уж там врачи разберутся, куда его пристроить.

В школу Анютка перестала ходить, все больше сидела дома — прятала от людей свой выросший живот. Хорошо, что хоть восьмилетку успела закончить, иначе бы затаскали мать по сельсоветам и райкомам партии за то, что не получила девочка обязательное по советским законам восьмилетнее образование.

А ведь и на партийную комиссию могут в райком партии вызвать. Вот сраму-то будет — Юлия Дмитриевна, передовая доярка и коммунистка, дочь не усмотрела! Если вызовут сейчас, то и из партии исключат.

Года два назад Юлию Дмитриевну вместе с председателем колхоза вызывали на заседание партийной комиссии. Тогда разбирались, почему колхозная рекордсменка корова Зорька не смогла растелиться и погибла. Пенсионеры-коммунисты долго допытывались у доярки, по какой причине колхоз не уберег корову, известную своими высокими надоями не только в области, но даже и в республике. Ведь председатель колхоза уверял, что для коровы созданы особые условия содержания, и зоотехник ежедневно, самолично, проверяет ее кормовой рацион. Юлия Дмитриевна долго убеждала дотошных старичков, что корова не смогла растелиться по простой причине — теленок неправильно шел, а ветеринар уехал в район к сыну, дело-то было ночью в субботу. Надо же и ветеринару когда-нибудь отдыхать.

Промолчала она тогда по просьбе председателя колхоза, что корова Зорька никогда не была рекордсменкой. Это была обычная колхозная корова со средним удоем молока. А рекордсменкой она стала бумажной, когда в группу Юлии Дмитриевны добавили одну, неучтенную корову. Доились две коровки, а молочко записывали на Зорьку. Эта неучтенная коровка принесла славу колхозу, а доярке — почет и уважение. Именно из-за рекордных надоев коровы Зорьки Юльку в деревне стали уважительно величать Юлией Дмитриевной.

— Какая она вам Юлька? — урезонивал председатель колхозных доярок, — с ней секретарь райкома за ручку здоровается, за работу благодарит и Юлией Дмитриевной называет, а вы тут Юлька да Юлька, чтобы больше этого не слышал.

А слово председателя колхоза в деревне покрепче государственного указа будет.

Наказали ее тогда за нерасторопность при отеле ценной для района коровы. Вынесли партийный выговор с занесением в учетную карточку и предупредили, что за следующее нарушение партийной дисциплины она будет исключена из рядов партии. Председатель колхоза утешал, что пройдет год, и выговор снимут, а если бы в райкоме партии узнали правду, то его, председателя колхоза сняли бы с работы.

Она бы этого хотела? Нет, Юлия Дмитриевна считала, что старый друг лучше новых двух, не нужен им новый председатель. Да и свою славу передовой доярки губить не хотелось. Теперь история с Зорькой стала забываться, а партийный выговор с Юлии Дмитриевны через год по ходатайству колхозной парторганизации действительно сняли.

Конец осени и почти всю зиму Анюта не выходила из дома. Слонялась по углам, с матерью почти не разговаривала. На вопросы отвечала кивком головы или кратким «да» и «нет». Про пеленки-распашонки никто не думал, словно этот вопрос мог разрешиться самостоятельно.

Двадцать девятого февраля у Анюты начались схватки. Мать запрягла в сани старую кобылку, приписанную к ферме на подвозку кормов, кинула туда же соломки, усадила стонущую Анюту, прикрыла дерюжкой и повезла в сельский фельдшерско-акушерский пункт за пять километров.

По дороге Анюта уже протяжно кричала, но Юлия Дмитриевна кобылку не

подстегнула. Лошаденка плелась по укатанной лесной дороге тихим уставшим шагом — намаялась за день на ферме.

«Покричи, покричи, — злорадно думала мать, — может, нагорюешься, так и скажешь имя своего кавалера. А мне сейчас спешить некуда».

К акушерскому пункту они подъехали в сумерки, там уже никого не было. Старая уборщица открыла им дверь и побежала за деревенским фельдшером, которая жила на другом конце деревни.

Когда фельдшер появилась в маленьком приемном отделении пункта, Анюта уже родила. Юная мама лежала на кушетке, в ногах у нее копошился ребенок. А под кушетку ручейком стекала кровь.

Старая акушерка поняла, что роды были быстрые, неуправляемые. Хрупкое детское тельце не было развито и подготовлено к родам, скорее всего, порвалась матка. Нужно в первую очередь, срочно вызвать из Горевска скорую помощь, чтобы успели спасти роженицу, а потом самой попытаться чем-то помочь истекающей кровью девчонке и ее родившемуся дитю. Анюту и, завернутую в старый белый халат родившуюся девочку, вскоре отправили в Горевскую больницу, а Юлия Дмитриевна возвратилась домой. По дороге она думала о том, что может, бог приберет к себе ее непутевую дочку и неожиданную, нелюбимую внучку. А ей бы не проспать утреннюю дойку.

В областную больницу Анюту скорая помощь успела доставить живой. Ей срочно была сделана операция по удалению разорванной матки и переливание крови. Затем Анюту перенесли в маленькую одноместную палату и посадили возле ее кровати медсестру. Врачи искренне жалели эту красивую деревенскую малышку. Каким же кнутом ее ударила жизнь и где в это время были взрослые, близкие ей люди?

Родившаяся девочка была отправлена в детское отделение. Это был здоровый и вполне развитый ребенок. Ребенка вымыли, завернули в больничные простынки и положили в кроватку. Утром медсестры удивлялись — девочка за ночь ни разу не заплакала и только утром закричала и заворочалась. Отдохнула и запросила сухие пеленки и молоко.

Прошло четыре месяца. Анюту готовили к выписке из больницы. Физически она была здорова. Правда, стала бесполом существом, хотя сама этого не осознавала. Выписывалась Анюта одна, без дочки. Пару раз врачи пытались ей показать ребенка, но хмурая и растрепанная Анюта отворачивалась к стене и отказывалась взять тугой кулек в руки. Пытался поговорить с ней главврач и тоже безрезультатно. Дочь ей была не нужна!

Тогда Анюту перевели в общую палату к другим роженицам. Расчет был простой и наивный — девочка увидит, как другие мамочки кормят и нянчат своих крох и попросит принести свою малышку. Но и этот маневр врачей результата не принес.

— Анютка, — спрашивала соседка по палате юную мамашу, — а ты ребенку имя уже придумала?

— Нет, пусть врачи придумают.

— А зачем врачам заморачиваться с чужим ребенком? Скажи им спасибо, что тебе жизнь спасли. Ходят слухи, что тебя в больницу чуть живую привезли. Вот выходили, да еще и с ребенком нянчатся, пеленают, кормят, медсестры по детскому отделению на руках носят. Ты ведь грудью дочку не кормила?

— А лучше бы я умерла. И девчонку пусть не кормят, мне ее забирать некуда. Мать домой с ребенком не пустит и деревенские засмеют, скажут, байстрючку принесла.

— Ты, Анюта, не торопись от дочки отречься. Жизнь у тебя только начинается, детей

больше не будет, а эта подрастет, ты и не заметишь, потом подружками будете. И мама твоя еще, может, передумает, и любить внученьку будет.

— Мамка не передумает. Партийная она, и боится, что из-за меня, ее из партии исключат. А мне никакие дети не нужны, да и жизнь мне тоже не нужна.

После таких аргументов обитательницы палаты затихли, а потом и вовсе боялись с Анютой говорить, мало ли, что придет девочке в голову — покончит жизнь самоубийством, а они будут виноваты. Нет, пусть лучше с ней врачи беседуют.

Анюта хотела домой. Не к мамке, а просто вернуться в свою деревню, на огороде посмотреть какие огурцы выросли, корову свою потрогать, из цветов в поле венки сплести. И обязательно в лагерь сходить. При мыслях о лагере перед Анютой сразу всплывало мужское небритое лицо с хмурыми карими глазами и жесткими черными волосами. Лицо, вроде, как и красивое, но неприятно-пугающее из-за постоянного угрюмого выражения, но ... Анюта запомнила, тонкие желтые очки и такого, же цвета блестящий зуб во рту. Она была просто поражена: как же это красиво — желтый зуб во рту. Золотого зуба в деревне ни у кого не было. Такое лицо можно запомнить и полюбить только за очки и диковинный зуб! А мамка — ей она припомнит, что вожжами ее хлестала, ругала и пилила, хотела узнать ее, Анютину, тайну. Вот и в больницу ни разу не приехала. К соседкам по палате каждый день кто-нибудь приходит и гостинцы приносят. Особенно стараются мужья и матери. Ну, хорошо, у Анюты нет мужа, но мамка могла и должна была приехать. Не приехала, все ругается, что Анюта ее опозорила. Что ж, и Анюта с ней так же поступит — тот человек из лагеря купит ей машину красную и дом в городе. Колька об этих подарках ей все уши прожужжал, значит, так оно и будет. Вот она одна и уедет в город, а мамке там не место.

«А может мне лучше совсем мамку добить, — думала Анюта, — не буду ждать машину и дом. Приеду домой, обойду все места любимые, а потом выпью уксус, что на припечке стоит. Мамка говорила, что это очень крепкий уксус, им можно обжечься и умереть. Вот и хорошо, выпью и сожгу себе все нутро. Тогда врачи уж точно не спасут. Пусть мамка плачет на моей могиле. Наверное, похоронит меня рядом с отцом, и будет выть над двумя могилами».

А как жемаленькая, рожденная девочка? Это было что-то лишнее, ненужное, выросшее в ее животе и мешавшее ей жить. Она не хотела ребенка, не была готова к такому раннему материнству. Сейчас у Анюты снова плоский живот и никто там не шевелится. Ну и, слава Богу, поскорее уехать домой и все забыть. А уж дома она разберется, как ей дальше жить. Девочку она решила оставить здесь.

Анюта верила, что девочке здесь будет лучше, чем в деревне — кругом чисто, и харчи бесплатные. А дома жизни не будет от насмешек односельчан и презрения родной матери.

Но была еще одна проблема, мучившая Анюту и днем и ночью. Ей скоро можно будет возвратиться домой, но как она туда доберется? До родной Чертовщины нужно ехать автобусом сначала в райцентр, а там пересесть на другой автобус. Денег на билет у Анюты не было! Она бы пошла пешком по шоссе, ночи сейчас теплые, можно и под кустом в траве отдохнуть. Но вот беда — в больницу везла ее мать зимой, в зимних ботинках и тулупчике. А сейчас ей одеть совсем нечего. Мучилась неизвестностью Анюта, потихоньку плакала в подушку, а соседки по палате думали, что переживает девочка, жалко ей своего ребеночка оставлять в больнице, значит, не совсем еще совесть потеряла. Может, одумается и заберет ребенка из больницы. Поэтому с разговорами не навязывались, у каждой своих забот хватало.

Однажды Анюта увидела во сне, как она идет пешком в зимних ботинках ночью по шоссе, и до Чертовщины осталось идти всего ничего, деревня где-то рядом.

Анюта проснулась и потихоньку рассмеялась.

— Ты чего среди ночи смеешься? — спросила женщина с соседней койки — может тебе нехорошо и нужно врача позвать?

Койки в палате стояли парами. Соседкой по койке у Анюты была кругленькая, общительная Тамара, которая тоже родила девочку.

Тамара, взрослый, состоявшийся человек, по-матерински жалела забытую родственниками Анюту и каждый день подкармливала ее, то конфеткой, то печенюшкой или вареньицем. Анюта привязалась к Тамаре и иногда вздыхала: «Мне бы такую мамку»

— Нет, врача не нужно. Смеюсь я над собой. Столько думала, как мне в свою деревню добраться и ничего не придумала. А вот во сне приснилось, что идти-то нужно ночью, а днем отдыхать, чтобы перед людьми не было стыдно.

— Подожди, ты что, же в деревню собралась пешком отправиться?

— Ну да. Денег у меня на автобусный билет нет, и на ноги есть только зимние ботинки. А сейчас лето. Что люди обо мне подумают, когда увидят такое огородное пугало в летний день. Еще и в милицию могут сдать.

— А сколько километров от Горевска до твоей деревни?

— Я точно не знаю, но до райцентра километров сорок, а там до Чертовщины еще километров двадцать будет. Но я быстро дойду, ноги у меня крепкие.

— Подожди, девочка, это абсурд какой-то. Пешком шестьдесят километров, летом, в зимних ботинках! Ох, горе ты мое! Это уже проблема и она требует решения. Ладно, ты спи, мы что-нибудь придумаем.

Анютка, убаюканная ласковым голосом, вскоре снова заснула, а во сне видела васильки на ржаном поле, по которому она шла, взявшись за руки со своей мамкой. И мамка не ругалась, а гладила рукой Анюткины волосы и что-то тихонечко ей шептала.

На следующий день навестить Тамару пришла дочь-школьница. Тамара увидела девочку и засияла глазами:

— Доча, ты прямо из школы и ко мне? А когда уроки будешь делать, домой-то, когда доберешься?

— Не волнуйся, мамочка, я часть заданий на завтра уже в школе подготовила. По тебе соскучилась и может, ты мне сестренку покажешь? Все в школе спрашивают, какая у меня сестричка, а я ее еще не видела.

— Пока смотреть на нее нельзя, она совсем маленькая, а сейчас тем более спит. Вот приедем мы с ней домой, тогда и нагядишься. А у меня к тебе дело есть, давай выйдем в фойе, посеCRETничаем. Тамара обняла дочь за плечи и увела из палаты.

Через три дня в послеродовую палату, где лежала Анюта, зашла медсестра и сказала:

— Ромашова, тебя главврач больницы вызывает. Его кабинет в другом корпусе. Дорогу сама найдешь или тебя проводить?

— А ты не знаешь, зачем я ему понадобилась?

— Наверное, выписывать будут. Да ты не бойся, он у нас добрый человек и тебя не обидит. Так тебе дорогу показать?

— Лучше показать, в ваших коридорах можно заблудиться.

Медсестра довела Анюту до кабинета главврача, тихонько постучала в дверь и

пропустила Анютку в тесный кабинетик.

Главврач был не один.

— Ну, здравствуйте, Анна Семеновна, — сказал он, — вот врачи говорят, что Вы совершенно здоровы, и мы можем выписать Вас из больницы домой. Ваш ребенок тоже здоров и готов к выписке. Я правильно говорю, Зоя Николаевна? — Обратился он к миловидной женщине в белоснежном халате.

— Да, Егор Анатольевич, Вы совершенно правы. Девочка Ромашова прекрасно набирает вес, никаких противопоказаний к выписке нет. Анна Семеновна, Вы забираете ребенка домой? Мы сообщим в райздравотдел, что ребенок выписан по месту жительства несовершеннолетней мамы и попросим закрепить за вами врача и медсестру из района.

— Нет, — прошептала Анюта, — я уже говорила, что не могу ребенка забрать. Меня даже одну мамка может домой не пустить. А еще и ребенок, он же не может жить на сеновале? — Привела веский довод Анюта.

— Ну, что ж, мы это предвидели, — сказал главврач, — и пока выпишем Вас, Ромашова, без ребенка. Вы поедете домой, поговорите со своей мамой и возвращайтесь за ребенком. Но учтите, мы долго в больнице ребенка держать не сможем. В течение двух лет Вы, Анна Семеновна, должны забрать ребенка, иначе ребенок будет передан в детский дом. Отказную от ребенка, мы требовать пока не будем. Взрослейте, Ромашова, и приезжайте за дочкой.

— Ромашова, — в разговор вмешалась Зоя Николаевна, — Вы не дали имя ребенку. В отделении девочку называют Зосей, У вас есть другое имя или Вы согласны с этим?

— Зося? Я не знаю такого имени, но мне оно нравится.

— Зося — это Зоя. Если Вы согласны, то мы и в дальнейшем будем называть девочку Зосей, только Вы потом не передумайте.

— Не передумаю, красивое имя, пусть будет Зосей, — Анюта откровенно радовалась, что ее выписывают из этой больницы, да еще и без ребенка, — спасибо Вам, что меня вылечили, и за Зосей будете приглядывать. А я мамку попрошу, чтобы разрешила Зоську домой в деревню забрать. Может и разрешит. Тогда я за ней и приеду. А пока пусть здесь поживет.

Анюта торопливо шагала по больничным коридорам в палату — скорее — скорее забрать свои вещи и бегом — бегом в родную Чертовщину. Только бы врачи не передумали и оставили Зоську здесь, в больнице.

В палате Анюту ожидал еще один сюрприз — на ее кровати лежал огромный, пузатый пакет.

— Это что? — спросила Анютка улыбающуюся Тамару, — ко мне мамка приехала? Где она?

— Нет, мама твоя не приехала. Это тебе подарок от моих дочерей. Смотри и примеряй. Я думаю, что все должно быть впору. Вы с моей старшенькой почти однолетки, а она у меня девушка со вкусом.

— Это все мне? — Анюта выложила содержимое пакета на кровать.

— Ну да. Здесь слух прошел, что тебя завтра выписывают. И что дочку ты скоро забереешь. Люди правду говорят?

— Может, и заберу попозже, так главврач разрешил. А сейчас куда я с ней пешком, хоть и босоножки теперь есть, а тащить ребенка будет тяжело. Да и мамка может в дом не пустить, придется жить на сеновале.

— Глупая, никуда ты пешком не пойдешь. Завтра, когда будут готовы твои документы,

приедет мой муж на машине и отвезет тебя прямо в твою деревню. Только о дочке не забывай. Поняла? Ну, а если ты сейчас не поняла, то повзрослеешь и обязательно поймешь. Девочка не должна остаться сиротой при живой матери. Анютка, тебе можно верить?

— Да, я буду стараться. Пойду на ферму работать дояркой. Мамка председателя колхоза попросит, и он меня возьмет. А деньги заработаю и приеду за Зоськой. Зоська маленько здесь поживет, а потом можно и в деревню ее забрать.

— Так, что, ты уже назвала дочку Зоськой? Красивое и правильное имя ты выбрала для дочери. Зоя в переводе с греческого языка означает жизнь. А что может быть важнее жизни — только сама жизнь. Умница, Анюта.

— Имя придумали в детском отделении, — решила быть честной и правдивой Анюта, — а я только дала согласие, чтобы девочку так называли.

«Мне ведь никакой разницы нет, как ее будут называть» — подумала Анюта, но свою мысль вслух не осмелилась произнести.

На следующий день Анюта заплела в косу свои дивные волосы, принарядилась в летний сарафанчик и босоножечки, обняла и поцеловала Тамару, и ушла из больницы. На ребенка взглянуть она не захотела.

Внизу возле приемного отделения, ее ожидала красная машина.

«Вот такую красную машину мне подарит тот человек с золотым зубом. Приеду домой и попрошу Кольку, чтобы отвел меня в лагерь с ним повидаться. Пусть долги отдает — обещал ведь Колька, что, если никому не расскажу, что он со мной делает, то мне подарят дом в городе и машину. И имя его узнать надо, врачи спрашивали про отчество для Зоськи» — подумала Анюта и осторожно уселась на переднее сиденье.

— Ну, хозяйка, рассказывай куда едем, и почему из роддома одна возвращаешься? А где же твой малыш?

— Домой меня отвезите, деревня Чертовщиной называется. Там мы с мамкой живем. А ребенок мой нездоров, врачи пока его в больнице оставили. Потом приеду и заберу.

Анюта облегченно вздохнула: значит, ничего своему мужу Тамара о ней не рассказала. И снова подумала: «Мне бы такую мамку».

Тамарин муж был неразговорчив, довез ее до поворота с указателем «Чертовщина» и высадил: дальше дороги не было. До деревни оставалось метров пятьсот и пешком недалеко.

Анюта подошла к своему покосившемуся старенькому домику — мамка должна быть дома, на дойку коров еще рано. Открыла дверь и через сени и кухню прошла в горницу. Странно, прежде чистенькая кухня была заставлена невымытыми, закисшими горшками и грязной посудой. Такой же беспорядок был и в горнице. Мамка прямо в испачканных в навозе калошах лежала на измятой неубранной кровати.

— Мам, ты чего, заболела?

Мать зашевелилась, приподняла голову с подушки:

— А, явилась, не запылилась. Конечно, болею. А от дочери никакой помощи нет, залегла там по городским больницам. Нет бы, приехать, подсобить мамке — прибраться или коров колхозных подоить.

— Не могла я, только сейчас из больницы выписали. А ты, похоже, самогону напилась. Вон банка пустая, и стакан.

— Не тебе меня судить. Видишь, учитель выискался. Хочу и пью. А ты вырядилась, что нового хахаля нашла? Давай, мой халат и сапоги надевай, да шагай на ферму, коров подоишь за меня. Давай быстро, мне не подняться, голова раскалывается.

Так для Анюты началась новая жизнь: с пьяной мамкой, колхозными коровами, собственным скотом, огородом. Круговерть с раннего утра и до поздней ночи. Свои мысли о самоубийстве она забыла — мстить было некому, пьяная мамка и не заметит, что Анюта умерла. Новый дом в городе и красную машину ей тоже не купили. А покупать-то было некому. Колька сказал что мужчина, к которому он приводил Анюту, был зэком, сейчас освободился и куда-то уехал. Имени его Колька не знает. В колонии он был учетчиком или бухгалтером, уважаемым и авторитетным человеком среди зэков, которые называли его «Старшой», а имя там большого значения не имеет, его никто и не спрашивал.

Глава 2

Зоя Николаевна, заведующая детским отделением Горевской больницы, шла в палату к своей маленькой пациентке Зоське. Вчера для Зоси были приготовлены подарки, и медперсонал отделения томился в ожидании торжественного момента их вручения. Маленькой воспитаннице детского отделения и всеми любимой Зосе сегодня исполнялось два года. Вообще-то не сегодня, а завтра только исполнится, но февраль в этом году заканчивался двадцать восьмым числом и медицинские сестрички решили, что отсутствие дня рождения — большая несправедливость по отношению к их воспитаннице. Поэтому сами назначили для Зоси еще один день рождения — двадцать восьмое февраля. Девочка очень рано научилась разговаривать и, причем, сразу предложениями. Молоденькие сестрички не уставали отвечать на ее вопросы и часами не спускали ее с рук. В общем, сегодня в отделении был праздник. И только Зоя Николаевна грустно думала о том, что главврач больницы ей уже дважды напоминал о том, что пора девочку передавать в детский дом. Ведь Зосина мамаша как уехала в свою деревню, так больше и не показывалась в больнице.

Зоя Николаевна месяц назад ездила в деревню поговорить с мамой Зоси. По лицу Ромашовой-мамы при виде Зои Николаевны пошли красные пятна, трясущимися руками она под диктовку врача начала было писать отказную от ребенка, но потом бумажку порвала. Да и поговорить то толком они не смогли — пришла пьяная Ромашова — старшая и начала кричать, что понаехали, мол, тут всякие городские, никакой нормальной жизни, давайте быстро освобождайте территорию.

Уже когда Зоя Николаевна отошла от дома, ее догнала Анна и пообещала, что найдет свою тетку, которая живет в райцентре и попросит ее оформить все документы на Зосю, чтобы больница смогла передать девочку в детский дом.

— А Вы сами не хотите посмотреть на девочку? — спросила Зоя Николаевна Анюту.

— Нет, не хочу. Да и времени у меня нет. Я коров на ферме дою, мамкину группу взяла.

— Это Вы напрасно. Девочка Ваша, красавица и умница. Разговаривает, каверзные вопросы задает. На Вас очень похожа. Такого же цвета волосы и глаза. Приезжайте, мы вас устроим переночевать в больнице, с дочкой наиграетесь. Можно у нас пожить пару дней. Ну, что, приедете?

— Нет, — ответила Анюта. Резко повернулась и ушла.

И вот прошел месяц, а в больницу никто так и не приехал.

— Зоя Николаевна, — окликнула догонявшая ее медсестра, — тут к Вам пришла женщина. Говорит, что родственница малышки Зоси.

— А где она сейчас?

— Вы уж меня простите, я ее в палату к Зоське провела.

— Правильно сделала. Пойдем знакомиться. Неужели нашлась хоть одна живая душа, которой интересен этот ребенок? Или это простой курьер по доставке документов? Что ж, сейчас разберемся.

В палате у Зоси действительно была красивая, ухоженная женщина лет сорока. Зоська прыгнула с ее колен, подбежала к Зое Николаевне и сказала:

— Вот, ко мне мама приехала.

— Зосенька, это не мама. Ты давай к сестричкам сходи, проверь, правильно ли они

пирог твой именинный разрезали, а мы с тетей скоро придем. Будем чай пить.

— Хорошо, только это мама.

Когда Зоя ушла, Зоя Николаевна сказала:

— Давайте знакомиться. Я предполагаю, что вы тетя Ромашовой и привезли нам документы на передачу ребенка в детский дом.

— Да, я действительно тетя Ромашовой. Зовут меня Василина. Только приехала я забрать девочку к себе. У нас с мужем нет детей. Семья получилась какая-то скучная, ущербная, нет общих забот, кроме, бытовых. Ребенок нам будет в радость. Мне так уж точно.

— А почему же Вы раньше не приехали?

— Почему раньше не приехала? Не знала, что у Анюты есть ребенок. Юля, сестра моя, мне, да и всем в деревне сказала, что ребенок родился мертвый, а Анюта устроилась в городе на временную работу, может учиться поступит, так и совсем в деревню не вернется. А когда Анюта возвратилась в деревню, то подтвердила, что ее ребенок умер, сразу после родов.

— А сейчас кто Вам сказал о ребенке?

— Так вот Анюта и сказала, передала письмо с главным бухгалтером колхоза. Он по делам в район приезжал и мне письмо прихватил. Я работаю в райисполкоме в сельхоз отделе, мы с ним знакомы.

— И о чем же Вас просила Ромашова?

— Просила оформить документы на девочку, чтобы Вы смогли передать ее в детский дом. Но сейчас я приехала с другой целью. Мой сегодняшний приезд связан с твердым намерением забрать ребенка в мою семью. Я готовилась к встрече с Вами, даже выстраивала какой-то диалог, искала нужные слова, чтобы Вы смогли меня понять, а вот сейчас где-то их растеряла. Дело в том, что у меня нет детей, и не может их быть. Ранний аборт искалечил меня, мне не дано быть мамой. Я потом, когда вышла замуж, долго лечилась, но, увы, безрезультатно.

— А Ваш муж тоже хочет взять этого ребенка на воспитание?

— В том-то все и дело, что муж с прохладцей отнесся к моему решению удочерить девочку. И не то, чтобы против, но и не за. Он привык, что единственный ребенок в семье — это он, возможно, в девочке видит будущего соперника.

— Но без согласия мужа Вы не сможете удочерить ребенка. Даже и разговора не может быть на эту тему.

— Понимаю. Но я посоветовалась с юристом и мы кое-что придумали.

— Ну, и что же он Вам посоветовал?

— Все очень просто. Анюта, мать ребенка, подпишет все документы по выписке ребенка из больницы по ее месту жительства. А малышку я заберу. Девочку все равно в деревню категорически везти нельзя — Юля решила, что у нее жизнь закончена и тоску по богатой жизни в городе топит в самогоне. А Анюта замоталась по хозяйству, и если ей ребенок не нужен был раньше, то теперь она о девочке уж точно никогда не вспомнит.

— Ну, хорошо, а если Ваш муж категорично не захочет дочку и Ваша семья начнет разрушаться, тогда что Вы будете делать с девочкой? Сдадите в детдом или отвезете к нерадивой мамаше?

— Девочку я не оставлю при любых обстоятельствах. Бывает, конечно, форс-мажор, так там мы не можем принимать решения — природа сама решит за нас.

— Конечно, отдать девочку в детский дом мы всегда успеем. А Зою очень не хочется отдавать в сиротский приют — девочка умница, ласковая, самостоятельная. Даже носочки и

трусики свои пытается постирать. Мы ее тут все любим.

— Зоя Николаевна, Зося это ведь Зоя?

— Да, это наши сестрички так малышку назвали, они знают, что когда-то я для своих подружек была тоже Зоськой. Муж и сейчас меня так называет.

— Прекрасно, если Вы не возражаете, то я буду просить мать Зоси оставить ей имя Зоя, а отчество — Николаевна, ну, а фамилия у нее есть — Ромашова.

— Нет, я не возражаю, пусть будет моей тезкой. А если ей суждено будет повторить мою судьбу, то тоже ничего страшного — ошибки бывают в жизни каждого человека, и у меня они есть, но не страшные. Я трудоголик, люблю свою работу и своих маленьких пациентов.

— Я постараюсь быстро управиться с документами. Когда мне можно будет забрать малышку?

— Через недельку приезжайте, подпишите все бумаги у Анны Ромашовой и забирайте. Мне почему-то хочется Вам верить. А сейчас — чай пить с именинным пирогом. У Зои Николаевны Ромашовой сегодня день рождения. Даже два дня рождения — два года назад она родилась, а сегодня наконец-то нашлась для нашей девочки мама.

Через две недели Василина оформила свидетельство о рождении Ромашовой Зои Николаевны. В графе «отец» записали имя Николай. Спасибо помогли подруги сделать все быстро. Но в деревню ей пришлось съездить, попросить Анюту, чтобы подписи свои поставила в нужных местах. Юлия Дмитриевна, когда услышала, что отчество у девочки Николаевна снова разгневалась, раскричалась: — Я ведь догадывалась, что это Колька-приблуда Анютке ребенка приделал. Даже к Ленке ходила, думала, что-нибудь скажет, как-то проговорится. Она-то наверняка знает, с кем Анютка ребенка прижила. Молчит, стерва, как в рот воды набрала.

— Успокойся, Юля. Отчество ничего не решает, можно любое записать. Мы вот записали «Николаевна», чтобы наша Зоенька полной тезкой была Зои Николаевны. Это врач, которая два года была ей вместо папы и мамы. И вообще, какое тебе дело от кого Анюта ребенка родила? Не хочет говорить, ну и не нужно. Главное, что у тебя есть внучка. Ты бы посмотрела, какая чудесная девочка, и на Анютку похожа

— Нужна она мне! Я одну-то чуть на ноги поставила, работала, спину не разгибала. Ты-то не знаешь, как бабе одной в деревне жить без мужика. В городе устроилась, как сыр в масле катаешься, и мужик у тебя золотой — все Линочка да Линочка. Без твоего разрешения и шаг в сторону не делает.

— Много ты знаешь о моей жизни. И муж у меня не такой золотой, как со стороны кажется. Зачем ему шаг в сторону делать — он привык на диване лежать и на меня покрикивать. А хороший и послушный он только на людях. Так удобнее. А что это я тебе жалуясь, ты никогда меня не понимала, не поймешь и сейчас. Разные мы с тобой люди, Юля.

— Да куда уж мне, сельской доярке, до тебя городской. Только смотри, надоест девчонка, мы ее к себе не примем. Повезешь сама в детский дом сдавать. Поняла?

— Я, Юля, все давно поняла. Ты Анюту в больнице не навестила, и внучку родившуюся живой похоронила, правда сестрица? Зосю я никогда к Вам не привезу, и сама больше не приеду. А ты, Анюта, если захочешь дочку увидеть — приезжай. Встречу, как дорогого гостя, а ребенку можно не говорить, что ты ее мама.

С тем и уехала Василина из своей родной Чертовщины. А по дороге думала:

«Может название деревни такое негативное влияние оказывает на людей. Юлька раньше была доброй и веселой. Наша кошка Мурка принесет четырех котят, одного можно оставить, а остальных родители прикажут закопать. Так сестра спрячет котят, а потом по деревне ходит и всех упрасивает, чтобы взяли котенка на подворье. Так всех и пристроит. А тут такое выкинула — от родной внучки отказалась.

И Анютку затуркала, ходит в землю смотрит — боится глаза на людей поднять. Надо подсказать председателю райисполкома, чтобы поменяли название деревни.

Чертовщиной деревню еще до революции назвал местный помещик с пьяных глаз. Старики рассказывали, что деревня называлась Солнечной, да вот что-то люди не угодили помещику, он и распорядился поменять название деревне. Уж сколько лет советской власти, а деревня все Чертовщиной зовется».

Василина не стала откладывать, и сразу из деревни поехала в Горевск, за Зосей. Малышку собрали быстро, потом сестрички долго ее тискали и целовали, рассовывали по карманчикам ее шубки конфетки и маленькие игрушки. Проводить Зоську пришла и Зоя Николаевна. Молча, подняла девочку, прижала к себе, сказала:

— Будь умницей, слушайся маму. А Вам, Василина Дмитриевна, много здоровья и терпения. А вообще — то самое главное — любите друг друга и все получится.

В свой районный центр Ивановск Василина с Зосей добрались в густые сумерки. Е домах уже горел свет. Светились окна и в квартире Василины — значит, Олег дома и Василина сейчас обязательно получит выговор за то, что ужин не приготовлен к его приходу.

Василина открыла дверь, в прихожей раздела Зосю и только потом спросила:

— Олег, ты дома?

— Конечно, дома. А почему ты так поздно, уже давно положено мужу на стол накрыть, а у тебя на кухне еще и конь не валялся.

— Олег, выйди сюда. Я не одна. Хочу тебя представить интересной особе.

В комнате послышалась какая-то возня — видимо Олег приводил себя в порядок, прежде чем предстать перед интересной особой. Каково же было его разочарование, когда в прихожей он увидел маленькую девочку.

— Это и есть твоя дочь? — спросил он Василину.

— Почему моя? Она наша дочь. Зося познакомься — это твой папа.

Девочка протянула Олегу крохотную ручку и сказала:

— Меня зовут Зося. Давай, папа, дружить.

— Ну вот, что, — Олег не замечал протянутую к нему ручку, — дружить ты будешь вот с этой душой, которую зовут Василиной. А меня зовут не папа, а дядя Олег. Ты все поняла?

— Да, — кивнула Зося, — ты совсем плохой дядя.

Прошло почти двенадцать лет.

Зося росла, иногда болела, сначала ходила в детский сад, затем училась в школе. Обычная жизнь, обычной девочки. Училась Зося охотно и легко. Даже четверки редкие гости в ее дневнике, в основном по всем предметам «отлично». Олег так и не стал для Зоси папой, жил рядом, своей отдельной жизнью. Зося для него была не больше, чем тень от большого фикуса — цвет он тоже не любил. Зато Василине Олежек выдавал по полной программе: не так поставила стул, суп подала горячий, не ту ложку положила, хлеб не тот купила, котлеты жирные приготовила и ... бесконечно. Не стесняясь, девочки, он выговаривал Василине, что она балует Зосю, покупает часто конфеты и дорогие вещи, дает ей деньги сбегать в кино. Что Зося бездельница и лодырь, не стирает белье, в квартире не

прибирается, еду не готовит.

Василина не вступала в перебранку, но когда Олег заходил в кухню, из ее рук выскальзывала посуда и разбивалась, она краснела и покрывалась испариной. Уже давно в голову закралась мысль о разводе. Но раньше она надеялась, что Олег одумается и станет для Зоси отцом. Потом разводиться, как бы стало поздновато, не тот возраст — что люди подумают. Так и жила в постоянной тревоге и страхе от невыносимого нытья здорового мужика.

И это несмотря на то, что главным добытчиком в семье была Василина. Квартиру она получила от райисполкома, как молодой специалист еще в девичестве. Зарплату приносила в дом в разы больше, чем ее муженек, да и жил он за ней, как за каменной стеной. Василина и продукты купить, и постирать, и на садовом участке поработать.

В райисполкоме Василина заведовала крупным отделом и одновременно исполняла обязанности заместителя председателя райисполкома, была уважаемым и узнаваемым в районе человеком.

А вот Олег — карьера у него не получилась, рядовой снабженец в строительной организации. За нерадивость и отсутствие, какой либо инициативы, его два года назад хотели сократить, без предоставления другой работы, но уговорила Василина начальника строительной организации. Олега оставили на работе, но это не добавило ему доброты.

Постоянное брюзжание и шипение переросло в паранойю. Однажды Василина приготовила борщ и попросила Зосю приправить его на плите укропчиком. Зося вместо укропа посыпала борщ зеленью кинзы. Тарелку с борщом для Олега на стол поставила Василина. Олег взял ложку борща, принялся и вдруг злобно плюнул прямо в лицо Зосе, которая сидела напротив его, а тарелку с борщом бросил в Василину — он не любил запах зеленой кинзы. Василина сначала опешила, потом кинулась к плачущей Зосе:

— Зосенька, пойдём, помоем лицо и протрем каким-нибудь кремом. Прекрати плакать, солнышко, глазки завтра будут красные, а тебе в школу идти.

Зося яростно терла лицо намыленной губкой, плакала и шептала:

— Мне кажется, что он в меня ядом плюнул. За что он меня так ненавидит?

— Зосенька, у него просто характер такой несчастный — он всех не любит. Пройдет время и все забудется. Успокойся, доченька.

Но Зося долго еще всхлипывала и смахивала слезинки. Оскорбление было невыносимо тяжким.

Василина тогда пробовала решительно высказать мужу все, что она о нем думает.

Но разговора не получилось.

Олег ходил из комнаты в комнату, как будто что-то потерял, а вот теперь пытался найти. Василина следовала за ним и говорила, говорила, но ее слова отскакивали от него и ссыпались на пол. Он, похоже, ничего не слышал, а вернее не хотел слышать.

— Олег, что ты мотаешься, как маятник в ходиках? Давай поговорим. Наша семья на грани развала. Я не могу и дальше прощать твои выходки и приму кардинальные меры.

— Да принимай ты любые меры, только отстань от меня.

Олег захлопнул дверь их общей спальни, в скважине замка повернулся ключ. Разговор был закончен.

Василина зашла в комнату к дочери: — Как ты, детка, успокоилась? Прости его, не носи обиду в сердце. Обида разрушает человека, изъедает, как ржавчина ест металл.

— Мама, ну как же можно забыть такое? Он ведь даже не извинился.

— Зачем тебе его извинения? Ты просто прости, а он пусть живет со своей злостью наедине. Ну, что договорились?

— Да, мамочка, я постараюсь все забыть. Только ты, пожалуйста, накрывай ему на стол отдельно. Я больше не смогу сидеть с ним за одним столом.

— Вот это, Зосенька, я обязательно исполню. Ты будешь кушать одна или только со мной. Ну, а сейчас спать. Я, с твоего разрешения, сегодня буду спать на твоём диванчике.

— Я только рада, что ты будешь ночью рядом со мной. А может, ты совсем перейдешь в мою комнату — я буду спать на диванчике, а ты на моей кровати?

— Наверное, наверное. Но это будет завтра, а сегодня я занимаю твой диванчик.

На следующий день Василина действительно перенесла свои домашние вещи — тапочки, халатики и ночнушки в комнату к Зосе.

Какое счастливое время наступило для Зоси — вечером они укладывались в свои постели и обсуждали все события уходящего дня. А событий было много: тема сочинения, разговор с подружкой, судьба маленького котенка, который поселился в подъезде. А тут и мальчишки стали свою дружбу предлагать — вместе сходить в библиотеку, а то и в кино. Раньше Василине не хватало времени помочь дочери правильно расставить все фигурки на шахматной доске ее девчоночьей жизни — работа, домашние и дачные хлопоты, семейная круговерть. А сейчас, выкроенный перед сном час-полтора, помогал обоим обрести уверенность в завтрашнем дне и забыть проблемы текущего.

Но главная проблема их семьи никуда не исчезла, а продолжала нарастать. Олег готовился к разделу имущества: снял в аренду гараж и начал потихоньку выносить и вывозить из квартиры вещи. Он решил примерно наказать жену — сначала тайно вынести из квартиры все имущество, а потом разделить судом квартиру. Олег понимал, что заработанных им денег едва ли хватало на ту сытую жизнь, что все эти годы обеспечивала ему Василина. Но желание сломать, уничтожить отвернувшуюся от него женщину окончательно разрушило его человеческое достоинство. В его планы не входил бесповоротный разрыв с женой — он только хотел унижить ее, заставить ползать перед ним на коленях, просить прощения, умолять вернуться назад. И он вернется, но она забудет, что у нее есть девчонка. Он заставит Василину сдать Зойку в детский дом или отвезти в деревню к непутевой мамаше. Правильно, лучше всего в деревню, пусть тоже коров доит, это их родовая профессия.

Василина стала терять на своей кухне кастрюльки и сковородки, в шкафу простыни и пододеяльники. Она не задумывалась, куда исчезло постельное белье: вздыхала и сетовала на свою рассеянность — опять растеряла в прачечной.

Прозрение пришло, когда из двери в ванную комнату исчезла недавно установленная ручка — защелка. Пришлось с вопросами обратиться к Олегу:

— Олег, ты не знаешь, кто вынул ручку из двери?

— Не знаю, — ответил Олег и отвел глаза в сторону.

Василина оторопела. Тогда кто же хозяйничает в квартире в их отсутствие?

Может в квартире побывали воры? Она кинулась проверять содержимое шкафов и антресолей. Потихонечку, тайком от мужа она собирала приданое для своей любимой Зосеньки — несколько наборов посуды, комплекты белья, золотые и серебряные безделушки. Там же был спрятан небольшой запас наличных денег и сберегательная книжка.

Все исчезло. Даже, странное дело, пропали крышки для домашнего консервирования и пустые банки с навинчивающимися крышками. Василина решила проверить свои дачные

запасы овощей, которые хранились в небольшой подвальной кладовке. Там тоже было пусто. Дверь в кладовку не взломана, замок был закрыт на ключ.

Василина позвонила в дверь соседней квартиры, там жили старички, пенсионеры. Они тоже делают запасы овощей на зиму и пользуются общим подвалом. Бдительные пенсионеры обязательно что-нибудь заметили.

— Татьяна Ивановна, — спросила она открывшую дверь соседку, — у меня из квартиры пропали вещи, а из подвала консервация и овощи. Вы ничего подозрительного не заметили? Вероятно, все было вывезено на машине.

— Да, Линочка, видели. Твой муж, Олег, уже несколько недель выносит вещи из квартиры. Он же и овощи вывез на машине. Мы не стали вмешиваться — думали, вы поссорились, вот и делитесь. А, как известно, муж и жена — одна сатана. Как поссорились, так и помиритесь. Прости, Лина, мы обязательно тебе бы сказали, но думали, что, Олег, забирает свои вещи с твоего согласия.

— Спасибо, что хоть сейчас правду сказали.

Василина на ватных ногах возвратилась в свою квартиру. Олег сидел на кухне и ел приготовленный Василиной для Зоси ужин.

«Вот, урод, — подумала Василина, — денег в семью уже несколько лет вообще никаких не дает, в конечном итоге обокрал нас с Зосей, и сидит, ест чужую пищу, как святой младенец».

— Олег, ты решил уйти от меня?

— Да, я уйду. А ты оставайся со своим приемышем.

— Хорошо, уходи, а зачем имущество ворует? Ты ведь прекрасно знаешь, что все покупалось за мои деньги, для Зоси.

— Вот этого я не знаю. Все покупалось в браке, значит, имею право забрать свою долю. Все, что осталось и квартиру разделим судом. Не вздумай что-нибудь спрятать или продать — я опишу мебели и техники сделал и подписал в жэке.

Олег забрал уже упакованный чемодан и направился к двери:

— Ты, если захочешь меня вернуть, то Зойку отвези в деревню, своей сестричке-алкоголичке. Подумай, и вспомни, как хорошо мы жили, пока ты девчонку не привезла.

— Ничего хорошего в прошлом я не вижу, и возвращаться туда, даже мысленно, не хочу — мне надо думать о будущем. У меня дочь подрастает. И потому я приложу все усилия, чтобы ты сюда больше никогда не вернулся.

Когда Зося пришла из школы, Василина лежала на диване.

— Ты, что, мамочка, приболела? Опять давление подскочило? Давай таблеточку принесу.

— Спасибо, дочка, ничего не надо. Таблетку я уже выпила. Вот полежу, и все пройдет.

— А где дядя Олег? Это он тебя обидел?

— Дядя Олег ушел. И даст Бог навсегда.

— Так мы теперь с тобой вдвоем остались?

— Да, ребенок, вдвоем. Дядя Олег нам всегда чужим был и я, думаю, для тебя его уход небольшая потеря?

— Я даже рада, что он ушел. А тебе я во всем буду помогать, ты только скажи, что нужно сделать, и я мигом.

— Ты, Зосенька, учись — это твоя главная мне помощь. А в остальном, я сама справлюсь. Дядя Олег мне никогда помощником и другом не был. Простой альфонс.

— А кто такой альфонс?

— Подрастешь, дочка, и сама разберешься, кто такой альфонс. Лучше всего, чтобы такой человек никогда не встретился на твоём жизненном пути.

Василина не жалела украденные Олегом вещи — было бы здоровье, и вещи появятся новые и красивее прежних. А квартиру она муженьку разделить не даст. Здесь Зося будет жить. Замуж выйдет, детей нарожает, квартира хоть и не большая, но места всем хватит.

Василина постепенно успокоилась и начала привыкать к своей новой, благополучной жизни, без оскорблений и постоянного брюзжания.

Приближался любимый праздник — новый год, а там и Зосин день рождения не за горами. Василина уже пару раз ходила в магазин и присматривала для дочери подарки. Девочка быстро выросла, и в этом году Василина хотела подарить ей маленькие ручные часики в золотом корпусе. Пусть будет подарок на всю жизнь.

Часики она в своём магазине не нашла, но завмаг пообещала заказать их через оптовую базу и обязательно к новому году. Оставалось только подождать.

Когда вечером в её квартире раздался телефонный звонок, Василина решила, что звонят из магазина, и не позволила Зосе подойти к телефону. Но звонила участковый врач из районной поликлиники:

— Василина Дмитриевна, извините, что звоню домой. Вы не смогли бы немедленно прийти в поликлинику.

— А что случилось?

— Я Вам в поликлинике все объясню. У меня прием до 19 часов.

— Хорошо, сейчас приду.

Василина оделась и пошла в поликлинику. В душе суетился какой-то жуткий страх и предчувствие беды — у Зоси в школе недавно работала бригада детских врачей, могли что-нибудь обнаружить у девочки!

«Не дай Бог, — пробовала отмахнуться от дурных мыслей Василина, — из Горевской больницы Зося выписали совершенно здоровой, никогда не было патологии у Анюты и Юли. Это я знаю точно. А чего я не знаю? Не знаю, кто отец Зоси. Это он по наследству мог передать Зосе какую-нибудь страшную болезнь!»

В поликлинику Василина уже не вошла, а вбежала.

Кабинет участкового терапевта находился на втором этаже. Василина прошла один лестничный пролет и вдруг схватилась за перила — голова закружилась, перед глазами поплыл туман.

— «Вот паникерша, — ругала себя Василина, — еще ничего не знаю, а уже готова сознание потерять. Спокойнее, через пять минут станет все понятно».

— Здравствуйте, Наталья Петровна, — Василина заглянула в приоткрытую дверь кабинета участкового терапевта, — пришла по Вашему вызову. К Вам можно зайти?

— Входите, Василина Дмитриевна. Вас я ожидала, поэтому пораньше закончила прием больных. Присаживайтесь на стул. Нам нужно кое-что обсудить.

— Речь пойдет о здоровье моей дочери?

— Что Вы, Василина Дмитриевна, о здоровье Вашей дочери я ничего не знаю. А что есть какие-то проблемы?

— Уже нет, это я себе дорогой нафантазировала. Слушаю Вас, — улыбнулась Василина. Теперь она была готова трезво воспринимать любую информацию.

— К нам в поликлинику обратился Ваш муж. У него обнаружено венерическое

заболевание. Поэтому наш гинеколог забеспокоилась и попросила пригласить на обследование Вас.

— Да, дела! А когда он заболел?

— Обратился к нам он сегодня, а заразился, видимо, 5–6 дней назад. Говорит, что был в бане. Но явно, правду скрывает.

— Мой муж месяц назад ушел из семьи. А интимные отношения мы с ним прекратили уже давно. Так, что у меня должно быть все в порядке.

— Очень хорошо, но Вы редко посещаете гинеколога. Врач просила ей показаться. Ну, хотя бы для записи в карточку.

Гинеколог осматривала Василину долго и тщательно. Потом попросила акушерку сходить еще за одним врачом. Снова долгий осмотр, но уже вдвоем. Пока Василина одевалась, врачи потихонечку что-то обсуждали.

— Ну что, готовы выслушать меня, Василина Дмитриевна?

— Да, — Василина уселась на стул напротив врача.

— При внешнем осмотре мы не установили никаких признаков венерического заболевания. У Вас взяли анализы на лабораторные исследования, но я почти уверена, что ничего из венерологии выявлено не будет.

— Я тоже так считаю.

— Но, Василина Дмитриевна, вам немедленно необходимо пройти полное обследование по моему направлению. Сначала сдадите анализы, затем я вам выдам соответствующие назначения.

— Скоро новый год, и хотелось бы без суеты к нему подготовиться. Нельзя обследоваться после праздников?

— Это откладывать нельзя. Дело в том, что у вас обнаружена большая опухоль. Что это за опухоль — доброкачественная или злокачественная, установить можно только развернутым обследованием. И уже только потом начать лечение. В данной ситуации промедление смерти подобно.

— Хорошо. Срочно, значит, выполним срочно, — согласилась Василина.

Она забрала несколько заполненных ручкой маленьких бумажек и пошла домой.

«Рак? У меня не может быть рак, — думала Василина, — во-первых, у нас в роду женщины от рака не умирали. Во-вторых, должна же в природе существовать какая-то справедливость — ведь если я умру, то Зося снова останется совершенно одна. Ну, а в-третьих, я пока не готова умирать, мне со страшной силой хочется увидеть мою девочку взрослой и понянчить внуков».

Но анализы подтвердили у Василины прогрессирующую злокачественную опухоль, тот самый рак. Лечь в больницу для проведения более тщательного обследования она не захотела. А назначать операцию по удалению опухоли врачи не торопились, так, как у Василины был выявлен еще и сахарный диабет.

Василина понимала, что раковая опухоль стремительно разрастается и операция может привести к обратному результату — сократить ее жизнь, и поэтому не хотела терять драгоценное время на тягостное лежание в больницах и очереди в поликлинике. Отпущенное ей время жизни она хотела потратить с пользой — подготовить Зосю к самостоятельной жизни. Это была ее жизнь и ее право правильно ей распорядиться.

— Зося, может случиться так, что заботиться о тебе будет некому. Ты должна научиться заботиться о себе сама.

— Я и сейчас умею о себе заботиться. Когда ты уезжаешь в командировку в колхозы и совхозы, я сама готовлю себе завтраки, и в холодильнике всегда что-нибудь припасено к твоему приезду. Ты разве недовольно мной, мама?

— Не о том я, дочка. Дело в том, что я тяжело заболела. В жизни всякое бывает, и ты можешь остаться без меня. Конечно, ты уже взрослая девочка, умеешь купить продукты и что-то приготовить из них. Но, Зосенька, чтобы купить продукты, необходимо иметь деньги. А без меня, денег у тебя просто не будет.

— Ну, что ты, мамочка, мы тебя вылечим. Я больше тебе не позволю выполнять домашнюю работу. Я успею все сделать сама — и в магазин сходить, и в квартире прибраться, и уроки подготовить. А ты отдыхай. И на работу ты не ходи — раз ты больна, тебе ведь положен больничный, вот и отдохни.

— Нет, я пока буду работать. А домашнее хозяйство тебе действительно нужно взять на себя. Только не забывай про учебу и собственный отдых.

— Я справлюсь, мама. Ты не беспокойся, и учебу не запущу.

— Хорошо, ребенок. Я еще одну проблему хотела с тобой обсудить. Мы с тобой раньше планировали, что ты окончишь десять классов, и будешь поступать в институт. Я хочу предложить другой вариант твоего образования — ты сейчас учишься в восьмом классе. Кстати, если помнишь — это ты решительно заявила, что в школу ты идешь в шесть лет. Сейчас я понимаю, как ты была права, а тогда все тебя отговаривала, и приводила смешные доводы — ты девочка, тебе некуда спешить, в армию только мальчиков призывают. Оказывается, дети тоже иногда принимают очень правильные решения.

— Просто очень хотелось уйти из садика. И мне к первому сентября исполнялось шесть с половиной лет. А это уже почти семь.

— Да, я все помню, но я о другом. Ты оканчиваешь восемь классов и можешь поступить в техникум. В областном центре есть техникум по подготовке банковских работников. Специализация тебе вполне подходит — экономика и бухучет. Ты хотела получить образование экономиста?

— Да, это то, что я хочу. Но у нас в классе девочки узнавали — оказывается, чтобы туда поступить учиться, мало хорошо сдать вступительные экзамены, но еще нужно иметь направление на учебу от банка. А где мы его возьмем?

— Ребенок, я тоже уже проконсультировалась у знающих людей. Давай мы с тобой, нашу программу разделим на две части — я позабочусь о направлении на учебу, а ты хорошо сдаешь вступительные экзамены. Зосенька, я подчеркиваю, именно сдашь экзамены на отлично. Это очень важно. Сможешь?

— Ну, в общем-то, я всегда экзамены стараюсь сдать на отлично. Но отметка «хорошо» тоже не самая плохая.

— Нет, Зося, ты способный и организованный человек и отныне должна учиться только на отлично. Ты поступаешь в техникум с отличными оценками и тебе сразу обеспечена стипендия, место в студенческом общежитии и материальная помощь от выдавшего направление на учебу банка. После получения среднего специального образования, ты сможешь сразу поступить в институт. Я думаю, банк не станет возражать — всем нужны в штате профессионалы.

— Я согласна, мама.

— Но условия прежние — учеба только на «отлично». Это тебе задание от меня на ближайшую перспективу. Согласна? Осилишь?

— Я буду очень стараться, только ты поправляйся.

Глава 3

А жизнь продолжалась... у каждого своя.

Для Зоси это была чередой длинных, скучных дней с повседневной работой по дому и учебой в школе. Зося научилась в магазинах и на рынке прицениваться, присматриваться к качеству и внешнему виду продуктов, избегать продавцов, которые обманывали и обвешивали при любом удобном случае. К удивлению Василины, Зося готовила для них обеих вкусные обеды и завтраки и, при этом, расходы на питание значительно сократились.

Зося не просто готовила исходя из наличия продуктов в холодильнике, а каждый день составляла меню. Она выяснила у Василины, какая диета ей подходит, и строго подбирала необходимые продукты в магазинах. На кухне появились книги по кулинарии с закладками на завтрашний день. Педантичная Зося строго исполняла рекомендации врачей по питанию больной Василины. В первый месяц сэкономленные деньги Василина хотела передать Зосе в качестве бонуса за экономию, но Зося запротестовала — ей не нужна награда за то, что она должна выполнять по долгу дочери перед своей любимой мамой.

В своей комнате Зося повесила большой настенный календарь и отметила красным квадратом летний день следующего года, день, когда она поедет в Горевск и начнет сдавать экзамены в техникум. Зося втайне надеялась, что ее успехи окажут положительное влияние на здоровье Василины, и она снова станет жизнерадостной и веселой. Конечно, она сдаст все экзамены на пятерки, а как же иначе — она обещала мамочке. И нет у нее никаких сомнений в своем успехе. Только вот как оставить мамочку без ее заботы? Внешне Василина почти не изменилась — причесана и одета как всегда элегантно, ногти в порядке и духи те же. Но Зося всем своим существом чувствовала, что мамочка как-то отдаляется от нее, прячется за какую-то невидимую стену. Долго о чем-то думает и временами не замечает, что Зося давно стоит возле ее кровати. Василина продолжала работать, но дома силы ее оставляли и большую часть времени она проводила в постели. С врачами общалась неохотно и лекарства принимала только по настоятельному требованию дочери.

— «Ладно, — вздыхала Зося, — потом что-нибудь придумаю. Ведь не завтра же мне уезжать. Может мамочка к лету поправится — все-таки осень и зима здоровья не добавляют. А если мне отложить поступление в техникум и остаться дома? Но мамочка не позволит, она мне верит. А может мне соседку, Татьяну Ивановну, попросить маме помощь оказывать по дому, когда меня не будет? Ведь, если я поступлю в техникум, мне придется надолго уехать в другой город. Правда, на каникулы всегда можно возвратиться домой. Как мамочка говорила, когда я с вечера не успевала уроки приготовить? «Утро вечера мудренее, иди спать, а с утра все решится». Так я и поступлю — придет время уезжать, тогда все и решу».

Для Василины наоборот дни пролетали с невероятной скоростью, приближая ее к последнему дню жизни. Боялась она его, этого последнего дня? И да, и нет. Боялась она своего последнего дня по простой причине, что он наступит очень быстро, и она не успеет удостовериться, что Зося хоть как-то в этой жизни устроена. Не боялась потому, что была оптимисткой по жизни и давно поняла, что в этой жизни ничего постоянного и вечного нет. Все приходит и уходит.

Так же и жизнь заканчивается у всех одинаково, просто срок у каждого свой. Срок жизни Василины был до обиды коротким — не успеет она часть своих земных дел завершить. Вот и дочь на полдороге оставляет, а ей она еще долго будет нужна. Но дочь —

это глобальная проблема, а есть еще текущие дела, на завершение которых нужны просто жизненные силы.

К первоочередной задаче Василина относил завершение бракоразводного процесса с Олегом. Как же смогла она столько лет служить этому ничтожному человеку? Она была твердо уверена в том, что и рак, и сахарный диабет — это болезни, которые развились и стали прогрессировать в ее организме в результате постоянных стрессов, унижений и оскорблений от «богом» данного мужа. Она жила с чувством непроходящего страха, ожидания грядущих неприятностей и прилюдных унижений. И вот, результат — тяжелые, неизлечимые болезни, которые были ей посланы за рабскую жизнь во благо злобного, первобытного существа. Давно нужно было уйти от этого, паразитирующего на ее авторитете и социальном положении, человека, которого и мужиком-то назвать было невозможно.

Василина раньше чувствовала, а сейчас была убеждена, что Олег ей постоянно изменял с другими женщинами. Страсть к женщинам у него была какая-то животная — все, что шевелится, лишь бы не отказала. Жизнь с такой успешной женщиной, как Василина, как-то украшала его, придавала значимость и загадочность, и многие, даже очень интересные женщины на это покупались. Но две-три встречи, видимо, сразу расставляли все по своим местам. Жадность и скупость этого человека была безграничной — за всю свою жизнь он ни одной женщине не подарил цветы. А неумение общения с близкими людьми? Вот уж истинную правду гласит пословица — бей своих, чтобы чужие боялись.

Олег мог часами вести светские беседы с посторонними людьми и совершенно не умел общаться с женой и приемной дочерью. Или не хотел?

В обществе друзей Василина была вынуждена молчать, так, как Олег постоянно ее перебивал, пренебрежительно оттопырив губу — мол, все пустое, что может сказать эта глупая женщина?

Первые годы совместной жизни Василина пробовала ему что-то доказывать, рассказывать, объяснять, что близкие люди должны беречь друг друга, если они хотят встретить старость вместе.

Олег, в лучшем случае, просто выходил в другую комнату или увлеченно рассматривал газету. Постепенно Василина научилась рядом с ним молчать, вот только сердце бешено колотилось, а руки становились холодными и влажными.

Василина терпела его рядом двадцать пять лет своей жизни, загубленной жизни. Она должна была иметь безупречную репутацию, иначе могла потерять престижную работу, которой очень дорожила. Распад семейной ячейки рассматривался партийными органами, как аморальное явление в жизни советского человека. Но распад ее семьи фактически совершился много лет назад. И вот только сейчас, на пороге своей смерти, Василина твердо решила очиститься от Олега, как от какой-то скверны и уйти в другой мир свободной и независимой.

И дело было не в имуществе и квартире — оставила бы она ему все, да вот как же Зося оставить без кола и двора. Просто необходимо собрать все свои оставшиеся силы и освободить от «прилипалы» себя, а заодно и Зосяно жизненное пространство!

Василина собрала нужные документы и подала иск в суд на развод и принудительное выселение Олега из квартиры. Теперь нужно только подождать. Суд скоро состоится и она обязательно его дождется.

А тем временем наступал новый год. Зося, купила возле магазина и принесла домой маленькую, замерзшую елочку. Квартира наполнилась праздничными запахами — сначала

чудно пахло свежестью и хвоей, потом из кухни понеслись ароматы ванили и корицы. Зоя сооружала торт, пекла булочки и печенюшки. Конечно, Василине все это было противопоказано, но к ней в гости на новый год собирались заглянуть подруги. В кои-то века, вот Зоя и старалась. И когда ребенок постиг тайны кондитерских шедевров?

Сама Василина была искусной хозяйкой — приготовить вкусную еду, сшить обнову для себя или дочери, связать кофточку или шарфик, квартиру принарядить — все у нее получалось быстро и красиво. Но, вот Зою старалась не перегружать и никогда особенно не настаивала, чтобы девочка научилась прилично готовить — в крайнем случае, можно перекусить в кафе или купить полуфабрикаты, с ними быстрее и проще.

Зою в жизни Василина видела экономистом, ну или бухгалтером. Зоя обладала удивительной способностью быстро все просчитывать в уме. И пользу или выгоду какого-либо приобретения Зоя всегда излагала не просто словами, а цифрами. Вот уж арифмометр.

И сейчас, прежде чем составить меню для Василины на следующий день, Зоя, закусив карандаш, всегда просчитает калории и углеводы в каждом блюде. А иначе нельзя, врач сказала, что коль Василина не хочет принимать лекарства, то лечить ее нужно строгой диетой.

— Мама, а тебе я испекла булочки из гречневой муки. Тебе очень полезна гречка. И углеводов никаких.

— Спасибо, ребенок. Все, что ты приготовишь — мне полезно.

— Нет, мама, я тут приготовила кое-что для твоих подруг. Вот торт, например, ты, пожалуйста, не ешь. И картошка тушенная тебе не нужна. Я для тебя отдельно приготовлю рыбку отварную под соусом. Только ты ничего не перепутай, я же не смогу при твоих друзьях напоминать о диете. Ты слышишь меня?

— Да, ребенок, спасибо, я все запомнила. А ты подойди ко мне, у меня для тебя подарок приготовлен.

Василина протянула дочери бархатную коробочку. Зоя открыла и увидела маленький золотой кулончик на длинной цепочке.

— Мама, как красиво. Это можно на шею носить?

— Не просто можно, но и нужно. Это золотые часики, они оформлены, как кулон, а с обратной стороны есть медальончик. Ты, прости меня, но я уже вставила туда свою фотку. Так мне мое сердце подсказало. Но, если ты захочешь, то можешь фото заменить.

— Нет, ничего я менять не буду. Здесь может находиться только твое фото.

— Не зарекайся, дочка. В жизни всякое случается — может, встретишь человека, полюбишь и захочешь его фото иметь при себе. Ты меняй — я не обижусь. Просто у тебя сейчас наступают в жизни не самые лучшие времена, и я хотела бы быть всегда рядом с тобой.

— Мама, как я тебе благодарна, даже не за часики, а за тайный медальончик с твоей фотографией. Спасибо огромное. Я с этими часиками никогда расставаться не буду.

После нового года Василина позвонила управляющему районного отделения банка, где обслуживался счет райисполкома и сельхозуправления:

— Здравствуйте, Василий Петрович, узнали меня?

— Конечно, Василина Дмитриевна, как Вас не узнать?

— Василий Петрович, я не буду Вас отвлекать новогодними поздравлениями. Вы сейчас, скорее всего, перегружены работой — банковский годовой баланс, как мне известно, самый емкий среди отчетов остальных предприятий. Поэтому приступлю сразу к делу.

Пробьба у меня к Вам большая. Моя дочь в этом году оканчивает восьмой класс, и мы с ней приняли решения, что она будет поступать в Горевский банковский техникум. Но туда нужно направление банка. А без направления даже документы рассматривать не будут.

— Василина Дмитриевна, а как она учится в школе?

— Зосенька отличница.

— Это очень хорошо. Отделение не имеет право выдавать направление на учебу, нам для этого не выделяются средства. Головной филиал наш в Горевске, там же и техникум расположен. Филиал постоянно обучает молодежь. Я на следующей неделе еду с предварительным отчетом в филиал и, думаю, смогу получить для вашей дочери направление на учебу. А пока Вы или дочь поднесите мне некоторые документики.

— Спасибо, Василий Петрович.

— Да, пока не за что.

Василий Петрович положил трубку и подумал: «Какая потрясающая женщина, сама смертельно больна, а продолжает заботиться о дочери. Да к тому, же еще и приемной».

Да, районный центр Ивановск небольшой городок, все знают друг друга. И слухи здесь расползаются со скоростью ветра — не успеешь в одном конце городка чихнуть, как во втором — уже здравия желают. Так и о болезни Василины все давно знали. Клятва Гиппократата писалась не для местных врачей.

О том, что его жена смертельно больна, узнал и Олег. Побежал морально поддержать Василину или помощь оказать? Вовсе нет. Ему вчера принесли повестку с предложением явиться в суд для развода и раздела имущества.

А зачем ему раздел и последующий развод? Ситуация сейчас складывается в его пользу. Он не будет разводиться — Василина долго не проживет, и делить ничего не нужно. Зойку вообще можно во внимание не принимать — официально Василина ее не удочерила. Это просто замечательно, что в свое время он, Олег, не дал согласие на удочерение.

Какой он дальновидный и как удачно все сейчас сложилось! В первую очередь Олег решил встретиться с Василиной и убедить ее отказаться от судебных разбирательств. Конечно, он сможет ее убедить — раньше она всегда послушно исполняла его требования. Даже свою любимую Зойку не удочерила, потому, что муж не позволил.

Олег по-хозяйски, без стука, рывком открыл дверь райисполкомовского кабинета. Василина, как он и ожидал, находилась на рабочем месте.

«Наверное, за рабочим столом и умрет, — подумал Олег, — однако, она не похожа на умирающего человека, только похудела и бледная, как сама смерть».

— Привет, есть дело — слова вылетали резко и отрывисто, Олег явно демонстрировал свое недовольство, — ты зачем, блин, заявление в суд написала? Что сами не можем договориться? Имущество, видите ли, она будет делить!

— А когда с тобой можно было договориться?

— А ты попробуй меня попросить, может, я и домой бы вернулся.

— Вот это совсем необязательно. Делиться ты давно уже начал, только без моего участия, просто забирал все и выносил, когда нас дома не было.

— А ты докажи!

— И доказывать не буду, что упало — то пропало. Все остальное поделит суд. И развод судом оформим, и фамилию я по суду поменяю — снова стану Ромашовой!

— Что ты затеяла? Отдай все мне и не судись. Тебе ничего уже не нужно — ты скоро умрешь, остались считанные денечки. Даже до суда ты, скорее всего, не доживешь. Так, что,

давай, забирай заявление из суда.

Василина бессознательным движением прижалась к спинке стула — накатывала тошнота и слабость, тело стало покрываться холодной испариной.

Она боялась показать свою слабость перед этим ничтожеством, потянулась к стакану с водой и судорожно отпила глоток. Отпустило — вода ей всегда помогала собраться с силами.

Олег зорко за ней наблюдал: «Проняло, сейчас согласится. Я всегда умел ее убеждать!».

В это время в дверь кабинета тихонько постучали, а затем дверь приоткрылась, и в кабинет заглянул председатель райисполкома, Иван Сергеевич.

— Василина, ты, когда освободишься, то загляни ко мне, а лучше всего позвони мне по внутреннему телефону.

Василина кивнула.

— А ты, что здесь делаешь? — строго спросил Иван Сергеевич Олега.

— Здравствуйте, Иван Сергеевич! — подскочил со стула с протянутой рукой Олег, — Я вот Линочку пришел проведать. Может надо чего — с работы проводить или перекусить поднести горяченького, чайку там сладенького или картошечки.

— Понятно, — Иван Сергеевич не замечал протянутую руку Олега, — чаек-то Василина Дмитриевна предпочитает пить без сахара, а картошечкой и вовсе не балуется. А тебя, милейший, давайте-ка, я провожу до двери, и ты больше сюда без нужды не заходи. Все понял?

— Хорошо, Иван Сергеевич, хорошо, как скажите.

Олег быстро вышел из кабинета и аккуратненько прикрыл за собой дверь.

— Как ты, Лина?

— Спасибо, уже получше. Вы что-то спросить у меня хотели?

— Нет. Секретарь моя доложила, что к тебе твой благоверный явился. Вот я и заглянул, чтобы он тут чего не натворил. Зашел, а ты вся бледная и съезженная, я и догадался, что не иначе, как что-то требовать от тебя пришел. Ты уж, Линочка, извини, что грубоват я с ним был. Но ты, же знаешь, что никогда я его не уважал.

— Это вам спасибо, Иван Сергеевич, я бы так быстро его выпроводить из кабинета не смогла.

— Эх, Лина, Лина...

— Все хорошо, Ваня.

— У тебя все хорошо, а у меня — не очень. Паршиво на душе. Ты не перегружай себя излишней работой. Домой пораньше уходи, перерывы почаще делай. У тебя диван в кабинете стоит, дверь прикрой и приляг, отдохни. Коллектив в твоём отделе хороший, воспитанный — справятся. А про Олега забудь, сюда мы его больше не пустим. Я на вахте указание оставил.

— Спасибо, Ваня. И за указание спасибо. А еще я тебя, Иван, попросить хочу об одном одолжении. Ты выслушай меня, только не перебивай. Когда я умру, не хмурься, Иван, рано или поздно со всеми это случается. Так вот, когда я умру, то дай еще одно распоряжение, чтобы на моей могильной плите написали мою девичью фамилию. Ты помнишь — Ромашова я.

— Помню, Лина, я все помню. Только тебе рано думать об этом.

— Не рано, в самый раз. Исполнишь? А Олега я действительно видеть не хочу. Даже вот доверенность оформляю юристу, чтобы вместо меня принял участие во всех тяжбах с этим

человеком. Ни видеть его, ни слышать о нем больше ничего не желаю.

Но Олег сам о себе напомнил. Сходил в суд и написал слезное заявление с просьбой об отсрочке суда — и причины веские нашел: жена тяжело больна, но очень благородна — любит его и поэтому хочет избавить от стрессов и забот о ее здоровье, поэтому и разводится. Но он ее тоже любит и должен оставаться с ней и в радости, и в горе. И суд перенесли — на три месяца. Имеет право ответчик попросить отсрочку — может и помирятся!

Окрыленный первым успехом Олег решил и с работы Василину уволить. Останется без работы — быстрее уйдет на тот свет. Расчет был простой — он напишет анонимку в райком партии и намекнет об интимных отношениях Ивана Сергеевича и Василины. Поэтому дескать, и держит председатель райисполкома на работе больного человека, место которому — в больнице.

Анонимка в райком партии была написана и отправлена. Ивана Сергеевича в райком пригласил сам первый секретарь.

— Здравствуй, Иван. Проходи, присаживайся. Не догадываешься, зачем позвал?

— Давно не видел, вот и позвал.

— Не только. На тебя заявление поступило. Вот читай — забрал у секретаря, чтобы не зарегистрировала.

Иван Сергеевич прочитал и брезгливо откинул от себя исписанный корявыми строчками листок — почерк явно изменили, видимо, анонимщик с определенным стажем кляуз и оговоров.

— Ну, что скажешь? Жду твой комментарий.

— А, что тут скажешь? — вопросом ответил Иван Сергеевич.

— Ты хоть предполагаешь, чьи руки испоганили бумагу?

— Не только предполагаю, но твердо знаю, что анонимку состряпал Олег — бывший муж Василины. Она хочет с ним развестись и выселить из квартиры. Олег сам несколько месяцев назад ушел от нее и живет сейчас в общежитии с какой-то бабенкой. Сидят вдвоем и ожидают, когда Василина умрет, чтобы заселиться в ее квартиру на все готовое.

— А как же ее дочь?

— А, что дочь? По документам она ей не дочь. У девочки есть живая и здоровая мать, которая проживает в деревне. Василина так и не смогла удочерить свое любимое дитя. Ты ведь знаешь наши суровые законы — без согласия мужа органы опеки решение об удочерении принять не могут. А сейчас, чтобы как-то устроить дочку в жизни, Василина получила от нашего банкира направление в банковский техникум на обучение Зоси за счет средств банка. Девочка умная и трудолюбивая, думаю, что справится. Но вот выписаться Зосе из квартиры и прописаться по месту учебы придется. И если судом Олега не выпишут, то квартира останется за ним.

— Да, страшно подумать, как жестока, иногда бывает жизнь с порядочными и умными людьми. А проходимцы при этом процветают — у них все нормально. Скажи, а с Василиной у тебя действительно было продолжение ваших отношений?

— Про наши отношения с Василиной ты все знаешь. Молодые мы все тогда были и только начинали работать — ты инструктором в райкоме, я инспектором в райисполкоме, а Василина агрономом в колхозе. Мы даже с тобой в свое время соперниками были, но Василина выбрала меня. И все бы было хорошо, но тут появилась Зина. Потом только узнал, что девчонка приехала по вызову своей тетки, у которой я квартировал. Намерения у них были простые и четкие. Женить меня — перспективный жених может уплыть на сторону.

Начали слухи, сплетни раздувать по Ивановску, что, клялся я в вечной любви, на коленях просил руки и скоро, счастливый, женюсь на Зине. Слухи дошли до Василины. Не стала она меня слушать — побежала, от будущего ребенка избавилась и замуж выскочила за первого, кто ей предложение сделал. Это и был Олег. Василина его в колхозе подобрала, где агрономом работала. Ей тогда, по-моему, было абсолютно неважно за кого замуж выходить. И только потом, когда он стал поближе — она его рассмотрела, но человек Василина твердый и последовательный — после смерти своей жены я, грешен, уговаривал ее уйти от Олега ко мне. Но получил отказ — не простила, я ведь тогда все-таки женился на Зине. А может, боялась людской молвой запачкаться? Внешне у них с Олегом была образцовая семья — ни скандалов, ни драк, все тихо и мирно.

— Жаль, Ваня, жаль. Если бы я тогда правду знал, то Василина сейчас моей женой могла быть. Ну, ладно, чего старые раны бередить.

— К сожалению, все, что ушло вернуть невозможно. Может и я, если бы смог назад в прошлое вернуться, то многих бы ошибок избежал.

— А сейчас, что же Василина действительно так плохо себя чувствует, что не справляется с работой?

— На самом деле она больна, но по внешнему виду не скажешь, что ей очень плохо. Она всегда умела контролировать свои эмоции. И с болью справляется. А если быть совершенно объективным, то, конечно, Василина сейчас немного отстает от нашего рабочего ритма. Задор, что ли угас? Как-то меньше делами стала заниматься. Я думаю, что главная у нее забота сейчас — это дочь устроить, чтобы смогла дальше самостоятельно жить. Вот Василина рогом и уперлась в жизнь, не сдается болезни, а здесь ей и родные стены помогают. Она в райисполкоме уже почти двадцать лет работает, а последние десять — начальником сельхозуправления и моим замом. И всегда Василина Дмитриевна была безупречна в работе, ни замечаний от области, ни нареканий от всякого рода проверок. А теперь скажи: могу я ее в принудительном порядке отправить на больничный или пенсию по инвалидности?

— Нет! Конечно, нет! Ты правильное решение принял, Иван. Но давай вернемся к нашему анонимщику. С этим человеком тоже надо как-то разобраться — ему дай волю, то он всех дерьмом зальет. Где он работает?

— В нашей районной строительной организации — снабженцем. Там тоже от него страдают, но терпят из-за Василины. Он начальника управления уже несколько лет терроризирует анонимками. Пишет в трест о хищениях, недостачах, браке в работе. Трест вынужден направлять проверки, но ничего не подтверждается.

— Ну и славненько. Пусть больше не терпят. Мужичонка попробует самостоятельно устроиться на работу в нашем родном городке, где слухами не только земля, но воздух полнится, так и анонимки прекратит писать — сил не хватит. До пенсии будет улицы подметать и чистить мусорные баки — глядишь, и в доносах надобность отпадет. Разве, что на дворовых котов и собак, они сдачи не дадут.

И секретарь райкома взял в руки телефонную трубку.

Через два дня Олег был уволен с работы по сокращению штатов. Призадумался — а что бы это значило? И притих, хотя хотел еще одну анонимку на Ивана Сергеевича отправить в обком партии, чтобы уж наверняка. Но видимо понял, что получил оплеуху, а заступиться за него некому. Но на суд решил он, что все равно не пойдет, вот здесь его никто не заставит. Потянет время, пока умрет Василина. И помогут ему медики — радикулит, то, да се,

больничный ему не нужен, а справочку о том, что болен, он всегда выбьет. Такие циничные планы строил Олег. И все из-за квартиры. Правда, не совсем обычной, а ухоженной, добротной и расположенной в самом центре городка.

А маленький городок Ивановск начала прихорашивать ранняя в этом году весна — розовыми почками на яблоньках и грушах и зеленоватой дымкой вокруг уличных посадок.

В былые времена в это время у Василины на подоконниках, на зависть соседям, уже на помидорной рассаде зелененькие виноградины помидорок висели. Василина, агроном по образованию, была привязана к своему маленькому загородному клочку земли, заботливо обихаживала его и каждый год засаживала все новыми сортами овощей и цветов. И где только находила столько невиданных в здешних краях огородных новинок? То у нее, упакованный в сетку, арбуз огромный вырастет, то дынька ароматная в аккуратном ящичке — тепличке. Соседи по даче частенько заходили к ней — на цветы полюбоваться или отросточек попросить. А-то и совет огородный нужен — то мучнистая роса на цвет любимый напала, то фитофтора овощи одолела. А кто еще поможет, как не Василина?

А этой весной на подоконниках Василининой квартиры рассады не было — Зося все ящики для рассады еще зимой с балкона убрала. К мусорному ящику отнесла, с глаз Василининых подальше. Василина и не возражала. Пропал интерес к дачному участку, даже цветы свои любимые она вспоминала все реже и реже. Звонил сосед по даче, предлагал свою помощь — землю под грядки перекопать или удобрения разбросать.

— Нет, спасибо, не нужно, — ответила Василина, — не буду я в этом году ничего сажать.

— Так травой все зарастет, многолетники погибнут.

— А вы выкопайте и пересадите на свой участок все, что вам приглянулось.

— Что вы, Василина Дмитриевна, рука не поднимется. Мы же видели, сколько сил и труда вы в каждый кустик вложили. Мы в своем дачном коллективе обсудим, и с вашего разрешения, засеем ваш участок травкой какой-нибудь декоративной. А цветы будем присматривать — прополоть, подрезать или подкормить — все будет сделано. И домик ваш присмотрим. Вы приезжайте летом к себе на дачу, просто отдохнуть от городского шума. Хотите, я буду за вами заезжать каждую субботу, когда окончательно установится летняя погода, чтобы печку не топить.

— Да, наверное, я когда-нибудь соберусь навестить свои цветы. Я вам тогда позвоню. А пока спасибо за заботу.

Василина поспешила закончить разговор — она не любила, когда ее откровенно жалели. И поездок на дачу больше никогда не будет — подальше от сочувствующих, а иногда и просто любопытных, глаз.

Зося сдала школьные экзамены за восьмой класс без единой четверки. Банковское направление на учебу в техникум лежало на тумбочке возле ее кровати. Оставалось только получить документы из школы и можно ехать в загадочный город Горевск, с заявлением в приемную комиссию техникума.

Получить документы в школьной канцелярии сразу не получилось — ее пригласили на разговор к директору школы.

— Здравствуй, Ромашова. Поздравляю тебя с отличным окончанием восьми классов. Ты, признаться, гордость нашей школы. Мне очень жаль, что ты уходишь от нас. Я считал, что ты будущая медалистка, кстати, пока единственная в районе. Может, передумаешь и останешься в школе до окончания десяти классов?

— Нет, все уже решено. Я уезжаю в Горевск, и буду пробовать поступить в банковский техникум.

— Поступишь, я не сомневаюсь. Но, если, что-то тебя не устроит, то возвращайся — примем с удовольствием назад, в школу.

Зоя получила документы, и на следующий день, попутчиком, на райисполкомовской машине уехала в областной центр. Водитель город знал, и техникум отыскал без особых усилий:

— Ну, Зоя, ты иди и пиши свое заявление. А я освобожусь только к концу дня и заеду за тобой. Ожидай меня вон на той скамеечке, что возле техникума. Да смотри, никуда не уходи, а-то потеряешься. А я отчитывайся потом перед Василиной Дмитриевной.

Зоя вошла в старое, прекрасно отремонтированное, двухэтажное здание техникума по подготовке банковских специалистов, нашла дверь с броской табличкой «Приемная комиссия». В кабинете стояли несколько столов. За одним из них сидела женщина в строгом летнем костюме и с такой же строгой прической. За вторым столиком что-то писала девчонка Зосинового возраста, одетая в легкомысленный летний сарафанчик.

— Здравствуйте, я хочу сдать документы для поступления в техникум.

— Давай, посмотрим, что ты принесла, — протянула к ней руку строгая женщина, — на вот тебе бланчек, садись, заполни. А я пока посмотрю твои документы.

Зоя взяла бланк и прошла к свободному столику.

— Ну, как ты восьмилетку окончила? — женщина заглянула в Зосино свидетельство об окончании восьми классов, — О, какая птичка к нам залетела! Ты ведь отличница! А кто тебя направляет на учебу? Проминвестбанк — солидно, солидно. Ты откуда приехала?

— Из Ивановска, — ответила Зоя.

— А здесь у тебя есть какие-нибудь родственники?

— Нет.

— Тогда я сейчас выпишу тебе направление в наше студенческое общежитие на время сдачи вступительных экзаменов. Приезжай на денек пораньше, чтобы без суеты заселиться в общежитие. Здание общежития здесь рядышком с техникумом, через два дома. Найдешь?

— Конечно, найду.

— Ты подожди меня, — вступила в разговор девчонка, — я сейчас быстренько закончу писать заявление и тебе все покажу. Я живу в Горевске и город хорошо знаю.

В коридоре девочка протянула Зосе руку и сказала:

— Привет. Давай знакомиться. Меня зовут Люда. Для мамы и сестры я Мила. Но, ты учти, мне противна эта кликуха. Так коров в деревне зовут. Так, что ты лучше называй меня Людмилой — так красивее. Фамилия у меня тоже колхозная — Пименова. Я собираюсь фамилию поменять, когда буду получать паспорт. Мне мамина девичья фамилия больше подходит — Великанова. Заодно и имя поменяю на Елизавету. Буду Елизавета Великанова. Почти Елизавета Великая. Ты как считаешь, могут фамилия и имя внешность человека изменить? А-то посмотри на меня — ни рожи, ни кожи! Веснушчатый шарик с рыжими волосами. Какое имя, такой и вид.

— Ну, что ты говоришь? Ты очень даже симпатичная. И рыжие волосы подходят к твоим зеленым глазам. А похудеть ты, если захочешь, то всегда сможешь. Можно диету разумную подобрать. И фамилия у тебя красивая — корнями откуда-то из Сибири. Так мне кажется.

— Спасибо, успокоила. А тебя как зовут.

— Ах, да. Я Зоя Ромашова. Мамочка зовет меня Зосей.

— У тебя, правда честные пятерки в школе или тебе по благу их ставили? Может твои предки большие начальники?

— Нет, все честно. Моя мама заместитель председателя райисполкома, но она и в школе-то никогда не бывает. Я привыкла все делать сама, без ее помощи. У нее работа очень тяжелая, особенно когда посевная или уборочная в колхозах и совхозах, тогда она сутками домой не появляется. А представляешь, еще бы мои двойки и тройки? Я свою мамочку люблю и уважаю, а потому стараюсь ее не огорчать. Она справедливый и красивый человек.

— Вот бы мне такую маму! Может, и я бы хорошо училась, чтобы, как ты говоришь, маму не огорчать. Так, нет же, моя мама работает на химкомбинате в цеху, а папа недавно умер. Разбился осенью на своей обожаемой машине. Но он тоже был рабочим — работал водителем в таксопарке.

— Ты прости меня, Людмила, но я с тобой не согласна. Совершенно неважно кем, и как работают твои родители — главное они у тебя есть и любят тебя.

— Да, были оба, а теперь одна мама. Она-то и выпросила мне направление в банковский техникум. Химкомбинат помог. Кстати, у меня тоже направление от Проминвестбанка. Там химкомбинат обслуживается, вот маме и помогла бухгалтер комбинатовский. Они с мамой когда-то вместе в школе учились. Только не знаю, смогу ли я сдать экзамены. В моем свидетельстве об окончании восьми классов одни тройки выстроились в ряд. У меня даже документы эта крыса из приемной комиссии не хотела принимать — звонила в банк и выясняла, почему они мне направление выдали. Потом она на тебя отвлеклась и про меня забыла. Документы просто механически взяла, видимо, очень хотела, чтобы я тебя проводила и город показала. Вот как ты ей понравилась!

— Да ты просто сочинитель! А учиться надо не для кого-то, а для себя. Все элементарно просто — банк, видимо предъявляет высокие требования к своим специалистам. Видишь, даже кассиров обучают в специализированном техникуме, а что уж говорить про другие профессии. А тут вдруг взяли да и выдали направление на обучение в своем техникуме троечнице! Как ты считаешь, есть вопросы у приемной комиссии?

— Наверное, ты права. Сейчас уж поздно что-то изменить. Наверное, не поступлю.

— Подожди паниковать. Ты давай до экзаменов позанимайся по вопросникам самостоятельно. А сдавать экзамены мы с тобой в приемную комиссию будем заходить вместе, постараюсь тебе помочь.

Людмила показала Зосе здание студенческого общежития.

Они даже хотели пройти по коридорам притихшего на время каникул общежития, но в фойе их окликнула вахтер и сказала, что входить в здание нельзя, там сейчас работают строители — идет текущий ремонт комнат. Скоро начинаются вступительные экзамены, и общежитие заселят абитуриенты. Девчонкам общежитие понравилось — чистая светлая прохлада, заставленного цветами фойе перетекала в длинные коридоры с множеством дверей.

Потом они сходили на набережную широкой Горевской реки, побывали возле железнодорожного и автовокзала, посидели с мороженым на лавочке в скверике.

Только, когда на город начали опускаться сумерки, Зося спохватилась:

— Ну, все, меня водитель райисполкомовский, наверное, заждался! Побежали бегом к техникуму — будет мне сейчас взбучка.

Водитель давно метался между скамеечкой и зданием техникума, даже во двор заглянул

— но Зоси нигде не было. «Вот взял на свою голову попутчицу, — со злостью думал водитель, — придется ехать в милицию, писать заявление, что девчонка пропала. А что же будет с Василиной Дмитриевной, когда я в Ивановск приеду один?» И тут в конце улочки он увидел Зоську с какой-то девчонкой. Они подбежали к машине и скороговоркой, перебивая друг друга, стали просить извинить их опоздание. Из их причитаний он понял только одно — Зося город хотела посмотреть, вот они о времени и забыли. Успокоенный, тем, что девочка нашла, ему не надо ехать в милицию и оправдываться перед Василиной Дмитриевной, он пробурчал:

— Да, чего уж тут, ладно. Садись в машину — нам еще полсотки километров пилить. Мамка тебя, наверное, уже заждалась.

Зося села в машину, помахала на прощание Миле рукой.

Девочки понравились друг другу и договорились встретиться в Горевске перед началом вступительных экзаменов. Люда уныло поплелась домой — ее тоже ждала взбучка. Мама давно пришла с работы и сестра тоже дома. Они просили Люду, когда она выходила из дома:

— Мила, сходишь в техникум и бегом домой. Мы за тебя волноваться будем — примут ли в техникуме твои документы? Может все хлопоты были напрасными. Подруга предупредила, что банк тщательно отбирает для себя специалистов. А у тебя одни тройки. Милочка, договорились?

— Да, я сдам документы и сразу приду домой. Ну, а если их не примут, так, что за беда? Пойду учиться в ПТУ, а потом буду работать на комбинате, вместе с тобой и сестрой.

Люда тихонечко открыла дверь и вошла в квартиру. В прихожей тут же появилась мама, а из дверного проема высунула голову сестра: — Ну, что? — в один голос спросили они.

— Все нормально. Документы приняли, но это еще не значит, что я поступлю в этот долбаный техникум. Правда, я там сейчас познакомилась с классной девчонкой. Она отличница и обещала мне помочь на экзаменах — может подсказками, а может шпаргалкой.

— А ты хоть узнала, как ее зовут?

— Да. Имя у нее красивое — Зося, а фамилия — Ромашова.

— Я не ослышалась, — переспросила мама, — Зося Ромашова? Тесен мир... А возможно это вовсе не она.

— Кто не она? О чем ты, мама?

— Да, так, Милочка, ничего. Поживем — увидим.

Каждый новый день напоминал Василине, что может стать последним днем ее жизни.

Все чаще жуткая, невыносимая боль тисками охватывала все ее тело и бросала во мрак забытья. Но Василина, бледная и дрожащая, упорно возвращалась в жизнь. На ее ночном столике появились коробки таблеток и ампул с уколами, которые она научилась делать сама.

В райисполком она больше не ходила, большую часть времени лежала в кровати или сидела в маленьком креслице возле окна. Между приступами боли иногда звала в свою комнату Зосю и просила ее посидеть с ней. Василина давно собиралась рассказать Зосе о том, что она ей не родная мама, только вот не могла подобрать нужный момент. Сейчас этот момент, кажется, наступил. Может, сможет Зося простить Анюту и снова обретет любящую маму?

— Зосенька, мне нужно кое-что рассказать тебе о нашей с тобой жизни. Нет, о небольшом периоде твоей жизни, который ты, скорее всего, не помнишь.

Чем тщательнее Василина подбирала слова, тем больше в них запутывалась.

— О чем это я не помню? Ну, а если не помню, то, возможно, не стоит и вспоминать?

— Давай так — я буду рассказывать, а ты слушай и не перебивай меня. Хорошо?

— Как скажешь. Только, пожалуйста, не волнуйся.

— Как не волноваться, когда разговор очень серьезный, и я не знаю, как ты все это воспримешь.

— Мамочка, я все правильно пойму. Я же твоя дочь и очень похожа на тебя.

— Да, ты внешне немного похожа на меня — это правда. Мы с тобой очень близкие родственники по крови — я твоя двоюродная бабушка. Но твое сходство с моей племянницей Анютой просто поразительное. Анюта — твоя родная мама. В твоём возрасте она была такой же красавицей, как ты сейчас. Почему была? Нет, с ней, наверняка, ничего не случилось, просто, я ее не видела с тех пор, как забрала тебя из больницы. Возможно, сейчас она сильно изменилась — тяжелая работа в колхозе и безрадостная жизнь могли наложить отпечаток и на внешность.

— Мама, давай мы не будем это обсуждать — пусть она живет, как хочет. Я, кстати, давно знаю, что ты мне бабушка. Дядя Олег, когда тебя дома не было, звал меня не иначе, как «приемыш». Он-то мне и рассказал, что моя родная мама живет в деревне и работает дояркой на колхозной ферме. И очень настоятельно рекомендовал мне «убираться к мамашке и бабке-алкоголичке».

— Зосенька, а почему ты мне никогда об этом не рассказывала?

— Во-первых, не хотела дополнительно загружать тебя проблемами, а во-вторых, много ему чести, чтобы обращать на его болтовню внимание.

— Значит, ты давно знаешь, что я тебе не родная?

— Мама, что ты говоришь? Почему — не родная? Ты мне самая родная. И это неправда, что я только внешне немного похожа на тебя — я очень похожа на тебя. Я тобой всегда гордилась и стремилась быть на тебя похожей. Повторяла твою походку, манеру общения с людьми. Училась, как и ты владеть собой, не быть рабом собственных эмоций, улыбаться, когда невыносимо тяжело. Все это от тебя. Ты не замечаешь, что у меня тот же стиль одежды, пусть пока несовершенный, но в твоих любимых тонах? А ту, чужую женщину, которая меня родила и бросила, я не знаю. Возможно, она красавица и умница. Возможно! Но она для

меня чужой, незнакомый и неприятный человек. Я не имею права ее осуждать, но и оправдывать не собираюсь. У нее своя жизнь, у меня — наша с тобой.

— Остановись, дочка! Не суди ее так категорично. Она была чуть старше тебя, когда забеременела. Живут они с твоей бабушкой в деревне. Юлия Дмитриевна — твоя бабушка, а моя сестра, в свое время в колхозе была передовой дояркой, ее приняли в партию, неоднократно выбирали делегатом на различные конференции, а один раз даже на съезд партии. Слава о ее трудовых достижениях гремела на всю республику. И вдруг ее несовершеннолетняя дочь нагуляла ребенка, да еще, и рожать собралась! Представляешь, какой скандал мог разгореться, какие разбирательства ее ожидали? Анюта так и не сказали ни матери, ни мне, кто твой отец. Кто-то обманул девчонку и бросил. В то лето она работала в лагере для заключенных, вот там-то ее, скорее всего и соблазнили. Может охранник, может заключенный. Мне рассказывали, что заключенные в нашем лагере в те времена могли себе многое позволить — были бы деньги. Впрочем, я никогда не ставила перед собой цель — узнать кто твой отец. Пустая трата времени — если бы захотел воспитывать своего ребенка, то и сам мог бы нас найти, в одном районе живем. Вот и твоя мама ни разу к нам не заглянула — может стыдно, а может — и это наиболее вероятный вариант, — укатала ее жизнь, придавила к земле тяжелым катком.

— Мама, да бог с ней, с этой Анютой и несостоявшимся отцом!

— Подожди, я же просила не перебивать меня. Почему я сейчас рассказываю тебе про Анюту? Есть у меня надежда, что сейчас Анюта не оставит тебя. Тебе еще расти, и расти, чтобы взрослой стать. И хорошо бы рядом, пусть не маму, но хотя бы подругу надежную иметь. Доченька, Анюта ведь мне тоже не чужая! Я, конечно, давно могла ее выгнать из деревни, но были две причины. Одна вполне житейская — у нее в деревне мать стала алкоголичкой и совсем беспомощным человеком. Кто-то должен Юлю присмотреть, она мне родная сестра. Ну, а вторая причина — это ты. Боялась я, что заберет тебя Анюта. А ты стала для меня смыслом жизни — моей семьей, надеждой и опорой. Вот я и чувствую себя виноватой перед Анютой — могла что-то изменить в ее жизни, и не изменила. Ты говоришь, что всегда стремилась быть похожей на меня? Меня это очень радует — будешь моим повторением в этой жизни. Только убедительно тебя прошу — не допускай моих явных ошибок.

— Что ты имеешь в виду, мама? Какие ошибки?

— Видишь ли, дочка, доброта это очень хорошее качество, но моя доброта иногда перерастала в глупость. Я говорю про наши отношения с Олегом. Давно нужно было развести наши жизненные дороги, но мне его всегда было жалко — такой наивный, беспомощный, он погибнет без моей помощи и опеки. И в итоге к чему моя доброта привела? Ты остаешься без жилья и без материальной поддержки — все отобрал этот негодяй. Я даже не смогла выселить Олега из квартиры, суд все переносят. И конца и края этому не видать — то он мириться хочет, то он сам болеет, то мать больную навещать уехал. А если бы квартира была свободной, то переехали бы сюда, к тебе, Анюта с Юлей. И ты бы снова жила в семье. Видимо, не суждено! Но тебя, ребенок, я попросить хочу — встанешь на свои ноги, помоги Анюте. Исправь мои ошибки, мне это очень важно. Обещаешь?

— Да, конечно. Я ее найду и обязательно помогу. Но жить с ней вместе — ты прости меня, этого никогда не будет! У меня есть мама — это ты, и тебя мне никто не заменит. Тем более Анюта. Что касается подруги, то, возможно, она у меня будет. Я в Горевске познакомилась с девчонкой. Правда, она комплексует по поводу своей внешности, и учебу

запустила. Но девчонка отличная, мне очень нравится. Я пообещала ей помочь сдать экзамены в техникум. Позаниматься с ней у меня не получится, а вот шпаргалку или подсказку — вполне реально. Ты как считаешь — сильно аморальный поступок с моей стороны?

— Правильное решение, помогай! Лишь бы человек был хороший, а учеба — это дело нужное. Сегодня не знает, а завтра, глядишь, отличница. Когда ты уезжаешь в Горевск, сдавать экзамены?

— Через неделю. Когда меня не будет, к тебе временно переселится наша соседка, Татьяна Ивановна. Я ее попросила. Хотела ей заплатить, но она денег не взяла.

— Так ко мне же днем приходит медсестра.

— Вот и хорошо — днем медсестра, а ночью — соседка. Так мне будет спокойнее.

Зося сдала вступительные экзамены и привезла из Горевска извещение о том, что она зачислена на первый курс техникума с предоставлением общежития. Люда — прицепом за Зосей, тоже поступила. Как Люда сдала экзамены? Это отдельная история, о которой Зося хотела бы поскорее забыть. Зося старалась во всем быть правдивой, а здесь — катастрофа, сплошной обман преподавателей. Но, глядя на счастливую и гордую за свои успехи Люду, Зося постепенно успокоилась. Она не просто обманывала, а обманывала во благо другого человека. Люда ей ведь дала клятву, что если она поступит, то обязательно подтянет учебу.

Людмила мама, Тамара Сергеевна, без устали рассказывала друзьям и знакомым, что Милочка, вопреки мрачным прогнозам ее учителей, прекрасно сдала вступительные экзамены в престижный техникум и зачислена на первый курс. Но сама Тамара Сергеевна знала, что у Милы появилась новая подруга, без помощи которой дочкино поступление на учебу вряд ли бы состоялось. Тамара Сергеевна очень хотела увидеть девочку и сказать ей спасибо, но Зося ни разу в их семье не появилась. У нее были свои заботы — как там мама? А Тамара Сергеевна уже вынашивала планы, как поселить Зосю на весь период учебы в техникуме в их квартиру. То-то помощь Милочке будет!

Квартира большая, можно для Зоси и комнату отдельную выделить, зачем ютиться в общежитии? Уж, очень положительное влияние эта девочка оказывала на ее несобранную, рассеянную Милочку. «Перед началом занятий я обязательно с Зосей встречу и мы с ней этот вариант обсудим, — решила женщина, — а заодно я выясню — это та Зося, от которой малолетняя мама отказалась в Горевском роддоме или случайное совпадение имени и фамилии? Неужели судьба распорядилась так, что девочка начала отдавать долги за свою безответственную мать? Без помощи этой малышки, моя Милочка никогда бы не осилила такие высоты, как вступительные экзамены в банковский техникум. Вот и, получается — кинь вперед — сзади подберешь»

Василина долго и внимательно рассматривала канцелярскую бумажку, в которой черным по белому было написано, что Зоя Николаевна Ромашова принята в техникум и ей выделено место в студенческом общежитии. Какое счастье — она дождалась, ее дочь, пусть временно, но в жизни устроена. А там подрастет, и все у нее будет хорошо.

— Зося, а сейчас мне просто необходимо рассказать тебе одну интересную историю. Готова слушать?

Василина улыбалась, глаза блестели. Вот, что может сделать с человеком простая маленькая бумажка.

— Конечно, с радостью. Тебя слушать — одно удовольствие. Снова не перебивать?

Зоя свернулась калачиком в маленьком креслице и приготовилась слушать.

— Это не простая история, здесь присутствуют элементы какой-то мистики, я бы даже сказала знаки судьбы. В дни своей молодости я стала участницей событий, которые как бы были срежиссированы опытным сценаристом. Тогда я не поняла этого. И только сейчас, с высоты своих лет и богатого жизненного опыта пришла к выводу, что все было predetermined заранее. Видимо, не все так просто в этой жизни, как нам кажется. Существуют какие-то силы руководящие нашими действиями и поступками. Возможно, у каждого из нас есть четко определенный жизненный коридор, по которому мы должны идти от рождения до смерти. Твоя улыбка означает, что мать немножечко свихнулась? Напрасно. Я всегда была атеисткой. Так нас перевоспитало государство.

— Почему перевоспитало?

— Да потому, что мои родители верили в существование ада и рая, строго соблюдали все посты и церковные каноны. Мы без молитвы за стол никогда не садились. Действующая церковь была только в соседнем селе. Далеко, особенно для детских ног, но накануне великих церковных праздников мы всей семьей отправлялись пешком в соседнее село и смиренно молились всю ночь. А потом школа, академия, пионерская и комсомольская организации, коммунистическая партия — и думать не смей, что кроме человека на земле и в космосе существуют какие-то параллельные миры и высшие существа. Я не просто отвлеклась и ушла в сторону, а хочу подчеркнуть, что эта история касается не только меня, но каким-то загадочным образом и тебя, хотя ты тогда еще и не родилась.

— Мистика?

— Есть и мистика. Так вот, как я уже говорила, это случилось на пороге моей самостоятельной жизни. Я окончила сельскохозяйственную академию и получила распределение на должность агронома в небольшой колхоз. Там же я и познакомилась с Иваном. Правильно, сейчас он Иван Сергеевич. Девушка я была красивая, как и все женщины — Ромашовы, и Иван начал все чаще с разными делами и поручениями навещать в наш колхоз. А работал он тогда инспектором в райисполкоме. Короче говоря, завязывались романтические отношения. В тот день он приехал в колхоз с раннего утра и застал меня в правлении, я только собиралась уехать на поля. Иван сказал, что едет в соседний колхоз с заданием и ему нужна помощь грамотного агронома. С моим председателем колхоза он договорился еще вчера, а потому прямо сейчас забирает меня в свою райисполкомовскую машину. Ты же понимаешь, какой из меня тогда был агроном? Молодой специалист! Весомость мне придавал разве, что диплом о высшем образовании — не у многих он тогда был. Большинство сельских специалистов были практиками или, в лучшем случае, со средним специальным образованием. Сама я о себе, как о специалисте была невысокого мнения, но с районным начальством не поспоришь. Скинула я резиновые ботинки, в которых собиралась походить по колхозным полям и села в машину к Ивану.

Председатель соседнего колхоза, Николай Степанович, объехал с нами все поля, все показал и рассказал о планах колхоза и перспективах на урожай. Иван прекрасно сам разбирался в колхозной деятельности, но не уставал осведомляться у меня: «А что по этому поводу думают ученые агрономы?». То ли хотел оправдаться перед солидным председателем колхоза за присутствие молодой девушки в их обществе, то ли, в самом деле, к моему мнению относился уважительно. Я над этим не задумывалась, у меня было прекрасное настроение — я откровенно наслаждалась обществом умных людей.

В самую дальнюю бригаду колхоза мы приехали, когда солнце уже повисло над самой кромкой леса. Именно в той стороне и было наше последнее поле. Это поле отвоевали у леса колхозные трактористы. Деревья были спилены еще в войну русскими военнопленными по приказу немецких завоевателей — через лес проходила важная для них дорога, а немцы панически боялись партизан. Пни давно сгнили, и только сейчас рачительный хозяин колхоза приказал очистить поле. Это поле было его гордостью, отдохнувшая земля в прошлом году порадовала небывалым урожаем зерновых. Он долго и увлеченно рассказывал мне и Ивану и про партизан, действовавших на территории их земель, и про эту дорогу, которой так и не смогли воспользоваться немцы — все чего-то боялись. А потом показал рукой на край леса и сказал:

— Смотрите внимательно в глубину леса, там просматриваются очертания дома. Видите? Это старая охотничья заимка. Домик был построен в глубине леса, и только после вырубки леса оказался на опушке.

— Да, есть там дом, — подтвердил Иван, — а, что это за дом?

— По слухам, до революции дом принадлежал какому-то князю — страстным охотником тот был, а зверья здесь полно, — продолжил Николай Степанович, — в охотничий сезон сюда любители побегать по лесу за зверем и сейчас со всей республики приезжают. Многие хотели бы пожить на этой заимке, но домик давно занят. Живут там две старушки — одна из них, как утверждают мои сельчане, вроде тоже княжеских кровей. А вторая — то ли ее подруга, то ли ей прислуживает. Во всяком случае, отношения друг к другу у них очень уважительные. Домик нашими предками сработан добротно — ничего не просело и не прогнило. Даже крыша нигде не протекает. Старушки колхоз своими просьбами не обременяют — огорода у них нет, скот они тоже не содержат. Но нужды, как мне кажется, ни в чем не испытывают. Люди сами им несут, а кто ивезет продукты, да и деньги мелкие оставляют. Еще и уговаривают, чтобы приняли их подарки. Дело в том, что одна из них, аристократка — ведунья. Лечит она людей травами, водой наговоренной и молитвами. И даже диагноз врачей никогда не спрашивает — внимательно посмотрит на человека и про все его болезни расскажет. Есть и такие болезни, которые она вылечить не может, так она сразу об этом говорит — мол, помочь не смогу, вы уж, не обессудьте. Но мы давно заметили, что тут все зависит не от тяжести и сложности заболевания, а от сущности обратившегося к ней человека.

— Как это? — заинтересовалась и я.

— Все очень просто, — сказал председатель, — отказывает она почему-то всегда людям злым и жестоким, способным на совершение самых тяжких преступлений. И уж если она отказала, то уговорить ее изменить свое решение практически невозможно. Ни за большие деньги, ни за другие блага. Старушка твердая, как камень. Видит тебя насквозь, как рентгеновский аппарат. Перед ней даже я иногда робею. Но пройти мимо заимки и не поздороваться с ними — такого я никогда себе не позволял. Коль уж мы здесь и спешить нам больше некуда — свои дела мы завершили, то давайте заглянем на заимку. Я вас познакомлю с бабушками. Подарок для бабушек у меня имеется — жена положила баночку меда и велела передать. Да и мне самому хочется с ними увидеться — от такого общения потом долго на душе светло и спокойно, как будто в санатории побывал.

Я не была настроена на визит к незнакомым людям, да еще и к ведунье, но Иван взял меня за руку и решительно направился к лесу. Мы подошли к дому.

Во дворе, на завалинке в каком-то напряженном молчании сидели несколько человек.

Видимо, ожидали, когда их примут. Мы тоже присели на скамеечку, но ожидать нам совсем не пришлось. Во двор вышла маленькая, сгорбленная старушка, в длинной черной юбке и свободной блузе, тоже черного цвета. Гладко зачесанные седые волосы спрятаны под белоснежный платочек.

— Николай Степанович, — прошелестел ее слабый голосок, обращенный к председателю колхоза, — чего ж в дом не заходите? И гостей своих приглашайте — нашими гостями будете. Хозяйка с утра беспокоится — вас ожидает!

Николай Степанович многозначительно повел глазами в нашу сторону — мол, видите, визит мы не планировали, а здесь уже знали, что мы придем! Вслед за старушкой мы прошли в сенцы.

— Вашей целебной водички бы попить, — обратился Николай Степанович к старушке.

— Так вот же она, — кивнула старушка на маленький бочонок из дубовых дощечек, на котором висел аккуратненький ковшик, — пейте, родимые.

— Вашу воду не пить, а смаковать нужно, она вкус какой-то необычный имеет. Попробуйте, — Николай Степанович передал мне ковшик с водой.

Я взяла ковшик — прозрачностью и голубоватым цветом вода напоминала крещенскую, но вкус воды был неповторимый, его невозможно описать. И что странно, несколько мелких глотков и все, никакой жажды.

Внутри дом ничем не напоминал наше обычное сельское жилище — какие-то маленькие столики и диванчики на точеных ножках, стулья с высокими спинками, тяжелая драпировка штор, зеркало в замысловатой серебристой раме. Все было необычно для глаза сельского жителя. В доме чистота и прохлада.

— Проходите, проходите, — приглашала старушка, — вас там, в задней комнате ожидают.

В задней комнате за столиком сидела еще одна старушка, в темном, старинного фасона платье.

— Зинушка, если тебе нетрудно, поставь самоварчик. Чайку с гостями попьем и поговорим. Гости долгожданные, с дороги, отдохнуть им надо.

— Совсем нетрудно, даже, наоборот, с удовольствием чайку сейчас соберу.

Николай Степанович кивнул Ивану, и они вышли вслед за Зинушкой — а вдруг помощь мужская потребуется?

— Подойди ко мне поближе, детка. Рассмотреть тебя хочу.

Я подошла к старушке и уселась напротив.

Она прикоснулась к моей руке своей холодной ладошкой, долго не отпускала мою, начавшую вздрагивать руку, потом встала, подошла к окну и из глубины комнаты молча, смотрела на меня, как будто перед нею была натура, которую она хотела запомнить, а потом по памяти нарисовать. Наконец осмотр был закончен, сделаны какие-то, только ей известные выводы, и она снова уселась на стул:

— Ну, что ты дрожишь, как осиновый листок при дороге? Все хорошо, и я тебе только добра желаю.

Сморщенная, старая рука потянулась ко мне и погладила мои волосы. Я начала успокаиваться.

— Я знала, что ты придешь сегодня. И вот подарок приготовила. Но он не для тебя, а для твоей дочери. Старушка протянула мне сверток в холщовой мешочке, аккуратненько перевязанный бечевкой.

— Бабушка, — запротестовала я, — я еще не замужем и у меня нет дочки. Вы, может, что-то перепутали?

— Сейчас действительно нет, но потом обязательно будет. Много лет пройдет, и бог пошлет тебе дочку. А мой подарок ты пока положи в укромное местечко, пусть ожидает своего часа. Отдашь, когда твоя дочка подрастет и соберется уезжать. Вот тогда и отдай, пусть с собой заберет.

— Бабушка, — не сдавалась я, — а может у меня не дочка, а сын будет? Как мне тогда поступить?

— Я знаю, что говорю — у тебя будет единственная дочь. Бери, бери — передашь. Говорю же, что это не для тебя, а для твоей девочки. Для дочери твоей будущей.

В комнату заглянула Зинушка:

— Выходите к столу, все готово.

Я забрала сверточек и поцеловала старушку.

По дороге домой я рассказала Николаю Степановичу и Ивану о странном подарке, который получила от ведуньи для моей дочери, которая, по словам старушки, у меня обязательно будет. Николай Степанович помолчал, а потом сказал:

— Она просто так ничего не делает, я знаю ее много лет. Какой-то смысл в этом есть. А ты, дочка, спрячь ее подарок пока подальше, время придет — разберешься, что к чему.

Оставшуюся часть пути мы молчали, каждый думал о своем. Когда Иван собрался уезжать в город, я попросила его:

— Иван, мне хранить этот подарок негде, я живу на квартире, и даже угла собственного не имею. Возьми, пожалуйста, этот сверток и положи в сейф. У меня появится дочка или хотя бы своя квартира — вот тогда я заберу.

Несколько лет сверток лежал у Ивана в сейфе. А потом меня перевели на работу в райисполком, и у меня появился свой персональный сейф. Иван принес пакетик в мой кабинет:

— Не забыла? Дочки у тебя пока нет, а вот сейф, имеется. На, спрячь подальше, пусть у тебя лежит.

Сверточек устроился в моем сейфе на долгие годы. Лежал он в дальнем углу и я, постепенно, с годами о нем забыла. А два дня назад мне позвонила помощница Ивана Сергеевича:

— Василина Дмитриевна! В райисполкоме намечается какая-то странная ревизия старых печатей и клише с факсимиле. Вы не могли бы мне подсказать, где искать Ваш личный штамп? Мы просмотрели все полки в шкафах, но штамп так и не нашли.

Действительно странно — за все годы работы в райисполкоме я не слышала о таких ревизиях.

Я ей ответила, что давно штампом не пользовалась и, конечно же, не помню, где он находится. Но сейчас дам задание своей голове зрительно восстановить то место, где может быть штамп и, скорее всего, вспомню. А потом ей позвоню.

К вечеру я, кажется, вздремнула, а может, просто закрыла глаза. И, вдруг, щелчок, как вспышка фотоаппарата — открылась верхняя дверка моего сейфа и там, четко видно — сверток в холщовой лоскутке и сверху, на нем, уютненько расположился штамп.

Я сразу вспомнила и ведунью, и ее странную просьбу. Видимо, пришло время исполнить ее завещание. Утром я позвонила в райисполком и сказала, где можно найти штамп и, заодно, попросила, чтобы мне принесли домой мой личный сверток, который

лежит там же.

Мне его сразу и принесли. Вот он, на тумбочке, перед тобой. Возьми и разверни. Я не знаю, что там. За все эти годы у меня даже мысль не мелькнула, что я имею право посмотреть на содержимое свертка. Видишь, я даже забыла о нем, но он сам о себе напомнил.

— Что-то страшновато. Действительно, сказочная история. А может это очередной твой сюрприз? Ты у нас мастерица на такие приятные розыгрыши.

— Это не розыгрыш. Разворачивай, ничего страшного не произойдет. Старушка мне тогда сказала, что хочет только добра для меня, а значит и для тебя.

Зося развязала тесемки и развернула ткань. Маленькая настольная иконка — Лик Божьей Матери с Младенцем, в золотом окладе, осыпанном драгоценными камнями. И такое же маленькое распятие Иисуса Христа, выполненное в том же стиле и, наверное, тем же мастером.

— Да, этот подарок не оценить словами — он бесценен, — изумленно прошептала Василина, — Смотри, ребенок, береги его. У меня вопрос только один: это — дар или наследство? И если это наследство, то какое отношение ты имеешь к княжескому роду? Очень жаль, что теперь эту тайну нам никогда не раскрыть. Все-таки зря я не выяснила, кто твой отец. Старая ведунья умерла через 10 дней после нашей встречи, почти одновременно с ней умерла и Зинушка. Вопросы задавать некому.

— Мама, какой княжеский род? Ты сама предполагала, что моим отцом может быть рядовой охранник или заключенный. А я что-то не слышала о князьях-уголовниках. Если бы в нашей колонии отбывали срок политические заключенные, тогда, конечно, можно было что-то предполагать. Я думаю, что старая княгиня чувствовала свою близкую смерть и хотела кому-то передать эти драгоценности, а ты ей понравилась. Она, наверное, и рукой к тебе прикоснулась, чтобы понять — какой ты человек. Мама, а как ее зовут? Может я через архивы смогу выяснить, остались ли у нее наследники, и передам им эти реликвии. Это не просто раритетные и дорогие вещи — это как ты правильно сказала — наследие, которое передается из поколения в поколение. Смотри, с обратной стороны есть непонятные символы, может это герб князей. Я читала, что на Руси знатные фамилии имели свой герб.

— Как ее звали, я не знаю. Спрашивала потом у Николая Степановича — он тоже ее имя не знает. Говорит, что было у нее мирское имя — матушка Ольга, — но свое настоящее имя она никому не говорила. Хорошо, ребенок, станешь взрослой, вот тогда и разберешься, кому принадлежат эти сокровища. Может, найдешь владельцев, а может, государству передашь. Пока подрастешь, прошу тебя, бережно храни и с почтением к ним относись. А сейчас иди, я очень устала.

Временное улучшение состояния здоровья Василины было простой иллюзией. Страшные боли возвратились к ней буквально на следующий день. Зося металась между ее спальней, аптекой и домашними делами.

До начала занятий в техникуме оставались считанные дни, но Зося и не думала собирать свои вещи. Она твердо решила на год попросить академический отпуск по уходу за тяжело больной мамой. Василина пыталась, было, ее уговаривать — Зосино присутствие совсем не обязательно и соседка поможет, и поликлиника, медсестра дежурит, и врач часто навещается. Да и не может она, Василина, долго болеть — скоро поправится. Зося слушала, кивала, в знак согласия, головой, но в своем решении остаться дома, была тверда. Для Василины же, наоборот, Зосино присутствие, особенно, во время приступов боли,

приносило еще большие страдания. Зося бледнела, глаза становились цвета холодного моря в непогожий день, руки немели и роняли все на пол.

— Ребенок, ты собрала свои вещи? Тебе уезжать пора.

— Нет, еще не собирала. Я, конечно, съезжу в Горевск и попрошу в техникуме академический отпуск или лучше сразу переведусь на заочное отделение. Но попозже.

— Так, Зося! Ты хочешь, чтобы я окончательно заболела? Сейчас же носи в мою комнату свою дорожную сумку и укладывай вещи. Забирай самое необходимое, остальное собери и отнеси к соседке. И швейную машинку тоже. Ты так хорошо научилась шить и машинка тебе очень может пригодиться.

— Мама, зачем к соседке? Пусть все будет дома.

— Нет, только к соседке. Меня могут положить в больницу, а сюда возвратится Олег. У тебя есть желание с ним увидеться? Нет? Тогда исполняй. С соседкой я уже договорилась. Свой образец положи в портфельчик. Пусть всегда будет с тобой. Не спорь со мной. Ничего дома ты не оставишь!

— Вот смотри, я уже упаковала сумку и несу в свою комнату. Сейчас иду к соседке. Ты успокоилась?

— Да, почти. Иди, занимайся своими делами, а мне принеси телефонный аппарат.

— Зачем он тебе? Давай я позвоню, ты только скажи, куда и что сказать.

— Я позвоню сама. Мне нужно с Иваном поговорить. Подожди, подай мне коробочку с ампулами и шприцами, пусть будут рядом. Знаешь, ребенок, я что-то сегодня устала и хочу сделать себе укол снотворного, чтобы нормально выспаться. Завтра утром за тобой заедет машина, — я Ивана собираюсь как раз об этом попросить, и отвезет тебя в Горевск. Так ты, пожалуйста, не заходи ко мне утром, я буду спать. Здоровье, как известно, возвращается во сне, вот ты и дай мне выспаться. Я с тобой уже сегодня попрощалась. Ты, доченька, береги себя. И помни, что у каждого из нас в жизни есть главный человек — это он сам. Если ты будешь себя любить, то и окружающие будут к тебе относиться с уважением. Ну, счастливой и долгой тебе жизни. Сейчас будешь уходить, так дверь в мою комнату плотненько прикрой, а если мне что-нибудь понадобится, то я постучу тебе в стену. Но, скорее всего, мне ничего не понадобится, так что ты тоже спокойно отдохни и выспишься перед дорогой. Иди, мой дорогой ребенок, поскорее заканчивай свою возню с вещами и ложись спать.

— Спокойной ночи, мамочка. Пусть тебе приснятся хорошие сны.

Зося вышла из комнаты и плотно прикрыла дверь.

Василина взяла в руки шприц и несколько ампул с анальгетиком. Когда шприц был наполнен, набрала знакомый номер:

— Иван, ты все работаешь. Посмотри, ночь на дворе. Отдохнуть не успеешь.

— Здравствуй, Линочка, рад тебя слышать. Собираюсь зайти к тебе в гости. Разрешаешь? Как ты?

— У меня все хорошо, но от твоей помощи не откажусь. Отвези завтра дочку в Горевск. В гости приходи, обязательно. Завтра!

— Разве это помощь? Конечно, отвезем. И в гости приду.

— Пожалуйста, отправь машину с самого утра. Зосе выделено место в общежитии, а к любому руководителю — я имею в виду коменданта общежития, какой ни есть, а тоже руководитель, проще попасть на прием в первой половине дня.

— Лина, не беспокойся, все будет сделано. Водителю скажу, чтобы помог Зое. Вещи перенести, коменданта найти. Когда водитель возвратится из Горевска, я приду к тебе и все

расскажу.

— Спасибо, Ваня. Приходи. Но я уверена, что действительно все будет хорошо — моя девочка, хоть и маленькая, но уже вполне состоявшийся человек. Но это еще не все — хочу, мой дорогой друг, прощения у тебя попросить за нашего неродившегося ребенка и несостоявшуюся совместную жизнь. Признаюсь, что я всю жизнь тебя одного любила, поэтому и Олега, наверное, терпела — виновата я была перед ним. Вроде, как и жена, но и не жена вовсе. Чужой человек. Ну, вот, кажется, и все. Спасибо тебе Ваня, что ты был в моей жизни.

— Подожди, Лина, почему был? Я и сейчас есть в твоей жизни. Если ты разрешишь, я завтра приду и заодно перевезу тебя к себе. С болезнью вдвоем легче бороться. А в том, что мы потеряли ребенка и не стали мужем и женой, я не менее тебя виноват. Нет, неправильно сказал — я один виноват. Но любовь мы с тобой не похоронили. Настоящая любовь это хрупкая роскошь, не многие могут сохранить ее на всю жизнь. А я счастливый человек — моя любимая женщина всегда была и есть рядом со мной. Как хорошо, что мы, наконец-то, об этом поговорили! Ты раньше всегда аккуратноенько уходила от разговора про наши отношения.

— Наверное, вспоминала про разбитый горшок, который не подлежит ремонту. Но у тебя еще и жена была, а потом и дочь родилась.

— Да, ты права, но они не смогли мне заменить тебя. А сейчас я совсем один остался — жена умерла, а дочь уехала. Давай, Линочка, я тебя к себе перевезу?

— Спасибо за предложение, но дай мне время подумать.

— Сколько лет ты снова будешь думать? Время так быстротечно, что я могу не дожидаться твоего ответа.

— Я тебе завтра отвечу. Целую тебя, мой любимый, прощай!

Василина положила трубку и снова взяла в руки наполненный шприц.

«Все, мой жизненный круг сомкнулся. Я сама уйду из жизни и, наверное, моя душа будет за это наказана. Но терпеть эту невыносимую боль сил уже нет. А еще и Зося — она не сможет спокойно учиться, все будет рваться домой, ко мне. А мне уже никто, ничем не поможет. Просто продлить агонию, а кому это нужно? Мне? Нет, мне не нужно, дикая боль рвет меня на части, спасения от нее пока никто не придумал, в конечном итоге я все равно умру. Возможно, в резерве у меня есть две-три недели, но это не продление жизни, а уход из нее. Зося завтра уедет и не увидит меня мертвой. И это очень хорошо — я для нее останусь навсегда живой!» Василина еще долго сидела, сгорбившись, на кровати, зажав в руке шприц и покачиваясь из стороны в сторону: может, вспоминала Зосино лицо, смотрящее на нее с фотографии на противоположной стене, а может любимый каштан за окном спальни. Она не заметила, когда квартира заполнилась ночной тишиной: Зося утомилась, ушла в свою комнату. Василина выпрямилась, сжала губы и решительно ввела себе все лекарство из шприца, затем вторично его наполнила и снова сделала укол. Почти сразу ее глаза закрылись, и она уснула, чтобы никогда больше не проснуться. Через несколько часов ее дыхание стало судорожным, потом редким и, наконец, совсем прекратилось — Василина сделала последний шаг и вышла из своего земного коридора. Постепенно с ее лица ушла гримаса боли и страданий, оно странным образом изменилось. Все складочки на лице Василины разгладились, кожа натянулась, стала гладкой и прозрачной. Губы, покусанные в минуты приступов боли, слегка полуоткрылись, открыли ровную полоску белых зубов, лицо осветилось загадочной улыбкой счастья и покоя, засияло молодостью и красотой.

Зося, уставшая от череды бессонных ночей и дневных забот, в этот вечер заснула быстро и крепко. Но среди ночи вдруг проснулась от пронзительного стука сердца. Она подскочила с кровати: «Это, наверное, мама долго стучала в стенку, а я не слышала, все спала». Она прижала кулачком свое больно стучащее сердце и побежала к Василине, тихонечко поскреблась в дверь — все тихо. Прислушалась, снова тишина. Тогда она потянула за ручку дверь и в образовавшуюся щелочку, заглянула в комнату — луна освещала часть комнаты и изголовье кровати.

Высвеченное луной лицо Василины поразило Зосю своей безмятежностью и красотой. Василина тихо спала и во сне улыбалась. Зося осторожно прикрыла дверь и возвратилась в свою комнату — пусть мама спит, она так хотела выспаться! Нужно постараться и утром ее не разбудить.

Но Зосино сердечко болезненно ныло и билось, как маленькая птичка, попавшая в силлок. Из глаз, почему-то, ручейком потекли слезы, начали стекать по щекам и капать на ночную рубашку. Вскоре ворот рубашки стал влажным и неприятно холодным. Зося встала, переоделась, постояла возле окна:

«Что это со мной? Лежу и рыдаю от жалости к себе. Мама болеет — так она вчера сказала, что скоро поправится. Я уеду, а она ляжет на лечение в больницу, и все будет хорошо. Это, наверное, меня луна разбудила — я на ночь забыла шторы задернуть. Мама никогда не забывала этого сделать, когда раньше меня сама спать укладывала. Она говорила, что луна может быть очень коварной, особенно, когда наступает полнолуние, и способна серьезно навредить энергетике организма»

Зося задернула шторы, улеглась в кровать, завернулась в теплый плед, но сон так и не пришел. Руки и ноги были холодными, а все тело бил мелкий противный озноб. Она встала, оделась, снова подошла к двери в мамину комнату, прислушалась — там все было тихо и спокойно.

Значит, мама крепко спит, и ночью боли ее не беспокоили.

«Радуйся, — приказала себе Зося, — мама начала выздоравливать! Нужно приготовить ей на завтрак бульончик. Проснется — кушать захочет. Татьяна Ивановна пока разберется с моими продуктовыми запасами, а тут все готово».

Зося отправилась в кухню — до приезда машины она должна успеть. Бульон был готов и завернут в махровое полотенце, когда в дверь позвонили. Зося открыла дверь, и водителю, который за ней стоял, знаком приказала не шуметь.

— Мама спит, — прошептала она, — вы возьмите мои вещи, я зайду к соседке, отдам ключи от квартиры и спущусь.

Зося вышла на лестничную площадку и позвонила в соседнюю дверь:

— Татьяна Ивановна! За мной уже приехала машина, вот Вам ключи от нашей квартиры. Мама еще спит, она просила ее не будить, поэтому я к ней не зашла, мы вчера попрощались, а через два месяца я приеду домой на первые каникулы. Татьяна Ивановна, я на завтрак маме приготовила бульон, если Вы ее через часик разбудите, то он еще будет теплый. Ну, а дальше готовьте Вы — холодильник забит продуктами, о ее диете я Вам рассказала, рецепты оставила на кухне. Вы не забывайте, пожалуйста, что строгая диета — это обязательное условие.

— Не беспокойся, Зоя. Помню я все твои наказания и буду строго их соблюдать. Давай, учись. И приезжай на каникулы. Мы тут с твоей мамой тебя ждать будем.

— Мне как-то тревожно — боюсь за маму, и уезжать нет никакого желания. Может,

мне все-таки остаться?

— Что ты, Зоя? Маму нужно слушаться — сказала ехать в Горевск, значит исполняй. А здесь мы справимся.

— Спасибо Вам, Татьяна Ивановна. Передайте маме, что я ее обнимаю и целую. Ну, я пошла, а-то водитель заждался.

Зоя села в машину, и всю дорогу, до Горевска, молчала.

Водитель в зеркале обзора видел ее сдвинутые брови и маленький кулачек возле щеки: «Горюет как старушка, — подумал он, — наверное, Василине Дмитриевне плохо. Жалко девочку, пропадет без Василины. Кому она нужна, когда даже родная мать от нее отказалась»

Без всяких проблем Зоя получила место в комнате, где уже жили две девочки. Водитель принес Зосину сумку и уехал в Ивановск. Зоя не стала разбирать свои вещи, а постелила постель, улеглась и отвернулась к стене. Девчонки пытались ее разговорить, но безрезультатно — узнали только, что зовут ее Зоя, и приехала она из Ивановска. До начала занятий оставалось еще два дня — наговоримся, решили девочки и убежали в кинотеатр, шел клевый фильм. Когда они возвратились в общежитие, Зоя, все так же, лежала на кровати, лицом к стене.

А в Ивановске Татьяна Ивановна долго топталась в прихожей перед дверью Василины, и все не решалась постучать или просто открыть дверь. Потом пугающая тишина в комнате насторожила ее, и она постучала в дверь. Не дождавшись ответа, Татьяна Ивановна открыла дверь и вошла в спальню Василины. Старая женщина взглянула на спящую Василину и поняла, что это вечный сон, Василина уже несколько часов, как мертва. Татьяна Ивановна задернула шторы на окне, салфеткой прикрыла зеркало на туалетном столике, там же и записку нашла: «Татьяна Ивановна, позвоните на тел. ... и спросите Ивана Сергеевича. Скажите ему, что меня больше нет, и отдайте мое письмо. Нашли? Я его не прятала — лежит на тумбочке, возле моей кровати. Зосеньку ни в коем случае не возвращать из Горевска! Спасибо за все. Василина»

Татьяна Ивановна набрала указанный номер:

— Здравствуйте, Иван Сергеевич! Звоню Вам по поручению Василины Дмитриевны.

— А где она сама? Если рядом с Вами, передайте ей трубку.

— Да, она рядом со мной, но к телефону уже никогда не подойдет — она ночью умерла. Вам вот письмо оставила.

В трубке повисло молчание, слышно было только потрескивание и шум эфира.

— Алло, Иван Сергеевич, Вы слышите меня? Что мне делать? Вызывать милицию скорую помощь? Что делать?

В голосе Татьяны Ивановны звучало отчаяние.

— Ничего не надо делать. Мы сделаем все сами. Вы побудьте пока с Линой. Я выезжаю к вам.

Каким-то другим голосом наконец-то отозвалась трубка.

Через полчаса Иван Сергеевич уже сидел возле кровати, на которой лежала Василина, и читал письмо:

«Видишь, Ваня, как быстро я тебе ответила. Я знаю, ты простишь меня и поймешь, что у меня не было выбора. Разве могла я допустить, чтобы любимые мной люди — ты и Зоя, — мучились от боли за меня. Я богом наказана за земные грехи, сама и буду отвечать. За Зосю очень боюсь и беспокоюсь, но тебя о помощи ей не прошу — она гордая, помощь со стороны

не примет. На похороны ее не привози, через дней десять отвези ей прилагаемую записку и расскажи обо мне. Заодно прихвати для нее мою швейную машину — она у Татьяны Ивановны. Прощай. Целую. Твоя Василина.

P.S. Если бог пошлет мне еще одну жизнь, то где бы ты ни был, я найду тебя и больше никому не отдам»

Вызванная Иваном Сергеевичем врач, констатировала смерть от передозировки анальгетика, но в справке указала смерть от болезни — Иван Сергеевич не мог допустить, чтобы в Ивановске судачили о том, что Василина совершила суицид.

Гроб с телом Василины отвезли до похорон в актовъй зал райисполкома. Ночь перед похоронами Иван Сергеевич провел один, возлесвоей обожаемой женщины. Василина уходила от него в другую жизнь молодой, красивой и беспечной. Как на той фотографии из их счастливой молодости. Он хранил эту фотографию в своем бумажнике долгие годы — на ней Василина с венком на голове из полевых васильков среди колосьев ржи. Он сам тогда ее сфотографировал в житном поле. И васильки сам рвал, а, заодно, шутливо корил молодого агронома за то, что поле недостаточно добросовестно пропололи от сорняков. Василина, розовая в лучах солнца, смеялась по поводу и без повода, только палец покажи, а из сорняков венок сплела и одела ему на голову, чтобы не строил тут из себя строгого начальника. Там, где поле примыкало к опушке леса, и случилась их первая близость. Какими неумелыми, но счастливыми они тогда были — все впервые — у нее мужчина, а у него женщина. Жизнь только начиналась и, казалось, не будет ей конца! Он видел свою дальнейшую жизнь только с Василиной — вместе и навсегда!

«Ты моя, ты моя», — кричал он лесу и полю.

«Ты мой, ты мой», — эхом вторила ему Василина».

И вот, надо же, гордыня и людская зависть развели их в разные стороны — ее к чужому мужчине, его к нелюбимой жене. Ах, Лина, Лина!

Утром гроб с телом Василины уже утопал в цветах — были тут и васильки, и любимые ее полевые ромашки, — со всего района собирались посланники колхозов и совхозов проводить ее в последний путь.

Иван Сергеевич тяжело поднялся и пошел к выходу из зала — ему нужны силы, чтобы прожить этот самый тяжелый день своей жизни и не свалиться с ног от горя и тоски.

Олег тоже, по-своему, прощался с женщиной, которая два десятка лет была ему горничной, поваром и садовником в одном лице — в чистой, ухоженной квартире Василины был накрыт стол на две персоны. Даже в магазин не пришлось бежать, все было под рукой, в холодильнике. Олег со своей сожительницей — краснолицей и красноносой девицей неопределенного возраста, уютно расположились на кухне и рюмка за рюмкой желали пуховой земли для бывшей хозяйки квартиры. А как же иначе? Они знали русские обычаи, ну а если был повод, то почему бы и не погулять? Олег давно не работал, жил на деньги, которые украл у Василины. Деньги закончатся, так есть еще дача с ухоженным домиком, тоже денег стоит. Не берут на работу, ну и не надо, он и без работы проживет. Да что там проживет — будет сыт и пьян каждый день, хватит и на бутылку, и на закуску!

На девятый день после смерти Василины Иван Сергеевич поехал в Горевск, чтобы передать Зосе швейную машинку вместе с письмом от Василины и в старенькой городской церкви заказать панихиду по усопшей.

Сначала он встретился с отцом Василием, которого знал много лет и иногда по его

просьбе помогал церкви справиться с текущими бытовыми проблемами: то строителей из района пришлет крышу подлатать, а-то и строительными материалами поможет. Районные строителя знали, что помощь церкви, это нарушение партийного устава. Если узнает партийное руководство, то обязательно последуют разборки в парторганизации, а затем, возможно, и увольнение с работы. Но в церковь ехали охотно, работали быстро и добросовестно, а в Ивановске рассказывали, что были на аврале по поводу сдачи коровника или свинарника. Не часто это случалось, но случалось — церковные постройки, как и все земное, требовали внимания и заботы.

— Здравствуйте, Отец Василий! Просьба у меня к Вам — сегодня девятый день, как умерла Василина Дмитриевна, мой заместитель. Молитвы бы почитать за упокой ее души.

— Конечно, почитаем. Давай записочку с ее именем.

— Она не совсем своей смертью умерла, в отведенный ей жизнью час. Тяжело болела, боли были страшные, вот и сделала себе укол, от которого больше не проснулась. Наверное, по церковным канонам это грех большой. Вот поэтому сразу к Вам и не приехал. А сейчас подумал и решил, что в любом случае нужно с Вами посоветоваться, Вы знаете, что в этом случае нужно делать.

— Да, грех большой. Крест свой нести нужно до самого конца. Но молитвы за упокой ее души я почитаю. Езжай, с Богом, не беспокойся, все сделаю.

Иван Сергеевич поехал в общежитие техникума, но Зоя вместе со всеми однокурсниками уехала в колхоз, на уборку картофеля. В общежитии он оставил швейную машину, а сам отправился искать Зосю. В колхоз, где работали дети, он приехал во второй половине дня.

«Это хорошо, что колхоз не на территории нашего района, — размышлял Иван Сергеевич, — в нашем районе не было такого колхоза, из которого бы не приехали на Линыны похороны. И Зоя могла случайно услышать о том, что были похороны в Ивановске. Но как ей все рассказать?»

Зосю Иван Сергеевич разыскал на картофельном поле. Когда они подъехали, Зоя подходила к бурту с тяжелым ведром картофеля. Увидела их и направилась к машине.

«Ты, смотри, — удивился Иван Сергеевич, — у нее походка, как и у Василины была. Та же стать! По полю шагает, словно, по паркету на высоких каблуках. Молодец, девочка, вся в маму!»

— Здравствуйте, Иван Сергеевич! Мама умерла?

— Да, детка. Вот письмо просила тебе передать. А ты откуда знаешь? Сказал кто-то?

— Я давно знаю. По дороге в Горевск догадалась. Хотела возвратиться, но мама мне приказала уехать — не посмела послушаться. Давайте письмо.

Зоя взяла сложенный листок бумаги, погладила его рукой и бережно спрятала в карманчик своей куртки.

— Потом прочитаю — когда останусь одна.

— Как ты устроилась, Зоя. Где живешь, я уже знаю, заезжал в общежитие. Как учеба? Как здоровье?

— Все хорошо, Иван Сергеевич. Да, живу в общежитии. Комната маленькая, но чистенькая и уютная. Мы в ней втроем живем. Мне предлагала моя однокурсница — Людмила, переехать к ней жить, но я не захотела. Буду жить в общежитии, так надежнее — кому нужен чужой человек? А учеба у нас еще не началась: с первого же дня нас отправили картошку копать. Но, я думаю, что и с учебой справлюсь.

Иван Сергеевич внимательно всмотрелся в лицо девочки — лицо осунулось и побледнело, вокруг глаз темные круги.

— Ты, Зоя, всегда можешь рассчитывать на мою помощь и поддержку. Я могу тебе деньгами помогать и на каникулы забирать к себе домой.

— Спасибо, но у меня все есть — стипендия назначена, место выделено в общежитии. Я справлюсь сама. Вы лучше за маминной могилкой присмотрите.

— О чем ты просишь, Зоя? Я каждый день бываю на ее могилке и пока сам жив, тс Лина не будет забыта. Учись и сил набирайся. Это твоя главная на сегодняшний день задача.

Только поздним вечером, когда девчонки ушли на танцы в местный клуб, Зоя развернула последнюю мамину записку:

«Здравствуй, мой дорогой и любимый ребенок! — буквы легко и ровно бежали по смятому листку из школьной тетради, — Помнишь, что ты мне обещала? Учиться, учиться, и учиться... Возможно, эта фраза затаскана до дыр и превратилась в клише, но именно она точно определяет мой последний наказ своей доченьке. Только образованный и самодостаточный человек может обеспечить свое независимое будущее. Я верю в тебя, мое солнышко. Живи долго и счастливо. Целую. Твоя самая родная мама»

Настоящая учеба в техникуме для Зоси началась только в начале октября — для нее это были обычные школьные уроки с простой школьной программой. Специальные предметы по профессии в техникуме изучали, начиная со второй половины третьего курса. Куратор их группы, Роза Самуиловна, лингвист по образованию, была свободна от семьи и домашних забот — муж три года назад умер, а единственный сын работал в Израиле. Роза Самуиловна за короткое время сумела протоптать дорожку к сердцу каждого своего подопечного. Только Зоя Ромашова, староста их группы, близко к себе никого не подпускала. Даже ее, казалось бы, верная подружка, Люда Пименова не смела вторгаться на личную территорию Зосиной жизни. В начале учебного года Люда пыталась пригласить Зосю после занятий погулять, сходить в кино, на стадион или пообедать вместе в студенческой столовой, но Зоя категорично все предложения отклоняла — она устала и хочет отдохнуть. А дело было вовсе не в усталости: Зоя училась жить по средствам. А они были совсем незначительные. Та небольшая сумма, которую смогла выделить ей мама, растаяла и утекла просто в никуда.

«Жить по принципу, куда кривая выведет, нельзя, — укоряла себя Зоя, — деньги просто необходимо научиться считать и тогда все получится. Получу стипендию — сразу нужно заплатить за место в общежитии, отложить 2–3 рубля на чулки, носки. То, что осталось на питание, разделить на тридцать дней. И за пределы, установленной суммы, никогда не выходить, что бы ни случилось». Но ее ежедневные расходы были настолько мизерны, что за них нельзя было пообедать в студенческой столовой даже один раз в сутки.

Основной набор продуктов, которые могла позволить себе Зоя — картофель, капуста, молоко, растительное масло и черный хлеб. Один или два раза в месяц, при условии жесточайшей экономии, она ходила в местный кинотеатр, а потом заходила в овощной магазин и покупала баночку фасоли в томатном соусе. Какая же вкусная была эта фасоль! Бутерброды из фасоли на черном хлебе были ничуть не хуже крутонов с паюсной икрой, которые обычно готовила мама на праздничный стол.

Ее соседки по комнате в общежитии обедали в студенческой столовой и о Зосином ежедневном меню даже не догадывались. Внешне спокойная и уравновешенная Зоя никогда не участвовала в их перебранках по любому поводу, будь это не подметенный пол в комнате или внимание одного мальчика на двоих. Мальчики ее пока не интересовали, а пол она могла подметать и каждый день, не ожидая свою очередь.

Впрочем, в дискуссиях на тему правильного решения домашних заданий Зоя всегда принимала самое активное участие. У девчонок стало правилом — не знаешь или не понял, спроси у Зоси, она поможет и подскажет.

Ира Гвоздикова и Инга Золотарева были старше Зоси на целый год.

Обе из благополучных семей с любящими мамами и папами. Но какие, же они были разные! Тоненькая, грациозная Ира, с большими карими глазами и темными волосами привлекала внимание не только своих однокурсников, но на нее заглядывались уже и ребята со старших курсов. Инга Золотарева — крикливая, и всем недовольная особа с кривыми ножками и горбатеньким длинным носиком, мальчишеским вниманием была обделена, а потому следовала за Ирой постоянной тенью — может и ее, назло Ирке, заметят.

На новогоднем техникумовском мероприятии, как всегда закончившемся танцами под самодеятельный, надо отдать должное — приличный инструментальный ансамбль, Иру

заметил и подошел пригласить на танец студент третьего курса, Петя Котович. По лицу Инги пробежала тень зависти — мальчик ей понравился.

Высокий, с вьющими русыми волосами и голубыми глазами юноша явно уделял много внимания спорту. Его широкие плечи и накаченные бицепсы уже, наверное, разбили не одно девичье сердце. Парень тоже был приезжий, из другого города, и жил в их общежитии, этажом повыше. Так вместе, втроем, в этот вечер они и возвратились в общежитие. Инга не чувствовала себя третьей лишней, наоборот, старательно оттесняла Иру на задний план — вспомнила все ее неудачи в учебных классах и не украшающие Иру курьезы из совместного проживания в общежитии.

Над подружьиными остротами Ира смеялась вместе с Петей, но в своей комнате набросилась на Ингу с кулаками.

Инга вцепилась ей в волосы. Завязался самый настоящий кулачный бой, сопровождающийся базарной перебранкой.

— Дрянь, дрянь, — кричала в ярости Ира, — не смей больше таскаться за мной. Посмотри на себя — уродина кривая. С тобой стыдно даже по улице идти рядом, а ты еще и язык свой поганый распускаешь.

— Сама уродина, тебя бог умом обидел. Петя не будет с тобой дружить, он умных девочек предпочитает.

— Это тебя, что ли?

— А хоть бы и меня. Ему со мной было весело.

— Девчонки, прекратите, — кинулась к ним Зося, — вы, что мальчишку не поделили, что ли? Посмотрите на себя — две красные растрепанные дуры. О, да вы еще и расцарапанные все. А домой, на каникулы как поедете? Что о нас ваши родители подумают? Наверное, решат, что у нас тут военные сражения каждый день. Ты Инга, иди, умойся. А твои царапины, Ира, мы сейчас йодом обрабатываем. Ну, давайте, расходитесь.

Зося осматривала расцарапанные Ирины руки и вздыхала:

— Глупенькие несмышлениши! Поддерживать друг друга надо, а не драться по каждому пустяку.

— Так разве это пустяк, когда тебя высмеивает подруга при мальчике? Он, видите ли, ей тоже понравился. Какая она все-таки подлая, эта Инга!

— Подожди, не спеши приклеивать Инге ярлыки. Мы пока еще недостаточно знаем друг друга. Может, она не такая уж и подлая, просто у нее с юмором не все в порядке. А ваш Петя должен сам разобраться, кто ему больше нравится — ты или Инга. И вам из-за него не стоит драться. Разве правильно навязывать свою любовь или даже дружбу другому человеку? Ну, что, успокоилась?

— Да, все нормально. Зося, а давай мы Инге предложим переехать жить в другую комнату.

— Мне никто не мешает. А свои взаимоотношения вы, пожалуйста, улаживайте без меня.

Ира в этот же вечер попросила Ингу переехать жить в другую комнату. И пригрозила заявлением коменданту. Инга прикинула, что может потерять постоянного репетитора по всем предметам в лице Зои Ромашовой, и дала задний ход.

— Ирочка, дорогая моя подружка, прости ты меня неразумную. Не знаю, что на меня нашло. Никогда, слышишь, никогда это больше не повторится.

И примирение тут же состоялось. Правда, все они оценили это событие по-разному.

Ира была довольна собой — не такая уж она и дура, если сумела поставить на место высокомерную Ингу. Инга запомнила свое унижение и готовила яд, чтобы при случае ужалить Иру побольнее. А Зося просто радовалась, что в комнате наступила тишина, можно снова спокойно составлять словарь английских слов. Английским языком она увлеклась всерьез, и все свободное время учила слова и записывала их в свой словарь.

На следующий день к ним в комнату зашел Петя. Ира с Ингой засуетились, разволновались, начали торопливо собирать и прятать в шкаф разбросанные вещи. Петя уселся на предложенный ему стул, выслушал Ирин рассказ о новом интересном фильме, который шел во всех кинотеатрах. Но в кино девчонок не пригласил, а пересел поближе к Зосе и заглянул в ее тетрадку:

— Понятно, английский зубрим. А что это у вас программа какая-то странная — мы этого не проходили.

— Это не учебный материал, — ответила Зося, — просто слова учу из журнала.

— Здорово! Давай вместе разбираться. Я принесу хорошие словари с транскрипцией каждого слова — у меня их много. Мне тоже всегда хотелось свободно владеть английской разговорной речью — да все времени не хватало. Тебя как зовут?

— Зоя Ромашова.

— Так значит, ты и есть тот вундеркинд с первого курса, о котором Роза Самуиловна всем взахлеб рассказывает? Дома тебя мама как называет?

— Для мамы я — Зося.

— Очень необычное для наших краев имя. Так паненок польских зовут. Мне нравится. Можно и мне тебя так называть?

— Конечно, можно. Только я не польская паненка, я — местная, из этих краев.

— Что ты оправдываешься? Имя красивое и сама ты интересная. Когда на каникулы уезжаешь?

— Я останусь здесь. Хочу в языком позаниматься, да и мама надолго уехала в командировку.

— Тогда я за словарями.

— Петя, — не выдержала Инга, — а ты когда уезжаешь?

— Вообще не уезжаю, — наш ансамбль на все каникулы расписан на концерты. Остаюсь здесь, я единственный в ансамбле играю на саксе.

— Вот дела, — помрачнела Инга, — а меня родители завтра будут встречать на вокзале. Придется ехать, иначе мама скандал учинит.

Девочки уехали, и Зося на целых две недели осталась в комнате одна. Боль и тоска от потери самого дорогого в ее жизни человека не покидала ее ни на минуту.

О том, что мама умерла, Зося никому не сказала. Только Людмила сразу заметила, что Зося приехала из своего Ивановска мрачная, подавленная и какая-то другая, но в душу к подруге лезть не стала. Пройдет время и все образуется.

А сейчас самое главное то, что Зося безотказно помогала Людмиле долбить гранит науки. Люду вполне такие взаимоотношения устраивали — и помощь всегда под рукой и она, Милочка, за это никому и ничего не должна. На каникулы у нее были свои, давно составленные планы. В первые каникулы она мечтала оторваться по полной программе и тихая, скромная, а в последнее время и какая-то отрешенная Зося в эту программу не вписывалась. Поэтому в последний день учебы Милочка чмокнула Зосю в щеку и пожелала счастливых каникул. О том, что мама и сестра просили пригласить Зосю к ним в гости, ну

хотя бы на один или два дня, Люда умолчала. Да ну ее, эту Зоську! Скучная, как серый осенний день Зося своим видом могла испортить настроение всей веселой Милочкиной компании.

Зося вовсе не обижалась на Людмилу, она действительно очень хотела остаться одна. Будет время и маму вспомнить, и о себе подумать. Но поплакать и погрузиться в тишине у Зоси не получилось! Петя притащил толстенные словари английского языка. Кроме своих собственных словарей, которых ему показалось недостаточно, он собрал всю учебную литературу по английскому языку у своих друзей.

— Так, Зося, давай планировать наши каникулы.

— Подожди, у тебя же все уже спланировано и расписано.

— Да, это так. Но сейчас мы все подкорректируем, подождем и совместим наши планы. С утра я свободен, свободна и ты. Значит, мы вместе занимаемся английским. Затем у меня репетиции, а ты решаешь свои хозяйственные проблемы. На мои концерты вот тебе пригласительные. В спортивный зал и на лыжный пробег вместе. Мы еще и время выкроим сходить на каток. Все, и не спорь.

— Я и не спорю. Я давно не была в спортивном зале, а вот с лыжами и коньками у меня проблема. Никакой устойчивости, постоянно падаю. Поэтому у меня никогда коньков не было.

— Эту проблему мы решим — поддержим тебя в нужную минуту, чтобы ветром не унесло. А коньки и лыжи возьмем напрокат. Мне за концерты, между прочим, деньги платят. Так, что гуляем!

— Не гуляем, а правильно проводим свободное время, — уточнила Зося.

Зося и не заметила, как закончились эти удивительные каникулы. Скучная зубрежка английских слов превратилась в системные занятия по изучению языка. В отведенное ей свободное время для хозяйственных проблем, Зося успевала разобраться в очередной главе из учебника. На следующий день этот материал они разбирали вместе с Петей. У Пети была отличная память, поэтому повторению пройденного отводился минимум времени. Кроме того, Зося писала обстоятельные конспекты, к которым всегда можно было обратиться за подсказкой.

Во всем остальном непререкаемым лидером был Петя. Петя с детства любил опекать и поддерживать малышку. Сам он вырос в типичной неполной семье. Его маму во всех инстанциях называли матерью-одиночкой. Правда, сам Петя всегда не понимал, почему мама-одиночка? Они вдвоем с мамой, значит, мама уже не одинока. А кроме всего, их дом всегда был полон малышкой.

Клавдия Ивановна Котович обучала детей книжной мудрости с первого по четвертый класс. С каждым своим учеником находила общий язык и совместные интересы. Дети быстро привязывались к ней, доверяли свои маленькие тайны и очень часто нуждались в ее советах и поддержке. В их доме постоянно кого-то подкармливали или вытирали слезы и промокший от детского горя нос. Петя охотно возился с детьми. Разыскивал спрятавшихся малышей в укромных местах, которые он знал наизусть, правил забавные рисунки, разнимал драчунов и наказывал виновных. Они жили вдвоем с мамой на скромную зарплату учительницы младших классов, но для малышей всегда находилось маленькое угощение. Петя очень рано понял, что мама перегружена работой — в школе дополнительные часы, чтобы хоть как-то решить материальные проблемы, а дома стирка, уборка и прочие хозяйственные дела. Иждивенцем Петя быть не хотел, и поэтому постепенно отеснил маму

от домашних дел. На карманные расходы деньги он у нее никогда не просил — решал эту проблему самостоятельно. Выручало вторичное сырье. Школе даже план доводили по сбору утиля. Вот Петя и решал сразу две проблемы — школе выполнение плана по сдаче макулатуры и металлолома, а себе карманные деньги. Десять классов он решил не заканчивать — техникум обеспечивал ему десятилетнее образование, а еще и профессию в придачу. Кроме всего, если нормально учиться, то вместо макулатурных денег можно получать стипендию. Мама сначала возражала, а потом решила: Петя человек ответственный и если он сделал выбор, то надо с ним считаться. Направление в техникум на учебу он получил без особых трудностей. Банки охотно обучали молодых парней своей профессии. Специфика банковской работы сформировала в этих финансовых учреждениях устойчивые женские коллективы. Не каждому это дано — провести целый день в поисках затерявшейся копейки, из-за которой не верстается баланс или складывать засаленные купюры в пачки, сидя в банковском хранилище, где с устоявшимся специфическим запахом бывших в неоднократном употреблении купюр, не могла справиться никакая вентиляция. Женская скрупулезность и педантизм высоко ценились банковскими руководителями, но управлять таким коллективом задача не из легких. Поэтому и стремились банкиры привлекать на учебу в ведомственные учебные заведения молодых и перспективных мужчин. В дальнейшем переучивать не надо, а возрастной ценз позволяет вырастить руководителя.

Петя скоро должен был окончить техникум, но банковским служащим себя не видел. Особой усидчивости он в себе не наблюдал, с цифрами возиться не любил. Какой из него бухгалтер или кассир? Свою дальнейшую судьбу он хотел связать с армией. Поэтому его планы на ближайшее будущее предусматривали службу в армии или поступление в военное училище.

На каникулы домой он уезжал редко — записывался в студенческий стройотряд или выступал с концертами в составе своего ансамбля. Конечно, деньги небольшие, но заработаны они собственным трудом. Парень твердо следовал своим принципам о самостоятельном жизнеобеспечении.

В Зосе он сразу заметил ту усидчивость и упорство в достижении задуманного, которых не было у него. Ведь никто не заставлял ее заниматься английским языком. Сама упорно изучает разговорную речь жителей туманного Альбиона и его, Петю, тянет за собой. Казалось бы, короткие каникулы, а они уже возвращаясь из кинотеатра, простенький диалог сумели составить о героях фильма.

И вообще Зоська классная девчонка! Глаза огромные, серо-голубые. А волосы! Копна ее волнистых волос весит, наверное, побольше, чем сама худышка Зоська. Маленькая она еще совсем, и какая-то очень грустная. Там где все хохочут — по лицу Зоськи, словно тень, улыбка скользнет, но и это уже событие.

Один раз только Петя слышал, как Зоська заливисто смеется.

Отправились они кататься на лыжах. Сначала в пункте проката никак не могли подобрать для девочки ботинки — очень маленькие у нее оказались ноги. Потом сообразили на эти маленькие ноги надеть две пары носков и туго завязать шнурки. Теперь лыжи вроде и держались на Зосиных ногах. Старый парк зимой был любимым местом всех горожан — одни катались на лыжах, другие просто гуляли по парковым заснеженным аллеям. Каждый год заядлые лыжники прокладывали лыжню по давно сложившемуся маршруту — сначала она уходила в глубину леса, и виляла в сумраке между старыми соснами, а затем неожиданно выскакивала на залитое светом и застеленное толстым снежным одеялом поле. Казалось, что

конца и края этому полю не будет — такое оно было чистое, белоснежное и сверкающее. Но в конце поля лыжников ждал сюрприз — спуск в старый овраг с достаточно крутыми откосами. Те, кто любил экстрим проводили на этом спуске целый день. Спуститься, соблюдая осторожность, без синяков и ушибов, могли многие. А вот подняться наверх — это была тяжелая работа. Преодолеть подъем с первой попытки удавалось немногим. Лыжи скользили и срывались вниз, увлекая за собой и незадачливых лыжников. Здесь всегда было многолюдно, шумно, смешно и весело.

Зося на удивление легко преодолела всю трассу, Но когда они с Петей подъехали к спуску, она решительно отказалась спускаться:

— Петя, ты спускайся, я тебя здесь буду ожидать.

— Нет, уважаемая, или вместе спускаемся, или возвращаемся назад.

— Петя, пожалуйста, не обращай на меня внимание. Спускайся — по глазам вижу, что тебе очень хочется прокатиться с ветерком.

— Нет, Зоська, или вместе, или никто.

И Зося согласилась. Спустились вниз они без особых приключений. Но вот подъем Зося осилить никак не могла. И лыжи «елочкой», и Петина рука ситуацию не исправляли: Зосины лыжи упорно сбрасывали ее вниз. В конце концов, с Зосиных ног упали ботинки вместе с лыжами и скатились вниз, а Зося осталась разутая на склоне. Сначала она испугалась, а может, просто засмушалась от своей неловкости, а потом посмотрела на свои несуразные ноги в толстых носках, заулыбалась и залилась счастливым колокольчиком. Петя снял со своих ботинок лыжи, закинул смеющуюся Зосю на плечо, и поднялся с ней наверх.

— Жди меня здесь, сейчас принесу твои ботинки с лыжами.

— О, какие люди, — к ним ловко подкатила на лыжах рыжая девчонка, — здравствуй, Зося! А почему ты здесь? Разве ты не уехала в свою деревню? Может, познакомишь меня со своим товарищем. Я видела, как он тебя наверх поднимал, славненько так, словно, мешок с картошкой!

— Ты снова все забыла, Людмила! Во-первых, я приехала из районного центра, а не из деревни. Во-вторых, я тебе говорила, что моя мама уехала в длительную командировку, поэтому я осталась здесь. Моего товарища зовут Петя, он тоже учится в нашем техникуме, двумя курсами старше. Петя, это моя однокурсница, Милочка.

— Зося, а почему ты не сказала, что я твоя лучшая подруга? Ну, да ладно. Петя, ты, кажется, собираешься вниз спуститься? Давай вместе, я на лыжах давно катаюсь, тебе не будет за меня стыдно.

— Ты извини, Мила, мы с Зосей решили уже возвращаться, поэтому я тебе компанию составить не могу. Ну, пока!

Петя принес Зосины ботинки, надел ей на ноги и они поехали через поле к лесу. Люда сразу потеряла интерес к спуску, развернулась, и хотела было догнать эту задавалу Зоську, но вспомнила насмешливые глаза ее спутника и решила, что не следует торопиться, у нее еще будет время поближе познакомиться с Петей. Она сразу узнала парня — Ира с Ингой всем девчонкам в группе о нем уши прожужжали. Нужно чаще заходить к Зоське в общежитие, ведь Петя тоже там живет. Придется Зосю попросить, чтобы подтянула подругу по химии. Все на курсе знали, что Ромашова человек бескорыстный и безотказный. И многие этим пользовались.

В техникуме началась вторая половина учебного года. Петя после занятий каждый день приходил к Зосе, и они упорно штудировали английский язык.

Ира считала, что Петя приходит полюбоваться на ее красоту, но стесняется ей об этом сказать.

Инга относилась к парню их комнате на свой счет — с кем в их общежитии он может на равных обсуждать футбольные баталии любимого клуба? Только с Ингой — она в последнее время стала завсегдатаем ближайших киосков «Союзпечати», и все киоскеры знали, что девочку интересуют спортивные журналы и футбольные обозрения.

Зосю девочки не считали своей соперницей — маленькая еще, да и занята, как никто другой на их курсе, учебой. Петя просто, как и все, пользуется Зосиной бескорыстностью, она с ним занимается английским языком. А Петя с Зосей все свободное от занятий время проводили вместе. Вместе ходили в столовую за Петины деньги и дружно ели Зосины бутерброды из фасоли на черном хлебе.

Однажды, в столовой, Петя как всегда усадил Зосю за стол, а сам стоял с подносами в щебечущей студенческой очереди. Разговаривать ему не хотелось. Он, молча рассматривал профиль сидящей Зоси. Когда он расставил на столе нехитрый дешевый обед и уселся напротив Зоси, она спросила:

— Ты почему меня рассматривал, словно впервые увидел?

— Думал, что через год я окончу техникум, и уеду поступать в военное училище, а ты останешься здесь еще на три года. Как-то несправедливо, ты эту школьную программу щелкаешь, как семечки. Ты смогла бы учиться сразу на третьем курсе.

— Все мое время. Когда-то и я буду учиться на третьем курсе.

— Да, это так, но меня уже здесь не будет. И по этому поводу я думаю следующее: ты экстерном сдашь экзамены за второй курс и будешь зачислена сразу на третий курс. Правда, я уже буду на четвертом, но там мы разберемся отдельно. Ты сможешь самостоятельно подготовиться к досрочным экзаменам, или тебе нужны репетиторы?

— Подготовиться и сдать экзамены я, конечно, смогу, но кто мне разрешит это сделать?

— Я пока не знаю, кто может выдать подобное разрешение. Знаю только, что сдача экзаменов экстерном вещь вполне реальная. Давай мы завтра подойдем к твоему куратору и все выясним. Роза Самуиловна толковая тетка и я думаю, она тебе поможет.

— Давай попробуем. Мне самой скучно париться с детскими уроками.

— И еще, Зося, давно хочу тебя спросить — с твоей мамой что-то случилось?

Ответила Зося не сразу. Ее лицо начало заметно бледнеть, а на скулах появились бордовые пятнышки и начали разрастаться.

«Зачем я ее об этом спросил?» Упрекнул себя Петя, а вслух сказал:

— Если не хочешь, то можешь не отвечать.

Но Зося судорожно вздохнула и ответила:

— Да, она умерла! Отца у меня никогда не было. В детский дом меня не определили, потому что у меня жива и здорова моя биологическая мать. Ее угораздило родить меня в пятнадцать лет, а потом оставить в больнице. Я ее никогда не видела, живет где-то в деревне, коров доит и, наверное, вполне счастлива. Еще вопросы есть? Если нет, то прошу тебя к этой теме никогда больше не возвращаться.

— Не сердись, Зоська, за мою назойливость. Я давно заметил, что ты не радуешься жизни, слишком серьезная для твоих лет. Я твой друг, и если ты мне доверишься, то давай делиться, хотя бы бедой. Согласна?

Зося кивнула в знак согласия головой и спрятала от Пети налившиеся слезами глаза.

Розу Самуиловну убеждать долго не пришлось. В ее учительской практике еще не было

такого случая, когда студент сам, без подталкивания преподавателями, пробует перешагнуть через курс. К Зосе Роза Самуиловна относилась с уважением — сама учится только на «пять», и свою группу старается подтянуть. И организатор в Зосе просматривается отменный. Конечно, очень жалко будет потерять такого старосту, но и в эксперименте хочется поучаствовать. Роза Самуиловна достаточно быстро получила согласие директора техникума, а затем и педсовета на проведение, в порядке эксперимента, досрочных экзаменов за три семестра от студентки первого курса Ромашовой. Более того, на заседании педсовета директор техникума сказал, что инициатива Ромашовой одобрена партийной организацией техникума, и сейчас нужно предпринять все для того, чтобы досрочные экзамены состоялись. Зосю пригласили в директорский кабинет, где заседали солидные педагоги, пожелали доброго пути на тернистой дороге к третьему курсу и разрешили свободное посещение лекций.

Зося засела в библиотеке. Петя собрал у однокурсников старые конспекты за два курса и подобрал для Зоси лучший учебный материал.

Произошли некоторые изменения и в личной жизни студентки Ромашовой — комендант переселил кастеляншу из маленькой комнаты в общежитии в свой кабинет и предложил Зосе переехать на новое место жительства.

— Ромашова, мне руководство техникума приказало обеспечить тебе отдельную комнату, чтобы никто не мешал заниматься.

— А мне никто и не мешает. Я могу здесь спокойно заниматься.

— Да, мы ей не мешаем, — дружно поддакнули Ира с Ингой, — пусть живет с нами. Так веселее.

— Кому веселее? Вам? Так вам и так весело. Мне дежурная докладывала, что погулять вы любите и в общежитие поздно возвращаетесь, а потом еще и разборки учиняете — ссоритесь и громко кричите. А у Ромашовой вы списываете конспекты, потому, что спите на занятиях и свои не пишете. Домашнее задание тоже есть у кого списать — все та же Ромашова. Поэтому вам с ней и веселее. Переселю Ромашову — и всем будет хорошо. У нее появится дополнительное время для занятий, а вы, может, за ум возьметесь и начнете самостоятельно заниматься. Собирайся Ромашова! Комната отремонтирована, даже запах краски уже выветрился. Собственно, что это я тебя тут уговариваю? Это приказ, а приказы, как известно, не обсуждают.

В этот же день Зося перенесла свои вещи в другую комнату. На самом деле, соседки по комнате жили своей, отдельной жизнью, и Зося иногда даже не замечала их присутствие. Только все чаще приходилось вмешиваться в их перебранки, которые легко переходили в драки. Странная у них получалась дружба. Хитрая и коварная Инга была в этом союзе явным кукловодом. Ира, по своей наивности, постоянно попадала в ловушки, расставленные Ингой. Инга подводила Иру к совершению какого-то действия и отходила в сторону. Ира начинала верить, что все исполняет по собственной воле и инициативе и в результате совершала то, к чему ее подталкивала Инга. Ну, а затем, если это была победа, то лавры доставались Инге. Вина за совершенные неблагоприятные поступки всегда ложилась на Иру. При этом Инга свою любимую подругу еще и зло высмеивала, в основном прилюдно. Когда Ира начинала понимать, что снова стала марионеткой в Ингиных руках, было уже поздно что-либо исправить. Вот тогда-то и происходили кулачные бои и временный разрыв отношений. Обычно длился он час или два. Потом Инга убежденно клялась Ире, что она ни в чем не виновата, и все произошло без ее прямого участия. А если и виновата она, то самую малость,

совсем чуть-чуть, но больше этого не повторится никогда. Подобные ссоры и примирения между девочками происходили довольно часто и, конечно же, Зосе очень не нравились. Кроме Пети, яблоком раздора между девочками уже успели побывать еще два мальчика. И самое главное — Зосе очень хотелось иметь отдельный угол, чтобы хоть изредка можно было подержать икону Богородицы в руках. Со дня приезда в Горевск, она так ни разу и не достала икону из портфеля.

Через два месяца Зося начала сдавать экзамены. Преподаватели удивлялись — без натяжек с их стороны Зося всегда получала пятерку. К концу учебного года Зося сдала все зачеты и экзамены за первый и второй курсы и была зачислена сразу на третий курс. Следующие два курса она снова решила окончить за один год. И дирекция техникума, но уже после некоторых раздумий, опять дала согласие. Партийная организация техникума и, теперь уже, райком партии снова инициативу студентки охотно поддержали. На третьем и четвертом курсах в основном изучали предметы по специализации, и большой вопрос, сможет ли девочка самостоятельно разобраться в дебрях банковского дела. Директору техникума пришлось обратиться за советом, и одновременно за согласием, к начальнику Горевского филиала «Проминвестбанка». Ведь после окончания техникума Ромашова будет распределена на работу именно в этот банк, банк, который направил ее на учебу. В банке сразу же было принято мудрое решение обеспечить Ромашовой банковскую производственную практику на весь период летних каникул. Зося принимали в банк на работу в качестве стажера и, ура, с выплатой заработной платы. Для Зоси это было грандиозное предложение, решающее все ее проблемы с летним студенческим отпуском.

Петя на три месяца уезжал работать со стройотрядом. На вокзал они приехали задолго до отправления поезда, купили мороженое и уселись на скамеечку в привокзальном сквере.

— Ты, Зоська, не грусти, — ласково убеждал Петя помрачневшую подругу, — заработаем деньги, и в сентябре устроим себе каникулы по полной программе — кино, театр, кафе, что еще? Все успеем. А-то ты так была занята своими экзаменами, что мы нормально даже и поговорить-то не успели, а не то, чтобы отметить твои успехи. Ты тут больше отдыхай, сил набирайся. Видишь, как все хорошо устроилось. А я ведь все думал, куда тебя пристроить на летние каникулы, даже с мамой договорился, чтобы она тебя к нам пригласила. Ты бы со мной поехала работать, но до стройотряда тебе еще несколько лет расти надо. Ребенок ты еще, Зоська! Тебе бы в куклы играть, а не решать взрослые проблемы.

— Что ты, Петя, говоришь? Я давно уже взрослый и самостоятельный человек. А то, что у меня нет пока паспорта — это поправимо, через год получу. А вот без тебя мне будет одиноко. А знаешь — ты мне письмо напиши, я буду очень ждать! Напишешь? Только все подробно — где работаешь, как отдыхаешь, с кем дружишь. Напишешь?

— Да, Зося, обязательно тебе напишу. Приеду, устроюсь, разберусь, что к чему и перед тобой отчитаюсь. А ты тут не сиди взаперти в комнате. В Горевске есть отличный пляж. Там каждый день столько отпускников собирается! У тебя же здесь есть подруга, рыжая такая, вот вы вместе и ходите на пляж. Ты плавать-то умеешь?

— Нет. У нас в Ивановске речки нет. А к морю, мы с мамой ездили только два раза, да и то поздней осенью. У мамы специфика работы была такая, что отпуск она получала только зимой или осенью. А подруга есть — это точно. Только мы в последнее время редко встречались. Это все из-за меня, я всегда занята была, и Милочка, наверное, на меня обижена.

— Ну, вот, настало самое подходящее время для примирения. А сейчас — держим курс

на перрон, скоро поезд подойдет.

На прощание Петя погладил чудесные Зоськины волосы и махнул рукой:

— Пока, Зося! Береги себя, и не грусти.

Петя запрыгнул на площадку тронувшегося поезда. А Зося побрела в свое общежитие. На душе было тяжело и грустно. На три месяца уехал друг, который целый год поддерживал ее и помогал в трудные минуты ее жизни. Ох, каким тяжелым мог оказаться этот год, если бы не Петя. А вот Милочка не стала ей настоящей подругой. И обиделась Мила на Зосю похоже, всерьез и надолго за то, что была оставлена без помощи в учебе и завалила почти все экзамены. Правда, отчислена из техникума не была — ей разрешили переэкзаменовку в сентябре. «Нужно будет летом с ней позаниматься, а то я так увлеклась собственными экзаменами, что забыла о Людмиле. А ведь Люда один раз разыскала меня в техникуме и жаловалась, что пыталась пару раз прорваться в наше общежитие, но вахтеры ее не пропустили. Какая же я невнимательная и черствая, — укоряла себя Зося, — мама всегда мне говорила, что добро и зло в отношениях между людьми не исчезают бесследно, все возвращается бумерангом, да еще и в приумноженном количестве. А я, похоже, вела себя, как последняя эгоистка — только собой и была занята. Возможно, Люда еще успеет исправить свои «неуды». Но как же мне ее найти? Домашний телефон не знаю, адрес тоже. Придется ждать, когда Милочка сама объявится»

В опустевшей канцелярии техникума Зося получила направление на летнюю стажировку и отправилась искать банк. Она не знала, что такое стажировка и чем она будет три месяца заниматься в таком солидном учреждении, как банк. Может, нужно будет учиться считать деньги или их паковать. А что еще могут поручить в банке девочке-школьнице? Слово «зарплата» ассоциировалось у Зоси с выполнением, какой-либо работы. Не будут же деньги просто так платить. Вот выполнение этой работы и настораживало Зосю. Справится ли она с ней, неизвестной банковской работой?

В отделе кадров навстречу Зосе доброжелательно заулыбалась молодая блондинка.

— Здравствуйте, Зоя Николаевна. Наслышаны о ваших успехах в учебе. Наше руководство приняло решение оказать вам помощь в подготовке к сдаче экзаменов за третий и четвертый курсы. Нам грамотные специалисты нужны. Для вас подготовлена нашими работниками программа стажировки на три месяца. Вы поработаете во всех наших отделах, вашей стажировкой будут руководить лучшие специалисты банка.

— Спасибо. Скажите, а денежные хранилища я тоже увижу. Я видела в кинохронике, как быстро кассиры считают деньги, я так пока не умею.

— Конечно, побываете Вы и в хранилище, но деньги считать Вам не придется.

— Я понимаю, это же деньги, а я для банка посторонний человек.

— Не совсем так. Деньги считают машины, на них работают материально ответственные кассиры. С вами мы пока договор о материальной ответственности заключить не можем. Сколько Вам сейчас лет?

— Пятнадцать. Уже исполнилось.

— Пятнадцать? Значит когда Вы, Ромашова, окончите техникум, Вам исполнится всего шестнадцать лет? У нас в банке коллективная материальная ответственность. И подобный договор мы заключаем с лицами, которым уже исполнилось восемнадцать лет.

— Значит, меня могут не принять на работу в банк? И я напрасно сдаю экзамены экстерном?

— Да, Вы, не волнуйтесь так! Мы Вас направляли на учебу, и сейчас помогаем. Значит,

мы что-то придумаем. Дворником работать Вас никто не отправит. Может, сразу же направим на учебу в институт. Такое тоже возможно. Вы ведь не будете возражать против института?

— Нет, конечно. Я очень хочу окончить институт.

— Вот и славно. Окончите институт за два года и милости просим к нам на работу. Не напрягайтесь, я просто пошутила. В институте можете учиться все положенные пять лет. А сейчас я Вас провожу в первый отдел. С ними программу стажировки окончите, и они Вас передадут следующему отделу.

Зося и раньше бывала в государственных, серьезных учреждениях, например, у мамы на работе, но такой коллектив она видела впервые. Женщины в строгих деловых костюмах одной серой гаммы, с аккуратно уложенными волосами и ухоженными руками. На первый взгляд, косметикой банковские служащие не пользовались, но она присутствовала на каждом лице, правда в минимальных количествах и неярких тонах. Зося решила, что в банках введена униформа и попробовала это выяснить у молодой девушки, которая работала оператором на огромной машине, похожей на телетайп:

— Скажи, пожалуйста, в банке все носят форму?

— Нет, формы у нас нет.

— Но вы все как-то одинаково одеты.

— А, вот что ты имеешь в виду, — рассмеялась девушка, — форма одежды утверждена внутренним распорядком банка. Мы этот распорядок принимали на собрании и все проголосовали за серый цвет и каблук до пяти сантиметров. Кроме того, требования к внешнему виду сотрудника банка предусматривают ухоженные руки без яркого маникюра, незаметную косметику и еще многое другое. Тебя когда будут принимать на работу, то в кадрах с внутренним распорядком ознакомят под роспись. Придется и тебе шить серый костюм и как-то закалывать твои длинные волосы. А ты не можешь поделиться со мной своей тайной — ты пользуешься каким-то специальным шампунем или у тебя есть свой секрет по уходу за волосами?

— Нет, — смутилась Зося, — мама говорила, что волосы в нашей семье у всех женщин такие. Как бы родовая примета. Значит, волосы надо заколоть?

— Не знаю. Ты у нас стажер, может тебе можно и так, но лучше всего не лезть в чужой монастырь со своим уставом.

На следующий рабочий день Зося появилась в банке с собранными в большой узел волосами и в сереньком костюмчике. Мама любила ее наряжать и хороших вещей пока хватало.

Все три месяца летних каникул Зосе рассказывали, и показывали на примере: как выдать кредит, проконтролировать его использование; принять от клиентов платежные документы, проверить их и провести по банковскому балансу; выдать кассирам предприятий денежную наличность, пересчитать и запаковать деньги. При разработке плана стажировки банковские работники опирались на программу подготовки банковских специалистов в техникуме и свой собственный опыт практической работы. Зосю поглотила новизна терминов и понятий.

Рабочий день заканчивался, но из банка уходить никто не спешил — доделать отчет, провести ревизию кассы, спаковать кредитное досье, подготовить документы на подпись руководству. Зося оставалась вместе со всеми и помогала, чем могла — подшить документы, забрать печатный материал из канцелярии и проверить его. Да, мало ли где понадобится

помощь ответственного человека.

Но все проходит — закончилась и Зосина стажировка. Банкиры оценили ее деловые качества, написали положительную характеристику и назначили ежемесячное денежное пособие на весь период обучения в техникуме.

До начала учебного года оставались три дня, и Зося решила пополнить свои продуктовые запасы — завтра возвращается Петя. Студенты пока не заполнили общежитие после летних каникул, и общая кухня общежития была совершенно свободна, так почему же не побаловать Петю чаем с домашним пирогом.

Гастроном был через квартал от общежития, там же можно было зайти и в овощной магазин.

За летнюю стажировку банк выплатил Зосе, по ее меркам, приличную сумму, да и от стипендии за летние месяцы кое-что осталось, но Зося придирчиво изучала ценники на продуктах и покупала только самое необходимое. Наконец, в гастрономе все было куплено, можно отправиться в овощной магазин.

Возле самого магазина Зося увидела девчонку с приметными рыжими волосами. «Ну, конечно, это Милочка», — обрадовалась Зося.

— Милочка, — окликнула Зося, — как хорошо, что я тебя заметила.

— И что в этом хорошего? — бросила сердито Мила и пошла от Зоси в сторону автобусной остановки.

— Люда, подожди. Давай поговорим, — растерянно просила Зося, — не сердись. Я лето работала, а где ты живешь, не знала. Я, правда, очень хотела тебе помочь подготовиться к переэкзаменовке, но не знала, как тебя найти. Пришла бы ко мне сама.

— Я как-то заходила, но меня не пропустили. Ты стала такая знаменитая, что к тебе охрану приставили — вахтеры говорят, что к Ромашовой нельзя, их высочество занимают.

— Люда, ну подошла бы ко мне в техникуме. Ладно, Люда, не сердись. Время еще есть, и мы можем позаниматься у меня в общежитии. А вахтеров я попрошу, чтобы тебя ко мне пропускали.

— Сейчас мне твоя помощь не нужна. Дорога ложка к обеду, знаешь такую пословицу? И вообще ты мне очень неприятна — деревенская выскочка, и не так уж ты умна, как кажешься на первый взгляд. Ты блаженная идиотка, и пользуются тобой все подряд. Одному написать, другому списать, а ты думаешь, что тебя все любят и уважают. Кстати, и Петя Котович завел с тобой дружбу только для того, чтобы ты с ним английским занималась. Об этом все знают, только ты в неведении. Короче говоря, ты наивная дурочка, а я с такими не дружу. Пошла вон, и ко мне больше не смей подходить. Поняла?

— Да, я все поняла. Ну, счастливо тебе, Милочка!

Зося совершенно забыла, что хотела зайти в овощной магазин. Развернулась и медленно пошла в сторону общежития.

Петя приехал на следующий день, забросил вещи в свою комнату и сразу помчался к Зоське. А там его ожидал накрытый стол с яблочным пирогом и колдунами из молодого картофеля.

— Зоська, как же я рад тебя видеть. Ты как-то изменилась, и прическа у тебя появилась. Куда ты спрятала свои волосы? И что я вижу на столе? Я к тебе шел, а по всему общежитию запахи. Домом пахнет. Зоська, это ты сама готовила? А как твоя стажировка? Что такое банк? Ты разобралась?

— Петя, давай остановись и задавай свои вопросы по одному. Ты, кстати, меня не часто

баловал своими письмами и у меня к тебе тоже есть вопросы. Поэтому, садись за стол, мы с тобой будем кушать колдуны, и разговаривать. У тебя есть время?

— Ну, конечно. Итак, гражданка Ромашова, первый вопрос: какое событие в твоей жизни за прошедшие три месяца было самым ярким и ты запомнишь его на всю жизнь?

— Событие такое действительно было, и оно случилось вчера. Мне вчера отвесили огромную оплеуху.

— Тебя побили? Кто и за что? Ты написала заявление в милицию? А лучше покажи мне этого урода, я сам с ним разберусь.

— Меня ударили не физически, а морально. Ты помнишь мою однокурсницу Милочку Пименову?

— Да, помню — такая рыжая разбитная девица. От нее можно ожидать всего, что угодно. Она тебя оскорбила?

— Я не знаю, как это назвать. Скорее всего, она старалась меня унижить и подчеркнуть, что со своей городской пропиской она на порядок выше меня.

— Ничего не понимаю. Почему ей понадобилось унижать тебя. Ты ей постоянно помогала в учебе и практически все экзамены сдавала за нее. Что случилось?

— В том-то и дело, что в последнюю сессию я была занята своими делами, не смогла ей помочь, и она благополучно завалила все экзамены. Ей назначили переэкзаменовку почти по всем предметам. Вчера я увидела Люду возле магазина и предложила ей свою помощь. Но она сказала, что слишком поздно и она в моей помощи не нуждается. А заодно сказала, что я наивная дура, которой все пользуются и она с такими блаженными идиотками, как я, не дружит. Я целый день думала, как это можно мной пользоваться — я, что бесхозная старая калоша, которую все обувают в дождливый день? Кстати, и тебя она вспомнила — сказала, что и ты со мной дружишь, только из-за того, что я занимаюсь с тобой английским.

— Ну, здесь она явно переборщила. Вспомни, когда мы с тобой последний раз занимались английским? Вспомнила? Ну, слава богу, хоть меня тебе подозревать не в чем. А что касается твоей наивности, то эта Пименова почти права. Ты действительно очень наивный человек. Подожди, не хмурься — я не закончил свою мысль. Я в каком-то мамином учебнике по психологии читал, что одаренные люди всегда наивны и честны. Эти твои качества нельзя рассматривать как отрицательные — ты концентрируешь свою энергию и силы в одном, интересном для тебя направлении, и мышиную возню корыстных людей вокруг себя просто не замечаешь. У тебя не хватает времени и сил разбираться в их поступках с точки зрения честности и порядочности. Поэтому, если тебя просят о помощи, то ты просто отнимаешь у себя время и помогаешь. Так быстрее и проще. А твоя Люда-Мила мне сразу не понравилась — двухсторонняя она какая-то. С одной стороны ласковая, доброжелательная и вся из себя порядочная. А вторая ее сторона — темная, завистливая и корыстная. И это очень правильно, что она тебе отказала в своей драгоценной дружбе. Без нее тебе будет гораздо спокойнее и безопаснее.

— Петя, мне так повезло, что у меня есть такой друг! Спасибо тебе — я было, и вправду решила, что нужно заняться своим перевоспитанием. По поводу Люды ты, наверное, немного ошибаешься — не такая уж она и коварная. Неустроенность быта и нищета — главные источники ее агрессии. Кстати, что это за дар — видеть человека с изнаночной стороны? Ты, что ясновидящий?

— Книжки по психологии читать надо. Там все про таких «мил-людмил» прописано. Если мы покончили с твоей наивностью, то может, ты мне расскажешь о своей стажировке?

— Я не знаю, чем я заслужила эту стажировку. Представляешь, почти три месяца, солидные и занятые люди подробнейшим образом рассказывали и показывали в работе банковскую деятельность. Конечно, сразу понять и оценить работу такого огромного учреждения, как банк, просто невозможно. Тем более мне. Но я сразу влюбилась в банковский коллектив, четкую организацию работы и ответственность за решение каждого, даже самого пустякового вопроса. Правда, там считают, что в их работе пустяковых вопросов не бывает. Мне показалось, что в банке работает коллектив единомышленников, и я придуся у них ко двору. Но чтобы четко знать свое место в банковском механизме, мне, наверное, придется еще очень долго учиться. Оказывается, после окончания техникума я не смогу работать в банке — там коллективная материальная ответственность, а мне к тому времени исполнится только шестнадцать лет. Мне в отделе кадров сказали, что, скорее всего, меня сразу направят на учебу в институт. Я не просто рада — я счастлива! Мне просто необходимо сразу поступить в институт. Моя успешная учеба — это мамино завещание.

— Вот, видишь, как все удачно в твоей жизни складывается! Зося, а давай мы наш разговор продолжим на улице. Погода самая чудесная, мы пока ничем не заняты — самое время погулять. Согласна?

Последние два дня летних каникул они провели вместе — пешком прошли через всю старую часть города с одно— и двухэтажными домами, прокатились на маленьком теплоходике по реке, сходили в краеведческий музей. Два дня беззаботной, веселой и совсем еще детской жизни — со сливочным мороженым на деревянной палочке и теплыми пирожками в засаленной бумажке с уличного лотка!

С первого сентября у Пети начались обычные занятия в техникуме, а Зося снова завалила свой рабочий стол учебниками и конспектами. Текущий учебный год Зося разделила на два части — до зимней сессии сдать все экзамены за третий курс, затем небольшой отдых и подготовка дипломной работы.

После сдачи экзаменов за третий курс просто необходимо съездить в Ивановск, навестить мамину могилку и рассказать ей про свои успехи. Целый предыдущий год Зося мечтала о поездке в родной город, но сначала не было денег на билет, а потом — свободного времени. И вот экзамены сданы, деньги есть, можно идти на автовокзал и покупать билет. В предварительной кассе Зося купила автобусный билет до Ивановска и пошла искать Петю — он пока о ее планах ничего не знал. Петю искать не пришлось: он стоял в коридоре возле ее комнаты.

— Зоська, а я тебя ищу. Где ты была?

— Я купила билет и через два дня уезжаю в Ивановск — после маминых похорон я еще не была на ее могиле.

— Понятно. А я хотел тебе сказать, что мне тоже нужно навестить маму и помочь ей. Позвонила соседка и сказала, что мама лежит в больнице с воспалением легких. Я был на вокзале, но мой поезд будет только послезавтра. Из этого следует, что у меня в запасе есть один день, и завтра я тебя приглашаю сходить на каток.

— Петь, так я же никогда не стояла на коньках.

— Тем более пойдем — стыдно такой взрослой девице бояться лыж и коньков. Собирайся, завтра часиков в одиннадцать я за тобой зайду.

Когда Петя и Зося подошли к пункту проката коньков, там уже выстроилась длинная очередь.

Только через час они подобрали себе коньки и переоделись. Каково же было их

удивление, когда они увидели еще большую очередь в раздевалку, где можно было оставить вещи на хранение.

— Знаешь, Петя, — сказала Зося, — давай мы обойдемся без раздевалки. Ну, посуди сам, какие у нас вещи? Мои старые сапоги и твои ботинки! Давай мы их положим в пакет и спрячем вон под той скамейкой. Я уверена, ничего с ними не случится, зато мы сэкономим кучу времени.

Петя тоже не хотел стоять в очереди, поэтому Зосино предложение было сразу же одобрено. Лед Зося освоила с третьего круга. День был морозный, но солнечный и безветренный.

— Петя! Как здорово, — восхищалась Зося, — давай чаще выбираться на каток.

— Согласен, но сегодня мы будем кататься не более двух часов. А вообще-то на первый раз и одного часа бы хватило.

Но Зося уходить домой не торопилась — кружок, ну еще один кружок, а сил хватает и на третий.

Только к концу дня Петя уговорил Зосю сойти с ледовой дорожки.

Под скамейкой их пакета не оказалось. Когда они обследовали все скамейки на стадионе, стало совершенно очевидно, что их пакет украли.

В пункте проката коньков оказалась какая-то пара старых мужских ботинок, которые вполне подошли Пете, а для Зоси ничего не нашлось. До их общежития, переулками, можно было добраться за десять, пятнадцать минут. Но для них этот путь растянулся не менее чем на час. Зося шла в ботинках с коньками, осторожно переставляя онемевшие ноги. Петя пытался взять ее на руки, но она решительно запротестовала, мол, сама дойду. В конце концов, Зося присела на ступеньку какого-то здания, сняла ботинки и бегом понеслась к общежитию. Петя, при всей своей спортивности, едва поспевал за ней.

— Ну, ты и шустрая! — сказал Петя, открывая дверь Зосиной комнаты, — бежала, как на соревнованиях. Давай, замени свои носки сухими, приготовь чай, а я переоденусь и еще к тебе зайду.

Но когда Петя вновь зашел в ее комнату, Зося уже спала, свернувшись калачиком, на неразобранной кровати. На электрической плитке исходил паром чайник, на столе стояли две чашки. Петя вытащил из-под Зоси одеяло, укрыл ее. Зосино лицо сияло ярким румянцем, на лбу выступили капельки пота.

Петя снял чайник с плитки, выключил свет и тихо прикрыл за собой дверь.

«Сильно устала или заболела? Может мне не уезжать? Нет, это не решение — там мама в больнице! Но и Зосю присмотреть как-то надо, — терзался Петя сомнениями, — эврика, придумал! Все будет хорошо».

К середине ночи Зося замерзла и проснулась. С трудом поднялась, разыскала теплую пижаму и переделась. Все тело болело, как будто ее долго били. Зося снова улеглась в постель, с головой укрылась одеялом, но согреться не получалось — она дрожала в болезненном ознобе, руки и ноги были налиты ледяной стужей.

Только к утру Зося разогрелась, распарилась, запыхалась жаром. «Наверное, простыла. Хорошо бы сейчас встать и выпить таблетку, — подумала Зося, — вот разболеюсь и снова к маме не съезжу. Какая же я неуклюжая и несобранная. Все-то у меня вкривь и вкось». Корила и жалела себя Зося, но встать и взять таблетку не было сил. Она снова закрыла глаза и провалилась в тяжелую дремоту. И то ли во сне, то ли наяву к ней пришла мама, поила ее чаем, уговаривала проглотить таблетку и выпить ложку бульона. Зося чувствовала свою вину

перед мамой, пыталась в чем-то оправдаться, обещала все исправить и все просила маму остаться с ней, Зосей, и больше никуда не уходить.

Очнулась Зося только через два дня. В комнате уже серели сумерки. На стуле возле стола сидела женщина. Ее голова лежала на стопке Зосиных конспектов. Черные волосы с заметной проседью и грузная фигура женщины Зосе кого-то напоминала. Но кого? Зося приподнялась, чтобы лучше рассмотреть женщину, кровать предательски заскрипела и женщина подняла голову. Уставшее лицо с темными кругами вокруг глаз, на одной щеке остались глубокие вмятины от конспектов.

— Здравствуйте, Роза Самуиловна.

Зося старалась четко произносить слова, но язык, словно распух и превратил слова в невнятные звуки.

— Ромашова, пожалуйста, молчи. Ты очень слаба и уже счастье, что пришла в сознание. Напугала ты меня, Зоя Ромашова! Надеюсь, что кризис мы миновали, а уж теперь я тебя точно на ноги поставлю. Миха, входи, — громко кого-то позвала Роза Самуиловна.

Михой оказался комендант общежития, Михаил Исаакович.

— Все готово, Розочка! Уборку в твоей квартире закончили, постельное белье на кровати поменяли, машина стоит возле входа. Вот пледы, можно выходить. Мне выйти, пока девочка будет одеваться?

— Оставайся, Миха! Тебя уже давно никто не стесняется. А Зое понадобится помощь, да и вещи нужно собрать и перенести в машину. Зоенька, ты сможешь самостоятельно дойти до крыльца, там стоит машина?

— А меня вы в больницу отправляете? Я не хочу в больницу, лучше я здесь останусь, скоро Петя приедет. Пожалуйста, Роза Самуиловна, оставьте меня здесь.

— Нет, Ромашова, в больницу мы не поедем — сами справимся. Мы с тобой сейчас соберем твои вещи и переедем ко мне, дома и стены помогают. Я и сама очень устала — почти две ночи не спала, вот сейчас только и вздремнула пару часов, но это и не сон вовсе, а небольшая релаксация. Ты всю ночь металась, горела вся и маму звала. Врачи говорят, что не так простуда тебя уложила в постель, как хроническая усталость. Тебе сейчас покой нужен и куриный бульон. А куриный бульон, Зоя, мое фирменное блюдо. Ну, давай попробуем подняться.

Через два часа Зоя и ее нехитрый скарб на старенькой Михиной машине были доставлены в трехкомнатную коммунальную квартиру, где две комнаты занимала Роза Самуиловна, и одну — Михаил Исаакович. Зою немедленно уложили в постель, напоили куриным бульоном и приказали подремать.

Зоя осталась в незнакомой комнате одна. Но странное дело, комната не казалась ей чужой и казенной. Это был ее родной угол в маминой квартире — светленькие обои, книжные полки, и, главное, на подоконнике целый ботанический сад. И запах — чистоты, свежести и еще чего-то домашнего и уютного. Зоя блаженно прикрыла глаза и сразу уснула здоровым, исцеляющим и тело, и душу сном.

Утро принесло облегчение — температура спала, осталась только слабость и неприятная дрожь в руках и ногах.

Роза Самуиловна и Михаил Исаакович на кухне пили чай и что-то тихо обсуждали.

— Вот и славно, сама проснулась. Мы уже хотели разбудить тебя, — засуетилась с тарелочками и чашечками Роза Самуиловна, — сон — это очень хорошо, но тебе нужно еще и режим питания соблюдать. Ты, Миха, иди по своим делам, пусть девочка спокойно

позавтракает, ей покой нужен. Смотри, Зоя, вот здесь ты можешь помыться и привести себя в порядок. А я пока тебе завтрак соберу.

— Роза Самуиловна, я спросить Вас хочу — как Вы узнали, что я больна? Михаил Исаакович сказал? Но он ко мне в комнату никогда не заходил.

— Все, Зоя, не так. Не надо Михе присуждать чужую премию. Твой Ромео — Петя Котович среди ночи меня разбудил и сказал, что, скорее всего, ты серьезно заболела и нуждаешься в помощи, а ему уезжать надо — Клаву в больницу положили. Клава — его мама, Клавдия Ивановна, моя бывшая однокурсница. Вот я Петруше и дала клятву, что присмотрю за тобой. Хорошего парня Клава вырастила — честный, верный и надежный человек получился. Поздний он у нее, а поздние дети по утверждению медиков — люди особой категории. Повезло тебе с другом, Зосенька. Кстати, мне твое второе имя очень нравится. Зося — романтика и аристократизм! Кто тебе такое имя придумал? Мама?

Зосина рука дернулась, из чашки выплеснулся горячий чай. По щекам струйкой потекли слезы. Роза Самуиловна вскочила со стула, прижала рыдающую Зосю к себе.

— Моя мама..., моя мама, — не могла выговорить страшное слово Зося.

Ее лицо свела судорога, слезы лились сплошным потоком — она впервые, не прячась, оплакивала свою боль и страшную потерю — свою маму. Она даже Пете не доверила свои слезы и страдания. А, может, просто боялась, что Петя пожалеет ее — маленькую, одинокую, брошенную девочку. А вот жалеть ее совсем не нужно — это унижительно и жестоко.

Зося рыдала, спрятав искаженное лицо, на груди совсем незнакомой, но такой близкой женщины. Роза Самуиловна гладила ее волосы и молчала. Пусть девочка растопит весь лед из своего сердца, давно бы ей поплакать. Всегда натянута, как струна, словно заледенела в своем горе. И ведь кроме Пети никого к себе не подпускает. Уж как она, Роза Самуиловна, искала к ней пути-дороги, но все безрезультатно. Грех так думать, но только эта вот болезнь, возможно, и поможет ей выйти из страшной депрессии.

Постепенно Зося начала успокаиваться.

— Зосенька, давай пообещаем друг другу — всегда обсуждать наши проблемы. Ты, возможно, думаешь, что я живу счастливой, обеспеченной жизнью и меня ничего не тревожит. Ох, Зосенька, проблемы в моей жизни возникают, словно, грибы после дождя. А вот подруги, которой можно было бы доверить все свои тайны, у меня нет. И я очень рассчитываю на твою дружбу, Зося. Ну, что скажешь, сможем мы стать настоящими друзьями?

— Я постараюсь, — продолжала всхлипывать Зося, — для меня мама была настоящим другом.

— Зосенька, я на мамино место не претендую, просто немного потесню своего любимого Петрушу.

— Хорошо, — заулыбалась Зося, — Петя не обидится.

— Вот и договорились. Ты сейчас отдыхай, набирайся сил, у тебя впереди еще дипломная работа. Я знаю, что ты собиралась мамину могилку навестить, но заболела. Скажи, а твоя мама, какую пору года любила больше всего?

— Весну. Она была агрономом и говорила, что весна — это зарождение и начало жизни.

— Тогда решено, весной мы поедем к твоей маме. Миха обязательно нас свозит в твой родной город. А на ближайшее будущее у нас с тобой следующая программа — отдыхаем,

ждем Петю, втроем профессионально занимаемся языками и готовим ваши дипломные работы.

Эта ночь была самой длинной в Зосиной жизни.

Она лежала с открытыми глазами и прислушивалась к звукам, доносившимся со двора. Михаил Исаакович с вечера под окном Зосиной комнаты поставил свою машину и, шутя, велел ей присматривать за его сокровищем. Так вчера распорядилась Роза Самуиловна:

— Ты, Миха, машину сегодня не загоняй в гараж, пусть постоит во дворе, ничего с ней не случится. Нам с Зосей хотелось бы пораньше выехать в Ивановск, если ты не забыл, то завтра у православных верующих поминальный день. Поэтому нам в первой половине дня нужно быть на кладбище, мы ведь не знаем где могилка, придется поискать. А потом Зося хочет побывать у своей бывшей соседки, там у нее кое-какие вещи остались. Может, и не нужны ей эти вещи, но это память о маме и раз уж мы приедем на машине, то, наверное, не составит тебе большого труда перевезти их к нам. Пусть девочка успокоится.

— Все сделаем, Розочка. Ты только сама перестань волноваться, а то, глядя на тебя, и я начну нервничать. Зосенька-то с того дня, как мы решили ехать в Ивановск, места себе не находит. Бледненькая стала, аппетит совсем пропал, а может и недосыпает.

— Да, поскорее бы уж нам могилку найти. Зося все себя терзает, что до сих пор не смогла свою маму навестить. Вот она, настоящая дочерняя любовь. Девочки как-то больше привязаны к дому и семье. У ребят все иначе — встретил свою вторую половину, полюбил, и о матери сразу забыл. Заменяет ему любимая жена материнскую любовь. Мой вон сын, пусть будет здоров и счастлив, звонит мне только на новый год и день рождения. Задаст традиционный вопрос: «Мам, ты как?» и больше говорить не о чем, все темы исчерпаны. Он даже на похороны отца не смог приехать — его жена должна была рожать. Правда, родила она только через три недели — успел бы и отца похоронить, и жену в роддом отвезти.

— Не носи обиду в сердце, Розочка. Радуйся, что твой сын достойный человек, должность солидную в посольстве занимает, сыт, одет, обут. Что тебе еще нужно? Я понимаю, хотелось бы внимания и заботы, но ведь и ты богом не обижена. Работа, деньги, жилье. А сейчас вот и девочка у нас появилась. Правда, одна на двоих, но я думаю, мы с тобой ее делить не станем.

— Вот здесь, Миха, ты прав — Зосенька появилась и, словно, жизненных сил добавила. Мне уже, который год некому бульон готовить, так и интерес к жизни почти пропал. На работе только и находила спасение. А человек без дома — это сирота даже в глубокой старости. С появлением Зоси в нашу коммуналку весна возвратилась, а весной, как говорила Зосина мама, жизнь начинается. А ты тоже к Зосе привязался?

— А у меня кроме тебя и Зоси вообще никого нет. Я раньше все боялся, что получишь ты отдельную квартиру или замуж выйдешь и съедешь отсюда. Только когда Зося к нам переселилась, стало как-то спокойнее на душе. Появилась уверенность, что не бросите вы меня одного ни в старости, ни в болезни.

— Ладно, Миха, иди спать. Водитель нам бодрый и здоровый нужен. А бросать-то тебя никто никогда и не думал.

Утренние сборы были короткими — Роза Самуиловна завтрак и бутерброды в дорогу приготовила с вечера.

До Ивановска добрались без особых приключений и поехали сразу на кладбище.

Роза Самуиловна забрала из машины цветы и вазу с водой, велела Михаилу Исааковичу

ожидать их в машине, а заодно передохнуть после дороги, и пошла к Зосе, которая в нерешительности стояла возле открытых кладбищенских ворот.

— Где-то там, — кивнула Зося на центральную часть кладбища.

— Может, спросить у кого-нибудь? Твою маму здесь, наверняка, почти все знали.

— Нет, поищем сами. Мы должны найти ее сами, — упрямо твердила Зося, — нельзя спрашивать, где мамина могила. Я должна была давно ее найти.

— Хорошо, Зося, пойдём искать.

Большое городское кладбище вдоль и поперек было разделено аллеями. Когда-то, именно Зосина мама распорядилась благоустроить кладбище, выровнять аллеи и высадить по краю деревья. Одна из аллей кладбища с двух сторон была в обрамлении каштанов. Вот туда и направилась Зося — каштан, любимое мамино дерево и об этом обязательно знал Иван Сергеевич. Ну, конечно, там! Вон с краю молоденький каштан только силу набирает среди взрослых сородичей. Зося почти бегом кинулась к деревцу.

Роза Самуиловна махнула ей рукой, мол, беги, беги, а я подойду. И Зося не ошиблась — молоденький каштан был посажен перед могилкой ее мамы. Аккуратненькая ограда, скромный памятник и, главное, фотография — Василина с венком на голове из полевых васильков, а вокруг колосья ржи. Зося прижалась губами к маминой фотографии и долго шептала какие-то, только им двоим понятные слова.

— Зосенька, смотри, к твоей маме гости пришли, — голос Розы Самуиловны пробился в затуманенное сознание девочки и вернул ее в реальность.

В оградку входил Иван Сергеевич.

— Зоська, как я рад тебя видеть. Жива, здорова? Почему так долго не давала о себе знать?

Иван Сергеевич обнял Зосю, усадил рядом с собой на скамеечку.

— Рассказывай — как учеба, где живешь, почему не приезжала?

— Я, Иван Сергеевич, в этом году оканчиваю техникум. И в этом же году буду поступать в институт. Так мама мне завещала.

— Ну, молодец! Василина совершенно правильно считала тебя взрослым человеком. А с кем ты приехала? Почему не познакомишь?

— Это Роза Самуиловна, она мне как мамина сестра, — определила степень родства со своей черноволосой спутницей Зося.

— Так мамина сестра — Юлия, твоя бабушка. Она в деревне живет. Ты разве не знала об этом?

— Не понимаете Вы, Иван Сергеевич. Та мамина сестра мне чужой человек, а Роза Самуиловна — настоящая родная тетя.

— Вот, теперь понял. Вы, очевидно, родственники не по крови, а по духу. Так, Зося?

Они еще долго сидели на скамеечке втроем и говорили, говорили.

— Нам пора, Зося. Мы совершенно забыли, что нас ожидает Михаил Исаакович. Ну и дела в Ивановске мы еще не все завершили. Заезжайте к нам, Иван Сергеевич, когда бываете в Горевске. Мы будем очень рады Вас видеть.

Роза Самуиловна и Зося направились к выходу из кладбища.

Татьяна Ивановна была дома и, увидев Зосю на пороге своей квартиры, разволновалась и расплакалась.

— Зосенька, с кем ты приехала? Зови всех в квартиру, а я пока на стол соберу. Все думала — хоть бы кто зашел, посидели бы, родственников помянули. Я уж почти из дома не

выхожу, особенно после похорон мужа. Сегодня вот только на кладбище сходила, а так все дома.

Татьяна Ивановна усадила всех за стол с нехитрыми закусками, себе и Розе Самуиловне плеснула на дно граненых чарочек темно-красную домашнюю наливку.

— Давайте, помянем наших дорогих усопших. Пусть память о них навсегда останется в наших сердцах. Твою-то маму, Зосенька, многие в нашем городке поминают добрым словом. К людям всегда лицом она была повернута. Вот и сегодня на кладбище люди спасибо ей говорили за заботу о кладбищенской территории. Тебя вот только не смогла обеспечить — все ирод проклятый, Олежек этот, отобрал. Сейчас запустил квартиру — грязь и вонища, сам каждый день пьяный и не работает нигде. А дачку вашу продал сразу после похорон Василины Дмитриевны.

— Татьяна Ивановна, давайте не будем говорить про дядю Олега. Пусть живет, как хочет. Я приехала сюда, чтобы маму навестить, да Вас повидать. Ивана Сергеевича встретили на кладбище, он мамину могилку присматривает и маму часто навещает. Уж и не знаю, смогу ли я отблагодарить его.

— Что ты, Зосенька, он в благодарности и не нуждается! Любил он твою маму всю жизнь. Светлой души была Василина Дмитриевна, ведь могла выйти замуж за него, но не захотела его дочку без отца оставлять. И ты, деточка, очень похожа на свою маму. Ты человек чистый, бескорыстный и таких же добрых людей к себе притягиваешь. Я так рада, что ты живешь не одна. Бывало, все вспоминала тебя — как ты там, плохо тебе, наверное? Я и в церкви за тебя молилась. Услышал бог мои молитвы, послал тебе для защиты родных людей. Береги их любовь, Зосенька. Нельзя человеку оставаться совсем в одиночестве. И вам, люди добрые, огромное спасибо за нашу Зоську.

— Не надо нас благодарить, Татьяна Ивановна. Ведь в некотором роде, Зося нас тоже спасает от одиночества. Мы с Михой не в гору поднимаемся, а уже спускаемся с нее. Это вот с Зосей помолодели и поздоровели. Ответственность за судьбу другого человека — это огромный жизненный стимул, вот болезни и отступают, а проще говоря, просто времени не хватает на свои радикулиты и мигрени. У Зосеньки сейчас очень напряженный период в жизни — она готовится к защите своего диплома, а еще и языками серьезно увлеклась. Это мне языки легко давались — моя бабушка со мной общалась только на французском языке, а мама — на английском. Она в посольстве работала и большую часть своей жизни прожила в Англии. Так и получилось, что в нашей семье родными стали сразу четыре языка — французский, английский, иврит и русский. Сначала я сына своего языкам учила, а сейчас он далеко и в моей помощи не нуждается. Зато Зосеньке мои знания необходимы. Она как губка все впитывает. Я думаю, что к осени, она у меня свободно заговорит и с англичанами, и с французами, и с евреями.

Всю обратную дорогу Зося, утомленная волнениями прошедшего дня, тихонько дремала на заднем сиденье машины.

В ее душе сегодня поселился покой — с мамой повидалась и родной город навестила.

Роза Самуиловна и Михаил Исаакович о чем — то беседовали, и их голоса, тихие и домашние, убаюкивали и обволакивали девочку сладкой дремой.

Зося, после своего выздоровления, неоднократно пыталась вернуться в общежитие, но Роза Самуиловна каждый раз находила веские аргументы против ее самостоятельной жизни:

— Нет и нет, детка. О каком общежитии сейчас может идти речь? На носу защита техникумовского диплома, а потом поступление в институт. Тебе регулярное и полноценное

питание необходимо, тишина и покой. Да и кто тебе в общежитии бульоны будет готовить? А здесь мы с Михаилом Исааковичем о тебе позаботимся. Ну, а если мы невольно тебя чем-то обижаем, то ты прямо нам так и скажи — надоели вы мне старые ворчуны, уйду жить к молодым.

— Как Вы можете так говорить, Роза Самуиловна? О каких обидах и ворчанье идет речь? Да я Вам на всю жизнь благодарна. А уйти собираюсь потому, что не хочу Вас обременять своими проблемами.

— У меня, Зосенька, проблемы появятся, если ты уйдешь — все буду думать, как ты там, в этом холодном общежитии одна, без меня и Михи.

— Не одна я — ко мне часто Петя заходил. Мы вместе занимались, а затем в столовой обедали.

— Так, Петя к тебе и здесь часто заходит. Петя нам тоже не чужой, он и раньше ко мне часто навевывался. Просто у него здоровье покрепче, да и парень он очень уж самостоятельный, любит сам свои проблемы решать. А ты у нас девушка нежная, как весенний цветочек — тебе любовь и забота нужна. Давай мы с тобой, Зося, больше не будем возвращаться к этой теме, а свои силы направим на более результативное мероприятие — приступим к обустройству твоего жилья. Вообще у нас с Михой есть свои соображения по твоей жилищной проблеме.

— У меня нет жилищной проблемы, Роза Самуиловна.

— Вот не умеешь ты слушать, Зосенька. Научись терпеливо выслушать мнение другого человека, уважай его, если даже ты оставишь при себе свою собственную точку зрения. А если говорить о личных убеждениях и предпочтениях, то менять их следует очень осторожно и обдуманно — только, если рассмотрены очень веские аргументы. Это тебе заметка на поля будущей жизни.

— Простите меня, Роза Самуиловна. Мне и мама часто напоминала, что я не умею слушать другого человека. Я постараюсь выучить наизусть Ваши заметки на полях и во всех жизненных ситуациях их придерживаться.

— Хорошо, а сейчас давай возвратимся в наши реалии. Итак, о жилищной проблеме: она у тебя есть и очень большая. Просто ты еще маленький ребенок и не знакома со взрослыми проблемами. Мы с Михой взрослые еврейские люди, и решать твою проблему будем по-еврейски. Я в этих делах мало соображаю, а вот Михаил Исаакович у нас имеет юридическое образование и просто дока во всех коммунальных прописках и выписках. Ты уже оформила документы на получение паспорта и через неделю-две его получишь, а прописка по месту жительства у тебя может быть только временная, по месту временного проживания — в техникумовском общежитии. Мы решили, что пропишем тебя на своей жилплощади. Но у нас коммунальная квартира и могут возникнуть трудности или какие-то формальности при оформлении твоих документов. Вот Михаил Исаакович и придумал очень простой и надежный вариант — мы с ним распишемся в загсе и объединим наши комнаты в одну квартиру с единым жилищным ордером. Миха постарается тебя прописать в эту квартиру, и ты станешь полноправным членом нашей семьи. А затем, когда нас не станет, квартира по праву будет принадлежать тебе. И не вздумай возражать, Зося. Сын мой живет далеко, всем обеспечен и он будет только рад, что я на старости не осталась одна. А у Михи кроме нас с тобой вообще никого нет.

К ремонту выделенной для Зоси комнаты привлекли Петю.

Это был не просто ремонт, а целый учебный процесс, придуманный Розой Самуиловной

— все свои пожелания или указания в части выполнения ремонтных работ, будущего интерьера и дизайна, она высказывала на английском или французском языках. Зося с Петей для начала записывали ее указания, а затем переводили. Об исполнении или своем особом мнении они должны были доложить своей наставнице на том же языке. Эта игра нравилась всем — Зося и Петя на подоконниках и диванах разложили словари и конспекты и охотно составляли диалоги. Роза Самуиловна терпеливо критиковала и поправляла их произношение. Михаил Исаакович откровенно любовался этой дружной троицей и думал: «Зося уже сейчас красавица, а что будет, когда она подрастет? Наверняка, выйдет замуж за Петю и нарожает мне и Розочке внуков. Я к этому времени выйду на пенсию и буду каждый день прогуливаться с детской коляской в парке или на набережной. А все знакомые и незнакомые люди пусть мне откровенно завидуют».

Так короткими зимними вечерами, в перерывах между учебой, экзаменами и повседневной текучкой была отремонтирована комната для Зоси и постепенно наполнена антикварной мебелью, которую в свое время хозяева этой квартиры по блатам и знакомству покупали в комиссионных магазинах. Большая деревянная кровать с резной спинкой и прикроватной тумбочкой заняла весь угол возле окна. Изготовлена кровать была из какого-то ценного дерева, и до сих пор от нее исходил сладковатый запах восточных пряностей. Над маленьким столиком с черной лакированной столешницей разместилось большое итальянское зеркало в замысловатой раме из серебра. Рабочий, письменный стол для Зоси переехал из комнаты Михаила Исааковича и тоже имел свою аристократическую родословную. Когда дело дошло до картин, которые Роза Самуиловна предлагала развесить на противоположной от кровати стене, Зося запротестовала:

— Подождите, надо сначала определить самое лучшее место и повесить туда портрет моей мамочки, а рядом еще одну вещь. Сейчас покажу.

Зося принесла свой портфель и достала оттуда холщевый мешочек. Когда тряпочка была снята с иконы, Роза Самуиловна была поражена:

— Зося, откуда у тебя такие ценные, музейные вещи? И ты не боялась оставлять их в общежитии? А если бы их украли?

— Вещи от мамы. Вернее маме их передали для меня. Вы не удивляйтесь — я правду говорю. Это загадочная история и я не готова ее сейчас рассказывать. Когда я сама разберусь, что это за икона и кому она ранее принадлежала, вот тогда и вам всем расскажу. А сейчас нужно просто найти для нее достойное место.

Роза Самуиловна взяла в руки иконку, долго всматривалась в знакомый лик богородицы и сказала:

— Действительно, ценная и достойная вещь. А если она предназначена тебе Зося, то береги ее — она может стать твоей покровительницей и целительницей. Сейчас мы почистим оклад и поставим для твоих сокровищ отдельный столик, вон в тот красный угол. У православных иконы обычно ставят или развешивают в самый светлый и красивый угол дома. Такой угол в избах называется красным.

Когда комната была полностью закончена и на кровати разместились бесчисленные подушки и подушечки в оборочках и ленточках, а окна укрылись тяжелыми бархатными шторами, Петя удовлетворенно произнес:

— Зоська, тебе очень подходит эта комната. Ты сама у нас панночка родом из прошлого века и твоя комната — настоящий будуар великосветской дамы.

— Откуда, Петя, ты знаешь, каким был будуар великосветской дамы? Это просто Роза

Самуиловна постаралась, чтобы комната стала уютной. А я самая обычная советская девчонка. И мне вполне бы подошла комната с простым фанерным шкафчиком и металлической кроватью. А ты придумал — из прошлого века, из прошлого века! Я что, старушка древняя или как это понимать?

Зося обиделась, ушла на кухню и занялась приготовлением бутербродов для ужина.

— Она обиделась что ли? — Петя искал поддержку у Розы Самуиловны, — я ведь ничего обидного ей не сказал. Зоська на самом деле очень отличается от наших, как она выразилась, советских девчонок — те что-то все плетут, какие-то разборки и интриги, сплетни и зависть. А Зоська, она особенная — честная и благородная. Такая не предаст и не обидит. А еще она красавица — в общем лучше всех девчонок, вместе взятых.

— Успокойся, Петя! Зося не обиделась, а просто засмушалась. Пойдем к ней на кухню — чай пора пить.

Роза Самуиловна давно рассмотрела в Зосе какую-то особенную природную статью и благородство. Особенно ей нравились Зосины руки — работающая, не отлынивающая от работы девчонка, а руки как у избалованной подиумной модели.

Тонкая кисть и длинные, изящные пальцы с прекрасно очерченными выпуклыми ногтями. Такие ногти не создашь маникюром, здесь все от природы. Или от породы?

Зима постепенно и неумолимо начала перетекать в весну. Снег по обочинам дорог и на дворовых детских площадках сначала побурел, стал рыхлым, а затем начал превращаться в веселые ручейки. С крыш зазвенели блестящие капельки, которые к утру превращались в длинные острые сосульки.

Петя уже прошел медицинскую комиссию, получил направление из военкомата на учебу в военное училище, которое базировалось в далекой Сибири. Зося нашла военный городок на карте, посчитала расстояние от него до Горевска — получалась внушительная цифра с несколькими нулями.

— Петя, — начала тормошить она парня, — разве военкомат тебе ничего поближе не предлагал? Ты посмотри, сколько километров нас будет разделять. По железной дороге и за две недели до тебя не доберешься. А твоя мама уже знает, что ты скоро так далеко и надолго уезжаешь?

— Не паникуй, Зося! Далеко — это только на карте. А вообще кроме железнодорожного транспорта у нас еще и авиация существует. Предлагал ли мне еще что-то военкомат? Да, предлагал. Но все это скучно — связь, финансы, ПВО. У меня был выбор, и я сам выбрал пехоту. Хочу пешочком потопать по матушке нашей земле и с танками в догонялки поиграть. Романтики хочу.

— Ты, действительно, подумал бы хорошенько прежде, чем принимать такие кардинальные решения, — пробовала урезонить Петю Роза Самуиловна, — на кого мать оставляешь? Ты у нее один, а годков ей уже немало настучало. Мы с ней одногодки, а я уже пенсионерка. Кстати, разве военкомат не попросил согласие твоей мамы на твою учебу в военном училище? Если я не ошибаюсь, то согласно закону тебя не имеют права призвать в армию, а тем более направить на учебу в военное училище по простой причине — пенсионный возраст твоей матери.

— Мама у меня человек самостоятельный. Она привыкла жить одна. В ближайшие дни я ей обязательно позвоню и все расскажу. Думаю, что она меня поймет и возражать против моего поступления в училище не будет. В военкомате, конечно же, попросили письменное согласие мамы, и я обещал, что в ближайшие две-три недели она такую бумагу пришлет. В

общем, решение я уже принял. А ты, Зоська, не бурчи, а собирайся в Сибирь на экскурсии. В первый день летних каникул покупай билет на самолет и через несколько часов я тебя в аэропорту встречаю.

— Вот это точно исключается. Я самолета с детства боюсь. Мама один раз пыталась меня в младенческом возрасте затащить в самолет, но я такой рев устроила, что пришлось билеты сдавать и пересаживаться на поезд. После этого мы в редкие летние отпуска отправлялись с ней только поездом.

И вот они, первые дипломы о специальном банковском образовании. Ромашовой Зои Николаевны и Котовича Петра Сергеевича.

Две темно-синие книжечки лежали на праздничном столе рядом с огромным фирменным тортом Розы Самуиловны.

— Зося, Петя! Если я что-то понимаю в жизни, то сегодняшней день для вас двоих, как двуликий Янус. Очень значимый, счастливый день ваших первых достижений. И этот же день — дорожная развилка, которая делит ваш общий путь на две дороги. Дорогие мои ребята, пожелания старой учительницы будут короткими — какие бы километры вас не разделяли, постарайтесь уберечь свою дружбу от любых невзгод. Ты когда, Петя, уезжаешь?

— Я думаю, что недели через две. Сдам экзамены и останусь там ожидать результат. Путь действительно неблизкий и я думаю, что сюда смогу приехать только через год — в первый летний отпуск. Но вам обещаю писать длинные письма с полными отчетами о своей службе.

— О твоих длинных письмах я уже наслышана. Ты именно такие письма обещал мне писать, когда уезжал со стройотрядом. Оказался полным обманщиком. Я от тебя получила две короткие записки, нацарапанные наспех на колене.

— Зося! Я клянусь, что письма будут длинными и обстоятельными. У меня в училище будет больше свободного времени. Чем вечерами заняться в казарме — только письма писать. В стройотряде — то посиделки возле костра с гитарами, то вечеринка, то местный клуб. А в армии не разгуляешься. Там все под контролем отцов-командиров.

— Петя, если ты меня обманываешь, то я тебя накажу.

— Каким образом?

— Все очень просто — я тоже тебе писать не буду. Сиди там и догадывайся, чем мы тут занимаемся.

— Зося, позволь тебе не поверить, — засмеялся Петя, — в тебе полностью отсутствует такое качество, как жестокость. Ты добрый и отзывчивый человек, а значит, простишь мне мое редкое шалопайство. Давай мы с тобой больше не будем говорить на эту тему. У нас есть еще в запасе целая неделя для разгульной жизни в этом городе. Отдыхаем и гуляем по полной программе.

— А почему неделя? Пять минут назад ты уверял, что у тебя есть еще две недели.

— Да, две недели. Но одну неделю я должен провести дома, с мамой. Мама очень на меня обидится, если я уеду, не побывав дома. Но нам с тобой и одной недели хватит, чтобы побывать во всех наших любимых местах. А еще давай покатаемся на теплоходе по реке. Кроме того, Зоська, не забывай, что тебе нужно подготовиться к вступительным экзаменам в институт. Да и вообще у тебя еще куча нерешенных вопросов.

— О чем ты?

— Ты забыла, что нужно появиться в банке, отчитаться по итогам учебы в техникуме и получить направление для поступления в институт. Да и с институтом ты пока не

определилась.

— Вот с институтом-то я точно определилась. Буду поступать в институт народного хозяйства. Там есть факультет «Банковское дело».

— Но нархоз находится в Лабинске. Тебе нужно будет уехать из Горевска. А как на это смотрит Роза Самуиловна?

— Роза Самуиловна одобрила мой выбор. Тем более что навещать ее и Михаила Исааковича я смогу довольно часто — кроме каникул, можно приехать и на выходные от занятий дни. Километров-то тут всего — чуть больше сотни. Как видишь, проблемы выбора учебного заведения у меня нет. Проблема подготовки к экзаменам для меня тоже не существует — я отлично помню весь материал из техникумовской программы. А вот сходить в банк — это действительно серьезно. Я думаю, что от меня там потребуют полный письменный отчет, ведь кроме стипендии, я еще получала материальную помощь от банка. И еще остается вопрос — одобрят ли там мой выбор института и специализации. Но все это через неделю. Сначала тебя проводим, а потом я займусь своими делами. Петя, ты уезжаешь так далеко и, мне почему-то кажется, очень надолго! Это огромное расстояние преодолеть не так-то просто. Конечно, есть авиарейсы, но они стоят определенных, для нас с тобой пока недостижимых денег. Возможно, через пять-шесть лет, когда мы будем работать, для нас стоимость билетов и не покажется такой потрясающе большой, но пока... Нет, Петя, ты не сможешь, каждый год приезжать домой. И я в этом почему-то уверена.

— Зося, снова старая песня. Если я даже и не смогу приехать, то на телефонный звонок и у меня, и у тебя, наверняка, деньги найдутся. Все, давай закроем эту тему. Не ленись сама мне писать, и все будет хорошо!

— Я понимаю, что такая односторонняя связь тебя вполне устроит. А как быть мне? Я тоже хочу о тебе все знать.

— Так ты письмо напиши, а вслед мне позвони и спроси, получил ли я письмо. Вот все и узнаешь — засмеялся Петя.

Одна неделя беспечных, веселых и очень грустных дней пролетела мгновенно.

Петя уезжал. Роза Самуиловна и Михаил Исаакович приехали вместе с Зосей на вокзал но почему-то отправление поезда не стали ожидать, пожелали Пете будущие генеральские погоны, попрощались и уехали.

Петя и Зося стояли на платформе возле большого, затасканного по студенческим отрядам, чемодана. Петя был в каком-то приподнято— возбужденном состоянии, улыбался и шутил. Зося, наоборот, с каждой минутой все более мрачнела и замыкалась в себе.

И вот, на перрон, сопя и постукивая колесами, въехал веселый, какого-то голубенького цвета, пассажирский состав. Проводницы откинули ступеньки, и пассажиры начали подниматься в вагоны.

Петя обнял Зосю и попытался заглянуть в ее глаза. Но Зося упрямо отводила их в сторону. А поезд уже готовился к отправлению. Вот и проводницы в несколько голосов затагнули: «Граждане пассажиры, до отправления поезда осталось несколько минут. Просим занять свои места в вагонах».

Зося, наконец-то, подняла свои потемневшие, налитые непролившимися слезами глаза. Петина улыбка мгновенно исчезла с лица:

— Зоська, панночка моя, успокойся. Ничего не случилось. Я просто ненадолго уезжаю и скоро вернусь.

Петя наклонился и хотел поцеловать Зосю в щеку, но ее губы оказались непозволительно

близко и совершенно определенно пахли ванильным мороженым. Петины губы скользнули по Зосиной щеке, коснулись ее волос, и остановиться уже было невозможно. Первый настоящий поцелуй был коротким и обжигающим.

А поезд уже начал медленное движение. Петя схватил свой чемодан и запрыгнул в вагон. Ошеломленная Зося провожала поезд до конца перрона, а затем еще долго смотрела ему вслед.

Зося возвратилась домой, подошла к зеркалу и начала внимательно себя рассматривать: нет, ничего в ней не изменилось, разве, что губы слегка припухли и на щеках алый румянец появился.

«Нужно умыться прохладной водой, все пройдет и дотошная Роза Самуиловна ничего не заметит», — начала успокаивать себя Зося.

Но умываться совсем не хотелось — ее лицо хранило прикосновения Петиных горячих губ и грешного поцелуя.

«Петька, придумал! Целоваться прилюдно на перроне! Вот я ему напишу в первом же письме все, что о нем думаю», — придумывала Зося наказание другу.

Но сердитые и обличающие Петю эпитеты никак не приходили в ее голову. Перед ней тут же возникло улыбающееся Петино лицо. Ей захотелось погладить рукой колючую Петину щеку и снова ощутить на себе прикосновение его губ.

Вечером Зося отказалась от ужина — боялась зорких глаз Розы Самуиловны и Михаила Исааковича. Спать ей тоже не хотелось. Она побродила по своей комнате, затем надела халатик и пошла к своей тетушке — виниться за сегодняшнее свое недостойное поведение.

— Тетя Роза, — Зося тихонько постучала в дверь комнаты Розы Самуиловны, — к тебе можно войти?

— Конечно, Зося, входи. Я сама хотела у тебя спросить, как Петя уехал? Он на нас с Михой не обиделся за то, что мы не дождались поезда?

— Вот об этом я и хочу с тобой поговорить. Только можно я свет в комнате поменяю на ночной.

— Да меняй, конечно! А что случилось, ты не приболела? Тебе ведь яркий свет раньше никогда не мешал.

— Просто я хочу тебе кое-что рассказать, но мне стыдно.

— Я догадываюсь, о чем тебе стыдно рассказать, но никакого стыда здесь не вижу. Я внимательно слушаю тебя, Зосенька!

— Понимаешь, тетя Роза, Петя меня на вокзале поцеловал! Без моего разрешения! — поспешила уточнить Зося.

— Что-то я не помню, чтобы парни спрашивали у девушек разрешения на поцелуй. И со мной тоже так было — взял и поцеловал без моего согласия, — призналась тетя Роза.

— Но он меня поцеловал в губы!

— Зося, разве тебя это сильно огорчило? — засмеялась Роза Самуиловна, — и, скажи откровенно, ты не хочешь, чтобы Петя тебя еще раз поцеловал?

— Но он,... Наверное, хочу, — призналась Зося, — правда, не на вокзале. Там все смотрели на нас. И что люди подумали!

— Что подумали? Молодые — позавидовали, старые — полюбовались и свою молодость вспомнили. Вообще по большому счету, люди о вас через минуту забыли. Теория жизни такова, что каждый занят собой в первую очередь. Об этом ты перестань совершенно беспокоиться. А у вас с Петей, похоже, наступила пора новых отношений — ваша дружба

может перерасти в любовь. Наверное, все возможно. Только вы сами этого не замечали. Ты становишься взрослой, Зосенька.

— Как ты считаешь, моя мама осудила бы меня?

— Я думаю, что нет. Твоя мама, скорее всего, порадовалась бы за тебя. Это большая удача, когда первая любовь может связать двоих достойных во всех отношениях людей. Кроме того, вы же с Петей не вчера познакомились — вас связывают два года дружбы, и вы все знаете друг о друге. Перестань себя корить, Зося — никакого дурного поступка ты не совершила. Тем более Петя. Иди спать. Ты завтра в банк пойдешь?

— Что-то завтра не хочется. Я в банк пойду через день. Нужно успокоиться и привести свои мысли в порядок.

— Совершенно правильное решение, Зосенька. Завтра ты спокойно подумай о себе и о Пете, — заулыбалась Роза Самуиловна, — а вот, послезавтра — об учебе.

Следующий день, как и предполагала Роза Самуиловна, был посвящен Пете. Первую половину дня Зося бродила по городу. Побывала в городском парке, где они с Петей еще вчера катались на качелях. Зашла в кафе и заказала себе то самое ванильное мороженое, которое им обоим нравилось. Постояла возле опустевшего техникумовского общежития. Сходила на стадион, где они зимой с Петей катались на коньках. Там сегодня гоняли мяч рослые, крепкие ребята в пропотевших майках. Заметив Зося, они дружно стали ей махать руками и что-то кричать. Зося быстро ушла со стадиона: «Нет, мне не нужны новые знакомства, — приказала себе Зося, — я буду Петю ждать». Она еще не понимала, что означает это слово «ждать», но уже была готова на какие-то жертвенные шаги во имя просившейся к ней любви.

Дома Зося переделалась в халатик и подошла к книжной полке. Здесь на видном месте стоял небольшой блокнот для записей. Эту красивую книжечку когда-то, давно, в прошлой Зосиной жизни, ей подарила мама. На кожаной обложке блокнота было выполнено замысловатое тиснение, странным образом напоминающее букву «З». Что означало это тиснение, мама не знала. Возможно, это был логотип какой-то художественной мастерской, выполнявшей заказы на оформление канцелярских товаров, но это было совершенно неважно. Главная ценность блокнота была именно в этой заглавной букве «З». Мама тогда сказала:

— Смотри, ребенок, это твой именной блокнот. Сюда ты можешь записывать все важные моменты и события в своей жизни. На, пользуйся и не потеряй.

В далеком прошлом, при живой и здоровой маме, в Зосиной жизни не происходили события, достойные именной блокнота. А потом, после маминой смерти, Зося берегла эту книжечку и боялась испортить глянцевые странички описанием незначительных случаев из своей жизни.

Вчера уехал Петя и она не может сказать ему, что совсем на него не сердится за тот вокзальный поцелуй, а уже скучает без него и очень хочет снова увидеть.

Зося погладила рукой кожаный переплет маминого подарка и решила, что это будет ее дневник, который она назовет «Моя жизнь без тебя». Зося открыла первую страничку книжечки, каллиграфическим почерком вывела «Моя жизнь», подумала и добавила «в разлуке с тобой». Не может быть ее жизни без Пети, а разлука как приходит, так и уходит. Надо только подождать.

В банке Зося не была целый год, но там ничего не изменилось. Холодные, чопорные в своих мраморных нарядах коридоры, плотно прикрытые двери в кабинеты. Зося прошла в

отдел кадров и с удовольствием отметила, что красивая блондинка за рабочим столом так же улыбочива и приветлива, как и год назад.

— Ромашова, — приподнялась она ей навстречу, — проходи, присаживайся. Я сейчас доложу руководителю, что ты у меня — он хочет с тобой побеседовать.

Она протянула руку к внутреннему телефону:

— Александр Михайлович, у меня наша Ромашова. Пришла с отчетом и за направлением на учебу. Вы хотели ее увидеть.

И уже обращаясь к Зосе, сказала:

— Он приносит тебе свои извинения. У него сейчас клиенты и Александр Михайлович сможет нас принять только через полчаса. Подождешь?

— А разве может быть иначе? Конечно, буду ожидать столько, сколько необходимо. Скажите Инна Петровна, а он всегда и перед всеми извиняется за мелкие нестыковки по службе?

— Да, всегда и перед всеми. И перед директором завода, и перед уборщицей. Он не разделяет людей на главных и второстепенных. Вот так нам повезло с руководителем. Работать под его руководством одно удовольствие.

Через полчаса Зося и Инна Петровна сидели в кабинете начальника областного филиала банка. Александр Михайлович внимательно изучил Зосин диплом и удовлетворенно произнес:

— Ну, что ж, молодец, Зоя Николаевна! Не подвела ты наш коллектив. Твой диплом с отличием о многом говорит. А сейчас поведай нам о своих планах на ближайшее будущее.

— Я же вам докладывала, что Ромашова хочет поступать в институт, — поспешила сообщить Инна Петровна.

— Извините, Инна Петровна — я все помню, но Зоя Николаевна должна мне об этом сама сказать. Если я не ошибаюсь, она в прошлом году была у нас на практике и, наверняка, сейчас точно знает, что работа банковского служащего — тяжелый, кропотливый, утомительный труд с ненормированным рабочим днем и редкими выходными. Так, что, Зоя Николаевна, Вы не передумали, и все так же хотите получить банковскую специальность?

— Да, я уверена в своем выборе. Я люблю работать с цифрами, и меня это не утомляет.

— Это, конечно, хорошо. Но работа в банке в первую очередь предусматривает работу с людьми. наших клиентов в большинстве случаев представляют профессионалы, и общаться они предпочитают с такими же профессионалами. Ну, да ладно, этому, я думаю, вас будут учить в институте, а мы сейчас вернемся к цифрам.

Александр Михайлович взял в руки телефонную трубку и отдал распоряжение своему секретарю:

— Вера, пригласите ко мне главного бухгалтера, Софью Анатольевну. А нас пока побалуйте чайком.

Через некоторое время в кабинет Александра Михайловича вошла стройная, темноволосая женщина.

— Вызывали, Александр Михайлович?

— Да, просил зайти. Хочу вас познакомить вот с этой молодой особой — Зоя Николаевна Ромашова. Она по нашему направлению окончила банковский техникум, а сейчас мы ее направляем на учебу в нархоз. От вас я хочу следующее — все виды банковской практики Ромашова должна отработать в нашей бухгалтерии, на какой-нибудь, временно свободной, штатной должности. Пусть совместит институтскую учебу с азами банковского

бухучета и операционной работы с клиентами. И приработок к стипендии ей будет не лишним. Договорились?

— Никаких проблем, Александр Михайлович. Все сделаем. Я могу идти?

— Да, вы свободны.

Пока Александр Михайлович отдавал последние распоряжения Инне Петровне по поводу направления на учебу в институт народного хозяйства, Зоя успела подойти к выходу и приоткрыть дверь в тамбур. Из приемной она услышала раздраженный голос Софьи Анатольевны:

— Надоели эти блатные. Очередная протеежка. Работать нормально не дают. Какая-то девчонка, а ты, Верочка, вынуждена ей чай подавать.

— Это входит в мои обязанности — чай подавать. А свои претензии, Софья Анатольевна, вы могли высказать Александру Михайловичу. Я ведь ничего не решаю, а сплетнями не интересуюсь.

В это время Зоя и Инна Петровна вышли из кабинета управляющего в приемную Софьи Анатольевны расцвела в улыбке:

— Что ж, милая девочка! Мы с вами обо всем договорились. Милости прошу к нам в бухгалтерию на все ваши плановые практики. Поможем, подскажем и научим. Приходите, — пригласила она еще раз Зою и величаво выплыла из приемной.

Зоя не была готова к явному, неприкрытому лицемерию взрослого человека, занимающему такую высокую должность, как главный бухгалтер филиала солидного банка. «Может, здесь все такие, но я не разобралась, — думала она, — ладно, утро вечера мудрее. Мама всегда говорила — не делай поспешных выводов. Получу образование, приду сюда на работу, а потом и разберусь. Возможно, она специалист высокой квалификации, ценный для банка работник, поэтому Александр Михайлович ее уважает».

«Но Александр Михайлович не может быть лицемером, — приняла твердое решение Зоя, — Красивый, строгий, интеллигентный. А какие глаза — ласковые, с веселой искринкой. Разве могут такие глаза лгать? Именно под руководством такого человека я бы хотела работать. Нет, он настоящий». Но что такое «настоящий» мужчина, Зоя пока не знала.

Зоя сдала последний вступительный экзамен в институт и в тот же день возвратилась в Горевск.

Она не сомневалась, что в институт будет обязательно зачислена — техникумовский диплом с отличием и отличные результаты вступительных экзаменов гарантировали ей зачисление, стипендию и предоставление общежития. Но вот с общежитием Зоя явно поторопилась — Роза Самуиловна и Михаил Исаакович были просто категорично против того, чтобы Зоя в чужом городе жила в общежитии.

— Знаешь, Зосенька, — доказывал ей Михаил Исаакович, — общежитие для домашней девочки — это последнее дело. Я в нашем, техникумовском общежитии, посмотрел на нравы современных девочек. И сигаретки, и вино, и мальчики. А потом бесконечные беременности и аборты. Не смущайся, мой ангел, я знаю, что ты себе этого никогда не позволишь. Но распущенные соседки по комнате, кого хочешь до болезни доведут. Да, что я тебе рассказываю — у тебя уже были примерно такие соседки. Вспомни Гвоздикову и Золотареву. Девочки вроде из благополучных семей, а получили полную свободу и сразу загуляли. Ты разве забыла, какие они потасовки устраивали из-за мальчиков? А на втором курсе, это уж когда ты жила отдельно, я из их комнаты сколько раз пьяные компании

разгонял. Комната всегда была грязная, прокуренная, с плохим запахом. Да и что же мы с Розочкой не сможем снять для своей девочки комнатку в приличной семье? Все, Зосенька, организуем — и комнатку подберем рядышком с институтом, и полный пансион оплатим, чтобы завтраки и ужины тебе свеженькие готовили. Ты, Зосенька, главное учись и домой чаще приезжай. Мы с Розочкой скучать без тебя будем. Правда, Розочка?

— Ты как всегда прав, Миха. Комнату мы с тобой вместе будем выбирать — я хочу с хозяйкой познакомиться и попробовать ее еду. А ты Зося не спорь — ишь, захотела самостоятельной жизни. Вспомни, как недавно болела, чуть с Михой на ноги поставили! И пожалуйста, никаких экстернов! Ты еще маленькая, и все в жизни успеешь — и институт закончить, и наработаться. Главное, чтобы ты здоровье сохранила.

Роза Самуиловна и Михаил Исаакович действительно нашли для Зоси чудесную съемную комнату. Им помогли знакомые преподавателя из будущего Зосино института. Это было достаточно изолированное, небольшое помещение в большой благоустроенной квартире. Хозяйка квартиры и раньше сдавала свою комнату студентам. На то были две простые причины — боялась одиночества и не располагала средствами, чтобы достойно содержать большую квартиру. Старушка-пенсионерка, ранее преподаватель-лингвист, владела английской разговорной речью и с удовольствием дала свое согласие Розе Самуиловне, что общаться с Зосей они будут только на английском языке. Роза Самуиловна просто сияла от удовольствия — у Зоси намечалась ежедневная практика, что полностью заменяло дополнительное репетиторство по английскому языку. Такая удача! Если после окончания института Зося не захочет работать в банке — а в нашей жизни происходит много неожиданных вещей, которые мы не планировали, — то сможет работать преподавателем или переводчиком.

А Зося, тем временем, вспомнила свое былое кулинарное пристрастие и на столе, к приходу с работы дядюшки и тетушки, каждый день появлялись все новые и новые блюда. Роза Самуиловна была просто поражена:

— Зося, откуда это умение и навыки? Кое-что ты готовишь, несомненно, лучше меня. Я бы никогда не додумалась печь булочки из гречневой муки, а обычную кашу приготовить на воде и приправить жаркой на растительном масле. Все необычно и очень вкусно. Но кто тебя, детка, всему этому научил?

— Да никто меня не учил. Всему научилась сама, когда мама серьезно заболела. И вас обоих, тетя Роза, давно нужно перевести на диету. Посмотри, дядя Миха, с удовольствием ествместо твоей жирной молочной каши, мою размазюху с луком и морковью. А ты туда можешь еще добавить рубленое отварное яйцо. Еще полезнее будет. Высококалорийная еда здоровья не добавляет. А я тоже хочу, чтобы вы с дядей Михой сохранили свое здоровье на долгие годы.

— Что ж, Зося, придется мне на старости лет брать у тебя уроки. Не все же мне тебя учить.

Зося уже начала собираться к отъезду в институт, когда от Пети пришло первое письмо. Из почтового ящика его забрала Роза Самуиловна. Она еще месяц назад ключик от почтового ящика, который висел на гвоздике в прихожей, переложила в свою сумочку. А на очередной Зосин вопрос, куда запропастился ключик, ответила:

— Зося, перестань волноваться напрасно. Ты почту проверяешь по десять раз каждый день. Петя обязательно напишет, но он пока сдает экзамены. Вот все у него устроится, тогда и письмо напишет. И поверь мне — длинное и обстоятельное.

И вот оно, письмо от Пети, толстый, пухлый конверт с марками и печатями.

Зося ушла к себе в комнату и прикрыла дверь. Петиным торопливым почерком были исписаны два листа из школьной тетради:

«Зося, моя любимая панночка. Здравствуй! Не обидел я тебя своим торопливым поцелуем на вокзале? Если бы ты знала, как мне тебя не хватает! Я как-то и не ожидал, что именно здесь пойму, что уехал от тебя добровольно, и так далеко. А я тебя люблю, и сейчас очень боюсь потерять. Дождись меня, моя чистая девочка, и ты не пожалеешь об этом. Я не устану всю свою жизнь носить тебя на руках и беречь даже от сквозняков».

Далее Петя писал, что у него все отлично — поступил в училище.

Учитывая его знание иностранного языка, спортивную выносливость и закалку, его записали в какую-то отдельную группу подготовки военных специалистов. Занятия с этой группой проводятся на военной закрытой базе, в основном в выходные дни и время летних отпусков. Об этой группе никто ничего не знает, только один преподаватель сказал, что это сборная группа, составленная из курсантов различных военных училищ.

Зося с письмом в руке выбежала на кухню:

— Ты представляешь, тетя Розы, Петю записали в какую-то группу. Это что-то дополнительное к основным занятиям. Но этим дополнительным он будет заниматься в выходные дни и время летних отпусков. Тетя Розы, он не придет к нам следующим летом! И я к нему не смогу поехать, потому что он будет уезжать на военную базу.

— Зося, не сердись, что ваша встреча с Петей отодвигается на неопределенный срок. Впереди пять лет учебы, новых знакомств и решений. Возможно, это судьба дает вам шанс проверить свои чувства и не допустить разочарование от неудачной или безответной любви. А если вы оба по-настоящему любите друг друга, то пять лет это небольшой срок — вы и не заметите, как они пролетят.

— Спасибо, тетя Розы. Тем более что встретиться мы сможем уже через четыре года. Петя пишет, что срок обучения в училище — всего четыре года. Четыре, а не пять, как я предполагала.

Институтская группа будущих банковских специалистов мало чем отличалась от техникумовской — в щебечущей девичьей толпе затерялись только два парня. Балагур и весельчак Ванечка Якушев и серьезный, всегда сдержанный и холодноватый Саша Анцев. Парни были постарше девушек — оба отслужили положенный срок в армии. Ванечка был женат и очень гордился данным обстоятельством. Институтские одноклассницы были ему все на одно лицо — милые, веселые и обаятельные подружки по учебе. Та единственная, о которой мечтает каждый парень, ожидала его дома. Девчонки сразу же приняли Ванечку в свою компанию, так как ни одна из них не рассчитывала на его особое внимание или благосклонность. Глава семьи и верный муж на вечеринках и девичьих посиделках не появлялся, а выходные дни и каникулы проводил вместе со своей женой, которая вслед за ним приехала в этот город и уже успела устроиться на работу. Благосклонность Саши Анцева поочередно, но безрезультатно, пыталась добиться каждая из его одноклассниц — высокий, темноволосый, кареглазый студент был красив, элегантен и недоступен. Девчонки шептались, что Саше уже подобрана невеста, но не им самим, а его родителями. Как оказалось, его папа тоже работает в банке. И не просто работает, а руководит Горевским филиалом Проминвестбанка. Жил Саша где-то в съемной квартире, на учебу к институту подкатывал на своей машине. После занятий сразу куда-то уезжал. К середине первого курса девчонки перестали назойливо добиваться его благосклонности, и смирились с его равнодушием к их кокетству.

Зося тоже не отличалась коллективизмом, и общение с группой ограничивала только занятиями. После занятий она спешила возвратиться домой — квартирная хозяйка, Елизавета Андреевна, всегда жутко волновалась, если Зося запаздывала к ужину, а потом нужно еще время выкроить, чтобы в который раз перечитать Петины письма. Обычно письма перечитывались вечером. Зося ныряла под одеяло, брала с тумбочки все письма и начинала их перечитывать. Так с письмами и засыпала, а утром снова складывала их на тумбочку. Петя исполнил свое обещание, и писать не ленился. Из его писем Зося знала весь распорядок дня курсантов военного училища. А ближе к весне Петя прислал свою первую, курсантскую фотографию. На фоне сверкающего снега, возле высокого кирпичного забора, стоял русский сказочный богатырь в огромном тулупе, валенках и шапке-ушанке. Да еще и автомат через плечо. На обратной стороне фотографии Петя написал «Я в карауле». Зося и раньше из учебника географии знала, что Сибирь зимой — это снег и трескучие морозы, но сейчас она просто ужаснулась — да как же он там? Холодно, далеко и рядом ни одного родного человека. Потом были другие фотографии — в комбинезоне возле танка, в поле на учебе, в казарме среди курсантов, в столовой. Но самое главное до Зоси донесла именно эта, первая, зимняя фотография — Петя не просто далеко, но и живет в другом, непонятном и незнакомом для нее мире. В столовую, в казарму, на учебу или в тот же караул — все по расписанию, все по уставу. А найдется ли в этом расписании место для нее, для Зоси? Это был самый больной вопрос. Уже сейчас совершенно понятно, что летних отпусков у Пети не будет. Какие-то занятия, на какой-то базе! Но Зося из своей короткой жизни сумела выделить аксиому — все когда-то начинается и все когда-то заканчивается. Придет время, и они с Петей обязательно встретятся. А сейчас учеба и письма.

В Горевске Зося бывала часто — Роза Самуиловна и Михаил Исаакович каждый ее

приезд превращали в праздник с домашним пирогом и фирменным бульоном.

— Похудела, Зосенька, — вздыхала тетя Розы, — растешь или по Пете скучаешь? А, может, учеба тяжеловата? Не досыпаешь?

— И учеба не тяжеловата, и досыпаю. Скорее всего, толщина в длину перетекает, юбки уже коротковатыми стали. Тетя Розы, а вдруг я подрасту и стану выше Пети? Такое может быть?

— Всякое, Зосенька, случается. Но что-то мне подсказывает, что твой рост остановится на 165 сантиметрах. Еще пару сантиметров, и все. Такой рост для женщины у французов считается стандартом. Ну, что, французский стандарт тебя устроит?

— Не совсем, — засмеялась Зося, — можно мне у тебя выпросить еще пять сантиметров. Петя, когда уезжал, то его рост был 181 см. А он тоже может подрасти?

— Конечно, и Петя может подрасти. Но, поверь мне, Зося, разница в росте — это так неважно. Главное, чтобы вы были единомышленниками.

Первые летние каникулы начались для Зосе в тоске и ожидании писем от Пети. Она уговорила Розу Самуиловну возвратить заветный ключик от почтового ящика на его обычное место — гвоздик возле входной двери. На каждый стук подъездной двери Зося хватала ключик и бежала на лестничную клетку проверять почтовый ящик. Но Петя не писал. У Розы Самуиловны тоже начался летний отпуск, и она решила, что Зося необходимо срочно увезти от этого заколдованного почтового ящика. Иначе для нее летние каникулы могут закончиться нервным срывом. Михаил Исаакович возражать против их поездки к морю не стал, но сам ехать в категоричной форме отказался.

— Ты же знаешь, Розочка, что меня в транспорте укачивает. Смогу ли я выдержать такую длинную дорогу? А Зосеньку обязательно нужно вывезти на юг. Пусть в море поплавают, свежую рыбу и фрукты покушает. И тебе, Розочка, отдых тоже необходим. Вы собирайтесь, а я через знакомых поищу там для вас жилье.

Зося ехать не хотела — уеду, а вдруг от Пети письмо придет и будет в ящике лежать. Но Роза Самуиловна не отступала.

— Ты, что же, Зося, не хочешь меня подлечить? Я очень плохо себя чувствую, и врачи мне рекомендовали отдых в Крыму. Миха не переносит поезд, его укачивает. А одна я ехать боюсь — а вдруг мне дорогой станет плохо. Мы с тобой Миху попросим, чтобы он ящик твой любимый каждый день проверял, а если письмо придет, то он его заберет, а тебе телеграммой сообщит. Михаил Исаакович, ты сможешь каждый день почтовый ящик проверять?

— Какие могут быть сомнения, Зосенька? Если письмо придет, то я в этот же день тебе телеграммку отстучу, мол, письмо есть и лежит на твоей тумбочке. Вы езжайте, купайтесь и загорайте, а я здесь все присмотрю.

— А может вы с нами, — начала сдавать позиции Зося, — как вы один останетесь?

— Это не вопрос, Зосенька. Я всю свою жизнь один прожил. Это вот на старости меня жизнь одарила Розочкой и тобой, мой ангел. Пока вас не будет, я свою машину подремонтирую — она тоже внимания требует. Так, что буду при деле, и скучать мне не придется.

Зося в детские годы бывала на море вместе с мамой. Но это были хмурые, осенние дни и они с мамой просто целыми днями бродили по набережной, устраивали себе экскурсии по историческим местам и музеям или просто сидели в местных кафе. Почти каждый день дул холодный, пронизывающий и мокрый ветер. Верхняя одежда намокала, а на следующий день

на ней проступали белые соленые пятна.

А сейчас мелкая вода по берегу моря была прогрета ярким солнцем, и пляж пестрел разноцветными купальниками, полотенцами и зонтиками. Лежаки были заняты с самого раннего утра, похоже, что фанаты загораения их сутками не покидали, а ночевали прямо здесь, на этих самых лежаках. Энергичной Розе Самуиловне, да и Зосе тоже, через три дня наскучил этот пассивный отдых, и тело потребовало движения. Тем более, что Зося плавать не умела, а просто зайти в воду и бесцельно там стоять — это не для подвижной Зоси. Роза Самуиловна решила, что активный отдых намного превосходит пассивный. В местном киоске союзпечати они с Зосей купили карту Крымского полуострова и, в первую очередь, решили побывать в месте соединения Черного и Азовского морей — на Керченском проливе.

Но, как оказалось, организованные экскурсии у отдыхающих здесь не пользовались популярностью, а потому и вовсе отсутствовали. Отдыхали здесь, в основном, родственники местных жителей или бывшие местные жители, которые давно и наизусть знали все географические красоты Крыма. За советом пришлось обратиться к своей квартирной хозяйке. Она-то и предложила вполне доступный и простой вариант путешествия по полуострову. Все было просто: за умеренную плату путешествовать можно было на хозяйской машине.

Утром Роза Самуиловна и Зося на ухоженном, видимо, горячо любимом хозяином, «Москвиче» отправились из Феодосии в сторону Керченского пролива. Водитель пообещал, что сегодня отвезет их на уединенный «карманный пляж», а вечером заберет.

— А что такое «карманный пляж»? — заинтересовалась Зося.

— От слова карман, — заулыбался водитель, — так называются пляжи в узких бухтах, где есть гроты, а берег окружен невысоким песчаным валом. Такие маленькие пляжи усыпаны морскими раковинами. Их там множество, а море каждый день подбрасывает свежие. Они заметно отличаются от старожилов — сырые и темные, значит, свеженькие, сегодняшние. За день солнышко мокрые раковины подсушивает, и пляж снова становится серым. Вам понравится. Там обычно никого нет, разве, что художник или фотограф-любитель. Места там почти дикие, не вытопанные. Ну, до вечера. Отдыхайте.

И Роза Самуиловна с Зосей остались вдвоем. Пляж действительно был пустынным. Серый песок, множество раковин, серые кустики вдоль песчаного откоса.

— Никогда не могла предположить, что на юге встречаются такие серые места, — сказала Роза Самуиловна, — южные пляжи у меня всегда ассоциировались с яркими красками, золотым песком и множеством людей.

— А мне здесь нравится, — ответила Зося, — как будто прошло всего-то ничего с момента сотворения мира. Пойду раковины рассматривать, а самые лучшие и замысловатые соберу, и мы их привезем в Горевск, для Михаила Исааковича. Он все хотел покупать аквариум — дно для аквариума будет, а заодно и память о Крыме.

Роза Самуиловна плавала вдоль берега, а Зося сидела на песке и рассматривала очередной перламутр раковины, когда к пляжу подкатила машина.

Из машины некоторое время никто не выходил — видимо, пассажиры были удивлены, что пляж уже кем-то занят. Зося подумала, что, слава Богу, они сейчас развернут машину и уедут, но машина удобнее припарковалась, двигатель умолк. Значит, и здесь, на этом диком пляже, им с Розой Самуиловной не придется побыть наедине с природой.

— Ромашова! Тесен мир, — услышала Зося знакомый голос, — в Горевске тебя ни разу

не встретил, а стоило приехать в Крым, и вот она, Зоська Ромашова!

Это был Саша Анцев, но не один. Вместе с Сашей приехал и его отец — Александр Михайлович.

Роза Самуиловна поспешила им навстречу:

— Саши Анцевы! Сто лет вас не видела, и очень рада встрече. Вы-то каким образом здесь? Вам обоим больше подходят городские, цивилизованные пляжи с лежаками, топчанами и душевыми кабинами.

— Вот и ошибаетесь, Роза Самуиловна, — ответил Саша-младший, — мы с папой уже не один год приезжаем в Феодосию. Крым — это наше любимое место отдыха. Но на пляжах мы не лежим, а путешествуем по полуострову на машине.

— Роза Самуиловна, — к ним подошел Александр Михайлович, — может, мы нарушили ваше уединение? Вы скажите, и мы уедем.

— Нет, что вы! Все в порядке. Мы с Зосей рады вас видеть. Но согласитесь, встретитесь земляков за сотни километров от своего дома, да еще на таком уединенном пляже — случай неординарный. В такой ситуации можно немного и подрастеряться. Зося, что ты к нам не подойдешь? Насколько я поняла — со всеми ты знакома.

— Да, знакома — с Сашей мы однокурсники, а Александра Михайловича я знаю по банку.

— Вот и хорошо. А мне еще проще — оба Саши, начинали с Горевского банковского техникума, следовательно — мои студенты. Как время быстротечно — кажется, совсем недавно я учила Александра Михайловича и сама была молодой. А вот уже и Саша-младший — студент института. Скажите Александры, а почему вы без Татьяны? Почему ты, Саша, маму в Крым не привез?

— Отказалась. Мама морю всегда предпочитала свою любимую дачу. Нас отправляет, а сама тут же вместе с друзьями уезжает на дачу. Говорит, что нам нужно от нее отдохнуть, точно так же, как и ей от нас. У них шашлыки, музыка и танцы до рассвета. А папа, наоборот, любит уединение и покой. Наверное, устает от постоянного общения с людьми. Он по лесу любит побродить, и на бережку речки посидеть с удочкой. Не улыбайтесь, папа действительно очень любит рыбачить. Рыбку поймает и сразу ее назад, в речку, отправит. А если гриб найдет, то сфотографирует его в различных ракурсах и отправляется следующий искать. Мне папа тоже пытался привить любовь к местным пейзажам, но из меня рыбак не получился — я совсем неусидчивый, мне терпения не хватает несколько часов сидеть без движения и на поплавок смотреть. А в лесу я совершенно не ориентируюсь, два раза повернусь вокруг своей оси, глядишь и заблудился... Вот море я люблю — можно с аквалангом нырять или просто до изнеможения плавать.

— Какая удача! Тогда, Саша, у меня к тебе большая просьба — попробуй научить Зосю плавать. Я уже поняла, что мне это в одиночку не осилить. Я ее не то, что плавать, но и в воду заманить не могу.

— Ну, ты, Зоська, даешь! Как можно море не любить? Сейчас мы тебя перевоспитывать будем.

Саша догнал убегающую от него Зосю, поднял на руки, и понес в воду. Зося кричала, смеялась и пыталась вырваться. Вскоре они были далеко в море. Зося перестала возмущаться Сашиней бесцеремонностью и, похоже, начала добросовестно исполнять его команды. Роза Самуиловна слышала Сашин голос и видела, как Зося руками и ногами активно поднимала возле себя разноцветный фонтан воды. Она перестала волноваться за свою воспитанницу —

кажется, урок плавания вполне удался и принес им обоим — и Зосе, и Саше, — большое удовольствие.

— Перестаньте всматриваться в молодежь, Роза Самуиловна, ничего с Зосей не случится. Там мелководе, да и Саша надежный тренер — он плавает с трех лет и чувствует себя в море, как местная рыбка. Лет пять назад он у нас переболел манией розыска кладов. Даже где-то карту затонувших в море сокровищ раздобыл — хотел поднять со дна моря какой-нибудь древний клад. Вот тогда даже и акваланг освоил.

— А клад он поднял?

— Да какой клад? Все эти карты — маленькие сказки для взрослых детей. Я тогда не чинил ему никаких препятствий, предоставил полную свободу, даже с катером и оборудованием помог. Пусть парень пройдет испытание азартом. Один летний сезон Саша понырял, все понял, а затем сам же над своей наивностью и смеялся. А я радовался и гордился своим сыном — имеет парень трезвый ум и силу воли, чтобы вовремя остановиться. Роза Самуиловна, может, и Вы мне что-нибудь расскажите о Зое Ромашовой? Я вижу, вы за нее волнуетесь, значит, она Вам не чужая.

— Ты совершенно прав, Саша, не чужая она мне. Это моя воспитанница. У Зоси рано умерла мама, отца вообще не было.

— Я знаю, что Ромашова сирота. Мы стараемся таким детям помогать, в том числе и материально. Ромашовой мы тоже постоянно назначаем материальную помощь и дополнительную стипендию, но она сама материальное поощрение зарабатывает отличной учебой. Я сейчас просил согласие центрального офиса на материальную поддержку студентки Ромашовой и кадровики мне готовили на нее досье. Оказалось, что у нее есть мать. Во всяком случае, документы это подтверждают. На решение центрального банка это обстоятельство не оказало никакого отрицательного влияния, но я — шокирован. При живой матери — ребенок сирота.

— По документам действительно у Зоси есть живая мать. Но Зося ее никогда не видела. Умерла женщина, которая ее воспитала, и которую Зося преданно любит и считает своей единственной матерью. В общем, это долгая и грустная история, о которой не очень-то хочется говорить, особенно в таком чудесном месте.

— Я сразу заметил, что эта девочка не по годам взрослая и самостоятельная. Ей бы еще в куклы играть, а она за два года, без репетиторов, оканчивает наш техникум. Правда, там и программа не сложная — выпускники в основном кассирами работают, но какое трудолюбие и упорство.

— Да, Зося рано взрослой стала — после смерти приемной матери ей не было еще и пятнадцати, а она практически сразу осталась без денег и жилья. Если бы не стипендия и помощь банка, не знаю, чем бы все это закончилось. Она улыбаться практически разучилась и общение с людьми ограничила одним только человеком. Я ее к себе забрала, когда она тяжело заболела — врачи сказали, что нервное истощение. Потом, после выздоровления, Зося пыталась снова возвратиться в общежитие, пришлось пустить в ход все свое красноречие и силу убеждения, чтобы оставить ее у себя. Девочка с чувством собственного достоинства, не переносит, когда ее жалеют. В остальном — это очень порядочный, честный, трудолюбивый и достойный человек. Ваш банк получит прекрасного профессионала.

— Ох, Роза Самуиловна, к сожалению, институты не готовят прекрасных банковских профессионалов. В институте студенты получают высшее образование, дающее

представление только об азах банковского дела. До титула банковского профессионала этим молодым людям еще очень далеко. Своих профессионалов мы самостоятельно готовим, в банке.

— Это, каким же образом?

— Переучиваем, используя практику. Человек, который решил посвятить себя банковскому делу, должен освоить все участки банковской деятельности и, в первую очередь — кассы, операционная работа с клиентами, бухгалтер, автоматизация банковских процессов. Нарботал себе авторитет и первые баллы, значит, ты готов к серьезной работе с клиентами — мониторинг, кредиты, денежное обращение. Я тоже, в свое время работу в банке начинал с должности кассира. Так, что Зосе и Саше предстоит еще очень долгая дорога до звания «банковский профессионал». Давайте мы, Роза Самуиловна, заранее не будем волноваться за наших детей, а пойдем вместе с ними наслаждаться теплой водой.

Зося и Саша барахтались в воде до самого вечера. И только, когда Зося без страха и опаски научилась самостоятельно держаться на воде, занятия на сегодняшний день решено было прекратить. Они уже сложили свои вещи и переоделись, когда за Розой Самуиловной и Зосей приехала машина.

— О, да я вижу, вы время зря не теряли и даже здесь себе компанию нашли, — удивился водитель.

— И не просто компанию, — весело ответила Зося, — а своих земляков. Кроме того, с Сашей мы учимся в одном институте, на одном факультете и в одной группе.

— Вот ведь как бывает, — изумился водитель, — ну, что уезжаем?

— О, нет, — запротестовали в один голос Анцевы, — нам тоже нужно возвращаться в Феодосию, вот, мы наших дам и доставим к месту их проживания. Но пока у нас еще не полностью реализован план сегодняшнего дня — задержались на пляже. В нашей программе сегодня еще шашлыки и молодое вино. Кто возражает против шашлыков — поднимите руки.

Никто не возражал. Водитель пожелал им удачного вечера и уехал. Наступивший вечер они провели в кафе, на открытой веранде. Местный повар гордился своим шедевром кулинарного мастерства — шашлыками из молодой баранины с огненным соусом и периодически спрашивал:

— Ну, что вкусно? Еще повторить? Ешьте, такие шашлыки, как у меня, никто на этом побережье готовить не умеет.

Зажаренное на шампурах мясо действительно было нежное и просто таяло во рту. Зося решила, что в этом кафе есть свой собственный секретный рецепт маринада для подготовки мяса. Саша подозвал повара:

— Спасибо вам за отличные шашлыки и соус. Скажите, у вас есть какой-то секретный способ маринования мяса?

— Есть секрет, но не в маринаде, — засмеялся довольный повар, — секрет в самом барашке. Если молодой барашек правильно выращен, то мясо мариновать не надо. Но шашлык обязательно нужно оттенить соусом. А он у нас тоже фирменный.

— Поняла, Зоська, такие шашлыки, из правильно выращенного барашка, можно найти только здесь. Ты согласна каждый год приезжать сюда, чтобы насладиться шашлыками и соусом?

— Конечно, я согласна, а вот смогу ли я еще приехать в Крым — это время покажет, — ответила рассудительная Зося.

Роза Самуиловна и Александр Михайлович переглянулись и заулыбались. Молодец,

девочка, ответ вполне достоин взрослого человека!

Назад, в Феодосию, они ехали поздно вечером, уставшие и молчаливые. Александр Михайлович и Роза Самуиловна, отведавшие местного вина, дремали на заднем сиденье. Зося сидела рядом с Сашей, который осторожно вел машину по незнакомой дороге, и восхищалась:

— Какой вечер! Смотри, Сань, небо опустилось на землю. А звезды такие крупные и яркие, словно на новогодней елке. Я бы так ехала, и ехала до самого утра.

— Да ты, Зоська, романтик! Я раньше не замечал, что звезды здесь действительно намного ярче и крупнее, чем у нас. Слушай, вы завтра с Розой Самуиловной вставайте пораньше и выходите к дороге. Мы с папой приедем за вами — вместе позавтракаем, а потом поедem куда-нибудь. У папы все расписано и на карте помечено — я знаю только, что там есть лиманы, город Керчь, мыс Хрони, поселок «Новый Свет», каменоломни, царский курган, развалины турецкой крепости и множество еще интереснейших мест. Кстати, у меня есть с собой фотоаппарат. Ты любишь сниматься для истории, в семейный альбом?

— Подожди, Саша! Роза Самуиловна, возможно, не захочет вас обременять. Мы с ней этот вопрос должны обсудить.

— Да это ты боишься кого-либо обременить, а Роза Самуиловна — человек демократичный и без предрассудков. Я ее давно знаю — она учила меня в техникуме. Так, что давай, Зоська, соглашайся!

— А твой папа? А если он не хочет, чтобы мы своим присутствием ваш совместный отпуск испортили? Он ведь планировал его провести только с тобой. Ты, если я правильно поняла, у своих родителей единственный ребенок?

— Ой, Зоська, какая ты зануда! Да, я единственный ребенок, но мой папа будет только рад вашему обществу. Кстати, это именно он мне поручил получить твое согласие. А с Розой Самуиловной он уже давно договорился. Ему будет с кем в отпускные дни обсудить внутреннюю и внешнюю политику нашего государства, и поговорить о дальнейшей стратегии развития банка. Он почитает и уважает Розу Самуиловну за ее ум и талант педагога, как и я, впрочем. А ты для него — объект восхищения и поклонения.

— Ну, тогда, я согласна!

— Наконец-то, королева дала свое согласие!

Каждый следующий день для дружной компании начинался пляжем, а заканчивался в знакомом кафе с шашлыками. В промежутках были поездки по местным достопримечательностям. Александр Михайлович знал историю Крыма и был прекрасным рассказчиком. А Саша-младший — фотографировал. Зося здесь, Зося там, Зося улыбается. Зося восхищается... Зосю он держал в объективе фотоаппарата целый день. В дегустационном зале завода шампанских вин Саша через объектив фотоаппарата наблюдал за Зосиным лицом, когда она пробовала отличить вкус обычных вин от коллекционных. Понятно, для Зоськи все вина на один кислый и неприятный вкус! И все-таки, золотистое шампанское с россыпью мелких, спешащих вверх пузырьков, и Зоську заинтересовало. Саша перевел объектив фотоаппарата на бутылку и сфотографировал — для истории. Александр Михайлович в местном фирменном магазинчике завода потом купил несколько бутылок этого шампанского и сказал:

— Коллекционное шампанское «Новый свет», брют. У Зоси отменный вкус. Она выбрала лучшее крымское шампанское, его у нас покупает вся Европа. Одну бутылку мы выпиваем в последний день нашего пребывания здесь. Остальное вы везете домой, для

вашего Михаила Исааковича. К сожалению, его алкогольные предпочтения мы не знаем, но я уверен — это шампанское не может не понравиться.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Отпуск заканчивался — через неделю Зосе и Саше надо быть в институте. Саша и слышать не хотел, чтобы Зося и Роза Самуиловна возвращались домой на поезде.

— Пап, ну ты подумай, как можно им ехать поездом! Мы на машине доедем гораздо быстрее. А все это упрямая Зоська! Она боится нас стеснить.

— Нет, сынок, ты не прав — Роза Самуиловна предпочитает поезд. Говорит, что в поезде можно полежать и отдохнуть, и, вообще, там комфортнее, нежели, чем в машине. Может, она и права, ты уж, пожалуйста, не дави на нее.

— Еще чего! А кто у меня штурманом будет? Ты, что ли? Зоська меня всегда своевременно предупреждает об изменении направления движения, а ты любишь в машине подремать. Вспомни, сколько раз мы возвращались назад, потому, что повороты проезжали из-за того, что ты заснул.

— Ну, ты эгоист! Тогда сам убеждай Розу Самуиловну.

Розу Самуиловну Саша уговорил быстро — знал какие-то подходы к своей уважаемой учительнице. Вещи уже были упакованы и размещены в багажнике машины. Ранним утром планировался выезд из Феодосии. Сегодняшний вечер был свободным. Зося и Саша решили погулять по набережной и попрощаться с морем.

Они рядышком шли по набережной и молчали, словно, чужие, незнакомые люди, которым просто по пути. Сашу угнетало это тягостное молчание.

— Зось, ты почему сегодня такая молчаливая, что-то не так?

— Все, Саня, так! И не молчаливая я, а просто грустная. Завтра мы сядем с тобой в машину и уедем. А вся эта красота здесь останется — и золотой ракушечный песок на Арабатской стрелке, и карманный пляж, где мы встретились, и эта синяя громада воды. Здесь бы остаться и сутками смотреть на воду. Зачем нам куда-то уезжать, а, Сань?

— Учиться, моя дорогая сокурсница. Останешься на море и станешь дикаркой, без образования и работы.

— Вот этого я совсем не хочу. Прекращаю хныкать, и едем учиться, учиться и еще раз учиться. Так мама говорила.

— Какая безграмотность — так дедушка Ленин говорил, Владимир Ильич.

— И моя мама.

— А кто твоя мама?

— Обычная любящая меня мама. Только она несколько лет назад умерла. Саш, давай я потом тебе о ней расскажу. О моей маме нельзя впопыхах рассказывать, нужно время и другое место. Не обиделся?

— Все нормально, Зося! Будет у нас еще время и другое место. Ведь будет, Зося?

— Я не знаю. Как жизнь распорядится.

— Философ доморощенный ты, Зоська! Ладно, ты мне лучше честно скажи — на отпуск в Крыму будешь помнить?

— Вот здесь я твердо могу тебе ответить — буду помнить всю жизнь. Здесь мне так хорошо было, как будто жизнь у меня заново началась. Спасибо тебе, Саня. Это благодаря вам всем я увидела, что жизнь может быть сияющей и разноцветной. До Крыма она у меня была в основном черного или серого цвета. И за уроки плавания тебе спасибо. Оказывается, плавание это не только спорт, но и наслаждение. До твоего мастерства мне, конечно, еще

очень далеко, но зато есть к чему стремиться. Ну, море, спасибо тебе огромное, за то, что ты нас баловало теплой, ласковой водой и прощай.

— Спасибо, море, и до свидания! Мы через год возвратимся сюда вместе с этой занудой Зоськой.

Путь домой показался Зосе долгим, а дорога, неожиданно длинной.

Михаил Самуилович говорил, что писем нет, но ведь он мог и слукавить, чтобы Зося не волновалась. Возможно, от Пети уже есть письмо, а, может, и не одно. Скорее бы приехать, тогда все и прояснится.

Михаила Исааковича они застали в постели. Оказалось, что он заболел неделю назад. Гипертонический криз, а на его фоне — учащенное сердцебиение. Ложиться в больницу он отказался — ожидал возвращение своих розочек — Розу Самуиловну и Зося.

— Ты, что же, Миха, творишь? Если бы ты нам не поленился сообщить о своей болезни, то мы бы с Зосей дома были на неделю раньше, и от твоего давления сейчас остался бы только пшик, — возмущалась поведением своего преданного друга Роза Самуиловна.

— Не шуми, Розочка, нашу девочку напугаешь. Не хотел я вас беспокоить, тем более что у вас впереди была еще целая неделя отдыха. Зосенька мне по телефону взалхлеб рассказывала, как вам в Крыму весело и интересно. У нее и голос даже от возбуждения изменился, стал какой-то звонкий и, похоже, счастливый. Я ее сразу-то и не признал. Обычно от нее каждое слово можно рассматривать, как подарок, а тут за весь наш разговор я сказал только несколько слов, да и то потому, что нужно было отвечать на ее вопрос — есть ли письма от Пети. Все звенела и звенела, как вы там осетрину с белужиной ели, хамсу и керченскую селедку. Про какие-то шашлыки из молодого барашка и золотое шампанское. Разве мог я, ссылаясь на свое маленькое недомогание, вырвать вас из всего этого великолепия. Выглядите вы обе прекрасно — две мои красавицы, глядя на вас, и я сразу поздоровел. Тем более что завтра, Розочка, мы должны прокатиться по базам и магазинам. Я тут свои старые связи подключил и договорился на торговых базах о новых вещах для Зосеньки. Ее гардероб к новому учебному году нужно обновить. Платица, туфельки, сапожки, там всякие свитерочки хочу новенькие купить. Пусть моя девочка выйдет королевой. Я всю жизнь работал, а деньги потратить было не на кого. Так сейчас за честь почитаю их на моих красавиц транжирить. И ты, Розочка, обнови свой гардероб, сделай мне одолжение.

— Хорошо, Миха. Завтра все обсудим, но при условии, что у тебя давление не будет за норму зашкаливать. Мы тебе тоже подарки привезли. Зося, иди, золотце, сюда, и подарки для дяди носи.

Роза Самуиловна ушла на кухню, а Зося заняла ее место возле постели Михаила Самуиловича.

— Смотри, дядя, эти ракушки я собирала на «карманном пляже». Ты когда заведешь нам золотую рыбку, мы их положим на дно аквариума. А вот этот парусник сделан тоже из ракушек крымскими умельцами, его тоже можно опустить на дно аквариума. Представляешь, какая будет красота. А вот это — крымское шампанское. Александр Михайлович Анцев сказал, что это лучшее крымское шампанское и пьют его настоящие гурманы. Он сказал, что тебе тоже оно обязательно понравится.

— Спасибо, мой ангел. Рыбку золотую мы с тобой завтра же и купим. А скажи мне, пожалуйста, не найдется ли у тебя свободный часик, чтобы ты мне все самым подробнейшим образом рассказала о вашем отдыхе в Крыму.

— Я и сама хотела у тебя подольше посидеть. В Крыму было замечательно, но, если бы ты поехал вместе с нами, то было бы еще лучше.

Зося, как опытная сиделка, придвинула стул к кровати Михаила Исааковича и ровным, тихим голосом начала рассказывать о развалинах турецкой крепости, о каменоломнях, о древней церкви Иоанна Предтечи. Михаила Исааковича убаюкал ее голос, и он заснул. Зося тихонько прикрыла дверь в его комнату и пошла к Розе Самуиловне.

— Заснул дядя Миха. Моя мама говорила, что крепкий сон лечит любую болезнь. Пусть поспит подольше и поправляется. А мы с тобой тем временем ему ужин приготовим. Тетя Роза, ну почему он нам ничего не сказал о своей болезни? Ему уход нужен был, а он лежал здесь один, в пустой квартире, без нормальной еды и питья.

— Не горюй, Зося, мы его быстро на ноги поставим.

— Хорошо бы. Моя мама тоже говорила, что все будет хорошо, и она скоро поправится, а вышло все совсем не так. Я так боюсь за дядю! Скорее бы он поправился.

— Успокойся, Зося! С дядей ничего не случится. Болезни разные бывают — у твоей мамы болезнь была неизлечимая, а дядю мы обязательно поставим на ноги и будем беречь. Все будет хорошо.

Михаил Исаакович разомлел от избытка женского внимания и пролежал в постели еще три дня. Можно было и через день подняться на ноги, но Роза Самуиловна сказала, что в выходным дням можно приурочить еще и понедельник, так, как в понедельник серьезные вопросы не решаются. А покупку дефицитных вещей с торговых баз, где обсуживается партийная и государственная управленческая элита общества, она считала делом важным, которому кроме денег, должна сопутствовать еще и удача. Три дня Зося не отходила от постели Михаила Исааковича и готова была ему даже книжки читать на ночь, чтобы он спокойно засыпал. Напуганная потерей матери, Зося не могла доверить случаю здоровье человека, который стал ей близким и родным.

Роза Самуиловна удивлялась — девочка в заботах о здоровье Михи, даже про почтовый ящик временно забыла.

— Ты, Миха, обрати внимание на нашу девочку.

— Да, конечно. А с ней что-то случилось?

— А ты и не замечаешь! Конечно, случилось. Глаза потемнели, а бледность и через южный загар проступает. Особенно, когда ты капризничаешь, и не хочешь пить лекарства. Разве ты забыл, что у нее практически на руках мать умирала. А сейчас она за тебя боится, как бы с тобой чего не случилось. Ты уж, пожалуйста, поскорее поправляйся. Ну, или беспрекословно исполняй все ее указания.

— Хорошо, Розочка. Больше ни слова против Зосиных указаний. Я уже совершенно здоров, но Зося настаивает, чтобы я еще пару денечков полежал. В былые времена своего одиночества я бы на следующий день отправился по своим делам, а сейчас Зосенька не разрешает. Да и мне самому очень уж приятна ваша забота.

Зося совершенно равнодушно относилась к своему гардеробу. Конечно, она давно выросла из одежды, которую ей покупала мама. Но это была не большая проблема — платье за несколько минут у нее могло превратиться в юбку или блузу, а пальто — в теплый жакет. Короткие рукава удлинялись с помощью накладных манжет. Даже эта переделанная и перекроенная ею одежда сидела на ней безупречно. А какая одежда может испортить стройную девичью фигурку с идеально пропорциональными формами? Это еще и постараться надо. Но уговорить дядю Миху не выбрасывать деньги на ветер ей не удалось.

— С тобой никто и не спорит, — говорил он ей, — у тебя действительно много хорошей одежды, но она вся детская. А ты у меня бриллиантик, а потому и оправка должна соответствовать. Собирайтесь и не ждите, когда у меня снова поднимется давление.

«Про давление я, может, и зря брякнул, — пробовал раскаяться Михаил Исаакович, — но каков результат! Больше ни одного возражения».

Торговые базы занимали большую территорию на окраине города. При ближайшем рассмотрении это были длинные кирпичные склады с пандусами для отгрузки товара, который отправлялся по торговым точкам. В каждом складе, за отдельной перегородкой, хранился импортный дефицит.

Церемония допуска к заветным полкам была одинакова для каждой базы — из управленческой конторы вместе с Михаилом Исааковичем появлялся директор базы и сопровождал избранных посетителей в святая святых — небольшой складик импортных товаров.

Там и совершалось таинство отбора необходимых вещей. В углу помещения, для тех, кто попроще, была устроена ширма — примерочная. Высокопоставленным особам товары для примерки, по списку, доставлялись домой.

Зося, да, впрочем, и Роза Самуиловна были смущены проявленным к ним вниманием занятых людей и старались держаться за спиной Михаила Исааковича. А вот Михаил Исаакович, который со всеми директорами торговых баз был на ты, наоборот, гордился своими спутницами. На традиционный вопрос каждого из директоров:

— Миша, а ты с кем?

Михаил Исаакович с гордостью отвечал:

— С женой и племянницей.

— Какие красивые женщины!

В каждом складе доставались пакеты с красивыми вещами, и Зося должна была это все примерять. Ее лепет о том, что не хотелось бы в очередной раз раздеваться, взрослыми всерьез не воспринимался. Зося надевала очередную вещь и выходила из примерочной. Для Михаила Исааковича и Розы Самуиловны все вещи казались красивыми и достойными, но главным кутюрье здесь был сам директор и его добровольные помощницы из работниц склада.

— Да, конечно, красиво, — задумчиво произносил друг Михаила Исааковича, — но ей можно подобрать более стильную и удобную вещь. Давай-ка, Людочка, достань тот костюмчик, который мы специально заказывали для дочки Ивана Петровича, а он ей оказался мал. По-моему, этой девочке он будет в самый раз.

Зося с ужасом смотрела на очередной пакет, и покорно шла в примерочную. И только когда машина была до отказа загружена пакетами с одеждой и обувью, Михаил Исаакович решил, что можно возвращаться домой.

Дома Зося уже с большим энтузиазмом вновь перемерила все покупки и, неожиданно для себя, осознала, что все это ей очень нравится.

— Спасибо, дядя Миха, мне все вещи очень понравились.

— Вот видишь, мой ангел, дядя плохого не посоветует. Носи на здоровье, тебе все подходит, как будто сшито по твоим меркам.

Петя не писал, и Зося решила, что он, наверное, на своей загадочной базе. А раз она секретная, то связи там, конечно, нет. «Напишу ему сама, небось, корона с моей головы не свалится. Тем более что ему нужно рассказать про Крым и Анцевых», — решила Зося и

уселась за свой рабочий стол. Письмо получилось длинное и обстоятельное, на нескольких тетрадных листах. Зося сложила исписанные листики, поцеловала и вложила в конверт: «Давно нужно было написать ему письмо, а уж, затем и ответ ожидать. Может, Петя обиделся на меня — я тут отдыхаю, а у него занятия без выходных и праздников. Жалко, что я позвонить ему не могу — голос бы его услышала. И почему он не разрешает мне звонить в его училище? Может, думает, что у меня денег нет, так тетя Роза говорит, что я могу заказывать любой междугородний разговор с домашнего телефона, а они потом счет оплатят». В своем дневнике Зося коротко описала свои впечатления о Крыме, затем, после некоторого раздумья написала: «Анцевы — папа и сын. Глядя на них, я не один раз пожалела, что у меня нет папы. Александр Михайлович — удивительный. А какой собеседник и слушатель! Большой, сильный. Я на его фоне совершенная худышка и заморыш. О таком можно только мечтать. Саша-младший — умный, красивый, стильный. В институте я этого не замечала. Разглядела вблизи, и как будто заново с ним познакомилась». Зося отложила свою тетрадочку, перешла на диван и закрыла глаза. И вот оно, синее море, брызги сверкающей в ярком солнце воды, сильные мужские руки на ее теле, а рядом смеющиеся карие глаза. Сердце сладко стукнуло — Саша. Сегодня Саша позвонил Зосе, и они договорились, что завтра он за ней заедет, и они вместе поедут в институт.

Саша приехал раньше условленного срока. Дверь ему открыла Роза Самуиловна.

Зося в своей комнате, в который раз, придирчиво рассматривала себя в зеркале:

«Может, стоит переодеться. Конечно, этот костюм очень красивый, а белая блузка выглядит просто ослепительной в контрасте с загорелой кожей и темными волосами. Но что может обо мне подумать Саша? Не придет ли ему в голову, что я для него вырядилась? А впрочем, замена этого костюма ситуацию не изменит — все мои вещи, стараниями дяди Миши, выглядят празднично и нарядно. Ладно, пусть думает, что хочет. Надеюсь, он понимает, что я за ним бегать, как другие девчонки, не буду». Решение она приняла, но так, же стояла перед зеркалом, и выйти в прихожую не решалась.

— Роза Самуиловна, позвольте подарить Вам вот эти цветы. Вас завтра на работе благодарные ученики завалят розами, а вот эти скромные гладиолусы, пусть будут у вас дома. Конфеты и вино тоже для Вас. Зося завтра будет далеко, а вы с Михаилом Исааковичем устройте праздничное чаепитие и, пожалуйста, поднимите бокал за наши пятёрки в новом учебном году. Хризантемы — для Зоси. Я не знаю, какие цветы она любит и купил просто то, что мне самому понравилось.

Вот в прихожую уже и Михаил Исаакович вышел, а Зося все никак не могла преодолеть внезапную растерянность.

— Зосенька, ангел мой, — дядя Миша тихонько постучал в дверь ее комнаты, — ты где? Тебя тут молодой человек ожидает.

Зося решительно открыла дверь и вышла из своей комнаты.

— Ну, ничего себе, — восхищенно протянул вместо приветствия Саша, — ты, Зоська, видимо с пользой провела последние дни перед учебой. Не иначе, как в Париж успела слетать и пробежаться по модным магазинам.

— Нет, это дядя Миша решил меня одеть по своему вкусу. Я говорила, что не привыкла носить такие дорогие вещи, но он и слышать ничего не хотел. Я могу переодеться в спортивный костюм.

— Прощу тебя — никаких переодеваний. У твоего дяди вкус джентльмена. И выглядишь ты потрясающе, принцесса из королевской семьи. Ну, мы, пожалуй, поедем. По дороге где-

нибудь остановимся — хочу Зося сфотографировать. Хорошо, что про фотоаппарат вспомнил — у меня для вас целый пакет крымских фотографий.

— Давай их мне, — протянула руку Роза Самуиловна, — будем с Михаилом Исааковичем рассматривать. А ты Зося, если тоже захочешь их увидеть, то приезжай к нам поскорее. А-то сейчас начнется — то в колхоз на уборку каких-нибудь овощей, то потом в библиотеку. А мы здесь скучаем без тебя.

Только в машине Зося спохватилась:

— Сань, может, нам вернуться — я твои цветы забыла взять.

— Не будем мы возвращаться за цветами. Я тебе их знаешь, сколько еще подарю? Очень много.

— Не надо, Сань. Я не могу принимать от тебя подарки.

— Зоська, что ты несешь? Какие подарки? Цветы — это не подарок, а знак внимания. Да расслабься ты. Мне приятно дарить тебе цветы, а еще более приятно смотреть, как ты при этом смущаешься. Ты на себя в зеркале попытайся взглянуть чужими глазами — может это тебе уверенности добавит.

— Не совсем понимаю, о чем ты.

— Да, все очень просто — ты красивая, умная девушка и одета по последнему писку моды. Такие девушки уверены в себе, ходят с гордо поднятой головой и принимают, как должное, восхищение окружающих их людей. Так, все, закрываем эту тему. Вон, видишь, какая красавица березка стоит возле дороги — здесь останавливаемся, и я тебя фотографирую.

Саша остановил машину.

— Смотри, Зоська, а тебя комар грызет.

— Где?

— Да вот же, вот. Ты разве не чувствуешь?

Саша приблизился к Зосиному лицу и губами ласково дотронулся до ее губ. Зося резко отпрянула от него и забилась в угол машины.

— Никогда, Саша, не позволяй себе ничего подобного.

— А я ничего себе и не позволил. Комара согнал с твоего лица, вот и все.

— Я тебя еще раз прошу, Саша, если мы с тобой друзья, то и веди себя по-дружески.

— Зося, а вот ты ведешь себя, как дикарка с необитаемого острова. Я до тебя просто дотронулся, а если бы даже и поцеловал, то это вовсе не повод для такого переполоха.

— Дело в том, Саша, что у меня есть парень, который сейчас очень далеко. История нашей дружбы насчитывает несколько лет. Эти годы, пожалуй, самые тяжелые в моей прошлой жизни.

— Вы любите друг друга?

— Я пока не знаю точного определения наших взаимоотношений, но заменить их какими-то другими, точно не могу. Это будет предательством по отношению к нему.

— Зося, взгляни на эту ситуацию глазами взрослого человека — там у тебя, как я понял из твоих слов, просто дружба. А почему такой же дружбы не может быть у нас с тобой?

— Конечно, может быть. Просто дружба, без цветов и нежностей.

— Хорошо, нежности исключим, а вот с цветами может возникнуть проблема. Ты меня просто оскорбишь, если откажешься принять цветы. Если ты обратила внимание, то я Розе Самуиловне тоже подарил цветы, и она их приняла. Это нормальные отношения между людьми. Разве твоей маме не дарили цветы?

— Дарили, очень часто. Не дарил ей цветы только ее муж.

— А тебе твои поклонники?

— У меня никогда не было поклонников. Если ты заметил, то в институте я до сих пор не завела друзей. Я предпочитаю одиночество.

— Вот и славно. Я тоже не обзавелся в институте друзьями, твое общество меня вполне устроит. Будем молчать вдвоем.

Зося лежала на диване и ладошкой растирала по щекам слезы. А они продолжали ручейком стекать из покрасневших глаз. Долгожданное письмо от Пети было наполнено гневом и обидой. «Ты обманула меня, — утверждал лист бумаги, исписанный косыми строчками, — и не просто обманула, а все это время притворялась честным и верным другом. Но разве друзья так поступают? Я здесь занимаюсь до седьмого пота, а ты местечко себе тепленькое в жизни разгребашь. Крым, заливчики, море! Зоська, как же быстро ты забыла меня. Я понимаю, Золушка встретила богатенького папиного сыночка и растаяла от счастья. Как же — впереди сытая и довольная жизнь среди богатых людей. А мы с тобой мечтали добиться всего самостоятельно. Я уехал за тридевять земель, чтобы получить достойное образование, и заработать много денег. Чтобы мы с тобой никогда не чувствовали себя ущербными. Эта оскорбительная нищета преследовала меня с раннего детства. Да и ты после смерти мамы в роскоши не купалась. В те времена для нас с тобой разрезанная пополам горбушка хлеба с фасолью из консервной банки, казалась ресторанным деликатесом. Но я не хочу больше таких деликатесов. Я получу от жизни все, что называется обеспеченной жизнью. Вот только ты надолго выбила меня из равновесия, как будто ударом из-за угла отправила в нокаут. Не тебя ли я просил: ты дождись меня, моя панночка, и я всю жизнь буду тебя на руках носить. Как же я ошибся в тебе!»

Зося читала обличительные слова и соглашалась с ними — конечно, Петя прав. Как могла она забыть о том, что Пете очень тяжело в такой далекой и холодной Сибири. Да еще и в Крым уехала греться на солнышке. Саша — вот где главное предательство. Не она ли, предательница Зося, хочет, чтобы Саша постоянно был рядом с ней? И не она ли, эта самая Зося, украдкой перед занятиями ищет глазами Сашу. И не от его ли имени у нее сладко замирает сердце. Все! Она приняла решение — с завтрашнего дня она ездит на занятия только общественным транспортом. А Сашу она вообще забывает — ну, есть где-то хороший человек по имени Саша, но к ней, Зосе, этот человек не имеет никакого отношения. Самое главное в ее жизни — это Петя. Пусть учится спокойно, а она будет его ждать. Верно, и честно.

«Ты прости меня, Петя, — вывела каллиграфическим почерком Зося первую строчку письма, — я действительно виновата перед тобой. Но, поверь мне, я больше без тебя никогда и никуда не поеду, а Сашу вычеркиваю даже из списка своих друзей».

Зосину трагедию Роза Самуиловна сразу прочитала на ее заплаканном лице:

— Что, детка, за горе приключилось у тебя? Письмо долгожданное получила, так радоваться должна. Раз написал, значит, жив и здоров. А ты заплаканная вся. Рассказывай, кто до слез довел — Петя или Саша?

— Оба. Петя называет меня предательницей. И это, конечно, все из-за Саши. Он обиделся, что я уехала отдыхать, а он занимался все это время на своей базе. А еще пишет, что Саша богатый, вот я с ним и общаюсь.

— Ну, это он от ревности тебя обижает. Сам далеко, а Саша рядом. Но это совсем не по-мужски. Не ожидала я такого поступка от нашего Петруши.

— А что не по-мужски, тетя Роза?

— Давит он на твое самое уязвимое место — ответственность за свои поступки и порядочность.

— А может он прав, и я действительно предала его?

— Нет, он не прав. Ты сама, без давления с его стороны, должна определить свои отношения с ним, и с Сашей. Так будет справедливо.

— Но я уже приняла решение — с Сашей быть на определенной дистанции. Чтобы у Пети не возникло и тени сомнения в моей преданности.

— Ты приняла неправильное решение, Зося. Определить ваши отношения должно время. А ты, под давлением Пети, для Саши не оставляешь ни единого шанса. И что это за дистанция для Саши? Ты, что лишаешь его даже дружбы?

— Да. Это нужно для того, чтобы Петя перестал волноваться, и продолжал спокойно учиться. А если говорить о Саше, то, я думаю, что для него это небольшая потеря — все девчонки нашего факультета готовы предложить ему не только дружбу, но и свою любовь. Так, что думаю такую потерю, как я, он легко переживет.

— Это ты мне рассказываешь или себя пытаешься убедить? Я ведь вижу, что Саша тебе не безразличен, как и ты ему. Так зачем ты хочешь все разом уничтожить? Ты приняла свое решение, а у Саши тоже есть право на выбор — любить всех девчонок факультета или остаться с тобой. Ты вообще с ним на эту тему говорила? Ты сказала, что у тебя есть давнишний друг, и ты поддерживаешь с ним отношения до сих пор?

— Да, я ему все сказала, но он и слышать ничего не хочет. Говорит, что пока наши дружеские отношения его устраивают, а потом жизнь все расставит по своим местам.

— Вот видишь, Саша мудрее тебя оказался. Я с ним тоже согласна — время и жизнь все решат за вас всех. А вот Пете ты просто больше ничего не пиши о своих друзьях. Видишь, каким ревнивцем он оказался. Прямо настоящий Отелло.

— Нет, тетя Розы. Я не стану обманывать Петю — нас связывают самые тяжелые годы моей жизни, и я ему многим обязана.

— Хорошо бы, детка, к твоей абсолютной честности добавить еще способность отличать чувство долга от других жизненно важных определений, таких, скажем, как любовь и счастье.

— Петя считает, что если я его дождусь, то впереди у нас будут долгие годы счастья.

— Главное, Зося, чтобы и ты так считала. А ты пока слепо исполняешь его команды. Я Петю люблю, но сейчас очень удивлена его деспотизмом. Что-то здесь не так. А ты подумай хорошенько прежде, чем совсем отказываться от Саши. Правда, я уверена, что этот молодой человек твердо стоит на ногах, и знает, чего он хочет от жизни. И если ты ему нужна, то он обязательно сделает все возможное и невозможное, чтобы добиться своей цели. Действительно, только время может в этом классическом треугольнике расставить все по своим местам. Кто-то из вас троих обязательно сойдет с дистанции, и уйдет в сторону, но это должно произойти добровольно. Возможно, этим добровольцем станешь ты сама.

— Не поняла. Почему я?

— А что тут понимать — встретишь третьего или четвертого, так бывает в жизни, и уйдешь от этих двоих. Тем более что первая любовь, к сожалению, бывает очень короткой.

— Нет, тетя Розы. Я уже сделала свой выбор — Петя был рядом со мной в горе, а сейчас моя очередь делить с ним все трудности и ненастья нашей дальнейшей жизни. Я ему это обещала и сдержу свое обещание. Куда бы ни забросила его армейская служба, я постараюсь всегда быть с ним рядом, конечно, если он этого захочет сам.

С этого дня Зося действительно виделась с Сашей только на занятиях — ну не переводиться же ей на другой факультет, чтобы и эти встречи прекратить. Ей нравилась ее

будущая специальность, да и банк, направивший ее на учебу, вряд ли даст свое согласие. А Петю беспокоили именно эти встречи. Он ей писал, что она не совсем сдержала свое обещание, ее встречи с Сашей не прекратились. Он считает, что она просто оставила себе пути для отступления. Ну и пусть считает, а она, Зося, честно исполняла данное ею обещание, и убеждать в этом Петю уже устала. Не хочет ей верить и не надо — это уже его проблема. А вот Саша... Сначала он ожидал ее возле дома, где она снимала комнату, чтобы отвезти на занятия. Но Зося пробегала мимо машины, словно за ней гнались. Потом начала выходить из дома на полчаса раньше, а затем бесцельно сидела в пустой аудитории. Саша перестал ожидать ее возле дома — зачем мучить девушку спринтерскими забегами, и одинокими посиделками в институте. В Горевск Зося уезжала на общественном транспорте или за ней приезжал Михаил Исаакович. Сашины приглашения посидеть в кафе или в ресторане Зосей решительно отвергались. После окончания второго курса Саша пытался через Розу Самуиловну уговорить Зосю поехать с ним в Крым. Роза Самуиловна не верила в успех данного ей поручения, но с Зосей все-таки поговорила:

— А, что, Зося, Петя в этом году снова не приедет на летние каникулы?

— Нет, он уезжает на военную базу на все лето, и предупредил меня, что писать мне оттуда не сможет.

— А что же ему мешает написать тебе письмо?

— Он пишет, что там нет отделений связи потому, что эта база расположена в лесу.

— И ты ему безоговорочно веришь? По моему мнению, нет у нас в стране таких баз, с которыми вообще отсутствует связь. Ты посмотри телевизор и послушай радио — космонавты и те со своими семьями общаются. И письма пишут, и телеграммы присылают. Было бы желание. А, может, все банально просто — Петя не хочет себя обременять письмами во время летнего отпуска?

— Как ты, тетя Розы, можешь подозревать Петю в лентяйстве? Быть такого не может! На базе, где Петя повышает свое военное мастерство, действительно нет никакой связи с внешним миром. Чтобы курсанты не отвлекались во время занятий. Он говорит правду. Пусть занимается — служить в армии после училища будет легче. Их преподаватели в этом уверены. Возвратится с базы, и сразу мне обо всем напишет. Вспомни, именно так и в прошлом году было.

— Ну, хорошо, пусть будет так. А, может, и мы с тобой тоже уедем на лето в Крым? Съездим на Сиваш, погуляем по Арабатской стрелке, найдем свой «карманный пляж». И, поверь мне, Пете совсем не обязательно об этом сообщать. Это будет наша с тобой маленькая тайна.

— Ага, и там случайно встретим Анцевых. Саша говорил, что они с отцом каждый год приезжают в Крым отдыхать. А скажи мне, тетя Розы, ты, случайно, не Сашино ли исполняешь поручение? Ведь это он хочет поехать в Крым вместе с нами?

— Возможно, но я не вижу в этом ничего плохого. Он предлагает тебе разделить не любовь, а хороший, полноценный отдых в Крыму. Об этом же и Александр Михайлович просит.

— Нет и нет. Не поеду никуда. Я обещала Пете.

Вечером, когда Зося уже лежала в постели и находилась в состоянии полусна, из прихожей послышался звонок телефона, и приглушенный голос тети Розы: «Нет, ты знаешь, не сумела я ее уговорить. Сама я очень бы хотела снова увидеть море, но без нее ехать не хочу. Счастливого вам отдыха». Потом, возможно это уже снилось Зосе, тетя Розы сказала,

что да, его зовут Петя, а фамилия Котович, и, что, скорее всего, Зося его не любит, а просто задолжала и поэтому исполняет все его капризы. Скоро она сама во всем разберется, надо только подождать. Утром Зося все пыталась вспомнить, о чем все-таки на самом деле говорила тетя Розы по телефону, а что ей приснилось. Но тетя Розы сказала, что и телефонного звонка, вовсе, не было, она в это время точно уже спала.

Лето Зося провела в душном и пыльном городе. Пару раз сходила на городской пляж, но ей там не понравилось — шумные дети вместе со своей воспитательницей, да пенсионеры с собачками, вот и все посетители.

Роза Самуиловна, наблюдая за ее тоскливым и однообразным летним отдыхом, не выдержала:

— Зося, я случайно вчера по телевизору видела репортаж из нашего дворца спорта. Оказывается, там построен большой бассейн, и тренеры работают. Как ты думаешь, Петя тебе бы разрешил, хотя бы раз в неделю, посещать бассейн? Я помню, тебе очень понравились уроки плавания. Правда, азам плавания тебя обучил совсем не профессионал, но ты достойно держишься на воде. Попробуй продолжить свое обучение, но уже с тренером-профессионалом. Для этого нужно пройти медкомиссию, а затем купить абонемент.

— Ну, что ты, тетя Розы, постоянно Петю критикуешь? Конечно, против бассейна он бы не возражал. Он сам спортом занимается, и мне не один раз говорил, чтобы я научилась плавать. Завтра же и займись медкомиссией.

Вскоре Зося стала завсегдатаем бассейна. Плавала она с удовольствием, и до изнеможения. Пахнувшая хлоркой, прохладная вода бассейна принимала Зосино тело в свои объятия, и удерживала на поверхности, как легкую пушинку.

В Зосином гардеробе появились купальники, яркие полотенца и шапочки для волос. Ежедневные занятия плаваньем добавили ей жизненного тонуса, и пробудили естественное девичье желание выглядеть красивой и нарядной.

Зося с удовольствием примеряла свои наряды, что-то подшивала, укорачивала или удлиняла. Обычное дело для молодой девушки, следящей за своей внешностью. Этим летом она впервые посетила косметический салон и парикмахерскую. Девушка-парикмахер усадила ее в кресло и спросила:

— Что будем делать? Ваши чудесные волосы, так хороши, что я бы вам посоветовала чуть-чуть подровнять кончики, и оставить все так, как есть. Я впервые встречаю такие красивые волосы, и завидую вам белой завистью.

В косметическом кабинете она задержалась на более длительное время — ее интересовало все — маски для лица, уход за кожей, легкий макияж. Косметологи там же и подобрали ей средства для ухода за кожей и парфюм.

Когда Зося дома начала выставлять на стол все эти ароматные баночки и флакончики, Роза Самуиловна в восторге захлопала в ладоши:

— Наконец-то, мне будет у кого приворовывать косметику. Сама в ней с молодости не разбираюсь, а иногда хочется какую-нибудь баночку красивую купить. Но продавщицы мне всегда подсовывают какую-то дрянь.

— Эта косметика тебе, тетя Розы, не подойдет. У нас с тобой, совершенно различный тип кожи и, конечно, возраст. Если ты мне доверяешь, то я завтра тебе все куплю. Теперь я знаю, где можно не только проконсультироваться по вопросам косметологии, но и все купить.

За это лето Зося — застенчивая, робкая девочка, которая жила в постоянной тревоге и ожидании грядущих неприятностей, и очередных ударов судьбы, преодолела свои комплексы и обрела уверенность в своих силах и способностях. Роза Самуиловна и Михаил Исаакович — умные, тактичные люди, сумели протоптать дорожку к больной, измученной невзгодами душе своей воспитанницы, и поселить там надежду и спокойствие.

— Смотри, Розочка, какой красавицей становится наша Зосенька. Я сияю от гордости, когда бываю где-нибудь вместе с ней — мужчины просто глаз не могут отвести от нашей красавицы. Да, что мужчины, женщины тоже откровенно любят ее красотой. Стройная, изящная, копна волос, огромные глаза. А сейчас она научилась свою природную красоту подчеркнуть красивой одеждой и косметикой. Я вот, что думаю, Розочка — нужно машину нам новую купить. Мне по льготной очереди, как участнику войны, уже сейчас можно ехать за машиной. На свою старую машину я покупателя нашел, остались мелочи по переоформлению владельца. Но новую машину я оформлю сразу на Зосеньку. Я тут недавно посадил ее за руль, когда мы возвращались домой. И остался доволен ее самообладанием и вниманием на дороге. К следующим каникулам я ее сам подтяну в вождении, а потом в школу водительскую определю, чтобы водительское удостоверение смогла получить.

— Знаешь, Миха, я в этих вопросах совершенно не разбираюсь, поэтому, как ты скажешь, так и будет. У меня только два вопроса — как на эту ситуацию смотрит сама Зося, и как опасны сегодня дороги, особенно для такой молодой девушки?

— Зося сама очень хочет научиться водить машину. А опасны ли дороги? Да, опасны, если за рулем машины опасный человек. Я когда сам за рулем, то тоже представляю опасность и, в первую очередь, для своих пассажиров. В любую минуту у меня может подняться давление или отказать сердце, тогда машина сразу станет неуправляемой. Зосенька справится с машиной лучше меня — в этом я уверен. Она очень ответственный человек.

Зося очень тщательно готовилась к первому дню нового учебного года — и ее старания были замечены всеми девчонками-сокурсницами:

— Ромашова, вот это упаковка! У тебя, что личный дизайнер и косметолог появились?

— Я сама себе дизайнер и косметолог в одном лице, — отшучивалась Зося. А ее глаза искали по аудитории Сашу — где он, почему опаздывает даже в первый день занятий? И вот он появился — загорелый и безупречный. Он вошел в аудиторию, и направлялся прямо к ней. Зося замерла — вот сейчас она снова увидит его преданные глаза и прочтает там удивленное восхищение, произошедшими с ней переменами. Но Саша прошел мимо, бросив на ходу:

— Привет, Зоська! Хорошо выглядишь. Как дела?

Если бы она и захотела ему ответить, то пришлось бы общаться с его спиной. А она хотела рассказать ему про свои успехи в бассейне. Что ж, значит, не суждено — ему неинтересно. Так начался этот третий институтский учебный год. После занятий Зося несколько раз наблюдала, как Саша галантно открывал дверь своей машины перед очередной девушкой. Ее, стоящую на автобусной остановке, он не замечал и проезжал мимо.

«Вот и хорошо. Все правильно. У меня есть Петя и скоро, через один год, он приедет ко мне. А Саша пусть живет своей жизнью. Вот уже и нет никакого треугольника — Саша отошел в сторону».

В институте она научилась на Сашино клише: «Привет, Зоська! Хорошо выглядишь. Как дела?» отвечать весело и беззаботно: «Как всегда, прекрасно» или просто кивнуть головой в

знак приветствия. Скорее всего, он и не ожидал от нее ответ, а просто, как и со всеми сокурсниками, вежливо здоровался. Зося решила, что Саша потерял к ней интерес раз и навсегда. Но простой житейский случай расставил все по своим местам.

Крыльцо возле входа в институт каждый год на зиму зашивалось деревянными рейками. Делалось это в целях безопасности, потому что ступеньки крыльца были выполнены из гранита и при первых же заморозках покрывались тонким слоем прозрачного льда, по которому идти, особенно на девичьих каблучках, было небезопасно. Правда, и сами рейки, предназначенные для противостояния намерзанию льда на ступеньки, также являлись источником институтского травматизма студенток. Каблуки могли попасть в зазор между рейками и, в лучшем случае, сломаться, а уж при самом плохом стечении обстоятельств, то травмировать или сломать ногу.

Зосин высокий каблук проскочил в щель между рейками и прочно там застрял. Зося ойкнула и начала падать навзничь. Но в это время ее сзади подхватили, и она оказалась на руках у Саши. Над ней склонилось бледное Сашино лицо, совсем рядом она увидела по-прежнему преданные и любящие ее глаза:

— Зоська, солнышко, ты как? Ушиблась? А что с ногой? Едем в травмпункт.

Зося через одежду слышала бешеный стук его сердца, и не спешила покидать эти надежные руки. Она обхватила его шею руками, положила голову ему на плечо, и закрыла глаза. Как хорошо и спокойно!

Вокруг уже засуетилась толпа студенток: «что случилось? ей совсем плохо? она сломала ногу?» Наконец, Саша догадался попросить девушек, чтобы открыли его машину, и усадил Зосю на заднее сиденье.

— Ты как, Зося? Поедем в больницу?

— Нет, в больницу не поедем. Моя нога в порядке, просто, наверное, небольшое растяжение связок. К завтрашним занятиям, я думаю, все пройдет. Если ты не спешишь, то подвези меня домой.

Во дворе дома, где жила Зося, Саша остановил машину и пересел к ней на заднее сиденье:

— С твоего разрешения я осмотрю твою ногу — все ли так хорошо, как ты рассказываешь.

Саша склонился к ноге, а Зося положила свою руку на его голову и зашептала:

— Саша, Саша, Саша...

Ее голос, тихий и ласковый, произносил его имя, и нес в себе какую-то тайну — то ли она звала его куда-то, то ли о чем-то просила, а, может, просто совершала таинство колдовства. Саша замер под ее рукой, боясь спугнуть счастье, которое обещала магия ее слов. Но Зося опомнилась, быстро открыла дверь машины и вышла, а вернее, выскочила из машины.

— Зося, скажи, а что это было, — отчаянно закричал он ей вслед, — простая благодарность или ...

Зося на ходу, не оборачиваясь, ответила:

— «Или», но это ничего не меняет.

На следующий день было все, как обычно:

— Привет, Зоська! Хорошо выглядишь. Как дела?

— Как всегда, прекрасно!

Но теперь Зося знала, что Саша не забыл ее — она нужна ему, так же, как он нужен ей.

А все эти слова, и ни к чему не обязывающие заигрывания с девчонками — просто ненужная шелуха, которой он хочет защитить свое мужское достоинство.

«Скоро приедет Петя, и я скажу ему, что сдержала свое обещание, не встречалась с Сашей. Но пришло время отпустить меня к Саше, потому что я люблю его, и не представляю свою дальнейшую жизнь без него. Петя все поймет и простит меня — мы всегда понимали друг друга. А ты, Саша, подожди еще совсем немного — я должна закончить свою первую историю, иначе, у меня ничего не получится с тобой».

Летние месяцы своих каникул Зося провела за рулем автомобиля. Дядя Миха купил и поставил возле дома блестящую ярко-красную машину. Маленький «жигуленок» немедленно занял теплое местечко в Зосином сердце, и она старалась поскорее получить право на управление этой красненькой игрушкой. Занятия в водительской школе приносили только удовольствие, и определенный азарт. Зося с нетерпением и долей страха готовилась к сдаче экзаменов на получение водительского удостоверения. Сдать теорию оказалось совсем несложно — правила дорожного движения она знала наизусть. К своему собственному удивлению, вождение тоже сдала с первого раза. Молодой офицер, который принимал у нее экзамен, большую часть времени смотрел на Зося, и сам забывал, какое ей выдал задание. Зося останавливалась, а он удивлялся:

— А почему вы здесь остановили машину?

— Вы мне дали задание припарковаться.

После сдачи экзамена Зося вышла из машины и отправилась на автобусную остановку.

Через несколько минут ее догнал тот самый молодой лейтенант и сказал:

— Подождите одну минуту. Может, мы с вами сможем встретиться вечером?

— Я занята, — ответила Зося, — у меня вечером бассейн.

— Замечательно. Тогда встретимся в бассейне. Кстати, меня зовут Алексей, можно Леша. Так вы точно придете во дворец спорта?

— Да, точно. Я почти каждый день там бываю.

— Тогда до встречи. Я должен бежать — там, в машине у меня сидят ваши учащиеся, ждут своей очереди на сдачу экзамена.

Алексей уже плавал, когда Зося пришла во дворец. Он махал ей из воды рукой и улыбался. Зося переоделась и хотела выйти из раздевалки, но вдруг ясно услышала голос Алексея, который очень громко кому-то рассказывал:

— Мне девчонка здесь свидание назначила. Классная такая, фигуристая. Пошла переодеваться, сейчас выйдет, сам увидишь.

— Молодец, Леха, пользуешься успехом у женщин.

Голос показался знакомым, Зося приоткрыла дверь и сразу же быстро закрыла — рядом с Алексеем плавал Саша. «Нет, Саша! Я не хочу повторять твои приемы и разводить тебя на ревность. Сегодня вы плавайте вдвоем, а я приду сюда завтра». Зося снова переоделась и быстро прошла через спортивный зал к выходу из дворца.

Михаил Исаакович любовался Зосиным водительским удостоверением:

— Вот, что значит мастерство, Розочка! Зосенька экзамены сдала с первого раза. Не всем это дано. Правила дорожного движения можно выучить наизусть, но она и вождение с одного захода сдала. Моя ученица!

— Оба вы, Миха, молодцы. А мне это ее вождение добавит головной боли — Зося в дороге, а у меня белая горячка.

— Вот это ты брось. Она на дороге чувствует себя, как бывалый водитель — спокойна и

нетороплива.

А Зося готова была и ночевать в машине — в небольшом салоне «жигуленка» было тепло и, по-домашнему, уютно. Роза Самуиловна сначала побаивалась садиться в машину с молодым водителем, но быстро привыкла, и в магазины больше не ходила пешком.

От Пети как обычно письма начинали приходить только в сентябре, и Зося перестала их ожидать летом. Он писал в каждом письме, что любит ее и очень хочет увидеть. Зося отвечала добросовестно, но о любви умалчивала. Она окончательно поняла, что Петя никогда не станет ее любимым мужчиной, с которым можно строить свою семью. Для Пети она была и могла оставаться только другом — надежным и верным.

Четвертый курс Зося окончила ровно и спокойно — зачеты и экзамены были сданы, зачтена курсовая работа. Она могла бы уже уезжать домой, но внезапно загрипповала Елизавета Андреевна. Несколько раз ее дома навещала участковый врач, выписывала таблетки, контролировала давление и температуру. Елизавета Андреевна добросовестно выполняла все назначения врача, но лучше ей не становилось. Вечерами поднималась температура, и начинался озноб. В один из вечеров Зося вынуждена была вызвать для Елизаветы Андреевны скорую помощь. Врач сказал, что, похоже, начинается пневмония, ее необходимо госпитализировать. Зося отвезла Елизавету Андреевну в больницу и решила, что неделю-две еще поживет в ее квартире — надо же в больнице кому-то навещать одинокую больную женщину.

В больницу Зося навещалась каждый день — то бульончик горячий, то теплые носочки, то свежее белье.

Ее отъезд домой затягивался, но Роза Самуиловна и Михаил Исаакович считали, что Зося поступает правильно, ей следует подождать, когда Елизавету Андреевну выпишут из больницы.

Зосю совсем не утомляли поездки в больницу — десять минут дороги и полчаса у Елизаветы Андреевны в палате. Елизавета Андреевна, все беспокоилась, что Зося из-за нее не может уехать домой, каждый день сокрушалась:

— Спасибо тебе, детка. Из-за меня у тебя каникулы начались неудачно. Уже могла бы давно дома быть. Ты хоть сейчас не сиди со мной в палате, а отправляйся домой и отдыхай. Год-то тяжелый был — все учеба да экзамены.

Зося собирала пустые банки и мисочки, делала список необходимых вещей на завтра и уезжала.

В один из таких дней она, как обычно, въехала во двор дома Елизаветы Андреевны, припарковала машину, забрала сумки с продуктами и направилась к своему подъезду.

Возле подъезда навстречу ей поднялся высокий военный, на которого она сначала не обратила внимания — ну сидит какой-то военный вместе со старушками на скамейке, и пусть сидит.

— Зося, не узнала?

Военный обнял ее и приподнял на уровень своего лица — перед ней родное, возмужавшее лицо и сияющие глаза.

— Петя! Ну, как тебя узнать? Ты стал такой взрослый и красивый. И форма тебе очень идет. Как ты здесь? Впрочем, не отвечай — пойдём ко мне. Наверное, в дороге проголодался, буду тебя кормить, а потом и наговоримся.

Зося накрывала на стол, а Петя рассказывал о своем училище и таинственной военной базе:

— Представляешь, Зося, все позади — и эти дополнительные занятия на секретной базе, и училище тоже. Все это мне порядком надоело. Муштра недалеких тыловигов, казарма и марш-броски в слякоть, зной и стужу. Сейчас получил звание и направление на службу. Устроюсь, сразу тебя заберу отсюда. Ты за это время окончишь свой институт, будешь у нас в финансовом отделе работать. Заживем мы с тобой! Совсем недолго осталось — всего годик какой-то. Если только меня сейчас не отправят на войну, в Афганистан. Я все летние отпуска провел на базе, получил специальную подготовку. Да что я все о себе — расскажи как ты. Ты стала такой красивой, что глазам больно на тебя смотреть. Я запомнил тебя несмышленищем в школьном платице. Если бы сейчас встретил на улице, то, пожалуй, не узнал. Это мне бабушки ваши дворовые, подсказали, что ты приедешь на красной машине. Зоська, а машина откуда? Ты мне о ней ничего не писала. И, кстати, а где твоя квартирная хозяйка, что-то не видно ее.

— Петя, ты давай ешь. Поговорить еще успеем. Моя квартирная хозяйка, Елизавета Андреевна, в больнице лежит. Ты на сколько дней приехал? Ее скоро должны выписать — познакомлю вас, она чудесный человек и умница, тебе она точно понравится.

— К сожалению, Зося, я приехал совсем ненадолго — тебя увидеть. Вечером уезжаю — на один день к маме, а потом с назначением на место службы. Такая у меня теперь жизнь — я не волен сам распоряжаться собой. Но как ты, Зоська, похорошела! Тебя и в часть-то страшно везти — мужики обзавидуются, и постараются отбить. Такое с офицерскими женами часто случается — увидит дамочка покрупнее звезды на погонах и пошла к более обеспеченному и благополучному, чем ее лейтенант.

— Подожди, Петя, меня в часть везти. Ты был мне другом, другом и остался. А чтобы с тобой в часть ехать — любить надо. И про офицерских жен ты зря так. Просто люди разные бывают, но та, которая по любви замуж вышла, менять своего лейтенанта на другие погоны точно не станет. Ты еще обязательно встретишь свою судьбу, которой будешь нужен только ты, а не материальные блага и крупные звезды на погонах.

— Вот так, значит! Письма мы пишем одному, а любим другого? Нет, Зоська, ты мне слишком дорога, чтобы я спокойно уступил тебя какому-то папенькиному сынку. Не бывать такому.

Петя встал из-за стола, снял свой китель и поднял Зося на руки.

— Так, где здесь у нас кровать или диван, давай подсказывай, будущая офицерская жена.

— Петя, ты что задумал? Пусти меня сейчас же. Петя, пусти, — кричала и билась у него на руках Зося, — не смей ко мне прикасаться. Петя опомнись, ты сам потом будешь сожалеть о своем поступке. Петя, не надо. Я не люблю тебя.

Петя бросил ее на кровать, начал рвать и стаскивать с нее одежду.

— Нет, нет, никуда ты от меня не денешься. Ты ведь честно меня ждала, и мужиков у тебя не было? — бормотал он, — Так кому я эту красоту и невинность буду оставлять? Если уж так его любишь, то пусть ему мои объедки остаются.

— Петя, пожалей меня, мне больно, — Зося, придавленная его тяжелым, твердым телом, не могла сопротивляться. Но он ее не слышал.

Сострадание, жалость и нежность утонули в звериной страсти — он до боли кусал ее тело, рвал зубами кожу, не щадя и не жалея, ломал ее ноги. Она так и осталась лежать на разорванной и окровавленной простыне, когда он оставил ее, и ушел в ванную комнату.

Потом он прикрыл ее наготу одеялом, а сам уселся на диван.

— А ты молодец, Зоська, дождалась меня. Не было у тебя мужиков. Ты прости меня, что я так, грубовато. Тебе, наверное, больно было? А я накинулся на тебя, как самый последний дикарь. Но поверь, Зося, никто и никогда не будет тебя любить так, как я тебя люблю. Теперь у нас с тобой все хорошо будет — если меня даже на войну пошлют, то есть кому меня ждать. Ты ведь будешь ждать меня, Зося? Да и не нужна ты ему сейчас, своему ухажеру. Девочек ему, наверняка, хватает, а ему нужна была такая, как ты — чистая и нежная. Но и у тебя сейчас нет этой чистоты. Так, что забудь о нем, и жди меня, я скоро за тобой приеду.

Петя еще долго говорил и поучал Зося, как она должна себя вести, в своем новом звании офицерской невесты. А она лежала, и страстно желала, чтобы он поскорее ушел.

Перед тем как уйти из квартиры, он наклонился к ней и поцеловал в щеку.

— Ну, все, Зоська, мне пора. Не обижайся на меня. Все у нас с тобой будет хорошо. Ты лежи, отдыхай, меня провожать не надо. Прощай, моя любимая, и жди мое письмо — как только приеду к месту службы, сразу сообщу тебе свой адрес.

Зося не могла больше оставаться на этой растерзанной, опозоренной кровати.

Потихоньку, преодолевая боль и брезгливость к своему телу, сползла на пол. Потянула с дивана плед, накрылась и лежала, съездившись, до самого утра.

«Так вот она какая, оказывается, любовь. Боль и отвращение. Зачем он приехал, и как узнал, что я здесь? Да, собственно, какая разница — как узнал, зачем приехал. Главное то, что это я виновата во всем. Давно нужно было написать ему, что я Сашу люблю. Но я боялась его обидеть любовью к другому человеку. А вот он не постеснялся меня изуродовать. Получается, что честным и порядочным быть невыгодно? Я жалела Петю, и именно из-за этой жалости потеряла Сашу, навсегда. Да, что Сашу — я себя потеряла. Как мне дальше жить? Ущербная — и душой, и телом. Но ведь Петя на войну собирается, как можно сейчас от него отказаться — он веру в людей потеряет, и будет под пули подставляться. За что мне все это? Не люблю я Петю, а сейчас и презираю, даже его имя у меня отвращение вызывает, как плевок на асфальте. А война? Он был со мной, когда я голодала, была совершенно одна на этом свете. Где ты, мама? Никогда мне так плохо не было. Помоги мне просто советом. А тетя Роза? Она ведь не станет меня презирать, если я расскажу ей правду? Нужно скорее ехать домой, все ей рассказать. Она, как мама, все поймет, простит и подскажет».

Роза Самуиловна поняла все сразу:

— Скажи мне, Зося, Петя приезжал? Он позвонил сюда и это я, старая идиотка, ему рассказала, что ты задержалась, потому что Елизавета Андреевна в больнице лежит. И он, конечно, воспользовался ситуацией? Ты вся в синяках. Он изнасиловал тебя?

Зося, молча кивнула головой.

— Ты написала заявление в милицию?

— Нет.

— Тогда давай вместе напишем. Такое прощать нельзя!

— Написать заявление в милицию? На Петю? Нет, я не могу. Синяки скоро пройдут, все заживет.

— Скажи, Зося, а душа тоже заживет?

— Душа? С душой, наверное, будет намного сложнее. Одно я определенно знаю — я на всю жизнь останусь одна, у меня не будет семьи. Я люблю Сашу, но теперь я ему не нужна.

— Почему ты не нужна Саше? Ты, что все ему рассказала, и он сказал, что ты ему не нужна?

— Нет, не рассказывала. Что я ему скажу? Что меня Петя изнасиловал, но я вынуждена

снова его морально поддерживать, потому, что он уезжает в Афганистан.

— Какой Афганистан, Зося? Кто тебе об этом сказал?

— Петя.

— Он, что снова решил эксплуатировать твою наивность? У этого подонка на самом деле отсутствуют границы.

— Тетя Роза, Петя любит меня, возможно, поэтому и изнасиловал — ревнует к Саше.

— Детка моя, если любят, то берегут. Это первая примета любви. Пройдет время, Зося, и ты сама во всем разберешься. Но пока, я просто настаиваю — плюнь ты на этого Петю, он пустой, но очень жестокий человек. Как я могла столько лет в нем ошибаться? А ты расскажи все Саше, не мучай его и себя.

— Нет, тетя Роза! Саша может прожить счастливую жизнь с другой женщиной. Зачем ему навсегда больной человек?

Синяки скоро исчезли с Зосинога тела, зажили ссадины и царапины. Но Зося осунулась, похудела и днями сидела в квартире. В бассейн она не ходила, любимая машина сиротливо стояла во дворе.

Михаил Исаакович, обеспокоенный ее состоянием, категорично заявил Розе Самуиловне:

— Ты, Розочка, совсем ослепла? Зосенька заболела, ее необходимо срочно показать врачу. Если ты ее не отведишь в поликлинику, то этим займусь я сам.

— Давай, Миха, не будем спешить. С молодыми девушками часто случается хандра. Может, влюбилась, вот и переживает. Если через пару недель она не восстановится, то мы обязательно обратимся к врачам.

К врачам все-таки пришлось обратиться — Зося начала мучить тошнота и изжога. Любая еда стала для нее настоящим испытанием. Диагноз врача был предельно прост и понятен — токсикоз, девушка беременна. Роза Самуиловна, поняла, что пришло время все рассказать Михаилу Исааковичу. Хотя об изнасиловании, наверное, следует умолчать, потому что такое известие могло его самого уложить в больницу. Михаил Исаакович воспринял эту новость совершенно спокойно — прекрасно, значит, в доме скоро появится малыш, а это большое для него счастье — успеет понынчить Зосинога ребенка. Об отце он ничего не спрашивал: раз не говорят про отца, значит, его нет. И не надо. У него будет дед — Михаил Исаакович.

Сама Зося восприняла это известие совершенно равнодушно — будет ребенок, она его вырастит. Одна, без Пети. Но сообщить Пете, о том, что он скоро станет отцом, она очень хотела. Возможно, ребенок сможет ему заменить Зося. У него появится цель в жизни — выжить на войне и встретиться с малышом. А Зося получит долгожданную свободу от нелюбимого, так неприятного ей сейчас, человека и избавится от ответственности за его душевное спокойствие.

— Тетя Роза, мне нужно Петю разыскать. Он должен знать, что скоро станет отцом. Может, мне написать письмо в его училище и попросить, чтобы мне сообщили его адрес? Он мне не пишет, значит, где-то находится далеко и, скорее всего, на войне.

— По большому счету, детка, он тебе не нужен. Если бы он тебя любил, то давно бы написал. Но узнать о нем правду я тоже хочу. Чтобы не морочил тебе больше голову. Только боюсь, что эта правда будет не совсем для тебя приятной. Поэтому, есть вариант просто забыть о нем. Я боюсь за твое здоровье — ты сейчас должна думать о ребенке.

— Для меня узнать, где он сейчас — просто жизненная необходимость. Если у него все

хорошо, то я смогу окончательно забыть о его существовании. Так, написать мне письмо в училище, как ты считаешь?

— Никуда писать не надо. Я хорошо знаю его маму. Я, кажется, тебе говорила, что в свое время мы с ней были сокурсницами. По телефону задавать ей вопросы, тем более, о ее сыне — как-то некорректно. Еще подумает, что с ним что-то случилось, а ей не говорят. В данной ситуации нужно помнить о ее возрасте и нажитых болезнях. Давай мы с тобой навестим ее. Расстояние всего-то ничего — каких-то двести километров, зато все узнаем о Пете из надежного источника. Мы может добраться общественным транспортом или Миха нас отвезет.

— Я думаю, что сама смогу сесть за руль автомашины. Скажи, а это не будет выглядеть, как попытка женить его на себе? Мне меньше всего хотелось бы, чтобы Клавдия Ивановна, так обо мне подумала. Тем более что Петя в качестве мужа меня совершенно не интересует.

— О тебе мы ей ничего говорить не будем. И вообще я могу представить тебя своей дальней родственницей, которая приехала ко мне в гости.

— А ты можешь ей о Петинем поступке не рассказывать? Я прошу тебя — просто постарайся узнать его почтовый адрес.

— Все я сделаю, как ты хочешь. Я сама хочу разобраться, что же с ним случилось — он по жизни негодяй, но мы этого не замечали, или это действительно от его большой неразделенной любви. У нас с тобой есть в запасе еще две недели летних каникул, значит, все успеем.

Городок, где жил Петя оказался небольшим поселком. Клавдию Ивановну очень обрадовал приезд сокурсницы — столько лет прошло, и они так редко видятся. По телефону пообщаться и то времени не находится, а может и темы для разговора. А тут надо же — Роза Гольдева сама приехала.

— Вы у меня погостите? Сходим в лес, в этом году боровиков и рыжиков урожай невиданный. Одна я в лес идти боюсь, а с вами — с удовольствием.

— Нет, Клава, мы просто навестить тебя заехали. Спасибо вот моей племяннице — решила тетушку покатасть по стране. Я сразу и подумала, зачем бесцельно ездить, лучше уж сокурсниц навестить.

— Так ты, Роза, уже к кому-то заезжала?

— Пока только к тебе, в первую очередь хочу узнать, как ты живешь. Твой Петя пока учился в нашем Горевском техникуме, я все о тебе знала, на занятиях видела его каждый день, да и домой ко мне он часто забегал. А потом уехал, и всякая связь прекратилась. Кстати, как он, где служит?

— Я, Роза, тебе очень благодарна за то, что ты моего сына столько лет оберегала, помогала ему и даже подкармливала. Сейчас у него все хорошо. Училище он окончил, в семье порядок.

— В какой семье?

— Ты, наверное, не знаешь — Петя давно женился. Еще на первом курсе. Жена, правда, не весть, какая красавица, постарше его и избалована, но с лица воду не пить. Зато, какие у нее родители! Сваты мои оба люди заметные он — директор крупного завода, а она майор, преподаватель в училище, которое Петя окончил. Между прочим — доктор наук. Обеспеченные люди, и дочь у них одна, а потому и зять любимый. Да, что я тебе рассказываю, ты сама знаешь, что моего Петю невозможно не любить. Он любого очарует. Правда, немного переживал, что пришлось ему от девчонки, с которой вместе техникум

оканчивал, отказаться. Он говорил, что девочка умница и красавица, ответственный по жизни человек — учится только на отлично. Но ты знаешь, Роза, она круглая сирота, поэтому помощь там ожидать от семьи не приходилось. А он у меня и так нагоревался — не очень-то богато и обеспеченно мы жили. Ты, наверное, знаешь эту девочку, Роза? Как она сейчас живет? Наверное, работает кассиром в банке и получает свои семьдесят рублей? Жаль, конечно, хорошая была бы жена Пете. Но нищая она...

— Нет, не совсем все так. Я ее действительно знаю. Такая у нас в техникуме только одна была. Сейчас она заканчивает институт. Между прочим, по направлению банка. Получает повышенную стипендию и материальную помощь от банка. В общем, не бедствует. Кроме того, у нее отыскались богатые родственники и очень ее любят. Говорят, что девочка в роскоши купается. Так, что твой Петя, возможно, и продешевил. К тебе он часто наведывался во время своей учебы в училище и где он служит сейчас?

— Мы с ним общаемся в основном по телефону. Ко мне он в этом году приехал первый раз, да и то на два дня. Как ни просила задержаться еще на пару денечков — не согласился, там жена его должна вот-вот родить. А раньше они с женой каждый год уезжали то в санаторий отдыхать, то по туристической путевке с миром знакомиться. Служба у него сейчас дай бог каждому — в училище его оставили, командиром взвода курсантов. Пока так, а дальше он обязательно повышение по службе должен получить, думаю, что сваты его в обиду не дадут.

— Что ж, я очень рада за Петю и за тебя. Достойного человека ты вырастила, Клава. Только таких людей, как он, жизнь быстро назад разворачивает — пожил за чужой счет и хватит, собирай суму и отправляйся на голгофу грехи замаливать. Пойдем, Зося. Нам пора ехать.

— Зося? Почему ты, Роза, сразу мне не сказала, что это — Зося.

— А что бы это изменило? Твоему сыну доброты и совести бы добавило, или ты сама сумела бы понять, что богатство — это дело наживное и, хорошо бы, собственным потом и мозолями. Только тогда все это в радость и во благо. Все остальное пустая химера и мираж. Ну, богатеите!

Они успели отъехать от дома, когда Зосю пронзила страшная боль в животе, и она остановила машину:

— Тетя Роза, мне так плохо! Я постою немного, пусть боль уйдет.

Но боль нарастала. Роза Самуиловна помогла Зосе выйти из машины на обочину дороги и вдруг с ужасом заметила яркие алые полоски крови на Зосиных ногах.

— Зосенька, посиди в машине, только не паникуй. Я пойду вызывать скорую помощь. Жди, я быстро.

На машине скорой помощи Зосю доставили в местную больничку, сразу положили на операционный стол. Вскоре врачам стало понятно, что ребенка спасти не получится, только кардинальными мерами можно остановить кровотечение.

На следующий день Зосю выписали из больницы и заверили:

— Ничего страшного не случилось. Вы молоды, и у вас все впереди, в том числе и дети. Не переживайте, все образуется.

Зося вышла из душевой больницы и подошла к большой клумбе, на которой начинали набирать силу бутоны хризантем.

— Смотри, тетя Роза, скоро хризантемы зацветут. Белые хризантемы — любимые Сашины цветы. Осень начинается. И в моей душе тоже осень, словно молодость

закончилась. Зато тихо и спокойно.

— Вот и хорошо, детка, что тихо и спокойно. Ты прости меня, что подвергла тебя такому испытанию. Но без шоковой терапии вылечить твою душу было бы очень сложно. Ребенка жалко.

— Да, мне тоже жалко ребенка, но он сам ушел от меня. Как и его отец. Я перед ними ни в чем не виновата.

— Зося, давай мы больше не будем Петю вспоминать ни в радости, ни в гневе. Ты должна знать, что если человека вспоминают, даже плохим словом, значит, он по-прежнему живет в твоей душе. А я хочу, чтобы ты забыла его, раз и навсегда. А осень, Зосенька, давно, еще со времен моей молодости, была и есть моей любимой порой года. Ушло лето с жарой и пылью, но и холода еще не наступили. Тишь и благодать. Я люблю даже осенние дожди. Мне всегда кажется, что в природе нет ничего лишнего и бессмысленного. Так и дожди, пусть они иногда холодные и затяжные, но всегда благодатные — они очищают и готовят землю к зимнему ненастью. Вот и по твоей душе прокатилась буря и очистила ее. Теперь ты, детка, стала совершенно взрослой. Конечно, очень жаль, что такой, дорогой ценой.

Дома Зося ожидало письмо от Пети. Толстый конверт с треугольными штампами принес ей очередную порцию лжи.

— Тетя Розы, я тебя прошу, такие вот конверты выбрасывать сразу в ведро с мусором. А с этим письмом я разберусь сама.

Зося взяла свою любимую тетрадь с вензелем «З», вложила в нее армейское письмо от своего бывшего кумира и отправилась в лес. День был тихий, светлый и солнечный. Листья на деревьях только-только начинали покрываться золотой и медной росписью. Зося чиркнула спичкой и поднесла свою тетрадь к маленькому язычку пламени. Потом она стояла и смотрела, как часть ее прошлой жизни превращается в легкий, ажурный столбик пепла. «Спасибо, тетя Розы, что помогла мне выбраться из этой страшной трясины. Я прощаюсь со своим прошлым, и обещаю, что буду жить только сегодняшним днем. Я постараюсь не возвращаться в прошлое и не заглядывать в будущее или его планировать». Так, стоя возле маленького костра прошлых бед и иллюзий, Зося сформулировала основной принцип своей дальнейшей жизни.

Зоя перестала прятаться от однокурсников, с удовольствием начала посещать девичьи вечеринки по случаю всех дней рождения или совместные набег на кафе-мороженое. Она ровно и одинаково вежливо вела себя со всеми сокурсниками, принимала самое активное участие во всех диспутах и спорах на любую тему.

Впрочем, одна тема — ее собственная личная жизнь, на обсуждение никогда не выносилась.

Любовные связи и интриги однокурсниц ее также не интересовали. Зоя была твердо убеждена, что личную жизнь нужно строить самостоятельно и, вряд ли, чужое вмешательство или совет помогут избежать подводных течений совместной жизни или вернуть утерянную любовь. В отношениях с Сашей в самом начале учебного года была поставлена жирная точка. Зоя, прямо и честно, не отводя глаз в сторону, сказала:

— Прости меня, Саша, у нас с тобой ничего не получится. Нам еще целый год вместе учиться, а потом, скорее всего, работать в одном банке, поэтому я хочу тебя заверить, что ты можешь всегда рассчитывать на мое понимание и поддержку в трудных или патовых ситуациях. Поверь мне, что я навсегда остаюсь твоим другом и единомышленником.

— Спасибо, Зоська, что вовремя мне об этом сообщила. Говорить о дружбе надо было четыре года назад. Но лучше, конечно, позже, чем никогда. Коза упрямая ты, Зоська.

После выяснения отношений общаться они практически перестали, но в любом совместном пребывании, будь то аудитория, вечеринка, либо любое другое мероприятие, в первую очередь находили друг друга глазами.

— Слава богу, я тебя нашел! — говорили карие Сашины глаза.

— Ты здесь? Значит, все прекрасно! — отвечали серые глаза Зоси.

По окончании института Зоя Ромашова, Александр Анцев и Иван Якушев были распределены на работу в Горевский филиал Проминвестбанка. Институт уже в середине учебного года заключил договор с Проминвестбанком, в который, рукой начальника филиала, Анцева Александра Михайловича, были вписаны фамилии трех студентов и названы должности, на которые они приглашаются на работу. Александру Анцеву и Ивану Якушеву предстояло работать в техническом отделе, Зое Ромашовой — в отделе финансирования химической промышленности. Зоя и Саша и не ожидали другого распределения, так как учились в институте по направлению этого банка и должны были там отработать положенные законом три года. А вот, для Ванечки Якушева распределение было очень неожиданным. В институт он поступал без направления, опираясь на собственные знания, распределиться мог куда угодно, вплоть до самого дальнего отделения сберегательного банка в поселке любого типа. А тут областной центр и солидный банк, обслуживающий государственную программу по финансированию промышленности! Инспектор по кадрам филиала банка привезла подписанный договор в институт, и побеседовали со всеми студентами, которые были приглашены к ним на работу. Ванечка воспользовался ситуацией и, краснея, смущаясь, и с трудом подбирая нужные слова, попробовал прояснить возможности банка с предоставлением жилья молодым специалистам:

— Инна Петровна, дело в том, что я женат. И вот, хотелось бы узнать, возможно, может ли банк мне, как молодому специалисту...

— Можете не продолжать, — прекратила его мучения Инна Петровна, — Александр Михайлович Анцев, руководитель нашего филиала, знает, что у вас есть семья, и уже подобрал для вас жилье. Правда, это не совсем квартира, но вполне современный двухкомнатный блок в общежитии семейного типа. Блок пока не принадлежит банку на правах собственности, это жилье нашего клиента — Химкомбината, но вполне вероятно, что мы сможем его выкупить. Вас устроит такое жилье?

— Вы еще спрашиваете? Мы с женой даже мечтать не смели о чем-то подобном. Надеялись на небольшую, но отдельную комнатку в общежитии. А тут — целый блок! Спасибо вам огромное.

— Анцеву спасибо, — поправила Инна Петровна, — мы за своим руководителем, как за каменной стеной. Что я вам рассказываю — сами все скоро увидите. У нас в банке существует очередь на получение жилья. Но на учете там всего три семьи, и для тех уже строятся квартиры. Так, что и вы скоро сможете получить отдельную квартиру. Правда, при условии качественной работы.

Перед началом работы у Зоси впереди был еще целый отпускной месяц, и она решила провести его вместе со своей семьей. Тем более что они все подошли к рубежу начала жизни нового качества. Зося окончила институт. Роза Самуиловна и Михаил Исаакович оставили работу, и ушли на заслуженный отдых — на пенсию. Их никто к этому не вынуждал — решение обоими было принято самостоятельно. Шел 1989 год, страна находилась в стадии «перестройки». Старая учительница и бывалый хозяйственник никак не могли понять, почему вроде бы правильные мероприятия правительства по демократизации общества и улучшению социально-экономического положения населения, привели к отрицательному результату — кризису по всем направлениям развития экономики. Роза Самуиловна считала, что создание самоуправленческих органов на предприятиях, так называемых «советов трудовых коллективов», приводит это же самое предприятие к полнейшему управленческому хаосу и неразберихе.

— Ну, скажи ты мне, Миха, как могут студенты избирать директора техникума? Все его научные труды и степени для них не являются основополагающим критерием. Преподавателя студенты ценят в первую очередь за лояльное к ним отношение. Не ставит двойки и неуды, значит, пусть будет директором. А распределение прибыли на «совете трудового коллектива» во что выливается? Голосуют за первоочередное выделение средств на оказание помощи студентам и проведение увеселительных мероприятий. В этом году на восстановление основных фондов и ремонт помещений не выделено ни копейки. Вот такая демократия! Да если мы не будем здания ремонтировать и покупать новую мебель и оборудование, то нас за ветхость скоро ликвидируют. Вот так директоров лишили права самостоятельного принятия решений, но оставили за ними ответственность за отрицательные результаты работы. Кто захочет так работать? Наш директор ищет себе работу простого преподавателя, не умеет человек изворачиваться и ловчить перед общественной организацией, которая претендует на его полномочия. Я считаю, что каждый должен заниматься своим делом — студенты учиться, преподаватели их обучать, а руководители планировать и принимать решения.

— Согласен с тобой, Розочка. А я стал настоящей жертвой антиалкогольной кампании. Представляешь, торговля алкоголем ушла в подполье. Студенты знают, где можно купить из-под полы любой алкоголь, и пьют еще больше прежнего. Правильно говорят, что запретный плод сладок. Потом вечерние проверки, которые проводят наши активисты совместно с

милицией, выявляют пьяных студентов и горы бутылок в их комнатах и крайним назначают меня. Пусть бы милиция попыталась узнать, где же все-таки продается этот алкоголь и принять к продавцам меры, но у них и цели-то такой даже нет. Выявили, галочку поставили и пусть комендант отвечает за неисполнение указаний партии и правительства. А с моим здоровьем вести войну с запойными вечеринками студентов не получается. Уступлю я лучше свое место молодому и здоровому мужику, пусть воюет с ветряными мельницами. Только я точно знаю, что если милиция не будет ликвидировать подпольные заводишки по производству алкоголя, нам самим с этой бедой не справиться.

На семейном совете они решили, что Зосина зарплата, две пенсии, гонорары за репетиторскую работу Розы Самуиловны и проценты по вкладам их денежных средств в банке обеспечат им нормальную жизнь. Михаил Исаакович купил три путевки, и они уехали отдыхать от городской суеты и забот в лесной пансионат.

Какие счастливые, тихие, наполненные душистым сосновым воздухом дни в обществе дорогих людей! Зося, опьяненная чистым воздухом, сладко спала по двенадцать часов в сутки. Потом они, втроем, уходили в лес и гуляли по узким аллеям до самого ужина или купались в реке. Недостатки скудного пансионного питания легко компенсировались рыбой. Пансионат расположился на высоком лесном берегу Волги и местные рыбаки готовы были не только за бесценок продать свежую рыбу, но и «сварганить», как они говорили, уху на костре.

Повара пансионата за небольшую плату из принесенной рыбы готовили такие деликатесы и изыски, которые городские жители не ели даже в самых дорогих ресторанах.

Отдохнувшие и умиротворенные они возвратились домой, чтобы каждому начать новую жизнь. Роза Самуиловна и Михаил Исаакович обрели пенсионную свободу, независимость и вполне достаточную по среднестатистическим меркам прожиточного минимума пенсию, а Зося, наоборот, подошла к самой ответственной и плодотворной части своей жизни.

В первый рабочий день их, троих молодых специалистов, пригласили в кабинет Александра Михайловича. Когда они вошли в кабинет, там уже сидели все руководители отделов банка. Александр Михайлович представил их, как лучших студентов института, а затем сказал:

— Зоя Николаевна, ваш начальник отдела кредитования химической промышленности, Нина Петровна, уже определила круг ваших обязанностей — вашим основным и единственным клиентом будет химкомбинат. Это градообразующее предприятие финансируется из государственного союзного бюджета. Государственный банк делегировал нам все полномочия по проверке использования названных средств на всех направлениях. Иван Павлович и Александр Александрович также будут работать с химкомбинатом — за вами мониторинг работ, осуществляемых за счет средств государственного бюджета — это строительные-монтажные, ремонтные работы, монтаж оборудования, закупки сырья и многое другое. Мы так с Вами договаривались, Алексей Максимович?

— Совершенно верно, — подтвердил Алексей Максимович, начальник техотдела банка.

— Ну, вот, кажется и все, что я хотел вам сказать. В остальном разберемся в процессе работы — не стесняйтесь, задавайте свои вопросы своим руководителям, и ко мне заходите. И еще у меня есть очень важное поручение от коллектива, — Александр Михайлович взял в руки большой букет цветов, — я хочу эти цветы от всего коллектива подарить Зое Ромашовой. Мы давно с ней знакомы, с гордостью следили за ее успехами в учебе и надеемся, что работа в должности кредитного инспектора банка у нее сложится, не менее

успешно, чем учеба.

Александр Михайлович взял в свои большие ладони маленькую Зосину руку, и почему-то долго не хотел с ней расставаться.

Первые два месяца своей работы Зося провела за изучением содержимого толстых папок отчетности химкомбината. Заканчивался третий квартал, и химкомбинат должен был в банк представить отчетность по итогам работы за девять месяцев. Вот Зося Ромашова и готовилась принять эту отчетность, проанализировать ее и сделать свое заключение об эффективности использования клиентом капвложений. Чтобы быть готовой к обсуждению с клиентом текущих отчетов, и не выглядеть перед солидными людьми первоклассником, Зося создала систему накопления отчетных данных клиента с начала года. Когда таблица была заполнена цифрами и из нее легко начала просматриваться зависимость темпов роста по различным видам деятельности химкомбината друг от друга и вложенных туда средств, стало совершенно очевидно, что клиент явно хитрил с отчетными цифрами и допускал отвлечение капвложений на собственные нужды и незапланированные цели. Зося показала свою работу Нине Петровне и рассказала о неожиданных выводах. Нина Петровна занервничала, забрала Зосины наработки и положила их под гору текущих документов, приютившихся на углу ее обширного стола. Но на следующий день снова их развернула и долго проверяла, щелкая клавишами калькулятора. Затем сложила все в отдельную папку и направилась на доклад к Александру Михайловичу. Сама принять какое-то решение она не решалась — этот клиент был недоступен проверкам не только местным органам управления, но и республиканским министерствам и ведомствам! С химкомбинатом даже текущие вопросы решались только на уровне первых руководителей банка.

Александра Михайловича материалы анализа отчетных данных химкомбината сразу заинтересовали. На его вопрос о методике анализа Нина Петровна пожалала плечами и сказала:

— Насколько я в курсе, такой методики не существует. Девушка проявила инициативу, хотя эту работу ей никто не поручал. Сидела два месяца и ковырялась в отчетах клиента, мне вопросы не задавала, а потом вот выложила сюрприз. Теперь не знаю, что с ним делать. Это предприятие союзного ведомства.

— А что с ним делать? Нужно обсудить с клиентом, а заодно и объяснить ему, что мы тоже не лыком шиты, и отчеты умеем не только подшивать, но и анализировать.

— Но вы, же знаете, Александр Михайлович, что с этим клиентом невозможно разговаривать. Начальник планового отдела химкомбината тут же ситуацию приукрасит и доложит Чарышеву, а Николай Васильевич всегда принимает сторону своих подчиненных, и не дает даже рот открыть — не занимайтесь ерундой, и не мешайте работать. Может еще и в госбанк позвонить, попросить защиту от нашего произвола.

— Тогда мы именно Чарышева пригласим к нам на встречу. А Вы, Нина Петровна, на сегодня свободны. Завтра вместе с Ромашовой ко мне в кабинет, ровно в одиннадцать часов. Будьте готовы к серьезной защите своих позиций — клиент напористый и эрудированный. А, впрочем, пусть Ромашова сама защищает свои заключения об отчетах химкомбината.

Нина Петровна вернулась в кабинет, швырнула папку:

— Ну, что, Ромашова, доигралась? Завтра у нас планируется встреча с химкомбинатом в лице заместителя директора по экономикку Чарышева. Он один раз тебе мозги на место вправит, и ты сразу забудешь о своих методиках вместе с анализами. Будь готова — ты сама докладчица.

На следующий день Зоя вместе с Ниной Петровной в одиннадцать часов зашли в кабинет Александра Михайловича.

За длинным рабочим столом по одну сторону сидели представители химкомбината — серьезные, импозантные мужчины солидного возраста.

— С Ниной Петровной вы знакомы, а вашего нового кредитного инспектора зовут Зоя Николаевна, фамилия — Ромашова. Она молодой специалист, совсем недавно окончила институт, и первой ее серьезной работой в банке стал анализ отчетных данных химкомбината за первое полугодие текущего года. В том, что это серьезная работа, вы сейчас сами убедитесь. Зоя Николаевна, устраивайтесь вот здесь, возле меня, и начинайте свой доклад, — указал Александр Михайлович на свободный стул.

Зоя уселась на указанное место, разложила свои таблицы, начала рассказывать в каких местах не стыкуются отчетные данные химкомбината.

Затем четко показала, где завуалирован недостаток собственных средств на выполнение текущих строительного-монтажных работ по капитальному ремонту и приобретению оборудования. Больше ничего доказывать не пришлось, всем было понятно, что комбинат систематически отвлекает государственных капвложений на нужды предприятия. Через полчаса тишины и абсолютного внимания со стороны присутствующих лиц, Зоя совсем по-детски подвела итог всему сказанному:

— Ну, вот, собственно, и все. Нехорошо плохим отчетом успокаивать самих себя, и обманывать контролирующие органы!

Сидящий напротив Зоси серьезный мужчина неожиданно улыбнулся и сказал:

— Мы подумаем, и постараемся больше этого не допускать. Спасибо Вам, Зоя Николаевна, за помощь. Мы как-то не догадались сами свести свои многочисленные отчеты в единое целое, вот и прокололись. Кстати, давайте знакомиться, — протянул он через стол руку Зосе, — Чарышев, Николай Васильевич. Буду рад видеть вас на химкомбинате. Приезжайте познакомиться с предприятием, а можно и на проверку.

Когда Нина Петровна и Зоя ушли, Чарышев попросил своих спутников возвращаться на комбинат без него, а сам задержался в кабинете Александра Михайловича.

— Скажи мне, Александр Михайлович, где ты нашел эту девушку? Сияющая внешняя красота никак не вяжется с ее талантом аналитика. Обычно красивые девушки отличаются некоторой легкомысленностью. А эта в моих отчетах нашла такие лабиринты, о которых я и сам не подозревал. Придется сейчас разбираться со своими подчиненными. Я им мозги вправлю на место — если у нас не хватало денег на приобретение средств механизации или мебели, то их можно было честно попросить в министерстве. Ведь ни разу мне они ни в чем не отказали. Нет, мои подчиненные пошли другим путем — возьмем там, где близко лежит. Но хочу вернуться к девушке — мне она кажется очень знакомым человеком.словно я с ней от рождения знаком. Расскажи мне, пожалуйста, что ты знаешь о ней и ее родителях.

— Нет у нее родителей. Она дважды сиротела. Сначала ее родная мать оставила в роддоме, а затем, когда ей исполнилось четырнадцать лет, умерла приемная мать. Вот с тех пор она осталась совершенно одна.

— А как же она получила высшее образование?

— Мы учили. Банк сначала направление дал на обучение в техникум, а потом в институт. Ты же знаешь, что получить от банка направление на учебу дело совсем непростое. Но ее приемная мать работала заместителем председателя районного исполкома — она перед своей смертью все и устроила. Мне рассказывал наш начальник отделения из

Ивановска, откуда Зося родом, что ее приемная мать была, просто удивительной женщиной — уважаемый коллегами и местными жителями человек, прекрасная мать. Не каждой родной матери дано совершить такое — она, смертельно больной человек, сначала устроила для дальнейшей жизни свою приемную дочь, и только потом позволила себе роскошь умереть. Эвтаназия. У нее был рак и соответствующие приступы боли. Не дай Бог, нам познать их разрушающую психику и тело силу. Вот так! А Зося техникум окончила за два года — матери обещала, что исполнит ее наказ и станет самодостаточным человеком. Это в институте мы уже ей не разрешили сдавать экзамены экстерном — она загнала себя в нервное истощение, ну и голодала, наверное. А когда серьезно заболела, то ее к себе техникумовская преподавательница, еврейка, забрала. Она в коммунальной квартире жила с соседом, тоже одиноким стариком. Потом, когда Зося у них появилась, они официально оформили свои отношения и объединили свои комнаты в полноценную квартиру. Скорее всего, ради нее. Ее нужно было где-то прописать. Сейчас у них там интернациональная, вполне благополучная семья. Они Зосяю любят и уже не представляют свою жизнь без нее, впрочем, и она отвечает им взаимностью. Вот все, что я знаю о ней. А ты, что, может, глаз положил на молоденькую девочку?

— О чем ты говоришь? Конечно, нет. Я слишком стар для такой малышки. Она действительно потрясающе красива, но меня поразила ее внутренняя собранность, логика ума и манера общения. Ты заметил, что она вела себя совершенно уверенно и раскованно, как, будто не доклад представляла серьезной аудитории, а делала своим присутствием нам большое одолжение. Я знал женщину с похожей манерой поведения, и многое бы сейчас отдал, чтобы найти хоть одного продолжателя ее рода. Послушай, Александр Михайлович, разреши ей перевод на химкомбинат. Я жильем ее обеспечу, и живой, интересной работой. А что она тут у тебя бумажки будет переключивать?

— И не думай, ничего не получится! Зося будет работать в банке, и делать анализы твоей отчетности. Возможно, и ты начнешь у нас бывать чаще. Тебе, наверное, интересно будет узнать, чего твои спецы снова наворотили в очередном отчете? Кстати, насчет работы — у меня к тебе встречная просьба. Ты знаком с моей женой, Татьяной?

— Да, знаком. Ее руководитель предприятия считают хорошим экономистом.

— Неделю назад она уволилась со своего предприятия, теперь ищет работу рядового сотрудника планового отдела.

— А что случилось? Я просто был уверен, что у нее прекрасные отношения со своим руководителем, он не планировал замену начальника планового отдела.

— А он и сам ищет работу попроще. Дело не в директоре предприятия, а в демократии и гласности. Ты ведь понимаешь, что происходит? Умных, талантливых и интеллигентных руководителей выжимают из их кресел напористые, а, где-то просто нахрапистые, горлопаны и скандалисты, которые почуяли впереди крупную добычу и спешат занять директорские кресла. А помогают им, где-то просто бессознательно, общественные организации — советы и собрания трудовых коллективов. Люди получили сладкую и долгожданную свободу слова, но не знают, в каком направлении ее применить на деле. Вот, в первую очередь и начали уничтожать несправедливым недоверием и жестокой критикой лучших административных работников, на которых держится предприятие. В общем, рубят сук, на котором сами и сидят. Результат может быть самым плачевным — предприятия захватят искатели легкой наживы и начнут уводить деньги со счетов предприятия в различные кооперативы. Потом исправить что-то будет уже поздно. Ну, да ладно, будем

надеяться, что я просто сгущаю краски. Так, что с Татьяной? Берешь к себе на работу?

— Конечно. В первую очередь тебе не могу отказать. Пусть завтра же приходит, поручу ей работу с банком. А насчет общественных организаций я тебе скажу, что горлопанство допустили только ленивые руководители, которые выпустили ситуацию из-под контроля. У нас на комбинате все по-другому. Мы вместе с директором предварительно просчитали ситуацию с самоуправлением и не пустили на самотек выборы общественных органов. Все подготовили самым тщательным образом. Сами отобрали людей не скандальных и грамотных, которых потом протолкнули в названный совет и профком. Да и горлопанить у нас себе в ущерб, можно многих социальных благ лишиться — хорошая зарплата, ведомственное жилье, детские учреждения, общественное питание. Люди ценят то, что имеют, поэтому и словами не разбрасываются. А в банке, как с общественностью?

— У нас пока все в порядке. Мы тоже очень ответственно подошли к этому мероприятию. Ну, а потом, у нас контингент служащих совершенно иной, нежели, чем на предприятии — восемьдесят процентов наших работников имеют высшее образование. У них, как ты понимаешь, мировоззрение кардинально отличается от логики простого рабочего. Бывают конфликтные ситуации, но они и прежде были. Коллектив у нас женский, сложный, надо прямо сказать, капризный. Вот поэтому не хочу брать на работу к себе свою жену. Хватит мне здесь сына.

— У тебя сын работает?

— Да, пока работает, в техническом отделе. Надеюсь, что скоро смогу его перевести на работу в центральный офис, в столицу.

— А мне бог не дал детей, но если бы был взрослый ребенок, то я бы его никуда от себя не отпустил.

— Еще совсем не поздно. Ты не старый человек, да и жену можно найти помоложе, и нарожать детей.

— Вот, именно, что мне поздно думать о детях. Разве, что из детского дома взять ребенка на воспитание, но чужой все равно никогда кровным не станет. Жизнь так сложилась, что не нашел я себе верную спутницу жизни. В молодости была одна, но — не судьба. Так я и остался единственным представителем нашего некогда знатного и многочисленного рода.

— Извини.

— Ничего, ты меня не обидел. У меня когда-то был старший брат. Он перед своей смертью мне сказал, что у него, возможно, есть внебрачная дочь. Он сам ее никогда не видел, и не уверен, что она вообще существует. Возможно, это вымысел его женщины, которая, как часто случается со слабым полом, хотела его животом прижать и довести до загса. Такое он не исключал. Но твоя Ромашова, все-таки, мне как-то знакома. Может, это и есть узнаваемое родство по крови? Прошу тебя, сделай для меня копию ее свидетельства о рождении, у нее в личном деле, наверняка, есть такой документ. И заодно, приложи еще одну бумажку — ее домашний адрес и телефон. Сделаешь?

— Не вопрос, конечно, сделаю. Поручу кадровику, она у меня женщина не болтливая. Все сделает и положит в почту химкомбината, в отдельный конверт. Скажу, чтобы подписала тебе для личного просмотра.

А Зося в своем кабинете разложила бумажки по папкам и сказала:

— Совсем не страшный этот Чарышев. Со всеми выводами банка согласился, и не спорил. С таким руководителем приятно общаться.

— О чем ты там, Ромашова, — рассердилась Нина Петровна, — нашла с кем общаться! Не знаю, почему он сегодня спокойно выслушал нашу критику в адрес химкомбината, но, я думаю, что продолжение вскоре последует — не избежать нам после такого общения по паре выговоров от центрального аппарата банка, а то и лишение всех премий до конца года. Вот, нашлась умница на мою голову! Впредь, пожалуйста, строго придерживайся в своей работе нашего внутреннего плана. И больше никакой самодеятельности!

— Нина Петровна, почему вы так разволновались из-за простого экономического анализа? Мы нашли искажения отчетности, о которых руководители предприятия сами не знали. Кстати, вы обратили внимание, что за эту работу Николай Васильевич нас даже поблагодарил? Пойдемте лучше обедать, я из-за этой встречи потеряла массу энергии — теперь надо восполнять.

В это время дверь в кабинет распахнулась, и вошел Чарышев.

— Зоя Николаевна, вы, когда собираетесь посетить наш комбинат с инспекционной проверкой?

— Мы пока не планировали такую проверку, — поспешила с ответом Нина Петровна, — так, что можете не волноваться.

— Ну, так сделайте внеплановую проверку. Мне будет очень полезно узнать правду об эффективности капвложений на нашем комбинате. Получается, что меня мои планово-экономические службы слегка обманывали? А Вы, Зоя Николаевна, сейчас на обед уходите? Давайте вместе пообедаем, а заодно и пообщаемся. С пользой проведем обеденный перерыв. Вам не будет со мной скучно?

— Нет, конечно.

Чарышев открыл перед Зосей дверь и вышел вслед за ней. И вдруг, как яркая вспышка молнии, внезапно его окатила жаркая волна далекого прошлого — подушка в застиранной, серого цвета наволочке, на ней опрокинутое девичье лицо, в обрамлении копны волос, застывший взгляд широко открытых серых глаз, удивленно поднятые дуги бровей и пухлый детский рот. Так вот, что связывает его с этой девушкой! От неожиданности он остановился и достал платок — лицо покрылось липким холодным потом.

В кафе он, чтобы как то занять девушку, задал ей вопрос о методике анализа, который она использовала в работе с отчетами комбината. Обычно молчаливая Зоя, умеющая слушать и уступать словесное первенство своему собеседнику, начала воодушевленно рассказывать о возможностях цифровых анализов, сравнений и перспективах механизации этих процессов. Чарышев смотрел на нее пристально и внимательно. Со стороны казалось, что человек очень увлечен разговором с девушкой, но на самом деле он не вслушивался в суть разговора, и даже не притронулся к своему обеду, только маленькими глотками отпивал кофе из своей чашки. Рядом с Зосей он видел другое лицо из своей тюремной, прошлой жизни. Эти две девушки были похожи как две капли воды, только жили совсем в разных измерениях. Эта, настоящая — смелая, уверенная в себе, красавица, умница, в строгом деловом костюме, большим пучком ухоженных волос и весенним запахом косметики. Та, из прошлого — запуганная, робкая, в ситцевом, измятом платье, которое пахло устоявшимся запахом нафталина, и длинными, клейкими и тусклыми от хозяйственного мыла волосами. Кем они приходятся друг другу? Сестры? Или мать с дочерью? Из шокового состояния Чарышева вывел голос Зоси:

— Николай Васильевич, скажите, я заинтересовала Вас своей методой проведения анализов?

— Да, несомненно, все очень интересно и за этим будущее. Скажите, Зоя Николаевна, внешне вы подтянутая, спортивная девушка, вы, наверное, много времени уделяете спорту?

— Николай Васильевич, меня можно называть просто Зося и обращаться ко мне на ты. А если говорить о спорте, то я с удовольствием плаваю, но не для рекордов, а просто для себя.

— Какое совпадение, — обрадовался Чарышев, который мучительно придумывал, чем же заинтересовать девушку, чтобы получить возможность чаще с ней видиться, — я каждое утро тоже плаваю в бассейне комбинатовского спортивного комплекса. Ты, Зося, была в нашем бассейне? У нас чистота и порядок. Утром, всегда вымытый бассейн и чистая, подогретая вода. Давай я буду за тобой присылать машину, и мы вместе будем перед работой плавать?

— Присылать машину совсем необязательно. Я сама смогу приехать, на своей машине. Спасибо за предложение, я его с удовольствием принимаю. Обед заканчивается и мне пора на работу, я никогда и никуда не опаздываю, только форс-мажор может изменить мои планы.

«Да, действительно форс-мажор, — думал Чарышев, провожая взглядом Зося, которая поднималась по ступенькам банковского крыльца, — кто бы мог предположить, что главным документом всей жизни для меня может стать свидетельство о рождении незнакомой девушки — Зоси Ромашовой. Через пару дней я его получу и, наверное, смогу получить ответы на все мои вопросы».

Конверт из банка Чарышев получил на следующий день. Сначала положил его на свой стол, погладил рукой, велел себе успокоиться, и только затем, достал оттуда две бумажки. Вот оно, свидетельство о рождении. Так, место рождения — деревня Чертовщина. Мать — Ромашова Анна Семеновна, отец — Николай. Ту девушку определенно звали Анютой, возможно, это и есть Анна. Название деревни, возле которой расположился лагерь, он никогда и не забывал — конечно, Чертовщина. Ромашова Зоя Николаевна — дочь, его дочь! Но как сказать ей об этом? Захочет ли она, взрослая, образованная девушка принять своего отца, который не принимал участия в ее жизни с самого момента ее рождения. Сможет ли он убедить ее, что всегда мечтал о ребенке, но о ее рождении он не знал. А почему она осталась одна? Куда делась ее мать? Может, умерла при родах — ведь сама еще ребенком была тогда.

«И я тоже хорош, сволочь и негодяй — думал Николай Васильевич, — столько лет прошло, а я ни разу не удосужился поинтересоваться судьбой той маленькой девочки, которую приводил мне проныра Колька. Вот Колькину услугу сполна оплатили — Матвей неплохую сумму тогда ему отвалил. А про девочку я сразу забыл. И вот она, расплата — любуйся теперь своей дочерью со стороны. Манеры и стать — словно, живая бабушка, княгиня Ольга. Такие же руки — нежные, кисть узенькая и пальчики длинные, тонкие. А у той девчонки руки были некрасивые — короткие пальцы с грязными, обкусанными ногтями, она ими всегда обнаженную грудь прикрывала. На все воля Божья — моя дочь воспитана чужими людьми. Девочка моя, доченька, доча! Никогда не предполагал, что и я буду произносить эти сладкие слова. Я все сделаю, чтобы ты признала во мне отца. И в первую очередь, найду Анюту — только от нее я смогу узнать, почему ты осталась одна от рождения. Людям, приютившим тебя и обогревшим, низко, в пояс поклонюсь, встану перед ними на колени, прощения буду просить. Может, вместе с дорогими тебе людьми и ты меня простишь? Простишь ты меня или нет, но одно я знаю твердо — отныне все твои беды и

лишения я разделю с тобой. И большую их часть постараюсь переложить на свои плечи».

В последний раз он ехал по этой дороге больше двадцати лет назад, только в обратную сторону — уезжал из лагеря через деревню Чертовщину. С тех пор здесь почти ничего не изменилось — ухабистая, с глубокой колеей дорога, старая, умирающая деревня, состоящая из черных развалившихся домишек, с темными прогнившими крышами и вокруг деревни — плотной стеной лес. Где живет Колька, ему подсказала старуха, выглянувшая из-за своего завалившегося заборчика из деревянных палочек. Колька сидел на скамейке возле своего дома и курил самокрутку. Чарышева он не узнал, долго допытывался, откуда он приехал и зачем. И только когда Чарышев надел очки и сказал:

— А лагерь никуда из леса не перенесли?

Колька ухмыльнулся и весело спросил:

— Что, старшой, снова на ягодку потянуло? Заходи в дом, обсудим.

— Я думаю, что в твоём доме мне делать нечего. Поговорим на улице. Я приехал узнать про ту девчонку, Анюту. Расскажи мне все, что ты о ней знаешь.

— А что тут рассказывать? Живет себе на здоровье, только она давно на ягодку не похожа. Я тебе могу другую из местных подобрать. Заплатил твой друг щедро, а сейчас смотрю и ты серьезно разбогател. Машина у тебя с водилой, знать, начальник большой?

— Про Анюту я тебя спрашиваю. А это для разговора, — протянул Чарышев Кольке купюру в пятьдесят рублей, — чтобы ты все вспомнил в мельчайших подробностях.

Колька схватил редкую в его кошельке бумажку и зачастил, затараторил, словно, его недослушают и отберут деньги:

— Анютка забрюхатела от тебя. А может и не от тебя? Нет, только от тебя, больше не от кого. Рожала в феврале, в городе, там же ребенок и помер. Наши деревенские судачили, что девчонка была. Анютка месяца четыре еще в городе оставалась, а потом вернулась в деревню, летом уже. Матка ее к тому времени спилась, сначала самогон покупала, а потом сама начала брагу готовить, и не успевала перегнать в самогон, потому что, как брага заходит пузырями, она сразу и пить ее начинала. Анютка замест ее, коров пошла доить на ферму, а потом матка замерзла зимой, пьяная, и Анютка взяла свою группу. Живет, вон там, — махнул рукой Колька в сторону покосившейся избенки, стоявшей одиноко, на отшибе, в самой низкой части деревни, — одна. Мужики поначалу находились, один даже пришлый к ней прибил, но она их быстро выпроваживала. Угрюмая и нелюдимая эта Анютка. Сидит в своей низине, на люди не кажется. Проводить до ее хаты? Болото там, смотри, чтоб не утоп в грязи. А я дорожку покажу, — надеясь получить прибавку к полученной бумажке, услужливо предложил Колька.

— Нет, спасибо. Сами теперь найдем.

Николай Васильевич был уверен, что не всю правду сказала Анютка своим сельчанам — о какой смерти новорожденной девочки могла идти речь, когда в свидетельстве о рождении Зоси четко и понятно записано: мать — Ромашова Анна Семеновна. Значит, оставила девочку в роддоме, а сельчанам сказала, что та умерла.

Чарышев вошел в дворик маленькой избенки. Земля под ногами булькала и пружинила непросыхающей, болотной водой.

«Угораздило же людей построить в этом болоте избу, — подумал он и позвал, — Анна Семеновна, вы где?»

Никто не отозвался. Чарышев заглянул в покосившийся сарай, там, в грязной прохладе лежал поросенок. На скрип двери поросенок открыл один глаз и приветственно хрюкнул.

«Вот и я похож на этого поросенка, — уничтожал себя Николай Васильевич, — вылез из беспризорства и нищеты, начал новую жизнь, сладко хрюкая от собственного величия и благополучия»

Анну Семеновну он нашел в избе. Она спала. Металлическая кровать стояла возле бревенчатой, никогда не знавшей отделки стены. В горнице пахло сыростью и еще чем-то нежилым и прокисшим. Засиженные мухами стекла маленьких окон пропускали в помещение тусклый, туманный свет. Чарышев осторожно прошел в горницу и присел на провалившийся низкий диванчик, стоявший напротив кровати. Теперь он мог разглядеть лицо расслабленной сном женщины — брови, рот, овал лица, цвет и красоту волос Зося, несомненно, получила в наследство от матери. Даже цвет кожи, смугло-бархатистый, они имели одинаковый. Только кожа Анюты уже была прорезана глубокими, четко выделявшимися на загорелом лице, морщинами. Женщина, видимо, почувствовала на себе пристальный взгляд постороннего человека и проснулась. Торопливо вскочила с кровати, заправила под платок растрепавшиеся волосы и испуганно спросила:

— Чего тебе? Кто ты?

— Анна Семеновна, мы с тобой давно знакомы, вот я и решил тебя навестить. Не вспомнила? А лагерь и твой односельчанин Колька? Вспомнила?

— Да, помню, только у тебя нет золотого зуба, и очки тогда были, тоже золотые.

— Очки и зуб дело наживное — сегодня есть, а завтра нет. Я спросить тебя хочу — ты ведь родила от меня девочку, где она? Что с ней случилось?

— Да, родила. Только нет ее, умерла в роддоме.

— А вот это, что? Читай, здесь написано, что ты приходишься матерью Ромашовой Зои Николаевны, слава богу, живой и здоровой девушки. Так, может, ты мне правду расскажешь, о нашей дочери?

— Правду? Зачем тебе, правда? Небось, жива и здорова, только я ее никогда не видела. Живет где-то, горе ложкой хлебает. Ее из больницы тетка моя забрала и вырастила. Я супротив слово не сказала, потому что тетка у меня была городская и образованная, все лучше, чем детдом. Зоська подростком была, когда тетка заболела и умерла. Нам наказывали, чтобы мы на похороны приехали. Но я не поехала — мамка увязалась бы за мной, а там бы напилась, тягайся потом с ней. Да и Зоська могла бы заканючить, чтобы я ее к себе после смерти тетки забрала. А ты сам видишь, куда мне она? Сама-то себя, одну, не могу прокормить, а тут лишний рот. Нет, мне не надо такое счастье. Ты-то тоже ее бросил, получается? А ко мне судьей явился. Помнишь, что мне Колька обещал, если я покорной буду — домик и машину! Потом ты уехал, и с концами. А как ты про Зоську узнал? Колька что ли донес, сводник проклятый!

— Нет, не Колька. Встретил девушку на тебя внешне очень похожую и догадался, что дочерью она мне приходится. Видать не ошибся.

— А она-то сама знает, что отец ты ей? Видать, ты живешь хорошо и богато — одет, обут и на машине черной приехал! А кто от богатства откажется? Уцепилась, небось, Зоська за тебя, не оторвать? От меня-то чего хочешь?

— В общем, ничего не хочу. А Зося ни за кого цепляться не будет. Мне ей еще предстоит доказывать, что отцом ей прихожусь, и долго просить прощения, за то, что одна она выросла, без отца и матери. Спасибо добрым людям — не оставили ребенка, на ноги поставили. Дом тебе и машину обещал Колька, да было дело. Но ты ведь бросила моего ребенка, о какой благодарности может идти речь? Прощай, мне пора.

Чарышев вышел из развалюхи и с удовольствием вдохнул свежий воздух. «Как она там живет? Не жизнь, а существование. Зарылась, как зверь, в свою берлогу и там будет сидеть до самого последнего дня своей жизни. Бросила ребенка, но это именно она, в своем теле, как в инкубаторе, выносила и дала жизнь моей дочери. Сегодня я сыт и благополучен, поэтому просто обязан оказать помощь этой, по сути несчастной, женщине».

Когда Чарышев снова зашел в избу, Анюта, положив голову на край неприбранного стола, плакала, плечи ее судорожно вздрагивали.

— Пошто вернувся? Забыл чево? — спросила она и, отвернувшись от него, вытерла косынкой лицо.

— Предложение у меня к тебе есть. Ты хочешь в городе жить?

— Ты зовешь меня в жены? Пошто я тебе, доярка колхозная?

— В жены не зову, а предлагаю переехать в городскую квартиру. У меня как раз освобождается небольшая квартира, подремонтирую, куплю тебе мебель и живи.

— А коров доить я сюда буду ездить, али как?

— А ты, что только коров доить умеешь? В городе можно устроиться на работу и зарабатывать себе на жизнь. Ну, так что, согласна?

— Не умею я ваши работы искать. Коровы — это привычно с самого детства. А кем я могу работать в городе?

— Давай сделаем так — ты переедешь, обвыкнешь, а потом я тебя устрою на работу в нашу комбинатовскую гостиницу. Скажем — горничной. Справишься? Белье на постелях поменять и прибраться, ну, я не знаю, что там еще. Тебе на месте все расскажут. А на первое время я тебе денег дам — одежду, обувь себе купишь и продукты в холодильник. В общем, собирайся, настраивайся на новую жизнь. За тобой приедет мой человек. Собственно, он и сейчас со мной. Я вас сейчас познакомлю и соответствующее поручение дам.

Чарышев вышел и вскоре возвратился вместе со своим водителем:

— Анна Семеновна, знакомьтесь — это Левон. А ты Левон дорогу в эту деревню запомнил? Запомни и эту женщину! Через пару месяцев ты получишь ряд распоряжений относительно этой женщины. Вот теперь, пожалуй, все! Прощай, Анна Семеновна! Удачи тебе! Все остальные вопросы, ты решишь с Левоном

— Погодь! А тебя я еще увижу?

— Я думаю, что нет!

— А Зоську? — тихо прошептала женщина, — Зоську я могу увидеть, хоть издали?

— Я за Зосю не могу принимать решения. Когда-нибудь, попозже, я ей скажу, что ты живешь в городе. А уж там, как она сама решит. Вот и все, что я могу для тебя сделать.

Когда их машина, рыча и надрываясь, преодолела все залитые грязью глубокие колдобины деревенской дороги и выехала на шоссе, уже смеркалось.

— Нам бы с тобой, Левон, сегодня следовало еще в Ивановск заехать, но уже поздно. Выберу на этой неделе день, и поедем в Ивановск. Ну, а ты, Левон, займись ремонтом моей старой квартиры. Мои вещи уже перевезли в новый дом, квартира сейчас пустая. Возьмешь несколько человек из нашего РСУ, пусть обои там переклеят, окна перекрасят и прочее. Сам на месте разберешься. Потом мебель купи самую необходимую из расчета на одного человека — кровать, шкаф, стулья. Да еще постельное белье, утварь. Когда все сделаешь, перевези туда из этой Чертовщины Анну Семеновну. Поручи какой-нибудь женщине из хозяйственного отдела проехать с Анной Семеновной по магазинам и купить ей нормальную одежду и обувь. Да, и продукты. Вот, еще, что — проследи, чтобы Анна

Семеновна из деревни не натащила в квартиру всякой рухляди. Потом отвезешь ее в нашу гостиницу для иностранных специалистов. Директору гостиницы скажи, что работать Анна Семеновна будет у него горничной. Пусть не шипит и не жалуется, ничего от этого не изменится. А научить уборку в номерах выполнять — его прямая обязанность. Как ты понимаешь, Левон, обучить можно даже медведя цирковым номерам, а уж Анна Семеновна, я думаю, со всем справится. Реши все сам. Мне об исполнении докладывать не надо. Мне эта женщина посторонний человек.

Николай Васильевич взглянул на своего водителя — Левон внимательно всматривался в бегущую под колеса дорогу и молчал. Но Николай Васильевич не первый год работал со своим водителем и знал, что Левону не надо дважды повторять свои поручения. Он все слышал, понял и принял к исполнению.

Внешне Левон производил впечатление угрюмого, замкнутого человека — высокий, слегка сутуловатый, с шаркающими при ходьбе длинными ногами.

Смуглая кожа, вьющиеся от рождения черные волосы и нос с горбинкой достались ему в наследство от отца, человека с кавказскими корнями. Портили лицо круглые глаза серого цвета с зеленым ореолом вокруг зрачка. Внешне обычные, ничем не примечательные глаза, пугали своей пустотой и безжизненностью.

При первом знакомстве Левон производил впечатление ленивого, недалекого человека, без мыслей и чувств. Но это была всего лишь внешняя оболочка — под маской лени и безразличия скрывался упрямый, темпераментный и горячий человек. Все подведомственные Чарышеву комбинатовские службы неукоснительно и немедленно исполняли все распоряжения Левона, так как знали, что поручение действительно исходит от их руководителя, а Левон выдумывать и лгать, выговаривая для себя какие-то корыстные цели, не станет. В прошлом Левон был достаточно известным футболистом. Но любил выпить, а потом поскандалить и подраться. Кулаками он доказывал свою правоту и зарвавшегося противнику на поле. Вскоре на его спортивной карьере тренер команды поставил большой крест. Некоторое время Левон играл в составе химкомбинатовской команды, но и здесь, за скверный характер, с ним предпочли расстаться. Да, и возраст уже не позволял гонять целыми днями мяч по полю. Чарышев был давним поклонником его футбольного таланта, и когда узнал, что Левона в очередной раз уволили из футбольной команды, то предложил ему работу личного водителя. И ни разу об этом не пожалел — молчаливый и не обзаведшийся до настоящего времени семьей Левон, готов был сутками не выпускать из своих рук руль автомашины, а за своего шефа вступить в самый неравный кулачный бой.

К концу следующего дня Чарышев набрал номер домашнего телефона Зосиных домочадцев.

— Слушаю, — раздался уверенный и жизнерадостный женский голос, — говорите!

— Роза Самуиловна? — Чарышев заметно волновался, — моя фамилия Чарышев и боюсь, что она вам ни о чем не говорит.

— Вы правы, я о вас наслышана, как об известном в нашем городе руководителе, но лично видеть Вас мне не доводилось, — заразительно рассмеялась женщина.

Чарышев в ответ на женский смех тоже улыбнулся и внезапно совершенно успокоился.

— Да, мы пока не знакомы, но я хочу, чтобы наше знакомство состоялось. Если Вы и Михаил Исаакович сейчас не заняты, то я пришлю за вами машину, и мы вместе поужинаем в ресторане.

— Мы, конечно, не заняты. Чем могут быть заняты два пенсионера? Но ваше предложение выглядит весьма странным.

— Роза Самуиловна, поверьте мне, ничего плохого в этом предложении нет. Я хочу с вами двоими обсудить свою личную проблему. А вы с Михаилом Исааковичем заодно и в люди выйдите. Наверное, засиделись дома, с тех пор, как вышли на пенсию?

— Что ж, вы меня окончательно заинтриговали, и я, пожалуй, соглашусь. Когда будет машина?

Чарышев встретил их в холле ресторана. Солидные, неторопливые люди, к которым он сразу проникся симпатией. За ужином главной темой обсуждения стал салат с крабовым мясом и шампанское брют. И только, когда принесли кофе, Чарышев решился на откровенный разговор:

— Вы, наверное, задаете себе вопрос: нас пригласили сюда, чтобы поdiskussировать о составе крабового салата? Нет, конечно! Вы умные и тактичные люди, и я очень рассчитываю на вашу помощь и понимание. Уже несколько лет, как с вами живет моя дочь

— Зося. О том, что у меня есть дочь, я узнал совсем недавно. Ее мать в моей жизни не оставила никаких воспоминаний, потому что связь с ней была случайна и мимолетна. В моей жизни были годы нищеты и лишений, но даже тогда я бы никогда не бросил ребенка на произвол судьбы, как сделала это ее родная мать. Теперь я знаю, что в судьбе моей дочери приняли участие достойные люди и готов отблагодарить их.

— Вы, что же хотите Зося забрать? — Михаил Исаакович готовился защищать своего ангела от чужого посягательства.

— Подожди, Миха, успокойся. Зосенька не кукла, чтобы ее приносить, а затем забирать обратно. Она взрослая девушка и, если захочет уйти от нас, то мы с тобой ее не удержим. Поэтому, слушай Николая Васильевича спокойно, не перебивай.

— Забрать ее, безусловно, я бы очень хотел. Но это мое желание, а у Зоси свои планы на жизнь. Она сама, как мне кажется, не захочет с вами разлучаться. Поэтому, пока пусть будет все так, как есть. Возможно, пройдет время, и мы сможем жить все вместе или, во всяком случае, поддерживать близкие родственные отношения. А пока я вас прошу об одном —

позвольте и мне принимать участие в жизни моей дочери.

— Зося знает, что Вы ее отец?

— Нет. Пока не знает. Сначала я хочу стать ей хотя бы другом, а потом, возможно, и решусь сказать, что она моя дочь. На все время необходимо, а сейчас лучшее, что я могу сделать, так это оказывать вам постоянную материальную поддержку.

— Нет, деньги нам не нужны. Разве Зося плохо одета? Или она в чем-то нуждается? У нее все есть, и у нас тоже, — Михаил Исаакович держал оборону.

— Михаил Исаакович, я вам очень благодарен, за то, что Зося одета, не просто хорошо, а лучше всех, — попробовал растопить лед Чарышев, — особенно приятно меня поразило то, что она прекрасно водит машину. Я уверен, что это личная ваша заслуга!

— Да, моя школа. Но денег нам не надо.

— Хорошо, не будем о деньгах говорить. Но я бы очень хотел, чтобы вы все хорошо питались. В магазинах полки сейчас почти пусты, а очереди как были, так и остались. Можно хоть продуктами вам помогать?

— Миха, не отказывайся! Ты ведь по магазинам не ходишь, и не знаешь, что это такое — купить приличную курицу на бульон или кусок мяса.

— И еще у меня есть одна к вам просьба — позвольте мне иногда приходить к вам в

гости? Я не знаю, как смогу убедить Зося пригласить меня к себе домой, но надеюсь, что обязательно что-нибудь придумаю.

— А мы с Розочкой уже вас приглашаем, — смягчился Михаил Исаакович, — приходите в любое удобное для вас время. Розочка у нас мастерица на всякие домашние пирожочки и булочки. Посидим, чайку попьем. А вот за Зосеньку можете не беспокоиться — мы любим ее, и в обиду никому не дадим. Даже Вам!

Все дружно засмеялись. Знакомство состоялось.

— Вы знаете, Николай Васильевич, — сказала Роза Самуиловна, — я никогда не задавалась вопросом — какими людьми являются Зосины биологические родители? Они изначально ассоциировались у меня с чем-то отвратительным и бездушным. Животные и те заботятся о своем потомстве, кормят своих детенышей и защищают. А тут человек, разумное существо, произвел на свет продолжателя своего рода, и оставил его на воспитание государству и чужим людям. Никакими обстоятельствами нельзя оправдать такие поступки.

— Роза Самуиловна, хоть я и не бросал свою дочь, но тоже чувствую себя порядочным негодяем. Я уже за это наказан — Зося выросла без меня, и сейчас вправе ограничить наши отношения одним единственным вопросом: «А где ты раньше был, любящий папаша?». Поэтому я и не спешу сообщить ей о нашем кровном родстве. У меня были трудные периоды в жизни, с которыми я справился, но сейчас мне значительно хуже. Поэтому прошу вас обоих — пожалуйста, поймите меня правильно, и не чините препятствий в общении с дочерью. Я при любых обстоятельствах не собираюсь вас разлучать с Зосей. Будет все так, как решит она.

— Я надеюсь, что Зося признает вас и простит, — сказала Роза Самуиловна, — а мы с Михой постараемся помочь вам и Зосе обрести друг друга. Правда, Миха?

Оставалось несколько дней до окончания года. Чарышев с грустью думал, что он так и не посмел откровенно поговорить с дочерью. Их странные отношения уже всюду обсуждались женской половиной администрации химкомбината. Женщины шептались, что их руководитель, наконец-таки влюбился, и, вполне вероятно, заведет семью. Только его избранницей оказалась очень молоденькая особа, которой он годится разве, что в отцы. Но и неравные браки бывают удачны и счастливы, и пусть их Чарышеву, наконец-то, повезет, и он обретет семью. Более смелые комбинатовские кумушки пытались разговорить Левона, и узнать у первоисточника, куда уже успели зайти отношения Чарышева и молодой банкирши. Но Левон на все вопросы пожимал плечами и оставлял их без ответа. Более подробные отчеты приходили от работников спорткомплекса — Чарышев совершенно потерял самообладание, и откровенно прислуживает девушке — пока она плавает, он готовит кофе и бутерброды, приносит ей полотенце и халат, затем провожает до машины, долго и умильно смотрит вслед. Короче говоря, окончательно покорила сердце старого холостяка молоденькая барышня. А мог бы женщину и солиднее найти, даже среди своих сотрудниц. Многие молодые женщины, работающие на химкомбинате, давно и прочно были в него влюблены. Завидный жених, как внешним видом, так и тугим кошельком, сразу мог покорить самое неприступное женское сердце. Правда, вот только Зося, то ли эти разговоры не слышала, то ли была к ним совершенно равнодушна. К обществу Николая Васильевича она привыкла, ценила его, и за утренним совместным завтраком спешила получить от него ответы на все заранее заготовленные вопросы. Чарышев не отмахивался даже от наивных и смешных дочкиных вопросов, старался обстоятельно и понятно изложить свою позицию. Наверстывал упущенное время в воспитании своего ребенка.

Новогодний вечер, как, впрочем, и остальные праздники, Чарышев всегда проводил в обществе своего друга — директора комбината и его семьи. В этот раз начало нового года он решил встретить в одиночестве, в своем новом доме. Зося как-то мимоходом обронила, что тетя Розы уже составила новогоднее меню из каких-то экзотических блюд, а сейчас они с дядей Михой украшают елку. Следовательно, Зося все праздничные дни проведет дома. Чарышев загрустил, потому что предстоящий праздник для него означал только пустоту и скуку. Он даже не смог ничего придумать, чтобы вручить дочери подарок и не обидеть ее. Дело в том, что подарок был достаточно дорогим, и Зося могла просто от него отказаться или оскорбиться за навязчивость немолодого мужчины. Шубку из соболя ему прислал его друг Матвей из Сибири. мех какой-то специальной выделки был невесомым, нежным, и цветом напоминал Зосины волосы. Чарышев решил, что после праздника отвезет шубку Михаилу Исааковичу, а уж он пусть вручает Зосе от своего имени. Но вдруг все изменилось. В канун нового года, вечером, ему позвонила Зося:

— Извините, Николай Васильевич, может, я звоню не вовремя, и вы заняты?

— Что ты, Зося, рад тебя слышать. У тебя что-то случилось?

— Нет, все в порядке. Я звоню с работы, мы тут заканчиваем последние проводки и проверяем баланс. Освобожусь поздновато, часов в одиннадцать вечера, но думаю, что добраться домой успею к бою курантов. Ой, что-то я не то говорю — заработалась окончательно. Я же звоню по поручению тети и дяди. Они сказали, что давно собирались вас пригласить к нам на чай, да все как-то не получалось. А сейчас очень подходящий случай — у нас тетя Розы постаралась, и как она сама говорит — все получилось, и торт, и пирожки, и салатики. Если вы не заняты, то приезжайте к нам встречать новый год. Мы все будем вам рады!

— Спасибо, Зося. А уж как я рад. Обязательно приеду. Но и у меня к вам есть предложение — я тут совсем недавно переехал в свой дом и хочу вам его показать. Давайте встретим новый год у вас, а потом все вместе поедem ко мне, на свежий воздух. Мой дом в лесу стоит, а возле самого крыльца растет живая елочка. Договорились?

— Просто замечательно. Тогда вы езжайте к нам домой, а я скоро тоже приеду.

Чарышев понял, что неожиданным счастьем быть в праздник возле дочери обязан Розе Самуиловне и Михаилу Исааковичу. Он быстро переоделся и поехал к ним домой. Зося приехала за час до нового года. Убежала в свою комнату, привела себя в порядок, а затем позвала Чарышева:

— Николай Васильевич! Зайдите ко мне — хочу показать вам одну, нет, даже две, реликвии.

Когда Чарышев вошел в ее комнату, Зося уже держала в руках икону Пресвятой Богородицы.

— Посмотрите, пожалуйста, на икону и распятие. Может, вы сможете мне что-нибудь рассказать об этих вещах?

Чарышев бережно взял в руки икону и поцеловал ризу.

— Да, мне знакомы эти ценности. Список Казанской иконы Божьей Матери был заказан монаху-иконописцу моим пра-, пра-, прадедом. Тогда же и риза была сделана из золота и серебра. С тех пор икона передается в наследство по женской линии моего рода. Ей молилось несколько поколений моих предков. Я думал, что икона утеряна, потому что последней ее владелицей была моя бабушка, а она давно умерла. Но икона, слава тебе Господи, нашлась, даже драгоценные камни с ризы не упали. Спасибо, Зося, что так бережно

хранила икону и распятие.

— Вы можете их забрать, Николай Васильевич.

— Нет, Зося. Икона и распятие по праву принадлежат тебе и будут охранять тебя от бед и напастей.

— Вы мой отец?

— Да!

Чарышев проглотил тугой комок, подкативший к горлу, и внезапно осипшим голосом спросил:

— Ты давно об этом догадалась?

— Нет

— А как?

— Методом анализа наших отношений. Кроме того, я всегда верила, что отец меня найдет. А вы не заметили, что мы с вами похожи? Вот, — Зося положила свою руку на его ладонь, — смотрите, одинаковые. Но приметы внешнего сходства я начала искать, когда поняла, что многие мои черты характера почти с точностью повторяют ваши. А сейчас вы узнали икону, которая передана мне старушкой-ведуньей через мою маму, когда я еще и не родилась. Я вам расскажу все, что знаю об этой старушке от своей мамы. Мистика какая-то. Но сейчас понятно, что эта старушка — моя прабабушка.

В дверь заглянула Роза Самуиловна:

— Заговорщики! Пора к столу, старый год через несколько минут заканчивается. Нужно его проводить и встретить новый, который, ну, просто обязан быть счастливым и благодатным годом для вас обоих.

Зося по-прежнему каждое утро встречалась с Чарышевым. Они вместе завтракали, говорили и не могли наговориться обо всем, что с ними происходило раньше или мучает сейчас. Отцом назвать его Зося пока не решалась, он так и оставался для всех влюбленным в неепожилым чудачком. Чарышеву было мало их утренних встреч, и он стал частенько забирать Зосю из банка в обеденный перерыв или подвозить домой после работы. Выходные дни они вместе с Розой Самуиловной и Михаилом Исааковичем проводили в загородном доме Чарышева. Чарышев неоднократно просил их всех переехать в свой большой дом, все обещали подумать, но переезд откладывали на неопределенный срок. В конце концов, он понял, что пожилые люди были привязаны к городской квартире, боялись менять свои привычки, а может, в первую очередь — вид из окна.

В банке, в отношениях с коллегами, Зося ощущала некоторый холодок недоверия и зависти. Интеллигентка от рождения, Зося никогда не принимала участие в разговорах, касающихся чьей-то личной жизни, что ставило между нею и рядовыми банковскими служащими определенный барьер. А безупречный внешний вид и дорогая одежда не нравились руководителям среднего звена — не многие из их состава могли позволить себе подобную одежду и соперничать с нею на равных. Заработная плата банковских служащих обеспечивала только прожиточный минимум от аванса до зарплаты. За ее спиной банковские кумушки неодобрительно качали головами и шептались, что одета она явно не по карману. Особенно всех поразила ее новая дорогая шубка.

Когда до банка доползли слухи о ее связи с клиентом, да еще и не рядовым клиентом, а самим Чарышевым, все вновь зашептались — теперь совершенно понятно, откуда берутся шубы, вещи из «Березки» и личная машина — Ромашова беззастенчиво пользуется широко открытым для нее кошельком Чарышева.

Татьяна Алексеевна Анцева, которая по своим должностным обязанностям представляла интересы химкомбината в банке, слухи о любовной связи Ромашовой и ее непосредственного шефа, Чарышева, не опровергала, а, наоборот, всячески дополняла новыми пикантными подробностями и домыслами. Жене Анцева пришлось по душе лживая лесть и комплименты Нины Петровны, и она начала вести себя нагло и непозволительно высокомерно. Отчеты и деловые письма химкомбината она бросала на стол Нины Петровны, которая в это время стояла перед ней, как солдат на параде — молча и навтыжку. Нина Петровна при Анцевой бумаги боялась даже развернуть, а не то, чтобы проверить. Единственной темой для разговора между ними стал роман Ромашовой и Чарышева. Да и в этом диалоге Нина Петровна, оставалась только слушательницей, внимательной и понимающей. А Анцева, пользуясь такой дозволенностью, и понимаем со стороны слушательницы, старалась обмазать Зосю грязью как можно гуще.

Татьяна давно заметила, что ее сын перестал замечать девушек и большую часть свободного времени проводит дома или в компании друга — соседа по квартире. Друг Александра не умел хранить чужие тайны, и от него Татьяна узнала, что есть девушка, которая пренебрегает вниманием сына, а он любит ее, и за нее готов в огонь и воду. Вскоре Татьяна знала о Зосе то немногое, что смогла вытянуть из молчаливого, не любившего обсуждать с домочадцами служебные дела, мужа.

Анцев утверждал, что девушка очень талантлива и трудолюбива и, несмотря на то, что

сирота, сумела получить достойное образование. Более того, в совершенстве владеет двумя иностранными языками, что сразу оценило руководство, как банка, так и химкомбината, который она инспектирует. Если раньше сопроводительные документы на поставку импортного оборудования и платежные документы на их оплату в банк представлялись в переводе с оригинала, то сейчас Ромашова все переводит самостоятельно, без привлечения переводчиков.

«Может быть, действительно эта Ромашова умница, но ведь без роду и без племени, а все туда же — корчит из себя принцессу и недотрогу, — думала Татьяна, — А как, же тогда ее роман с Чарышевым, который шепотом обсуждают и смакуют во всех отделах администрации химкомбината?»

Правда, Чарышева в коллективе уважали, а некоторые и побаивались, поэтому сплетни быстро утихли — народ натешился и умолк. Тогда Татьяна решила, что нужно обо всем рассказать в банке — пусть сын и муж услышат. Обоим эта новость будет полезна. Старший Анцев строго следил за нравственной атмосферой в подчиненном коллективе и нетерпимо относился к любовным интрижкам, особенно с клиентами — пусть подумает, стоит ли ему и дальше держать на работе аморального человека. А младший, ее любимый сын, должен понять, что такого рода девушки не созданы для семьи и ему стоит подумать о новой избраннице, как раз и возраст подошел семью заводить.

Приходя в банк, Татьяна демонстративно игнорировала своего кредитного инспектора, Зою Ромашову, и беззастенчиво пользовалась своим «служебным положением» — жены руководителя банка.

Несколько отчетов и деловых бумаг Зося молча, приняла от Нины Петровны, но в письменной форме предоставила свои замечания в адрес химкомбината.

Нина Петровна решила, что писать они ничего клиенту не будут, лучше уж принять некачественные бумаги, подшить в отдельную папку, а затем спрятать от проверки вышестоящей структуры или госбанка. Она боялась поставить под удар жену своего шефа, а значит и себя.

Зосю такой вариант не устраивал — она предпочитала четкость во всех своих делах, не в ее характере было прятаться от проверок. Урегулировать сложившиеся взаимоотношения с химкомбинатом мог только сам Анцев. Зося отправилась к нему на прием. Анцев выслушал Зосю и спросил:

— Что по этому поводу думает Чарышев?

— Я не сочла возможным без вашего ведома или через вашу голову задавать такие вопросы Чарышеву. Но и сложившиеся отношения с клиентом считаю недопустимыми, это мешает работе и взаимопониманию.

— Кто со стороны химкомбината работает с банком?

— Анцева Татьяна Алексеевна.

— Все понятно. Зоя Николаевна, вы свободны, а я сейчас выясню позицию Чарышева.

Зося вышла из кабинета, а Александр Михайлович набрал номер телефона Чарышева. Чарышев понял, что допустил бестактность, когда поручил Анцевой работу с банком.

— Александр Михайлович, обещаю, что это больше не повторится. Мне придется заменить экономиста, работающего с банком. Я виноват больше Татьяны Алексеевны — по большому счету получается, что это я воспользовался ситуацией с твоей женой. Все исправим. А Татьяне Алексеевне поручим другой участок работы.

— Еще у меня к тебе вопрос — скажи, ты что-нибудь выяснил о родителях Зои

Ромашовой?

— Да, выяснил. Большое тебе спасибо за помощь. Я разыскал отца Зоси.

— И кто же он?

— Я.

— Ты шутишь? Ты, развене знал, что у тебя есть дочь?

— В жизни всякое случается. Не знал. Но прошу тебя — эта информация пока только для тебя. Пусть Зося сама решит, когда обнародовать своего отца. Не хочу ей ничего навязывать. Девочка выросла без меня. Сейчас она взрослый человек, а обычно взрослые дети уходят или отдаляются от своих родителей, создают свою семью, и рожают своих детей. У нас с ней все наоборот, поэтому прогнозировать наши дальнейшие отношения я не берусь. Тем не менее, она у меня единственная — и дочь, и продолжатель нашего рода. Буду надеяться, что когда-нибудь Зося открыто назовет меня отцом, все образуется.

— А ты не считаешь, что ваша тайна сейчас шумно обсуждается в наших коллективах. Народ считает, что ты влюбился в своего кредитного инспектора.

— Я действительно люблю свою дочь, а что кумушки судачат за углом мне неинтересно — на чужой роток не накинешь платок. Зося тоже далека от сплетен и пересудов. А люди поговорят-поговорят, и им надоест переливать из пустого в порожнее.

— Я очень рад, — задумчиво произнес Анцев

— Не понял, чему или за кого ты рад? — удивился Чарышев

— За себя рад, — засмеялся Анцев, — я, признаться, тоже считал, что у тебя с моей Зосей роман. Думал, что ты женишься на ней, и не разрешишь работать в банке. Банк мог лишиться ценного специалиста.

В банке появился новый представитель химкомбината. Нина Петровна вздохнула с облегчением — идет годовой отчет, и химкомбинат вновь открылся для делового диалога. Первый квартал заканчивался, вместе с ним уходили в архив отчеты, дела и письма прошлого года.

Новое штатное расписание на текущий год предусматривало увеличение численности сотрудников банка. Правительство поручило банкам, финансирующим государственные программы, дополнительные функции контроля фонда заработной платы и производительности труда предприятий. В банке создавался новый отдел, который так и назывался — отдел контроля фонда заработной платы и производительности труда.

Контрольная цифра по прибыли была дополнена таким же подотчетным темпом роста производительности труда. Плановые показатели по объему производимой продукции для предприятий так и остались второстепенными.

«Что-то мне совсем непонятно, как банковские дилетанты в вопросах производства смогут осуществлять контроль производительности труда на предприятиях, — размышлял Анцев, — получить надуманные отчеты от клиентов и их проанализировать? Но это с успехом, и на более грамотном уровне, смогли бы сделать вышестоящие организации или те, же министерства. Уж им-то знакома специфика работы подведомственных предприятий. А работа банковских экономистов по контролю расходования фонда заработной платы в соответствии с ростом производительности труда — это, по меньшей мере, мартышкин труд. Так, кажется, Чарышев очень точно назвал бесполезный или никчемный труд. Но решения партии и правительства принято выполнять безоговорочно, поэтому для начала надо создать отдел, а потом думать, как выполнить это странное решение. Начальником отдела я, пожалуй, назначу Ромашову — она превосходный аналитик и стратег. Специалистов в отдел

пусть сама подбирает. Нужно будет ей подсказать, чтобы к производственникам присмотрелась. Спецов там, конечно, не получишь, потому что наша зарплата намного ниже, чем на производстве, но пусть все же попробует. Она человек коммуникабельный, может и получится. Жалко ее с химкомбината забирать. Даже в госбанке заметили, что наша работа с химкомбинатом стала намного качественнее и продуктивнее. Но переводить ее с этого участка так или иначе уже необходимо — там ее отец работает руководителем».

Зоя отнеслась к предложению Анцева возглавить новый отдел без особого энтузиазма:

— Я, Александр Михайлович, в институте изучала финансовые потоки государства и использование денежных средств. Из каких факторов складывается производительность труда мне известно только в общих, познавательных чертах, да и то из учебников. Какой из меня может получиться специалист по этим вопросам? Меня сначала нужно переподготовить на каких-то курсах повышения квалификации или направить на предприятие нормировщиком, возможно, экономистом в отдел заработной платы и поработать там лет пять. Вот тогда я соглашусь возглавить отдел контроля фонда заработной платы и производительности труда предприятий.

— Ты совершенно права, но задание организовать такой контроль я получил уже сегодня, и учиться придется здесь, в банке. Почему выбор пал именно на тебя? Тебе, безусловно, предстоит еще долго учиться, чтобы стать практическим специалистом, но ты очень неплохой теоретик. Кроме того — ты молода, энергична, охотно повышаешь свой багаж знаний. Мне больше некого назначить, поэтому не раздумывай и соглашайся, мое решение окончательное. В качестве поощрения я разрешаю тебе самостоятельно подобрать специалистов в свой отдел. У тебя будет заместитель начальника отдела и три инженера-экономиста. Можешь пригласить пару человек с предприятия. Среди наших специалистов выбирай любых, на свое усмотрение — я непременно соглашусь с твоим предложением. Помещение для вашего отдела уже ремонтируется — два смежных кабинета. Технику и канцелярские товары получите со склада. Все, Зоя, удачи тебе. Докладывай мне периодически о своей организаторской работе. И вот еще, что: с сегодняшнего дня, пожалуйста, приходи на все совещания руководителей отделов, которые проводятся при начальнике филиала или заместителе начальника.

Найти и пригласить специалистов с предприятий оказалось делом практически нереальным. Зоя понимала, что это сделать нужно обязательно, иначе о каком контроле производственной деятельности может идти речь. Нужно самой побывать на предприятиях и побеседовать со специалистами. В первую очередь она отправилась на химкомбинат. Николай Васильевич проводил совещание, и она полчаса ожидала в его приемной. Секретарь Чарышева знала, что Зоя инспектирует их химкомбинат и порывалась несколько раз зайти к Чарышеву с докладом, что его ожидает в приемной представитель банка, но Зоя каждый раз говорила, что она не торопится и подождет. Когда Чарышев попросил по телефону секретаря принести ему какой-то документ, она воспользовалась ситуацией и в его кабинете доложила:

— Николай Васильевич, в приемной Вас ожидает инспектор из банка, Ромашова Зоя Николаевна.

Чарышев отпустил всех присутствующих на совещании специалистов и вместе с ними вышел в приемную.

— Зоя Николаевна, что ж вы сразу не зашли ко мне? Зачем столько времени ожидать в приемной?

— Николай Васильевич, я сама виновата — не попросила вас назначить мне встречу. И вы напрасно из-за меня прервали совещание, я могла бы подождать.

Уже в кабинете Чарышев укоризненно сказал:

— Больше не ожидай в приемной, доченька, заходи ко мне в любое время, я буду только рад.

— Спасибо, но впредь я буду записываться к вам на прием. Вы здесь руководитель, а отец — дома.

— Хорошо, согласен с тобой. Рассказывай, что у тебя за вопрос. А, впрочем, давай мы сделаем так — время сейчас обеденное. Поедем обедать, а там и поговорим.

Подходя к машине, Чарышев спросил:

— Скажи, тебе название деревни Чертовщина ни о чем не говорит?

— Из этой деревни моя мама родом. Там сейчас живет женщина, которая меня родила. Мама меня просила, чтобы я помогла ей уехать оттуда. Я хочу у Анцева попросить для меня жилье, потом туда ее перевезу.

— Ничего не нужно просить. Она, наверное, уже живет в городе и устроена на работу. Мы сейчас все у Левона выясним.

Левон подтвердил, что все поручения Николая Васильевича, касающиеся Анны Семеновны, он исполнил — она уже работает в гостинице.

— Зося, хочешь ее навестить, — поинтересовался Чарышев, — мы прямо сейчас смогли бы заехать в гостиницу.

— Спасибо вам, Николай Васильевич, за то, что вы устроили эту женщину, но видеть ее я не хочу.

Выходя из машины, Зося спросила:

— Левон, а ты, что обедать не собираешься? Вы с Николаем Васильевичем всегда вместе обедаете, а сейчас что же случилось?

— Я думал, что вам поговорить нужно. Я могу и потом, бутербродом перекусить.

— Давай, выходи, вместе пообедаем.

За обедом Зося рассказала о предложении Анцева, и проблемах с кадрами, знающими производство.

— Боюсь, дочка, что в этом вопросе я тебе помочь могу только советом. Хотя я могу дать тебе разрешение побеседовать с нашими руководителями отделов труда и заработной платы, производственного и технического. Я думаю, что в одном из этих отделов найдется один или два специалиста, желающие что-то изменить в своей жизни. Возможно, кто-то живет в центре и хочет иметь работу рядом с домом. Давай отложим этот вопрос на недельку, возможно, к тому времени и решение найдется.

Но мучавший Зося кадровый вопрос ее будущего отдела вскоре неожиданно быстро и легко разрешился. На следующий день после разговора с отцом Зося во дворе ее дома ожидала машина Чарышева. Зося припарковала свою машину рядом со служебной машиной отца и заторопилась домой — наверное, отец приехал и сейчас пьет чай с Розой Самуиловной и Михаилом Исааковичем. Отца она всегда была рада видеть, дорожила каждой минутой, проведенной вместе, а тут такая досада, на работе задержалась, а потом еще и на заправку заехала. Но из машины ее неожиданно окликнул Левон:

— Зоя Николаевна, можно с вами поговорить?

— Левон, а где Николай Васильевич? К нам пошел? С ним что-то случилось? Он здоров?

— Не волнуйтесь, Зоя Николаевна, все в порядке. Я приехал с вами поговорить.

Садитесь в машину.

— Ты, Левон, прекрати меня Зоей Николаевной называть. Меня зовут Зося, понял?

— Нет, вы для меня Зоя Николаевна. Я вас уважаю, а уважаемых людей принято называть полным именем.

— Ладно, как хочешь. Давай свой вопрос.

— Я хочу вам порекомендовать производственника для работы в банке. Подслушал Ваш разговор с Николаем Васильевичем и решил воспользоваться ситуацией.

— Рекомендуй.

— Оксана Ивановна Сулимова.

— Рассказывай все, что о ней знаешь.

— Работает нормировщиком, высшее экономическое образование, замужем, детей нет. Очень хороший и добрый человек.

— Это все, что ты о ней знаешь?

— Да.

— А кто сможет ей дать рекомендации с производства?

— Только я.

— Хорошо, я все поняла. Немного необычно, что ты выступаешь в качестве ходатая, но, тем не менее, я хочу с твоей протеей встретиться. Пусть завтра приходит в банк и найдет меня. Ты почему нервничаешь? Я обещаю тебе, что буду с ней предельно внимательна и корректна и, если она хоть как-то знакома с производством, то буду давать ей рекомендации сама. Успокоился? Давай прощаться и больше меня так не пугай — я сразу решила, что с отцом что-то случилось.

Оксана Сулимова с раннего утра ожидала Зося перед входом в банк. Видимо, она знала, что Зося на работу приезжает на своей яркой машине, поэтому и стояла возле парковочной площадки. Невысокая, хрупкая женщина среднего возраста, в белом плаще и туфлях на очень высоких каблуках. Глаза и часть ее лица прикрывали большие темные очки. Зося прошла вместе с ней в комнату для клиентов и спросила:

— Есть какая-то причина, по которой вы хотите работать именно в банке?

— Мечта со времен института. Но у нас не было распределения в банковскую систему.

— У вас есть семья, дети? Сможете ли вы в случае необходимости работать по ненормированному графику?

— Есть муж. Детей, к сожалению, нет. Возможно усыновление детдомовского ребенка. Но, я думаю, что на работу это не окажет никакого отрицательного влияния.

— Кто Ваш муж?

— Мой муж — Киреев Савелий, вы должны знать его.

— Нет, такого я не знаю.

— Ну, что Вы? Довольно известное имя в городе.

— Может быть, но я с ним не знакома, и ничего о нем не знаю.

— Он работает главным ревизором в контрольной палате и, наверняка, бывал в банке с проверками.

— Возможно. Скажите, Оксана, как вы относитесь к своей работе на химкомбинате?

— Она мне не нравится. Мне приходится работать среди рабочих, а я предпочитаю коллектив интеллигентных и образованных людей.

— Коллектив образованных людей не всегда состоит из одних интеллигентов. А среди

рабочих тоже встречаются эрудированные и обаятельные люди. Все зависит от человека. Что ж, я подумаю и через пару дней вам позвоню.

Что-то в Оксане Зосе сразу не понравилось. Но что? Скорее всего, манера поведения — Оксана кокетничала, как будто пришла на первое свидание и хотела понравиться своему кавалеру. Она даже темные очки не сочла нужным снять, видимо полагала, что они ее серьезно украшают. Такая манерная дамочка, наверное, нелепо выглядела в производственных цехах химического гиганта, среди грохота работающего оборудования и людей в рабочих робах. «Но к себе в отдел я ее все-таки возьму, — решила Зося, — она неглупый человек и должна принять к исполнению наш внутренний распорядок работы и требования к внешнему виду сотрудников. Или придется откорректировать ее поведение. Лишь бы у нее присутствовала грамотность и усердие в работе. Может спросить у отца? Нет, я ее возьму, а потом разбираться буду. Самое главное в этой ситуации не обидеть Левона — уж он-то точно честный и порядочный человек и, если просит за эту дамочку, то, значит, уверен в ней».

Заместителя начальника отдела она давно уже приглядела среди своих сослуживцев — это был Ванечка Якушев. Вот только бы принял ее предложение — не каждый будет в восторге от перспективы служебного подчинения своей сокурснице, которая первой шагнула по ступенькам служебной лестницы. Но Ванечка обрадовался Зосиному предложению:

— Спасибо тебе, Зоська! Я и не мечтал, что так быстро получу повышение по службе. Саньке Анцеву проще — он переводится на работу в центральный столичный банк, а там представляешь какие перспективы?

— Саша переводится? Как скоро?

— Все практически готово, уже и согласие на перевод подписано, остались просто формальности. От тебя он, Зося, убегает, от тебя! Любит и ревнует. А ты ведь в студенческие годы тоже с него глаз не сводила. Что же сейчас случилось? Разлюбила или другого присмотрела? Банк судачит о твоём корыстном романе с клиентом. Саньке его мамаша все уши прожужжала о твоей аморалке. Он и раскис. Я пробовал ему втолковать, что самому сначала нужно во всем разобраться, и с тобой поговорить, а уж потом решать где правда, а где ложь. Но его гордыня раньше его на свет появилась, как и твоя, Зоська. Впрочем, не мое это дело — разбирайтесь сами.

— Гордыня и гордость, Ваня, не одно и то же. Гордых людей я уважаю, а гордыня, это порок, от которого нужно избавляться. Я, Ванечка, что-то не так понимаю?

— Ты, Зося, совершенно права. Я неправильно выразился. Ты по-настоящему гордый человек, и мне это нравится.

— Привычка льстить в нужных ситуациях не украшает человека. Избавляйся, Ванечка, от этого недостатка. Я и без твоей лести хочу с тобой работать.

Зося сама оттолкнула Сашу, но он был всегда рядом. И вот уезжает.

«Правильно, Саша, уезжай. Я недостойна тебя. Петя исковеркал всю мою жизнь и уничтожил женскую сущность. Я люблю тебя, Санечка, и желаю тебе счастья. Ты должен встретить свою настоящую любовь и забыть меня. А я? А я, Санечка, буду любить тебя, только тебя одного, всю мою жизнь. Но как мне сейчас тяжело и больно!»

Кабинеты для отдела были готовы, и Зося с Иваном переселились на новое место работы — нужно было готовить положение об отделе, должностные инструкции, и самим для начала понять специфику работы.

Оксана на химкомбинате отработывала положенный перед увольнением месяц, и вскоре

также должна была появиться в банке. Зося переворошила всю банковскую техническую литературу, но нужные материалы так и не подобрала. Пришлось записаться в областную библиотеку и поработать там. Когда она возвратилась в банк, Иван сразу ей сообщил:

— Тут тебя каждый день спрашивает одна наша сотрудница. Она у нас только месяц работает, и я ее практически не знаю. Но она говорит, что с тобой вместе училась. А вот и она. Входите смелее, — обратился он к стоявшей на пороге кабинета женщине, — Зоя Николаевна в своем кабинете, можете к ней пройти.

Зося не поверила своим глазам — перед ней стояла Инга Золотарева.

— Инга, рада тебя видеть. Мы с тобой, оказывается, в одном банке работаем, а я тебя первый раз вижу.

— Я всего месяц здесь работаю, в денежном хранилище. А там сама понимаешь — подвал с ограниченным доступом. Нас никто не видит и мы, как дети подземелья, полный рабочий день без дневного света. Зоя Николаевна, просить я Вас пришла — работать хочу в новом отделе. Постараюсь быть добросовестной.

— Понимаешь, Инга, здесь наряду с добросовестностью нужна грамотность, образование, и знание производства.

— У меня в наличии среднее специальное и первый курс заочного отделения института. Но я постараюсь, мне необходима эта работа! Понимаешь, работа в денежном хранилище отнимает много сил и здоровья, а у меня двое маленьких детей, их растить надо.

— Двое детей? Молодец, Инга! Когда же ты успела?

— Это дело нехитрое, детей рожать без отрыва от учебы или производственного процесса. Они у меня погодки, я рожала, а все остальное взял на себя муж.

— Просто здорово! А кто у тебя муж?

— Это долгая история, может, я тебе в другой раз расскажу?

— Рассказывай сейчас, раз просишься к нам в отдел.

— Хорошо. Ты помнишь Иру Гвоздикову? Красивая, но глупая кукла!

— Это ты так о своей подруге?

— На большее она не тянет. Ирка в клубе, на танцах познакомилась с парнем по имени Сергей. Он влюбился и сделал предложение, они стали к свадьбе готовиться. Ира перед самой свадьбой забрала платье из ателье. Платье было наглажено, и она попросила его не упаковывать, чтобы не испортить внешний вид. Вот с этим платьем она и перебежала проезжую часть дороги. Ветром платье забросило ей на голову, ткань прилипла к лицу. Она ничего не видела, но не остановилась, а побежала через дорогу, как слепая, наугад. Попала под машину. Сергей страшно переживал, мне пришлось быть с ним постоянно рядом, чтобы он не ушел вслед за своей невестой. Так и сблизились, через месяц он со мной пошел в загс. Он детьми занимается, и с домашним хозяйством помогает разобраться, но деньги в дом почти не приносит. Он фотограф, и зарабатывает копейки. Я пока тоже получаю те же копейки, но приложу все силы, чтобы стать главным добытчиком в семье. Сейчас ты понимаешь, зачем мне нужна эта работа? Контроль деятельности предприятий открывает хорошую перспективу в плане дальнейшего служебного роста. Есть возможность познакомиться с руководителями предприятий, и стать в их среде своим человеком, а это многое дает для умного человека.

— Не согласна я с тобой, Инга, в части перспективы дальнейшего служебного роста за счет внедрения в директорский корпус. Свою бредовую идею выкинь из головы, как завалившийся хлам. В остальном я тебе, конечно, помогу. Переходи к нам в отдел — детям

действительно здоровая мама нужна. Да и зарплата здесь повыше, чем у кассира. Правда, совсем чуть-чуть, но все-таки повыше. А Иру очень жалко. Я помню, вы с ней постоянно соперничали из-за парней. Получается, что и самого последнего парня ты у нее увела. Видимо, не любил он ее, раз через месяц после смерти невесты женился на ее подруге.

— Любил Ирку, а сейчас — меня. Ира ушла, словно, ее и не было в нашей жизни, а у нас семья, и мы счастливы.

— Ты страшные и жестокие слова сейчас произнесла. Об ушедших от нас близких людях так не говорят. Не обижайся, Инга, но я не верю в вашу скоропалительную любовь с бывшим Ириным женихом. Любовь она созреть должна, окрепнуть — тогда она на всю жизнь. А когда сегодня любишь одну, а завтра тебя другая увела — это не любовь, а покорность совсем безвольных или игра очень азартных людей. Но тебе я желаю счастья.

Последним в отдел был принят Виталий Сотников. Тоже протеже, но главного бухгалтера банка — Ступиной Софьи Анатольевны. Она была подотчетна брату Виталика, который работал в налоговой инспекции.

— Понимаешь, деточка, приняв на работу брата нашего налогового инспектора, мы во многом облегчаем нашу жизнь. Будет меньше вопросов и финансовых потерь. Я могу обратиться к Анцеву, и он скажет тебе то, же самое. Прием на работу Виталия Сотникова — это производственная необходимость, и ты должна с этим смириться. Кроме того, у него высшее экономическое образование, и небольшой стаж работы на каком-то предприятии. Ну, что, Зоя, договорились?

— Но мне нужны его рекомендации и характеристики с последнего места работы. Это по своей сути человек с улицы, мы ничего о нем не знаем, а уже готовы принять на работу в банк.

— Забудь про какие-то дополнительные сведения или характеристики. Рекомендацию для Сотникова ты получила от меня. Есть еще вопросы?

У Зоси вопросов не было. Ладно, если это необходимо для банка, то придется согласиться с предложенной кандидатурой. Главный бухгалтер банка, наверное, понимает, что если ее кандидат не справится с закрепленным за ним участком работы, то Зоя быстро его отправит туда, откуда он пришел. Увидев впервые Виталия, Зоя успокоилась — скорее всего, это был очень застенчивый и скромный молодой человек, высокого роста и совсем не спортивного телосложения. Портила его внешний вид явная сутуловатость и неухоженные, засаленные черные волосы. Зато глаза — коричневые миндалины в длинных, черных ресницах, ласковые, как у новорожденного теленка, подтверждали его застенчивость и скромность, а, может, и неуверенность в себе.

Из головного банка уже начали поступать инструкции и указания по методике и организации работы нового отдела. Специалисты головного банка, видимо, сами пока не совсем понимали, в каком объеме должен осуществляться требуемый контроль, и что предусматривает конечный результат. Анцев внимательно вычитывал все входящие внутренние нормативы и понял главное — проверки клиентов должны быть минимальны и предельно тактичны.

Зосю он инструктировал наедине:

— Зоя Николаевна, как я понимаю, отдел уже полностью укомплектован, все находятся на своих рабочих местах. Чем вы сейчас занимаетесь?

— Нарбатываем табличные шаблоны для составления отчетов для головного банка, госбанка, партийных и контролирующих органов.

— Правильно — в первую очередь таблицы и отчеты. Не спешите проводить проверки клиентов. Это чревато неприятностями. Мы пока сами толком не понимаем, чего от нас ожидают. А если проверки придется проводить по отдельным заданиям, то прошу Вас вести себя предельно корректно. В народе такие мероприятия, как наши проверки называют «яйца курицу учат». У каждого предприятия наработана целая стратегия ведения производства и мы, к сожалению, с ней не знакомы. Ситуация с этими проверками может породить проблему доверия между банками и клиентами. Вы, меня понимаете?

— Да, Александр Михайлович. Буду инструктировать своих подчиненных, а на первые проверки пойду сама или вместе с Иваном. Не волнуйтесь, мы справимся.

— Хорошо. Больше у меня к Вам вопросов пока нет. Надеюсь, и не будет.

«Повезло мне с руководителем, — думала Зося, — чрезвычайно тактичен, уравновешен, справедлив и объективен. Как он блестяще упреждает наши предстоящие ошибки, и уводит отдел из-под удара со всех сторон за надуманные проверки опытных производственников нашими неподготовленными для этой работы экономистами. А еще он самый красивый из всех мужчин, с которыми я знакома. Конечно, кроме Саши и папы».

А город тем временем начинал благоухать нежными ароматами весны — зацвела сирень, на городских клумбах раскрылись первые головки тюльпанов. Зося, с головой погруженная в свою новую и непонятную работу, пробежала мимо куста сирени, который раскинулся возле самого входа в банк, и не заметила, как гибкие ветки принарядились клейкими листочками и тугими шариками цветов. И только когда от куста стал разноситься неповторимый, любимый с детства аромат только что раскрывшихся цветов, она заметила его весенний наряд и подошла к нему, чтобы потрогать руками эту дивную красоту.

«Оказывается весна пришла, — Зося пригнула к своему лицу цветущую гроздь сирени, — как мама любила эту пору года. А я вот и не заметила, что сирень цветет. Саша уезжает, и хорошо, что я сейчас работой перегружена. Иначе бы не выдержала и побежала к нему просить прощения за все, что между нами не случилось по моей вине».

В этот день Зося, как всегда, задержалась на работе. Она любила эти тихие часы, когда в отделе затихал шум голосов, и можно было спокойно еще раз просмотреть текущие дела и новые инструкции. Уже за окном начинала густеть темнота, когда она закрыла кабинет и пошла к своей машине. На парковке, сиротливо стояли только две машины — ее и Сашина. «Наверное, отца ожидает», — подумала Зося, открыла свою малышку и вставила в замок зажигания серебристый ключик. В это время в дверку машину кто-то постучал. Зося вышла из машины и увидела Сашу:

— Здравствуй, Зоська. Давно тебя ожидаю, хочу поздравить с первой солидной должностью. Вон и подарок приготовил, — кивнул Саша на свою машину, — пойдём, посмотришь.

Зося сделала шаг вслед за Сашей, ноги вдруг стали ватными и тяжелыми. В груди гулко стучало сердце.

— Смотри, это тебе.

Весь салон Сашиной машины был загружен ветками цветущей сирени.

— Хочешь, я тебе покажу, где все это растёт. Там сейчас настоящий цветущий рай.

Зося кивнула в знак согласия, и села в Сашину машину. Ее машина так и осталась на стоянке с открытой дверью и ключом в замке зажигания. Сейчас это было совсем неважно. Рядом был Саша, и сердце тяжело отстукивало в груди — один только раз, один только раз... Из машинной магнитолы мужской голос в какой-то безнадежной безысходности и тоске пел:

«Твои глаза, как два тумана, как два прыжка из темноты, каким путем, каким обманом в двадцатый век прокралась ты?»

Зося вжалась в угол машины и спрашивала себя: «Куда и зачем я еду, может, нужно немедленно выйти из машины?» А сердце выстукивало: один только раз. Из своего угла она видела Сашины руки, судорожно вцепившиеся в руль машины. Он тоже молчал. Так, не сказав друг другу ни одного слова, они доехали до дачного поселка.

В самом конце улицы стоял двухэтажный дачный дом Анцевых. Саша взял Зосю за руку и повел по дорожке в глубину сада, где росла сирень, но она остановилась, провела прохладной ладонью по его лицу и начала нежно целовать его глаза и губы. Влечение их тел было настолько неожиданно-сильным, что все остальное — слова, мысли и поступки стали пустыми и ненужными. Саша поднял Зосю на руки и понес в дом. В темноте они дрожащими руками раздевали друг друга, а холодные губы застыли в долгом поцелуе. Годы их любви и ожидания сейчас сжались в тугой комок счастья обладания друг другом.

Зося не стыдилась своей наготы, а ее горячее и страстное тело не ощущало даже устоявшуюся зимнюю прохладу и сырость дачного дома. Только когда в комнату заглянул первый луч солнца, она потянула на себя одеяло.

— Санечка, мой любимый, мой единственный, — прошептала она первые за эту ночь слова, — я люблю тебя. Как я могла жить без тебя столько лет?

— Зачем, зачем ты обманываешь меня? — Саша рывком вскочил с кровати и повернулся к ней спиной. Его голос срывался в крик и стегал ее яростно и жестоко, — У тебя богатый сексуальный опыт, ты в постели страстная и жадная любовница. Откуда это? Ты столько лет не позволяла мне даже прикоснуться к себе, а оказалось, что ты обычная шлюха, потаскушка. Захотелось новых ощущений, и ты покинула постель старого джентльмена, чтобы потешиться с молодым? О твоей связи с Чарышевым знает весь химкомбинат. Он тебя за подарки покупает? Мама говорила, что одна твоя шубка — это уже целое состояние.

— Хватит, достаточно, — резко прервала его крик Зося, — ты хотел оскорбить меня, и ты это сделал. Я не стану оправдываться, потому что перед тобой ни в чем не виновата. Но и оскорблять себя не позволю.

— А ты попробуй убедить меня в обратном. Может быть, я все пойму, и прощу тебя.

— Дело в том, что я не нуждаюсь в твоём прощении. Поедем домой.

Снова обжитый угол машины и тяжелое молчание. Саша подвез ее к подъезду и, не глядя ей в глаза, сказал:

— Я уезжаю сегодня в Москву. Через несколько часов. Поедешь со мной?

— Нет, — решительно отказала Зося, — а тебе я искренне желаю счастья и любви.

— Без тебя это нереально.

— Санечка, я недостойна тебя. И ты сегодня в этом убедился. Все! Хватит на сегодня объяснений. Удачи тебе во всех твоих делах и начинаниях.

Зося открыла дверь машины.

— Пстой, возьми вот это, — Саша достал из магнитолы кассету и бросил в Зосину сумочку, — послушай на досуге. Песня, словно, по заказу написана о нас с тобой. Разорвала ты мою душу в клочья, а сердце расцарапала до крови. Я тебя не люблю, а ненавидеть должен. Уходи, а то я ударю тебя или задущу.

Зося захлопнула дверь машины, и как-то странно округлив спину, спотыкаясь на давно привычной и знакомой дорожке, пошла к своему подъезду. И только, когда она уже открыла дверь, Саша закричал:

— Зоська, прости, я люблю тебя! Скажи, как мне жить, если тебя не будет рядом?

В это время дверь подъезда, в который вбежала Зося, с гулким стуком захлопнулась, и заглушила его отчаянный крик.

Зося осторожно ступая, чтобы не разбудить Розу Самуиловну и Михаила Исааковича, прошла в свою комнату и опустила Сашину дискету в карман магнитолы — что должны подсказать ей слова песни? Зазвучал знакомый голос: «Наворожив лиху беду мне, возникла ты средь бела дня, и понял я, что ты колдунья, тобою околдован я».

«Наворожив лиху беду мне, — повторила шепотом Зося, — любимый мой, Санечка прости меня! Не хотела я тебе беды. Я думала, что мы будем счастливы вместе. Петя изувечил меня и развел нас в разные стороны. Ты этого добивался, друг мой, Петя? Ты, на самом деле хотел, чтобы я на всю жизнь осталась одна? А почему одна? Я могу родить сына, нашего с Сашей сына».

Зося подошла к иконе Пресвятой Богородицы и встала перед ней на колени: «Пресвятая Богородица, заступница и спасительница моя! Пришло мое время обратиться к тебе с просьбой о великой твоей милости. Пошли Пресвятая Богородица мне сына от любимого человека, — Зося шептала и делилась с небесной святой женщиной своим горем и тоской, умоляла послать ей сына, и уберечь любимого человека от бед земной жизни, — Пусть любимый мой, раб Божий Александр, обретет любовь и желанных детей от любимой женщины. Пусть успокоится его душа и не болит сердце. А я обещаю тебе, Божья Матерь, что буду хорошей матерью, и выращу достойного человека». С иконы, перед которой преклоняли колени несколько поколений женщин знатного княжеского рода Чарышевых, на Зою пронизательно и молча, смотрела прекрасная богиня. Зося шептала, стоя на коленях, и время, мерило земной жизни, приостановило свой стремительный бег. Зося не замечала, что уже солидно опаздывает на работу и, что в дверь ее комнаты несколько раз осторожно стучала Роза Самуиловна. Зося просила и каялась, каялась и просила. И постепенно ее душа успокаивалась и наполнялась тихой светлой радостью, вытесняя мрачный, злой холод одиночества и тоски.

На работу она пришла с большим опозданием, только после обеда. Поздоровалась с удивленными ее опозданием сотрудниками, прошла в свой кабинет, плотно прикрыла дверь — ей все еще хотелось тишины и уединения. Она боялась расплескать этот прекрасный, струящийся свет, которым была заполнена ее душа. Но в дверь ее кабинета постучали, и вошел Анцев:

— Здравствуй, Зося! С тобой все в порядке?

— Здравствуйте, Александр Михайлович! Да, все хорошо.

— Скажи, а ты ничего не потеряла?

— Вроде, нет.

— А вот это? — в руках у Анцева были ключи от ее машины, — Ты вчера оставила свою машину возле банка с ключом в замке зажигания. Пришлось мне ее отогнать на штрафстоянку. Не пугайся, это я так неудачно пошутил — какая у нас штрафстоянка? Бери ключи, и ищи свою машину во дворе банка. Мне понравилась твоя машина — ухоженная и чистенькая. Ты хорошо за ней ухаживаешь.

— Как за ребенком, — неожиданно улыбнулась всегда серьезная и не улыбкавая Зося, и глаза ее засияли и заискрились небесной голубизной.

— Вот это фокус! Да ты изменилась совершенно! И улыбаться, оказывается, ты умеешь, Зосенька!

Зоя вдруг поняла, что Анцев еще не задал ей свой главный вопрос, из-за которого и пришел сюда. Она перестала улыбаться и приготовилась услышать выговор за свое сегодняшнее опоздание на работу. В банке нарушение дисциплины всегда замечали и не оставляли безнаказанно. Но главный вопрос Анцева оказался совершенно неожиданным:

— Саша сегодня уехал в Москву. Ты вчера из-за него забыла о своей машине? Скажи мне, Зоя, попросить для тебя место в центральном банке? Я подпишу тебе перевод.

— Нет! Спасибо, Александр Михайлович, за предложение, но уезжать отсюда я не планирую. Здесь я родилась, работать, и жить тоже буду здесь. Для меня слово Родина, это не сочетание пустых звуков, а конкретная часть планеты, где мой дом, где похоронена моя мама, где живет мой отец и тетя Розы с дядей Михой.

— Я все понимаю, Зоя. Но тогда у меня есть еще один вопрос — скажи, а мой сынок тебя не обидел?

— Нет, не обидел. Саша прекрасной, чистой души человек. Он никого не может обидеть, а уж меня, тем более. Мы с ним просто попрощались. Навсегда!

Через месяц Зоя твердо знала, что беременна. Она чувствовала себя, как никогда сильной и здоровой, и показываться врачам не спешила. Новую жизнь в своем теле она не ощущала, но вечером, перед тем, как заснуть, нежно гладила свой живот и тихонько уговаривала зачаток жизни поскорее перерасти в ее сына: «Ты, сынок расти здоровеньким и сильным. Я здесь очень тебя жду. Ты сейчас совсем крохотный, но я верю, что ты меня слышишь, поэтому прошу — постарайся повторить своего папу. Он у нас замечательный и ты должен перенять от него все самое лучшее». Беременность не угнетала Зою тошнотой и токсикозом, а, наоборот, сделала ее мягче, женственнее и добрее. Она уже не злилась, и не делала замечания сотрудникам своего отдела, когда они в рабочее время затевали чаепитие или судачили о своих домашних делах. Лишь бы с работой справлялись. А поговорить о личных делах тоже необходимо, иначе не получится команды единомышленников. Дверь своего кабинета она всегда оставляла открытой, чтобы видеть, чем занимаются сотрудники, как строят свои взаимоотношения между собой и с клиентами, какого качества их ответы на вопросы контролирующих банк органов.

И теперь, сидя в своем кабинете, она с удовольствием и большим вниманием слушала визгливый голос Инги, каждый день рассказывающей Оксане о шалостях своих малолетних детей. Инга раздраженно говорила о разбитых чашках, постоянном детском плаче, шуме, гаме и неразберихе в ее небольшой квартире. А Зоя улыбалась и наяву видела этих малышей, забавных, толстых, перепачканных и ревущих.

Однажды, когда Инга в очередной раз гневалась по поводу постоянного детского плача и шума, Зоя вышла из своего кабинета и сказала:

— Инга, твои дети плачут и возмущаются, потому что испытывают недостаток твоей любви. Попробуй уделять им больше внимания, они успокоятся и ответят тебе взаимностью.

— Зоя Николаевна, Вам ли судить о методах воспитания детей? Попробуйте нарожать своих, тогда и советы раздавайте. А мои сыты и здоровы, значит, все хорошо. Вырастут и сами поймут, что родителей уважать и любить надо.

— Когда они вырастут, Инга, уже будет поздно что-либо менять. Ты все-таки прислушайся к моему совету и попробуй им хотя бы сказки на ночь читать и изредка общаться. Вот увидишь, все изменится в лучшую сторону. Дети перестанут капризничать и шалить.

Когда Зоя ушла на очередное совещание, Оксана вышла из-за стола, выпрямилась,

потянула свое невысокое тело вверх, пытаясь спародировать Зосину статью, и сказала:

— А вы, ребята, не замечаете, что наша начальница как-то здорово изменилась? Причем, в лучшую сторону.

— Да, похорошела, — подтвердил Ванечка, — Правда, хорошеть ей уже опасно — она и так у нас королева.

— А чего ей не хорошеть? — разозлилась Инга, — она живет в золотом горшке. Чарышев весь химкомбинат к ее ногам бросил. Вы думаете, почему Анцев сам к ней на прием приходит, а не наоборот? Чарышеву демонстрирует свое уважение. Только поэтому и Зойку начальницей поставил. Не самая она тут умная, есть и поумнее.

— Ты, что ли? — удивилась Оксана, — ты сначала хоть образование получи, а уж потом рекламируй свой ум и красоту. Ты сколько заключений написала на отчеты клиентов? Вот, именно, ни одного. За тебя Зоя Николаевна пишет, потому что у тебя одни амбиции и никакого таланта.

— Да, злая ты, Инга! — подтвердил Ванечка, — а Зося тебя вопреки всему и всем на работу в отдел перевела. Детей твоих пожалела — им мама здоровая и ласковая нужна. Сейчас сама за тебя работает. А ты ведьма — ведьмой.

Один только Виталик остался равнодушен к возникшему в отделе конфликту. Зажатым в руке карандашом он бездумно рисовал нелепые фигурки в своем блокноте.

— Виталик, — подошла к нему Оксана, — а ты почему молчишь? На чьей ты стороне?

— На твоей, Саночка! — не разбираясь и не вникая в суть вопроса, ответил Виталик, — ты, как всегда права.

Все дружно засмеялись, а Виталик снова уткнулся в свой блокнот.

Середина лета принесла аномальную жару. Зелень на клумбах быстро начала желтеть, недавно высаженные цветы засохли, так и не успев зацвести.

Асфальт на городских дорожках от жары плавился и наполнял воздух едким запахом свежей битумной мастики. Именно, в такой жаркий день Михаил Исаакович засобирился в нотариальную контору, а затем — в Сбербанк. Роза Самуиловна пробовала его уговорить не выходить на улицу, но он упрямо повторял, что у него назначена встреча с нотариусом, а затем есть еще дела в сберкассе.

— Ты не волнуйся, Розочка. До обеда я все успею сделать. А ты приготовь мне морсик клюквенный и поставь в холодильник.

— Миха, пересидел бы ты эту жару дома. Тебе нельзя выходить на улицу. Забыл, что у тебя гипертония?

— Все будет хорошо, Розочка. Меня ожидает нотариус, а ты сама знаешь, что я человек слова.

— Тогда давай позвоним Чарышеву, чтобы прислал машину или Зося пусть тебя отвезет.

— И не думай, Розочка. Зачем отрывать от дел занятых людей? Куда пенсионеру спешить? Все сам успею сделать. Я пошел. Скоро буду дома. Вари морсик.

Михаил Исаакович действительно к обеду возвратился домой. Щеки его алели бордовым румянцем, на лбу блестели капли пота. Он положил на стол папку с какими-то бумагами и присел на стул.

— Розочка, где мой морсик? Налей мне стаканчик, а я форточку открою, что-то у нас душно.

Михаил Исаакович потянулся к форточному крючку и вдруг стал оседать на пол.

Роза Самуиловна кинулась к нему, поддержала его голову, чтобы не ударился, а затем

позвонила Чарышеву:

— Коленька, Миха упал и потерял сознание. Не знаю, что мне делать.

— Не ударился?

— Нет, я успела его поддержать.

— Сейчас у вас будет скорая помощь из нашей больницы. Встречайте, а я сразу поеду в больницу. Зосе позвоню из больницы, когда будет понятно, что с ним случилось.

Михаила Исааковича положили в реанимацию — у него диагностировали инсульт.

Чарышев позвонил Зосе только в конце рабочего дня:

— Зосенька, тебе нужно попросить Анцева предоставить тебе пару недель отпуска за свой счет.

— А что случилось, Николай Васильевич?

— Михаил Исаакович лежит в больнице нашего комбината. У него инсульт.

— Вы где сейчас?

— Я в больнице. Жду тебя, приезжай.

Зося написала заявление и пошла к Анцеву.

— Александр Михайлович, я понимаю, что сейчас отчет и на очереди несколько заданий по проверкам, но пусть хоть камни с неба сыпятся, а я все равно уйду в отпуск. Михаил Исаакович лежит в больнице с инсультом, и я должна быть рядом с ним.

— Зосенька, успокойся. Конечно, ты должна быть в больнице. Я не собираюсь тебя удерживать на работе. Здесь Иван справится. Скажи, может, помощь нужна?

— Спасибо, помощь не нужна. Я поехала в больницу, и пока дядя Миха не встанет на ноги, я на работе не появлюсь.

Чтобы не заснуть ночью от усталости, Зося сидела возле Михаила Исааковича на простом стульчике без спинки.

Отец и Роза Самуиловна готовы были ее заменить или хотя бы подменить на некоторое время, но Зося из палаты выходила только по неотложным нуждам — привести себя в порядок или выпить чашку чая.

— Вы должны понять и простить мое упрямство, — говорила она отцу и Розе Самуиловне, — моя мама умерла без меня, и я не смогла ей ничем помочь. Вот сейчас в коме лежит Михаил Исаакович, и я снова ничем не могу помочь.

— Зосенька, — убеждала ее Роза Самуиловна, — тебе тоже нужен отдых, иначе сама свалишься. За Михой смотрят самые лучшие врачи, это для него и есть та необходимая и нужная помощь, о которой ты говоришь.

— Врачи это хорошо, но у него еще и мы есть. Вы мне лучше скажите тетя Роза, чем лично я могу ему помочь?

— Просто держи его за руку. Ему будет легче, если он будет чувствовать твою любовь и заботу. Он очень тебя любит.

Так Зося и сидела возле своего дяди Михи, держа его руку в своей руке. Через шесть дней Михаил Исаакович умер. Перед смертью он сильно сжал Зосину руку и его губы пытались выговорить какое-то слово.

— Вот, и все, — сказала Роза Самуиловна, — он вышел из тела, и ушел от нас в другую жизнь, чтобы жить там вечно.

Зося побледнела, и потеряла сознание. Очнулась она уже на кушетке от какого-то странного ощущения в своем теле. Рядом стоял отец.

— Очнулась, доченька. Напугала ты меня, я сам чуть сознание не потерял, но уже от

страха за тебя. Как ты себя чувствуешь?

— Николай Васильевич, что со мной случилось?

— Ты просто переутомилась и потеряла сознание. Слава богу, сейчас все хорошо.

— А больше со мной ничего не случилось? Никакого кровотечения?

— Нет, ты не ударилась, никакой крови не было.

— Тиши, помолчите, я что-то слышу.

Зося положила руку на свой живот и затихла.

Николай Васильевич снова забеспокоился, хотел позвать врача, но Зося встала с кушетки, обняла отца и положила свою голову на его плечо.

— Папа, я слышала, как бьется его сердце. Мой Санечка жив и здоров. Папа, не смотри на меня, как на больную. Я беременна, и в нашем доме скоро будет малыш. Мой сынок Санечка. Давай мы дома об этом поговорим, а сейчас нужно заняться Михаилом Исааковичем.

Роза Самуиловна хотела похоронить Михаила Исааковича по обычаю своего народа. И, в первую очередь, это означало, что похороны должны состояться в день смерти.

— Роза Самуиловна, вы мне расскажите, что сейчас нужно делать? Зал для прощания, венки, цветы, одежда, гроб, поминальные столы? Чем мне заняться?

— Цветы и венки не нужны. Самый простой гроб и белые одежды должны привезти друзья Михи. А ты, пожалуйста, распорядись, чтобы выкопалимогилу на еврейском кладбище, и еще нужно помещение на один-два часа для прощания. Никаких поминальных столов не нужно.

После похорон Чарышев отвез Зосю и Розу Самуиловну в свой дом. Зося сразу ушла в спальню и легла в постель. Чарышев попросил Розу Самуиловну накрыть в гостиной стол:

— Вы, Роза Самуиловна, еду в холодильнике найдете. Я сейчас зайду к Зосе, а потом мы с Вами посидим возле камина и выпьем по рюмочке за упокой души Михаила Исааковича. Похоронили мы его по еврейским обычаям, а помянем по-русски.

Затем собрал на поднос бутерброды, сок, чай и понес в комнату дочери.

— Зосенька, тебе нужно перекусить.

— Я не хочу, папа.

— Нет, дочка, тебе кушать надо. Малыш не может оставаться голодным. Ты должна заботиться о нем, а мы будем заботиться о тебе. Ты мне настоящий сюрприз сделала — в этом доме скоро будет топать малыш. Давай, кушай и отдыхай, а завтра соберем ваши вещи и перевезем вас с Розой Самуиловной сюда. И не спорь — ребенку нужен свежий воздух. И завтра же мы с тобой поедem к врачу.

— А тетя Розы согласна на переезд?

— Сейчас поговорим. Я думаю, что она согласится.

Чарышев укрыл Зосины ноги пледом, пожелал ей спокойной ночи и вышел.

Когда Чарышев спустился в гостиную, стол был уже накрыт.

— Что ж, Роза Самуиловна, выпьем за упокой души нашего дорогого Михаила Исааковича. Светлой души был человек и пусть добрая память о нем останется на всю жизнь в наших сердцах. Роза Самуиловна, вы с Зосей остались одни в квартире, и я буду постоянно беспокоиться за вас. Может, настала пора переехать в этот дом?

— Да, настала. Мы с Михой уже собирались тебе сказать, что присмотрелись к тебе, поняли, что ты для Зоси настоящий, любящий отец, о котором можно только мечтать. А потом это же несправедливо, что мы отняли у тебя дочь. Но и расставаться с ней не хотели,

поэтому и решили переехать к тебе. Но все получилось по-другому. Ушел Миха, я осталась одна.

— Вовсе, Вы не одна. А скоро у нас появится еще один член семьи. Уж и не знаю, как мне Бога благодарить за его щедрость ко мне — жил-был одинокий, уже в годах, человек и, вдруг, дочь и сразу внук. Я горы готов свернуть от счастья.

— Погоди, какой внук? Зося, что снова беременна? У нее уже был неудачный опыт беременности. За год до окончания института ее изнасиловал ее друг. Она ему доверяла и была очень благодарна за поддержку во время техникумовской учебы. Я сама считала, что это очень порядочный молодой человек. А он ее изнасиловал, в то время, когда сам уже был женат. Не знаю хорошо ли это, но я вздохнула с облегчением, когда у нее случился выкидыш. Вот такая история.

— А где он сейчас? Найду гаденьша и убью.

— Я тоже просила Зося написать заявление в милицию, но она в категоричной форме отказалась. Поэтому давай забудем о его существовании. Он все говорил о какой-то войне, может, и воют в какой-нибудь горячей точке. Пусть живет себе, нам он не нужен. Ты скажи, Коля — а сейчас что же, ребенок желанный? Тебе первому сказала, значит, признала в тебе отца.

— Зося просто сияет от счастья. Уже и имя ему придумала — Санечка. А меня, да, признала, даже папой назвала. У меня двойное счастье — дочь признала, и скоро внук родится.

— Все понятно. Зося давно любит Александра Анцева — младшего. От него и ребенок я уверена в этом на все сто процентов. Зося не могла забеременеть от другого.

— А, что же он? Для меня это, конечно, не принципиально — хватит и материальных и физических сил воспитать своего внука. Но, он что же, негодяй? Отказался от своего ребенка?

— Нет, все не так. Зося человек гордый, навязывать ему ничего, тем более ребенка, не будет. Кроме всего, она считает себя ущербной, испорченной женщиной. Это все из-за насилия. Комплексовать начала. Я думаю, что Саша не знает о своем будущем ребенке. Он ее тоже любит, давно. Когда-нибудь они разберутся в своих отношениях. А пока, я тебя прошу, оставь все так, как есть.

— Я же сказал, что отсутствие у Зоси мужа меня совершенно не смущает. Только бы она сама не страдала. А вырастить внука я и сам постараюсь. Моя бабушка, княгиня Ольга, человек, который видел не только прошлое, но и будущее, однажды сказала, что наш угасающий род возродит ее еще не родившаяся правнучка, сильная и очень одаренная женщина. Получается, что она говорила о Зосе. Завтра перевезем Вас и Зося сюда и пора подумать о наемных людях для работы по дому и участку.

— А чем же я буду заниматься?

— Присматривать за всем. Я Вас директором дома назначаю. Людей я планирую нанять приходящих из города или соседней деревни, а их еще обучить надо, как еду готовить и прибираться. Поэтому работой вы будете просто перегружены.

Зося укладывала вещи, а Роза Самуиловна решила посмотреть папку, которую принес Михаил Исаакович из своего последнего похода по государственным учреждениям. В папке она нашла завещание и новенькую сберегательную книжку. Все свое имущество он завещал Ромашовой Зое Николаевне. Деньги он сразу переоформил на Зося.

— Коля, Зося, — позвала Роза Самуиловна, — идите сюда. Смотрите, какие документы

Миха оформил перед своей смертью.

Чарышев взял в руки бумаги и сказал:

— Сумма вполне приличная по сегодняшним меркам. Но эта бумажка, — помахал он сберкнижкой, — очень скоро может превратиться в макулатуру.

— Как это? — спросили в один голос Роза Самуиловна и Зося.

— Наш государственный бюджет и резервы уже несколько лет не пополняются. Резко упали цены на нефть, все денежные запасы государственной казны уже скушаны бюджетными нахлебниками. Вот-вот государство не сможет исполнять свои обязательства перед населением, хранящим свои сбережения в сбербанке. Вклады просто пропадут.

— Папа, а как сохранить деньги дяди Михи?

— Это, дочка, уже твои деньги. Сделаем так — ты вместе с Розой Самуиловной едешь в сбербанк, вы обе снимаете деньги со своих счетов. А далее я по своим каналам конвертирую их в твердую валюту. Вот тогда я буду уверен, что в скором будущем вы у меня на мороженое денег просить не будете — своих хватит.

— Папа, как-то неудобно сразу после смерти дяди Михи забирать деньги со счета. Одобрил бы он мой поступок или осудил? Не могу принять правильное решение.

— Зосенька, — обрела дар речи ошеломленная услышанным Роза Самуиловна, — он тебе их сам отдал, чтобы ты ими пользовалась по своему усмотрению. Поэтому отец твой совершенно прав. Ты посмотри на сумму — разве пятьдесят тысяч валяется на дороге? Мы собирали деньги всю жизнь, все откладывали по копейкам на черный день. А сейчас государство собирается отнять их у нас? Как-то несправедливо. Поедем немедленно в банк.

Через несколько дней Чарышев принес домой тугой пакет с диковинными зелеными купюрами.

— Мои дорогие дамы, получайте вашу наличность. Разделите сами.

— Делить ничего не будем, — сказала Роза Самуиловна, — мне эти деньги не нужны. Я не знаю, что с ними делать. Забирай их, Зося. Ты быстрее меня разберешься в новой рыночной экономике и потратишь их с большей пользой. А я таких зеленых денег сроду не видела, так зачем в старости голову ими забивать.

— Папа, а где их можно в этом доме спрятать?

— Есть где спрятать. Пойдем, я тебе все покажу.

Чарышев привел дочь в ее же спальню и подвел к плательному шкафу:

— Смотри, в этот шкаф вмонтирован сейф. В нынешнее время этот сейф надежнее, чем банковские закрома. Здесь еще кое-что для тебя есть — наследство твоих бабушек и прабабушек.

Чарышев достал из сейфа старинную шкатулку и открыл ее:

— Мне стоило большого труда сохранить эти драгоценности во время отсидки в тюрьме и последующих скитаний. Но друзья помогли. Сейчас все это твое, а потом ты передашь своей дочери.

— У меня нет дочери. Я жду сына.

— Значит, после сына родишь дочь. Разве ты не захочешь еще детей?

— Захочу, только рожать своих детей я смогу только от одного человека — отца моего Санечки. А наши пути разошлись навсегда.

— Твоя жизнь только начинается и у тебя все впереди. Живи, доченька, сегодня. Господь пошлет завтрашний день и даст разум, как прожить его с пользой для себя и для людей. А сейчас забудь обо всем, думай только о своем малыше. Может быть, тебе стоит

оставить работу? Время сейчас тяжелое, не каждый мужик разберется в какую сторону клониться, чтобы бурей не унесло. А ты нежное создание, твое место в оранжерейном укрытии. Будешь заниматься собой и ребенком.

— Нет, папа. Я не могу стать домохозяйкой и иждивенкой своего благополучного отца. У меня скоро родится сын и я должна сделать все, чтобы он гордился своей мамой.

Зоя отвела глаза от монитора компьютера и прислушалась к оживленной беседе в соседнем кабинете. Оксана рассказывала Инге, как, не прилагая особых усилий, сделать свою жизнь обеспеченной и счастливой.

— Для того чтобы построить для себя обеспеченную и благополучную жизнь, совсем необязательно штудировать учебники по экономике или работать в поте лица. Для этого достаточно хорошо знать иудейское учение Торы, — громко делилась Оксана своими знаниями, — И вот, когда ты постигнешь тайны этой науки, научишься учитывать солнечные и лунные ритмы в своей профессиональной деятельности и личной жизни, то можно смело приступать к созданию своего индивидуального праздничного коридора. Состоит он из небесных зеркал, он-то и выведет тебя в высший небесный мир. Это значит, что отныне не обстоятельства будут управлять тобой, а ты сама сможешь формировать свое жизненное пространство на многие месяцы вперед.

— Фантастика, — вздохнула Инга, — мне этого не постичь, никогда! Оксанка, ты лучше приходи со своим мужем ко мне в гости. Ты давно мне обещала, что познакомишь нас. А хочешь, я и Сергей сами к вам придем?

— Ты понимаешь, Инга, Сава не одобряет новые знакомства. Ему всегда кажется, что с ним знакомятся в корыстных целях, и следом за знакомством последует какая-нибудь просьба. Скажем, изменить условия проверки какого-либо предприятия или устроить кого-то на работу, что также связано с вынужденными послаблениями в проверках. Он даже меня отказался устроить на работу по своим связям.

— Ты, Оксана, учти, что Инга у нас роковая женщина, — вмешалась в их светскую беседу Зоя, — и держи своего мужа от нее подальше. А сейчас, пожалуйста, давайте вспомним, что рабочий день пока еще не закончен, у нас много невыполненных заданий.

— Зоя Николаевна, — зашла в ее кабинет Оксана, — хочу с Вами поговорить. У меня личный вопрос, можно закрыть дверь?

— Проходи, садись. Слушаю тебя, Оксана.

— Смотрю я на Вас, Зоя Николаевна, завидую Вам белой завистью. Вы скоро станете мамой, беременность Вас не портит совершенно. Вы стали еще красивее.

— Оксана, разве мы с тобой собрались обсуждать мою беременность? У тебя был личный вопрос, вот его и излагай.

— Да, личный вопрос. У нас с Савелием нет детей. И сейчас вопрос стоит о разводе. Сава очень хочет ребенка и считает, что с другой женщиной у него может появиться малыш. Правда, это не совсем так. Сава упорно не желает пройти обследование, считает, что он абсолютно здоров, все дело во мне. А я хочу сохранить семью. Я приложила немало усилий, чтобы выйти за Савелия замуж. Поэтому я предложила мужу усыновить детдомовского ребенка. Скажу правду — он не в восторге от этой идеи, но я все продумала и решила, что пройдет время, он полюбит ребенка, все у нас снова будет хорошо.

— Каким образом я могу участвовать в решении вашей проблемы?

— Иногда отпускать меня с работы. Я хочу взять в свою семью мальчика лет десяти, который бы хоть в некоторых чертах повторял меня или мужа. Поэтому мне нужно будет посетить не один детский дом.

— Станный принцип выбора ребенка. Разве маленькие дети разделены по категориям

и сортам? Они все нуждаются в родительской заботе и любви.

— Нужного мне ребенка я почувствую душой, — Оксана виновато улыбнулась, опустила глаза, — так я могу рассчитывать на понимание с Вашей стороны?

— Конечно, я всегда поддержу тебя, да и отдел, я думаю, возьмет на себя исполнение твоих служебных обязанностей в те дни, когда ты будешь уезжать в детский дом.

— Спасибо, Зоя Николаевна. Из-за своих личных проблем я боюсь потерять работу в банке, а в моей предразводной ситуации — это вообще катастрофа.

Оксана вышла, а Зося подумала, что хоть Оксана и хороший специалист, но далеко не настоящий банковский трудоголик — покидая рабочее место, она напрочь забывала о совершенных или, наоборот, несовершенных проводках, о доходах и расходах, о дебетовых и кредитовых сальдо по счетам или невыполненных поручениях. Банк для нее был учреждением, где можно заработать так ей необходимые деньги. И, разумеется, сейчас ей есть о чем беспокоиться — руководители банков к своим кадрам предъявляли самые высокие квалификационные требования. За малейшие нарушения внутреннего распорядка специалиста могли уволить с отрицательной характеристикой. Особенно от диктаторского режима страдали молодые мамы и люди с ослабленным здоровьем — нетрудоспособность в связи с уходом за ребенком или по болезни рассматривалась, как отрицательное качество сотрудника и, разумеется, такому сотруднику постепенно находили замену.

В стране наступило время тотального дефицита всего — продуктов на полках магазинов, товаров народного потребления, внимания и заботы о советских гражданах, материального достатка.

И в это тяжелейшее время Оксана решается на усыновление детдомовского ребенка? Честь ей и хвала! Только бы она смогла со всем справиться! Совершенно понятно, что помощь от мужа она ожидает в минимальных размерах. Ребенок нужен ей самой.

Зося беспрекословно, по первой просьбе, отпускала Оксану с работы на несколько часов, а иногда и дней.

С присущим ей упорством и терпением Оксана ездила по Лабении, Белоруссии и Украине, ходила по учреждениям детской опеки и приютам.

Она снова и снова покупала конфеты и игрушки, ехала в очередной детский дом, но возвращалась унылая и потухшая, снова без результата.

— Оксана, ты уже посмотрела сотни сирот, и неужели из их числа не смогла выбрать для себя сына, — спросила ее Зося после очередного безрезультатного посещения детского дома, — тебе не кажется, что ты сама создаешь себе трудности, а потом пытаешься их преодолевать?

— Зоя Николаевна, я знаю, что найду обязательно того, кто мне нужен. Потерпите немного неудобства, связанные с моим отсутствием. Даже расположение звезд в моем праздничном коридоре благоприятствует моим поискам.

— Я не верю в мифы о каких-то искусственно созданных коридорах. Возможно, он и существует, но у каждого свой, определенный от рождения. К сожалению, я с пеленок атеистка, не хожу в церковь. Так меня воспитали, сейчас изменить мое мировоззрение очень тяжело, а, если точнее, то просто невозможно. Но я искренне верю в силу молитвы. Может, тебе стоит сходить в церковь и помолиться?

Ребенок в семью Оксаны все-таки нашелся. Тетка Оксаны, которая жила в Крыму, позвонила и сказала, что в детском доме, расположенном в пятидесяти километрах от ее поселка, есть мальчик десяти лет, внешне очень похожий на Оксану. Через месяц, после

исполнения всех формальностей, Оксана привела в отдел мальчика.

— Знакомьтесь — это Павлик, мой сын, — сказала Оксана, сияя глазами, — Правда, похож на меня?

Сослуживцы застыли в изумлении: перед ними был клон Оксаны — широко распахнутые зеленые глаза, длинные черные ресницы и копна русых волос. Даже слегка великоватый, с небольшой горбинкой нос Павлика повторял «ошибку природы» своей названной мамы. Красивое, ухоженное лицо Оксаны совершенно не портил ее нос, который она сама называла ошибкой природы, а придавал ее профилю некую античность и аристократизм. Оксана искала ребенка, который бы хоть в некоторых чертах повторял ее мужа Савелия, а судьба подарила ее собственную копию — Павлика.

— Мы с ним одной крови, — говорила в отделе Оксана, — оба с Украины, поэтому похожи.

Мальчик выглядел домашним и вполне благополучным.

Оксана, при пустых полках в магазинах, где-то разыскала для сына красивую одежду, постригла его густые волосы у хорошего парикмахера. Павлик был рослым, физически развитым ребенком, и уже сейчас они с Оксаной были одного роста. Странными у Павлика были только глаза — два невероятно блестящие зеркальца постоянно суетились и перебегали с предмета на предмет. Проследить за его глазами, и выяснить, чем сейчас заинтересован ребенок, было невозможно, взгляд ускользал и нигде не концентрировался.

— Оксана, с мальчиком все в порядке? Ты проверяла его психическое состояние? — поинтересовалась Зося у счастливой мамы.

— Да, меня еще в детдоме предупредили, что у Павлика есть проблемы. Томограф показывает микроскопическое затемнение в коре головного мозга. Врачи считают, что при нормальных отношениях в семье ребенок может перерасти свое заболевание.

— А если заболевание начнет прогрессировать? Нельзя пускать все на «самотек», и лучше уже сейчас поставить его на учет к психиатрам?

— Я сразу хотела поставить его на учет в неврологический диспансер, но Савелий и слышать ничего об этом не хочет. Говорит, что не будет в доме держать «психа». Если здоровье Павлика не изменится, то он заставит меня сдать его обратно в детдом.

— Я что-то не понимаю, а где твое собственное мнение? Почему ты, зная, что поступаешь неправильно, исполняешь прихоть своего мужа? Ты Павлика назвала своим сыном, и обязана заботиться о его здоровье.

— Я боюсь Савелия. Он мне сказал, что выставит меня на улицу вместе с ребенком. И я верю, что он сможет это сделать.

— Никуда он тебя не выставит, есть еще суд, который обязательно защитит права ребенка. Савелий усыновил мальчика?

— Да, усыновил, но это ничего не меняет. Он, при его связях, сможет при необходимости и с работы меня уволить, и выселить из квартиры, и ребенка сдать в детдом или психбольницу. Вот, такие сложные у меня отношения с мужем.

— Перестань бояться, живи своей жизнью. А сын у тебя красивый. Немного внимания, заботы, медицинской помощи, и из него вырастет достойный человек. Ты знаешь, Оксана, я заметила, что у ребенка странная походка — он шаркает ногами, точно так же, как один мой знакомый. Да, ты его знаешь, это Левон. Это неповторимая и запоминающаяся походка. Может они с твоим Павликом родственники?

— Нет, конечно, — быстро ответила Оксана, — ничего общего. Левон местный, а

Павлик рожден на Украине.

Оксана отнесла документы Павлика в школу и познакомилась с классным руководителем.

— Смелая Вы женщина, — сказала пожилая учительница, — сейчас семьи и своих-то детей не хотят заводить, а Вы взяли ребенка из детского дома. Тяжело Вам придется — мальчик уже большой, у него сложились свои привычки и, наверное, не самые хорошие. Детдом все-таки, это не санаторий, а школа выживания. Приходите к нам чаще. Будем вместе заниматься Павлом.

Проблемы с Павликом начались сразу же, с первых дней их совместного проживания. Если Оксана заходила в кабинет Зоси и плотно прикрывала за собой дверь, было понятно, что с Павликом снова что-то случилось.

— Понимаете, Зоя Николаевна, — краснея и смущаясь, говорила Оксана, — Павлик вчера снова пропал. Я всю ночь его искала, а сегодня написала заявление в инспекцию по делам несовершеннолетних. Отпустите, пожалуйста, меня с работы, пойдем вместе с участковым по подвалам и чердакам Павлика искать.

— Конечно, Оксана, иди, — сразу соглашалась Зоя, — я смогу тебе чем-нибудь помочь?

— Да. Если Вам не тяжело, то позвоните в транспортную милицию. Они наши клиенты по вашей просьбе внимательнее отнесутся к розыску мальчика.

Павлика находили через один-два дня и передавали Оксане. Через несколько дней Павлик снова сбегал. Милиционеры просто поражались неистощимой тяге ребенка к бродяжничеству — чаще всего его, голодного и измученного, снимали с поезда. Было у Павлика еще одно пристрастие — он нюхал клей. Если в подъезде, после исчезновения мальчика находили пустые пластиковые пакеты или тубики с клеем, то это значило, что на сей раз найти его можно в подвале или на чердаке. Бледный, с темными кругами вокруг глаз, в грязной и, как всегда, разорванной одежде, Павлик появлялся дома и обещал Оксане, что это было в последний раз, он начинает исправно посещать школу и слушаться маму. Оксана его отмывала, стирала, чинила одежду и, надеялась, что этот побег был действительно последним, мальчик начинает привыкать к домашнему уюту, с завтрашнего дня все у них будет хорошо. Но все повторялось снова и снова.

— Не знаю, что мне с ним делать, — жаловалась Оксана Зосе, — я пробовала заинтересовать его игрушками: завалила его комнату конструкторами, наборами для детского творчества и книгами. Все безрезультатно. Он не обрадовался даже игровой приставке к компьютеру. Все свои игрушки он потихоньку от меня продает, а потом покупает клей, сигареты и вино.

— А как на все это реагирует твой муж?

— Савелий наблюдает за нами со стороны. Свое решение он мне уже объявил — мальчика вернуть в детский дом. Есть еще одно предложение от детской комнаты милиции и школы — поместить Павлика в интернат для умственно отсталых детей. Я пока не могу на это решиться. Возможно, найду подходящую платную клинику. Если не соберу деньги, то тогда остается только специнтернат. Я смогу навещать его, забирать на каникулы и праздники домой. Во всяком случае, это не детдом. Я смогу с ним часто общаться и следить за его развитием и внешним видом. Что Вы посоветуете, Зоя Николаевна?

— В этом вопросе, Оксана, из меня советчик никудышный. Слушай свое сердце и считай силы — решение за тебя никто принимать не будет. Чужие советы здесь даже

неуместны. Я могу тебе оказать материальную помощь на лечение Павлика. В долг или безвозмездно — как решишь.

— Я не могу принять от Вас деньги, Зоя Николаевна. Дело вовсе не в деньгах, этот вопрос я как-то решу. Но, если я оставлю Павлика, даже в специнтернате, то Сава немедленно подает заявление на развод. Он настаивает на детдоме и отмене усыновления.

— Оксанка, услышь меня! Перестань бояться, живи свободно и независимо. Ты самостоятельно должна строить свою жизнь. А если Савелий тебя любит, то он будет уважать твои решения.

— Меня мучает еще один вопрос — Вы скоро уйдете в декретный отпуск, и я боюсь остаться без Вашей помощи и опеки. У Вас, Зоя Николаевна, есть одно качество, которое дано только избранным людям — вы всегда готовы обогреть и накормить, как богатого и счастливого, так и нищего, бездомного человека. Вы сопереживаете мне, от этого становится легче.

— Ты вполне можешь жить без сопереживаний сослуживцев. И при этом запомни, что детали своей личной жизни можно обсуждать только с близким другом. Меня тут недавно Анцев приглашал на беседу. Он получил анонимное заявление от некоего доброжелателя с конкретными предложениями об улучшении качества работы нашего отдела. Так вот, анонимщик советует руководителю филиала банка избавиться от тунеядцев и бездельников и, в первую очередь, от тебя. Я не буду тебе пересказывать все, что там написано, но твоя биография изложена с момента рождения. Конечно, все в искаженном виде, злобно и недостойно нормального человека. Не обойден вниманием и твой приемный сын. Эта анонимка — результат открытости твоей личной жизни для любого любопытного человека. Учти, это, Оксана, научись тяготы личной жизни переносить самостоятельно. Никогда не выноси на суд посторонних людей все, что происходит с тобой за пределами службы, даже радости и успехи. Только близкий тебе душой и сердцем человек способен понять твои переживания, принять в них участие. Некоторые доброжелатели тебя выслушают, развлекут себя чужой историей и, в лучшем случае, сразу же о тебе забудут. Но есть категория людей, которые в дальнейшем твою историю используют, как тему для пересудов, сплетен или такой вот анонимки.

— Я догадываюсь, кто мог это написать. Сказать?

— Нет. Догадки и предположения, это еще не факт. Сомнениями и излишней подозрительностью можно оскорбить, или унижить невинного человека. Пусть остается все так, как есть. Анонимщик сам проявится.

— Хорошо, Вам Зоя Николаевна, быть благородной — у вас все благополучно, Вы скоро оставите эту работу, будете отдыхать в кругу своей семьи.

— По поводу работы — я буду без нее скучать. Насчет благополучия — не жалею, но и меня, порой, штормит от незаслуженных обид. Жизнь не может быть постоянно сияющей и розовой. И жить в таком благополучии, наверное, очень скучно. Хорошо, когда в жизни всего в меру: и удачи чередуются с неудачами, а радость с печалью. В моей жизни хватало всего, но, вопреки всему, я чувствую себя счастливой. Но вернемся к работе — вместо меня Анцев назначает Ивана. Думаю, что в обиду Иван тебя не даст. Кстати, и сам Анцев к анонимным заявлениям относится с определенной брезгливостью, поэтому, пока тебе ничего не угрожает.

Говоря о незаслуженных обидах, Зося сразу вспомнила свою недавнюю встречу с мамой любимого Александра.

У Зоси был назначен прием у директора предприятия, банковского клиента. Проводить ее вызвался Иван, Зося сразу согласилась — хотела представить своего заместителя клиентам. После мокрого снега на земле образовалась корочка льда и, выйдя из машины, Зося крепко держалась за руку своего спутника. Деловая встреча прошла удачно, они оживленно обсуждали ее детали. На банковском крыльчке, в компании Нины Петровны стояла Анцева.

Татьяна Алексеевна презрительно осмотрела явно обозначенный живот Зоси и громко сказала:

— Вот ведь какая молодежь пошла — ни стыда, ни совести! Живот нагуляла неизвестно от кого, а сейчас, за женатого цепляется. Хорошо, что от моей семьи отстала, а то все норовила моего сына на себе женить. Такие вертихвостки, как эта, не имеют даже представление о девичьей гордости и достоинстве.

Зося еще крепче прижала к себе руку Ивана, подойдя совсем близко к Анцевой, произнесла:

— Здравствуйте, Татьяна Алексеевна. И Вам жизненной удачи и счастливого дня.

Когда за Зосей Иваном захлопнулась входная дверь, обычно сдержанная и скупая на слова Нина Петровна сказала:

— Нехорошо, как-то, Татьяна Алексеевна, вы поступили. Ни в чем перед Вами Ромашова не виновата. Рожать ребенка или нет — ее личное дело. А что без мужа, так это иногда бывает даже хорошо. Мужики настоящие нынче вывелись — все норовят к женщине на иждивение устроиться. Так уж лучше сразу отказаться от лишнего нахлебника, и не утруждать себя бестолковым замужеством.

Идя по коридору, и все так же, держа Зосю под руку, Иван удивлялся:

— Чего выверилась? Санька и раньше говорил, что у него деспотичная мать, но, чтобы такое себе позволить! А может за Саньку переживает? Она вроде собирается переезжать в Москву, к сыну.

— С Саней все в порядке?

— Не совсем. Он пить начал, я когда-то ему вечером позвонил, а он трех слов связать не может. На следующий день мне сам позвонил и сказал, что выпил, а потом травку покурил, вот и развезло.

— Чтобы Саня запил? И траву курит? Не может такого быть, возможно, это был единичный случай?

— Не знаю, что там происходит на самом деле, но он мне сам говорил, что потерял всякий интерес к жизни. Может быть, ты сама ему позвонишь, вы ведь друзья, не так ли?

— Да, все правильно, но звонить ему я не буду — боюсь, что этот звонок будет не во благо, а во вред. Но тебя убедительно прошу — звони ему, пожалуйста, и как можно чаще. А ты ему о моей беременности ничего не говорил?

— Нет, он ничего о тебе не спрашивает, а я предпочитаю с этой темой не навязываться. Про твою беременность он, наверняка, наслышан. Неужели, его мама могла промолчать о такой невероятной новости? Если ты мне поручаешь, то я ему могу мозги вправить на место. Решай! Нужно что-то передать?

— Ни в коем случае. Пусть все идет своим чередом. Я скоро уйду в декретный отпуск, не буду больше мозолить глаза его маме.

И вот он — больничный лист. Зося держала в руках голубенькую бумажку и собиралась отнести ее в бухгалтерию. Но в этот момент зазвонил внутренний телефон, Анцев

неожиданно пригласил ее в свой кабинет. Когда Зося вошла, он поднялся ей навстречу и обнял за плечи:

— Что, Зосенька, пора готовиться к встрече с сыном?

— Да, вот больничный лист получила, и хочу сдать его в бухгалтерию. Дела я уже передала Якушеву, просила его мне звонить по любым затруднительным вопросам. Хотя я считаю, что он сам со всем справится.

— Я вовсе не собираюсь с тобой обсуждать деловые качества твоего заместителя. Я хочу с тобой поговорить о своем внуке. Не делай удивленные глаза — я не вчера на свет родился и давно понял, что у меня скоро будет внук. Скажи мне, Зосенька, ты часто уличала меня во лжи или непорядочности? Сейчас я прошу тебя ответить мне так же честно и правдиво. У меня единственный сын, и к рождению своего первого внука я не могу остаться равнодушным. Я не знаю, что думает по поводу рождения ребенка Александр и почему вы не вместе. Свои взаимоотношения вы вправе решить самостоятельно. Поэтому, я ни в коем случае не собираюсь вторгаться на территорию вашего личного пространства, но и от внука отказываться не хочу. Так я жду от тебя правду, Зосенька.

— Да, Александр Михайлович, это Ваш внук. И имя у него будет ваше, родовое — Санечка.

— Замечательно, значит, будет Александр третий. Мне поговорить со своим сыном о его недостойном поведении?

— Нет, я не хочу навязывать ему ребенка. Лучше ему не знать, что он скоро станет отцом. Возможно, он заведет семью, у него появится любимая женщина и дети. Во всяком случае, я искренне желаю ему счастья. Поэтому не хочу связывать его свободу обязательствами. Так будет лучше всем.

— Где-то ты права, Зосенька. Брак по принуждению из-за рождения ребенка не может стать счастливым. Это так! Но и ребенка ты зря от него скрываешь — он тоже имеет право знать, что скоро станет отцом. А вот дальше — это уже его выбор. Может, ты ему позвонишь и все расскажешь?

— Нет, я не могу допустить, чтобы он во имя жалости совершил благородный поступок — сделал предложение. Мой отказ, а именно так все и будет, больно ранит его самолюбие. Ребенка я не собираюсь от него прятать. Санечка подрастет, тогда познакомится со своим папой. Правда, только в том случае, если папа сам этого захочет.

— Но я уже люблю своего внука. Мне ты не будешь запрещать участвовать в его воспитании и заботиться о вас обоих?

— Александр Михайлович! Как Вы можете вообще такое спрашивать? Ваше право видаться с Санечкой и со мной в любое время.

— Значит, мы с тобой вместе будем растить малыша?

— Конечно.

— Тогда я тебе по-родственному сообщаю, Зосенька, что в правительстве страны мне предложили возглавить наш головной банк. Я предложение принял, но с условием — переезд в Москву возможен только через два-три месяца. Учли мои семейные обстоятельства и согласились ожидать. Хочу дожидаться рядом с тобой рождение своего внука.

— Вы меня удивили, Александр Михайлович — Вы же еще тогда не знали, что у Вас скоро будет внук?

— Почему не знал? Не просто знал, а был уверен. Ожидал, что ты сама мне об этом

скажешь. Но понял, что не дождусь твоего признания, поэтому решил сам предъявить права на твоего ребенка. Прости, оговорился — теперь уже на нашего ребенка. Этот ребенок, Зосенька, настоящая удача в моей жизни. На него у меня большие планы — я надеюсь, что именно он станет наследником моей жизни и дела. Еще этот малыш связывает нас родством с твоим отцом, а это замечательно. У нас с Николаем Васильевичем появляются общие интересы, и может образоваться некий семейный промышленно-финансовый союз. И, надеюсь, он станет очень продуктивным. Все в будущем, Зосенька. Отправляйся домой, детка, не беспокойся о работе — главное сейчас твое здоровье и ребенок. Остальные блага для тебя и малыша мы купим за деньги.

— За деньги? Возможно, это правильно, но деньги для своей семьи я должна зарабатывать самостоятельно. Да, я уйду домой, где очень тепло и уютно. Но там, Александр Михайлович, не будет Вас. А я привыкла своими радостями и неудачами делиться с Вами. Вот такой парадокс — вроде все хорошо, а в итоге получается совсем плохо.

— Зосенька, спасибо тебе! Я обещаю тебе, что видеться мы будем даже чаще, чем на работе. Я тоже каждый день должен видеть тебя и малыша.

На свой декретный отпуск у Зоси были большие планы — детские отделы в универсамах были пусты, и купить там можно было разве, что пеленки и распашонки из грубой ткани, с толстыми швами некачественной обработки.

Зося уже давно приобрела в фирменном магазине лентоткацкой фабрики целый пакет ленточек, тесемок и кружавчиков, сейчас собиралась своими руками и маминой швейной машинкой приготовить приданое для малыша. Роза Самуиловна в своих закромах нашла тонкий белоснежный батист отменного качества, но сразу предупредила Зосю, что помощница в швейном ателье из нее никак не получится:

— Не из того места руки у меня растут, Зосенька.

— Не беспокойся, тетя Роза. Мне помощники не нужны. Для меня кроить и шить детские вещи огромное удовольствие. Завтра же займусь пеленочками и распашоночками. Думаю, что к рождению ребенка у меня будет все готово.

Утром ее первого отпускного дня разбудил отец. Он вошел в ее комнату, увидел разложенные на полу куски кальки и ткани и спросил:

— Чем, моя доченька здесь занимается? Первый раз вижу в твоей комнате беспорядок.

— Это, папа, не беспорядок. Я сегодня начну шить приданое для малыша. Говорят, что заранее нельзя ничего покупать, но полки магазинов совершенно пустые и когда я рожу, то забирать из больницы сыночка придется в холщовых ширпотребовских пеленках из универсама.

— Выброси немедленно все свои тряпочки и бумажки. Собирайся — мы с тобой идем на прогулку.

— Нет, папа, я не могу — мне шить нужно.

— Не хотел тебе говорить, но приданое для ребенка давно готово, и самого лучшего качества. Мне детские вещи привезли наши иностранные специалисты из Франции, а Александру Михайловичу — его коллеги из Германии. У нас, Зосенька, даже пеленки будут от кутюр.

— Папа, и когда же вы успели?

— Работа у нас такая — дедушки первого внука.

— Но Александр Михайлович только вчера узнал, что у него будет внук — допросил

меня с пристрастием.

— Ошибаешься, мы с ним давно определили наши новые родственные отношения. Александр Михайлович хотел и с тобой поговорить, но мы решили тебя лишней раз не волновать. Кстати, сегодня он обедает у нас. Татьяна уже уехала в Москву, вскоре и он уедет. Уходит он от вас, на повышение. Предложили ему возглавить головной банк. Ты знаешь об этом?

— Да, он мне вчера сказал, что его переводят с повышением в наш головной банк. Не знаю, как наш коллектив переживет такие перемены в составе руководства. Он грамотный специалист и мудрый администратор. При его руководстве мы спокойно работали и знали, что он всегда сумеет отстоять интересы банка, защитить свой коллектив от недобросовестных, иногда излишне придирчивых, контролеров и проверяющих. Очень жаль, что он от нас уезжает.

— От нас он не уезжает. А в ваш филиал пришлют нового руководителя. Ты можешь вообще не работать и заниматься только ребенком.

— Папа, я просила тебя — оставь эти разговоры. Я обязательно буду работать и вести самый активный образ жизни. Не могу я дома сидеть и заниматься домашним хозяйством.

— Хорошо, там видно будет. Вставай, погода прекрасная, пойдем гулять. Жду тебя в гостиной. Оденься теплее — на улице морозец.

Когда Зоя спустилась в гостиную, отец был уже там, разговаривал с Розой Самуиловной:

— Роза Самуиловна, мне неинтересно, кого Вы взяли на работу. Устраивает Вас эта женщина, значит, все в порядке. Вы у нас главная домоправительница, вот и распоряжайтесь. У нас с Вами в домашних делах строгое разграничение — Вы руководите делами по дому, а я оплачиваю счета.

— Коленька, нужно же мне с кем-то разделить ответственность. Скажи мне, что бы ты хотел к обеду? Сегодня выходной, все дома, значит, и обед должен быть праздничным. Как насчет домашней выпечки?

— Тетя Розы, у нас сегодня обедает Анцев, — Зоя на ходу завязывала поверх шубы большой шарф, — мы с папой погуляем, а потом я помогу тебе на кухне.

— Еще тебя здесь на кухне не хватало! Скоро придет Тамара вместе со своей дочерью, и они все успеют сделать.

— А кто такая Тамара? И причем здесь ее дочь?

— Ты, детка, так была увлечена своей работой в банке, что и не заметила, как у нас в доме появилась горничная и кухарка, но это совсем не означает, что я наняла двух женщин. С нашим домашним хозяйством справляется одна женщина, ее-то и зовут Тамара. Когда много работы, как сегодня, например, то ей приходится помогать ее дочь, Людмила.

Николай Васильевич и Зоя пошли по дорожке в сторону леса.

— Папа, ты хорошо знаешь прилегающую к нашему дому территорию?

— В общем знаю. Можно посмотреть генплан застройки, там нанесены все здания и сооружения. А что тебя конкретно интересует?

— Вот это поле. Кому оно принадлежит?

— Это поле колхозное, но его давно не обрабатывают. Можно считать его ничейным.

— А лес здесь большой? И что расположено за лесом?

— В глубине леса расположилась воинская часть, а за лесом — небольшая деревня. Рассказывай, дочь, зачем тебе поле и лес? Что ты здесь строить собралась?

— Нет, папа не строить. Я здесь собралась овощи выращивать. Земля отдохнувшая есть, людей для работы можно нанять из деревни.

— А овощи мы, что же на рынке будем продавать?

— Зачем их продавать. Научусь овощи выращивать, а потом создам кооператив и открою кафе. Ты никогда не обращал внимания на качество овощей в магазинах? А я давно к магазинным овощам отношусь с некоторой долей брезгливости — все клубни грязные, наполовину гнилые, с устоявшимся запахом плесени. Люди старались, работали на поле, заботились о каждой морковке по отдельности, а до магазинных полок свою красоту довести не сумели. А ассортимент? В лучшем случае морковь, свекла, картофель и белокочанная капуста. Одной капусты селекция насчитывает сотни сортов — цветная, брюссельская, краснокочанная, кольраби и все во множестве разновидностей. Но мы этого как бы и не знаем. Самое обидное то, что мы вынуждены покупать это гнилье, еще за испорченные продукты деньги платить. Поэтому крестьяне ничего не зарабатывают за свой сезонный труд, как результат — деревня постепенно вымирает. Я считаю, что лучше произвести меньше по объему, но хорошего качества. Я бы, например, еще и зелень выращивала.

— Откуда у тебя эти познания сельского хозяйства?

— У меня мама всю жизнь работала агрономом. Но она не только учила людей правильно выращивать овощи, но и заботилась об ассортименте и сохранности выращенной овощной продукции. Когда она тяжело заболела, я взяла на себя всю домашнюю работу, вот тогда и рассмотрела качество овощей, которые мы вынужденно покупаем в магазинах и едим. А ведь от качества нашего питания напрямую зависит и здоровье.

— А как же твоя работа в банке?

— Ты забыл, папа, что я три года, а может и больше, буду в декретном отпуске. За это время можно многое успеть — подготовить землю и построить овощехранилище. Если я не успею открыть кафе, то первые овощи можно продать воинской части или подарить детскому дому. Видишь, как все просто. Когда все будет организовано, то мне можно будет самой и не заниматься кафе — найму людей и пусть работают, а проконтролировать я всегда найду время.

— Вот, что Зося! Нет моего отцовского согласия на твою трудоемкую затею. Хочешь огород, значит, ты его получишь в самых минимальных размерах. Я тебе построю пару маленьких теплиц — там высаживай свои овощи и постигай секреты агрономии. На большее я не согласен.

— Замечательно, что хоть на теплицы ты согласился. Во всяком случае, моя семья будет получать правильное питание. Но учти, папочка, если я научусь выращивать вкусные овощи и обеспечу ими нашу семью, то потом мы с тобой продолжим разговор об открытии кафе. Ты согласен?

— Да уж, как мне не согласиться? И почему ты не умеешь отдыхать! Даже в декретном отпуске тебе нужна работа. Фантазерка, ты моя родная.

— Это не фантазии. Я сумею наладить производство овощей и открыть кафе или ресторан. Пусть через год или два, но это уже неважно. Наши законы о рынке услуг пока не совершенны, но главное, что они уже есть.

Дома вкусно пахло ванилью и разогретым вареньем — тарелки с румяными пирожками уже стояли на столе. Зося взяла горячий пирожок, пошла наверх, в свою комнату — скоро должен приехать Александр Михайлович. Она хотела переодеться, и сама открыть ему дверь. Из ее комнаты слышался гул пылесоса. Зося открыла дверь и застыла в изумлении —

Милочка Пименова пылесосом усердно чистила ковер на полу ее комнаты. Мила не слышала, как открылась дверь, продолжала работать. «Повзрослела, — подумала Зося, — но почти не изменилась. Те же рыжие волосы, круглое лицо и пышная фигурка. Но почему, же она работает по найму, на чужих людей?» Зося выдернула шнур пылесоса из розетки, в наступившей тишине окликнула:

— Мила? Ты ли это, Милочка? Не узнаешь меня? Я Зося! Зося Ромашова. Ну, узнавай. Неужели я так изменилась, что ты меня не можешь вспомнить?

Людмила рукой отвела от лица, взлохмаченные рыжие волосы, вынесла пылесос в коридор и сказала:

— Я тебя узнала при нашей первой встрече. Но ты не остановилась и даже не поздоровалась. Потом от Розы Самуиловны я узнала, что ты хозяйка этого дома, банкирша и вообще знатная особа.

— Перестань, Мила! Какая я банкирша? Я простая служащая банка, обычный клерк. Да и знатности во мне никакой. Как ты живешь, Милочка? Чем занимаешься?

— Твой дом убирала, и супчики для тебя же готовлю.

— Перестань злиться, Милочка! Я перед тобой ни в чем не виновата. Или ты считаешь, что доля моей вины в том, что ты работаешь с пылесосом, все-таки есть?

— Извини, Зося. Это я так, от обиды за свою долю служанки и посудомойки.

— Вот что, Милочка! У нас сегодня на обед приглашен гость, очень близкий и дорогой всей моей семье человек. Следовательно, я не сумею с тобой долго и всерьез поговорить. Ты иди домой, а завтра мы с тобой все обсудим. Из любой ситуации всегда имеется выход — главное, его найти. Завтра рабочий день и полноценное начало моего декретного отпуска, самое время для встречи с подружкой детства. А хочешь, оставайся у нас на обед.

— Я должна еще стол накрыть, а потом мне разрешено идти домой. А завтра для меня здесь снова много работы — Роза Самуиловна подготовила целый список поручений. Мама одна не справится, а я у нее штатный помощник.

— Так, что насчет сегодняшнего обеда? Остаешься?

— Нет, спасибо, Зося. У вас сегодня гости, поговорим завтра.

Александр Михайлович был увешан свертками и пакетами, как Дед Мороз в новогодний вечер. И, как оказалось, такими же пакетами был загружен салон его машины. Улыбаясь, он говорил, что, оказывается, это очень приятное занятие и праздник для души покупать подарки для молодой женщины и маленького ребенка. Роза Самуиловна давно не видела Анцева, за обедом старательно подкладывала в его тарелку собственные шедевры кулинарного искусства.

В гостиной, где был накрыт стол, горели дрова в камине, было тепло, по-домашнему уютно. После обеда Роза Самуиловна занялась уборкой посуды со стола, а мужчины пересели к маленькому журнальному столику, где сразу появилась бутылочка коньяка и маленькие кофейные чашечки.

Зося, уставшая от длинной прогулки на свежем воздухе, перешла на диван, укрылась пушистым пледом и блаженно прикрыла глаза. В камине потрескивали дрова, лицо разгорелось горячим румянцем, руки и ноги наливались теплом и сонной тяжестью. Ребенок, который еще несколько минут назад активно ворочался в ее животе, больно толкался головкой, упирался ручками и ножками, возможно, играл или искал для себя удобное положение, сейчас успокоился и затих.

«Какой счастливый день, — думала Зося, — один из самых ярких в моей жизни. Только

бы папа и Александр Михайлович не старели, и не болела тетя Роза. О чем это они сейчас говорят?»

Зося пробивалась через толщу сонного оцепенения, стараясь вслушаться в приглушенные голоса, но они расплывались, обтекали ее со всех сторон и превращались в простую составляющую ее безмятежного покоя.

— У меня есть план переустройства твоего дома, — говорил Александр Михайлович, — я, возможно, не совсем точно выразился — не дома, а только его части. Я хотел бы пристроить к твоему дому бассейн для Зоси и ребенка. Я читал в одном популярном журнале, что новорожденные младенцы не боятся воды и плавают совершенно спокойно. Немного терпения, которого у Зоси в достатке, и малыш будет расти сильным и здоровым. Я уже заказал проект и договорился с одним строительным трестом на выполнение строительных работ. Обещают, что за месяц все построят и смонтируют оборудование.

— Здесь я тебе не помощник, у комбината финансовые проблемы, а скоро год заканчивается. Ты же знаешь — государственное финансирование прекратилось, и госзаказ на текущий год мы не получили. Нужно принимать экстренные меры, чтобы не свалиться в долговую яму. Если ты сумеешь все сделать сам, то я только приветствую твою инициативу. Дочь сегодня мне заявила, что хочет теплицу построить на участке. Появилось детское желание овощи выращивать. Пришлось пообещать маленькую тепличку.

— Мы сразу и теплицу построим. А почему маленькую? Если строить, то сразу нормальное сооружение, и не одно. А в ее желании выращивать овощи я не вижу ничего странного. Молодец Зося — наперед мыслит. Не сидеть же ей дома в кресле перед камином и носки вязать. Пусть занимается, потом жизнь рассудит, правильное это решение или пустая трата времени. Зося серьезный человек с огромным жизненным потенциалом, я буду всегда рад поддержать ее проекты. Мне недавно Нина Петровна рассказала, как Татьяна пыталась Зосю принародно оскорбить. Так, вот, Татьяна ей громко оскорбления выкрикивает, а она подошла к ней поближе и сказала: «И Вам счастливого дня, Татьяна Алексеевна». Погасила скандал в самом его начале. Вот такая умница она у нас.

— А что Татьяне нужно от Зоси?

— Да, сына ревнует ко всему женскому населению планеты и боится потерять над ним контроль. Ты знаешь, ушло время партийного вмешательства в нашу семейную жизнь, и я с огромным удовольствием развелся с Татьяной. Она уехала в Москву, живет сейчас в квартире Александра. Квартира большая, полностью обустроена. Материально я ее тоже обеспечил. Пусть живет в свое удовольствие, только забудет обо мне. Мне банковские хозяйственники готовят под жилье особнячок. К моему приезду все будет готово. Это здание давно принадлежит банку и использовалось под гостиницу для редких банковских гостей. Центр Москвы, есть небольшой внутренний дворик, до работы пешком пять минут. Что еще нужно? Александр будет жить со мной — он мне сразу об этом объявил. Можно и Зосю с ребенком ко мне перевезти.

— Зося, я думаю, никогда не согласится на переезд. Конечно, любовь здесь может стать главным определяющим условием. Я никогда не буду ей препятствовать, пусть решает самостоятельно. Это ее жизнь. А ты что же нашел себе другую женщину?

— Никакой другой женщины! К женщинам я давно отношусь с некоторой долей опаски — коварные существа. Женился я на Татьяне, когда Александру два года было.

— А почему ты сразу не женился, после того, как узнал о ребенке?

— Я изначально знал, что ребенок от другого мужчины. От меня не могло быть детей —

последствия моей болезни в раннем детстве. Ей я ничего о своей болезни не сказал. Потом решил, что в моем варианте женитьба на женщине с ребенком, это перспектива создания полноценной семьи. Стал помогать ей материально, на работу устроил. А Татьяна вошла в роль обманутой, брошенной женщины, начала угрожать, готовить всякие заявления в парткомы и профкомы, а это конец начинавшейся карьеры. Но женился я на ней не из-за угроз, а потому, что уже не смог оставить на произвол судьбы малыша. Сына люблю, но полноценной семьи у меня не получилось. Татьяна получила штамп в паспорте и мою фамилию, но женой мне не стала. Она даже Александра пыталась воспитать в духе неуважения ко мне. Как я впоследствии понял, у нее была определенная цель — через ребенка держать меня на коротком поводке. Только, когда Александр подрос, я вздохнул с некоторым облегчением. Саша самостоятельно разобрался в наших отношениях, и нередко ставил мать на место. Особенно, когда в его жизни появилась Зося. Татьяна не стеснялась прилюдно давать нелестные, а порой и нелепые характеристики Сашиной избраннице, и он предупредил ее, что если она не прекратит вмешиваться в его личную жизнь, то он будет вынужден порвать с ней все отношения. Мне давно нужно было освободиться от этой вздорной женщины. Поэтому и уважаю Зосино решение не давить на Александра своей беременностью. Ты уж не обижайся на меня, я не из рассказов знаю, что такое брак по принуждению.

— Какие обиды? Правда, я думаю, что Зося любит его. Она тут недавно сказала, что у нее не будет больше детей. Причина простая — у детей, по ее убеждению, должен быть один отец.

— Саша тоже ее любит, это, бесспорно. Я глупость совершил — выполнил просьбу Татьяны и перевел его в Москву. Был бы здесь, возможно, у них и сложилось бы все совершенно по-другому. Но ничего, время все определит, расставит по своим местам. Хочу только одного — с кем бы ни сложилась дальнейшая жизнь твоей дочери, чтобы это не стало барьером между нашими отношениями.

— А твой сын, возможно, уже присмотрел москвичку?

— Не думаю. У него Зосиными фотографиями все стены в квартире завешены. Он других женщин просто не воспринимает и пока обходит их стороной. Все у них с Зосей может сложиться. Вот только бы дождаться! Зося редкая женщина. Достойный и гордый человек, а Санька, похоже, ее не понял. Оно и быть иначе не могло — парню все легко давалось, от девчонок со школы отбоя не было. А здесь, с Зосей, в корне нужно было изменить отношение к женщине. Ему бы сейчас повиниться перед Зосей и прощения попросить, но он в загул ушел. Вчера вечером я позвонил ему, а в квартире шум, гам и визги — гулянка в самом разгаре. Саша пьяный, и Татьяна тоже навеселе, легко вписалась в молодежную компанию. Сегодня дозвониться до него я не смог. Его лечить надо, а Татьяна, видимо, сама провоцирует застолья — одержима манией женитьбы сына на москвичке, занимается сводничеством. Тяжело мне сейчас, больно за сына. Взрослый человек, его принудительно не заставишь лечь в клинику. Если он сам не захочет лечиться, то скатится на самое дно жизни.

— Александр Михайлович, ты может, переедешь к нам, поживешь до своего отъезда в Москву? Отдохнешь морально. Зося тебя побалуует домашней кухней. И за строительством присмотришь. Как у тебя сейчас на работе? Авралов не наблюдается?

— Сдаю свои дела потихоньку заместителю. А к вам переехать и сам собирался напроситься. Хороший сегодня вечер, давно так тихо и спокойно не было на душе.

— Ну, что по коньячку? А потом можно и преферансик раскинуть.

Зосю баюкали и усыпляли тихие мужские голоса. Когда они говорили о ней и Санечке, ее сердце дрогнуло и замерло в груди. «Санечка, любимый сын или любимый мужчина? Оба любимые, желанные и дорогие», — улыбнулась Зося, засыпая, но уже, наверное, во сне промелькнула смешная мысль: «Не надо лукавить — это Александр Михайлович любимый и дорогой». Она улыбнулась на эту странную фантазию, окончательно заснула и сразу же оказалась в мерцающей холодным светом, длинной, узкой комнате.

Зося видит, как она сидит на стуле с высокой спинкой, большой шалью прикрывает свой живот. Рядом с ней стоит Александр Михайлович, держит ее за руку. Она знает, что ей вот-вот предстоит сдавать какой-то ответственный, жизненно важный экзамен. Она волнуется, но Александр Михайлович сжимает ее руку в своей, приходит уверенность и спокойствие. В комнату входит строгая старушка в черном, старинного покроя платье, подходит к Зосе, пристально смотрит в ее глаза. От этого взгляда снова становится страшно и тревожно. Но старушка кладет свою худенькую руку с длинными пальчиками ей на голову, нежно гладит Зосины волосы и говорит: «все хорошо, все правильно». Зосю накрывает волна счастья и любви к этой старушке и мужчине, который не отпускает ее руку. Зося улыбается во сне и слышит, как отец говорит:

— Пойдем, дочка, тебе давно пора отдыхать. Совсем тебя разморило.

— Папа, я бабушку во сне видела. Ту, которая через маму икону мне передала.

— Это твоя прабабушка, княгиня Ольга. Может и видела, — задумчиво говорит отец, — ведь кто-то ведет тебя за руку по жизни. Пусть Господь пошлет тебе счастье, детка моя, а твоя бабушка и впредь охраняет тебя.

Утром Зося проснулась рано и уже хотела вставать, но вспомнила, что у нее отпуск и спешить ей некуда. Она погладила свой живот и поздоровалась с сыном: «Как ты, сынок, сегодня спал? Мы с тобой еще немного полежим или пора нам вставать? — под ее рукой ребенок начал шевелиться и поворачиваться, — все поняла, мой золотой, ты уже проснулся и хочешь кушать. Значит, маме пора вставать. Пойдем мы с тобой завтрак готовить твоим дедушкам и сами вместе с ними позавтракаем».

Зося тихонько прошла по коридору и спустилась на первый этаж. Когда Чарышев и Анцев зашли в кухню, стол был уже накрыт к завтраку.

— Никогда на завтрак не ел такую вкусную кашу, — похвалил Зосю Анцев, — ты, что же, Зося, и кулинарией увлекаешься?

— Мама хорошо и вкусно готовила, меня научила. Она всегда говорила, что еда должна быть не только вкусной, но полезной и красивой. У меня сохранились ее рецепты, несколько общих тетрадей. А потом я еще и свои рецепты собирала. Теперь время появилось, и я хочу все систематизировать, разобрать по разделам.

— Ты не хочешь книгу маминых рецептов издашь? — подсказал Чарышев.

— Неплохая идея, папочка. Я подумаю. Если и не смогу издать книгу, то все эти рецепты я использую при разработке меню для своей сети общественного питания.

— Вот так! У нас планируется уже не просто кафе или ресторан, а целая сеть объектов общественного питания?

— Я пока сама не знаю, что это будет, но когда-нибудь будет обязательно.

Людмила пришла вместе со своей мамой во второй половине дня. Зося встретилась с ними в гостиной.

— Так, вот ты какая — Зося Ромашова, — сказала Тамара, — как две капли воды

похожа на свою маму.

— Вы знали мою маму?

— Я была знакома с Анютой, она лежала в больнице, когда я родила Милу. Ты, видимо под счастливой звездой родилась, а моя Милочка — неудачница. Сейчас без работы и, соответственно, без денег.

— Если сидеть, сложа руки и ожидать милостей от звезды, под которой родился, то действительно станешь неудачником. Свою жизнь нужно строить самому.

— Мудрые слова, Зося, — сказала Людмила, — наверное, ты знаешь, как ее строить, эту самую жизнь? Тогда поделись опытом.

— Охотно поделюсь. Для начала примерь на свое хмурое лицо улыбку и займись своим внешним видом. Почему ты ходишь в старом спортивном костюме?

— Да потому, что одеть больше нечего. Работы и денег нет, полки в магазинах пустые.

— Не верю, что все так безнадежно. Больше позитивного настроения и все получится. Ты не пробовала сшить себе какие-то вещи своими руками? Давай этим немедленно займемся. Я у тети Розы обнаружила целый склад отрезков ткани хорошего качества. Пару костюмов мы тебе без больших проблем можем соорудить. Разве не выход? Пойдем в мою комнату и займемся делом.

Зося сделала лекала и в своей комнате открыла пошивочный цех. Люда сначала делала вид, что все это ей неинтересно, и к новой одежде она совершенно безразлична. Затем потихоньку увлеклась, не ленилась лишней раз примерять приметанные детали будущих костюмов.

Постепенно ткань превращалась в приличную одежду, а Людмила — вполне современную деловую женщину. К концу недели костюмы были готовы. Людмила стояла перед зеркалом и любовалась своим отражением:

— Посмотри, Зось, а я не такая уж страшная, как мне рисовало мое воображение? Теперь можно о кавалере подумать.

— Если я старалась изменить твой внешний вид только ради кавалеров, то будем считать, что мой труд был напрасным.

— А куда мне эти обновы надевать? Из всех доступных моему кошельку развлечений, я знаю только танцы в рабочем клубе.

— Тогда давай подумаем, как сделать наши кошельки толстыми, а нас обеспеченными.

— Тебе-то это зачем? Твой отец очень обеспеченный человек, об этом знает весь город. И твой Анцев-банкир тоже не из бедных людей. Зачем тебе вообще работа нужна?

— Здесь ты неправа, Люда. Не могу быть тунеядцем и потреблять нажитое чужим трудом. Перестану себя уважать. В моей голове уже созрела концепция моего будущего бизнеса. Ты не хочешь ко мне присоединиться?

— С моим образованием разве можно заниматься бизнесом? Здесь мозги нужны, а если ты помнишь, то у меня их небогато. Я не смогла осилить даже первый курс техникума. Так с восьмилетним образованием и осталась.

— Не наговаривай на себя напраслину, не унижай свое достоинство. Я тебя помню очень активным, энергичным человеком. Правда, энергия твоя была направлена не в ту сторону, но это можно изменить, было бы твое желание. Подойди к окну, посмотри, что там делается на поле, за забором нашего дома. Ну, что ты видишь?

— Там какие-то дядьки суетятся.

— Это не дядьки, а строители.

— Начинают строить теплицы для моего будущего кооператива. Я сначала хотела построить теплицы на территории нашего участка, но Александр Михайлович решил, что не стоит захламлять двор — здесь должна быть детская площадка для его внука. Он уже оформил долгосрочную аренду на это поле и согласовал строительство теплиц. Для меня работа по оформлению всех бумаг изначально была неподъемной. Во-первых, я пока не знаю нормативные документы, а во-вторых, в деловых кругах города я личность неизвестная. А если по каждому пустяковому вопросу обращаться за помощью к отцу, то так можно на всю жизнь остаться ребенком. Александр Михайлович помог, не спрашивая моего на то согласия. Он меня считает временно нетрудоспособной. Мой папа не верит в успех моего предприятия, а Александр Михайлович считает, что все это может перерасти в серьезный бизнес. Папа, наверное, видит во мне только ребенка, который всю жизнь будет нуждаться в его защите и опеке. Александр Михайлович — мой шеф по работе в банке, знаком с моими деловыми качествами, и мне, на данном этапе, очень важна его поддержка. Концепция моего бизнеса в программе минимум такова — мы создаем кооператив, в его составе агроторговую фирму и кафе. Производственная база у меня уже есть — земля, теплицы и квартира, которую еще предстоит вывести из жилищного фонда.

— Какая квартира? — спросила Люда.

— Обычная квартира, жилая. Сейчас мы с тобой составляем бизнес-план, собираем учредительные документы на создание кооператива. Потом закупаем семена и удобрения, засеваем участок, реконструируем квартиру под кафе, в конечном итоге много и упорно работаем. Ты согласна работать в моем кооперативе?

— Конечно, согласна. Но мне не понятно, почему ты готова поделиться со мной всем, что по праву принадлежит только тебе? Сейчас столько безработных людей, что найти подходящих, образованных людей очень просто. А я в годы нашей юности вела себя по отношению к тебе, мягко говоря, как последняя идиотка. И сейчас мне перед тобой очень стыдно.

— Ты ошибаешься, Людмила, если думаешь, что это благотворительная акция. Пока я могу предложить тебе только наемный, тяжелый и низкооплачиваемый труд. Мне на ближайшие несколько лет нужна будет помощница, которая сможет подменить меня по всем вопросам деятельности кооператива. Дело в том, что по окончании декретного отпуска, я должна буду выйти на работу в банк. Я свое образование получила по направлению, и за счет средств банка. Уволившись с работы, даже по семейным обстоятельствам, я могу поставить под удар Александра Михайловича. Он не собирается скрывать, что я его невестка. Правда, неофициальная, но все же родственница. У нас в банке, как и везде, наверное, злопыхателей хватает. Вот и начнут строчить доносы в партийные органы. Я отработаю с запасом средства, которые вложил в мое образование банк, и свободна для бизнеса. Долю в моем бизнесе ты можешь заработать своим собственным трудом. Все в будущем. Мелкие обиды, причиненные мне близкими людьми или просто знакомыми, я стараюсь сразу забывать. Мозг не замусоривается и сердце открыто для добра. Давай мы с тобой сегодня оставим все семейные дела и поедем в город, хвастаться твоими нарядами. Я думаю, что по чашке чая и пирожному мы найдем в любом кафе или ресторане.

На улице Людмила попросила у Зоси ключи от машины:

— Давай я пока поработаю твоим водителем. Не сомневайся, управлять машиной я могу не хуже, а, возможно, даже лучше тебя. Я работала таксистом, но теперь услуги такси не пользуются спросом, люди обнищали и пользуются общественным транспортом или ходят

пешком. Наш автопарк изрядно поизносился, средства для ремонта отсутствуют, вот и поставили машины на долгосрочную парковку, а водителей сократили. Так и я осталась без работы. Ты не заходи в гараж, подыши здесь воздухом, пока я двигатель разогрею. Я вообще удивлена, как ты размещалась со своим животом на водительском сиденье?

Люда действительно была первоклассным водителем. Кроме того, она умела разобраться в неисправностях машины и быстро их устранить. «Хоть здесь я пригодилась, — думала Людмила, сидя рядом с Зосей в библиотеке и наблюдая за ее сосредоточенным лицом, склоненным над очередной подборкой нормативов по деятельности кооперативов, — и как она во всем этом разбирается? Мне эту науку никогда не осилить. Помощница для Зоськи из меня получится неграмотная. А вот мне с ней интересно. Зоська ни минуты спокойно дома не сидит, то ей надо в библиотеку, то в сельхозуправление, то в горисполком. И меня не стесняется таскать за собой — мол, привыкай. А как тут привыкнешь? Я представляю, на каких бы тонах со мной разговаривали все эти товарищи в солидных кабинетах. А когда Зоська появляется, то мужики, несмотря на ее беременность, готовы любую бумажку не глядя подписать, а потом еще и проводить набиваются. Приходится мне Зоську даже защищать. Тогда удивляться начинают — это, что, Ваша охрана? А хоть бы охрана, нужно же ее кому-то защищать, потому что без Зоськи бизнес не получится. Зоська аристократка, не умеет противостоять грубости и хамству. Мне тоже стоит поучиться аристократизму, заодно и внешность изменится. А там, может, рядом с ней и ума прибавится?».

Если законодательные и нормативные акты легко поддавались изучению, то с агрономией было все сложнее. Кислые почвы, азотные, калийные удобрения и другие премудрости ухода за землей и растениями в Зосиной голове создавали целый калейдоскоп отдельных, не связанных друг с другом понятий и не давали представление о стройной системе методов производства овощей и зеленных культур. И тогда пришло простое решение — обратиться за помощью к агрономам-практикам. Зося разыскала телефон Ивана Сергеевича, попросила его подыскать для консультаций опытного специалиста. И вот они с Людмилой едут в Ивановск. Зося грустно смотрела на пробежавшие за окном машины, покрытые инеем березки и сосны, думала о том, что редко бывает в Ивановске, мама еще не знает, что скоро станет бабушкой. Она рассказала Людмиле, как проехать до городского кладбища, снова притихла, ушла воспоминаниями в свое счастливое детство, рядом с живой и здоровой мамой. Люда остановила машину возле ворот кладбища, хотела выйти из машины вслед за Зосей. Но Зося попросила ожидать ее в машине, и пошла знакомой аллеей к заметно подросшему каштану возле маминой могилки.

Каштан из тоненького прутика превратился в большое, красивое дерево с густой и раскидистой кроной, но это был именно тот каштан, который посадил Иван Сергеевич возле маминой могилки. Зося помнила могилку, простую пирамидку памятника с маминой фотографией, но возле каштана не было привычного холмика в металлической оградке.

Под кроной каштана, на белой мраморной скамеечке сидела женщина с венком на голове из полевых васильков. Зося подошла поближе, и была поражена холодной красотой мраморной, уставшей женщины, присевшей отдохнуть под кроной дерева. Это была скульптура ее мамы, высеченная рукой талантливого мастера из бело-розового мрамора. Зося погладила мамину замерзшую руку, и присела на простенький стульчик, оставшийся возле мраморного великолепия со времен металлической пирамидки.

Через некоторое время на аллее послышался скрип снега под ногами подходившего

человека. Зося оглянулась и сразу узнала Ивана Сергеевича.

— Я тебя сразу и не признал, — сказал Иван Сергеевич, — ты стала взрослой, такой же красивой, как Лина в молодости. Ты первый раз видишь памятник? Отец твой постарался. Теперь сюда люди приходят полюбоваться этой красотой. Василина любила посидеть под каштаном, подзарядиться от энергии дерева. Это я твоему отцу рассказал, а потом смотрю Василина, точно живая сидит на скамеечке. Только очень уставшая от земных забот. Так оно и было — замучила себя жизнью рядом с мразью, которой еще и прислуживала. Зосенька, я вижу, ты тоже скоро мамой станешь? Не знал я, что тебе тяжело будет ехать. Я ведь слукавил, правду тебе не сказал — я подыскал тебе агронома в Горевске, живет там очень опытный аграрий, селекцией на своих шести сотках балуется. На мою просьбу с тобой поработать сразу с радостью согласился. Говорит, что Василину всегда уважал и ее дочери с радостью поможет. А я так думаю, что ему самому очень хочется настоящим делом заняться. Вот его адрес и телефон. Ты не сердись на меня, очень уж хотелось тебя увидеть. Может, в гости ко мне зайдешь? Посидим, старые фотографии посмотрим.

— У меня еще одно дело есть к Вам, Иван Сергеевич. Хочу порядок навести в своих документах, но без Вашей помощи здесь не обойтись. Я привезла с собой свое свидетельство о рождении. Выдано оно Ивановским загсом. Сейчас я хочу его заменить в связи с изменением моей фамилии. Я хочу взять фамилию отца — Чарышыва, но это затруднения не вызовет, было бы мое заявление. Сложнее будет записать в свидетельство о рождении моих родителей. Папа — Чарышев Николай Васильевич и мама — Ромашова Василина Дмитриевна. Мама не смогла этого сделать. Говорила, что закон не позволяет. А я решила, что у человека может быть только одна мама, та, которая настоящая. И отец у меня отыскался, тоже настоящий. Поможете?

— Безусловно, помогу. Давай мы с тобой проедем по городку и соберем подписи свидетелей, которые подтвердят, что фактической твоей мамой до самой своей смерти была Василина. Потом заедем в загс и оставим там твое заявление и все документы. А дальше я сам попробую договориться с заведующей, чтобы не забюрократила этот вопрос. Я думаю, что через пару недель ты сможешь получить новый документ, подтверждающий твое рождение и настоящих родителей. Правильное решение, Зосенька. Лина любила тебя, и сейчас бы была счастливой бабушкой. Рано ее Господь позвал к себе, внуков не увидит. Пойдем, Зося. Холодно сегодня, застудишься, а тебе хворать никак нельзя.

В этот день Зося с Людой возвратились домой только поздно вечером. Чарышев и Анцев сидели в гостиной возле камина, на столике были разложены карты. Увидев вошедших Зосю и Люду, они собрали карты, оба начали возиться с чайником и бутербродами. Людмила иногда ленилась уезжать на ночь домой, звонила маме и оставалась у Зоси. Так у нее появилась на первом этаже комната, которую она потихонечку заполняла своими вещами. Ей нравился потрясающий уют и тишина этого дома. Здесь жили любящие друг друга люди. С раннего утра дом наполнялся негромкими голосами, которые никогда не срывались на крик.

В Людмилиной семье все было по-другому — мама, уставшая от постоянной непосильной работы и непроходящей материальной нужды, разговаривала всегда громким голосом, который гневался и раздавал команды. Мамины крики и приказы дочери воспринимали, как надоевшее жужжание комара, старались поскорее уйти из дома и возвратиться, когда в квартире наступала сонная тишина. Людмила завидовала Зосе и считала, что жизнь несправедливо ее, Люду, обделила вниманием и заботой, которыми в

избытке была окружена Зося.

Бездомная сирота Зося сейчас была центром вселенной для очень занятых и авторитетных в городе людей. Анцев как бы на время забыл о своей солидной должности и целыми днями был занят строительством бассейна и теплиц. Он руководил строительством, заказывал и получал строительные материалы. Но главным заказчиком была Зося. Вечерами они усаживались рядышком на диван и обсуждали детали стройки. Зося завалила свою комнату специальной литературой и сейчас со знанием дела рассказывала, каким гостям должна соответствовать отделка бассейна и технология очистки воды. Она даже разработала график температурного режима воды в зависимости от возраста ребенка.

Анцев очень серьезно относился к ее замечаниям и пожеланиям. И только Зосе было дано право вносить коррективы в ход строительства.

На равных с отцом и Анцевым Зося обсуждала патовую ситуацию, сложившуюся на химкомбинате. Огромный комбинат начал жить в долг — отсутствие госзаказа и платежеспособных партнеров-покупателей неминуемо приближало комбинат к банкротству. Катастрофически быстрыми темпами росла кредиторская задолженность перед банком и поставщиками сырья.

Нужно было немедленно изменить ассортимент производимой продукции и искать новые рынки сбыта. Зося считала, что для того, чтобы сохранить комбинат, необходимо срочно часть производства законсервировать, и работать только на выпуск востребованной продукции. Чарышев соглашался, что нужна немедленная структуризация производства, но был связан решениями и согласованиями партийных органов, которые хотели перевезти в одной лодке без особых потерь козу и капусту.

Партийные органы согласовали преобразование предприятия в народное, но не согласовывали сокращение рабочих мест. Вы, дескать, преобразовывайтесь, приватизируйтесь и решайте все свои проблемы самостоятельно. А госзаказ дело государственное, нужна продукция завода, значит, будет заказ, а если нет, то сбыт ищите сами. Получался замкнутый круг, по которому ходили руководители предприятия.

Людмила, обычно молча сидела рядом с Зосей и сначала удивлялась, а через некоторое время уже завидовала разумности своей «шефини». Она ничего не понимала в стратегии и тактике развития производства, а поэтому очень быстро начинала дремать, прислонившись к спинке дивана.

Но зато исполнитель из Люды получался хороший и очень ответственный. Все, что ей поручалось выполнить самостоятельно, неукоснительно исполнялось, даже если она сталкивалась с определенными препятствиями и ограничениями. Если Людмила не могла войти через парадный подъезд, то находила черный ход и проскальзывала туда, чтобы получить или подписать нужную бумагу. Сейчас Люда не могла оспаривать Зосино лидерство, она безропотно подчинилась ее логике и здравому смыслу.

Однажды Люда спросила у Зоси, что это за птичий язык, на котором она общается с Розой Самуиловной. Зося ответила, что это иврит, еврейский язык, и она его учила специально, чтобы общаться с Розой Самуиловной, которой порой бывает очень одиноко среди русских людей. В былые времена Люда посмеялась бы над очередным чудачеством странной Зоськи, но сейчас вдруг поняла, что за это понимание и уважение привычек и привязанностей близкого человека ее подруга заслуживает искреннего восхищения. И все-таки, зависть пыреем проросла в ее сердце и уже пускала дружные всходы...

Люда все с большей неохотой уезжала к себе домой и однажды решила, что если Зоська

не возражает, то ей лучше вообще переселиться в обжитую комнату на первом этаже Чарышевского особняка. Маму и сестру, скорее всего, не огорчит ее отсутствие, а здесь у нее намечается большой и ответственный объем работы. Зоська скоро родит малыша, и не сможет столько времени уделять хозяйственным вопросам их намечающегося производства, вот Людмила и планировала подняться на ступеньку повыше и подменить ее, а потом, возможно, и совсем вытеснить. Скоро нужно будет заказывать, и завозить компост на поле и в теплицы, покупать семена, нанимать для работы людей — Зоська пусть пока командует, а она, Милочка, будет исполнять и учиться командовать самостоятельно.

Зося, как ни странно, замечала косые взгляды Людмилы, но надеялась, что на смену ревности и зависти придет настоящее взаимное уважение, искреннее желание помочь друг другу, а, заодно, и уважительные партнерские отношения. Завязывалась дружба, в которую обычно не верят скептики. Людмила вступила в самое начало короткого пути от женской дружбы до лютой ненависти.

Но пока у компаньенок имелось общее дело и общие двадцать четыре часа в сутки за минусом короткого сна. Людмила, как ей тогда казалось, пусть временно, но все-таки, сошла с тропы войны, а Зося никогда на ней не была — с Людмилой ей нечего было делить, а в помощи она никому не отказывала.

— Девчонки, чай готов, — позвал Чарышев, — быстренько к столу, пока горячий. Мы с Александром Михайловичем с вами посидим, возможно, расскажите нам, чем целый день занимались.

— Да, папочка, расскажем. Были в Ивановске. Я видела скульптуру — сидела рядом с ней, как будто замороженная, не могла наглядеться. Настоящее произведение искусства, может занять достойное место в любом музее. А мамочка словно живая, и потрясающе красивая.

— Это сделано в память о твоей матери, она будет стоять там, под каштаном, деревом, которое так любила Василина. Мне и скульптору председатель райисполкома, Иван Сергеевич, многое рассказал про Василину. Я тоже заметил, что скульптор добился поразительного сходства скульптуры с живой Василиной.

— Да, это так. Я была ослеплена этой красотой, просто не могла глаза отвести. А потом подумала, что вот сейчас любуюсь мраморным изваянием, а когда была жива мама, как-то и в голову не приходило сказать ей, что она красива не только телом, но и духом. Сила привычки и обыденность затеняли и тушевали ее превосходные природные данные. В Ивановск мне нужно будет еще раз съездить. Хорошо бы успеть закончить эти дела до родов!

— О каких делах ты говоришь? — спросил Анцев, — Если ты имеешь в виду строительство, то через десять дней, это максимум, оно будет закончено.

— Я решила поменять свою фамилию Ромашова на Чарышева и вписать в свидетельство о рождении моих настоящих родителей — мамочку Василину и папочку Чарышева. Ты, папа, не возражаешь?

— За такой вопрос не мешало бы тебя, дочка, ремнем выпороть. Но рука не поднимается, ты уже взрослая. А если замуж выйдешь, снова фамилию будешь менять?

— Нет, я навсегда останусь Чарышевой. Но мой сынок Санечка, должен быть Анцевым. Как вы думаете, Александр Михайлович, Саша согласится усыновить ребенка?

— С радостью. Правда, он сейчас недоступен для внятного общения. Возможно, рождение ребенка сможет все в его жизни изменить в лучшую сторону. Буду надеяться! Зося, спасибо за разумное решение. Если Саша под влиянием своей мамы не захочет признать

ребенка, то я ведь тоже Анцев. Поэтому даже не сомневайся — внук будет Анцевым Александром Александровичем.

— Дочка, я не узнаю тебя! Разве фамилия ребенка для тебя принципиальный вопрос? У нас с тобой тоже хорошая фамилия и род древний, — удивился Чарышев.

— Ты, папа, знаешь, что с Сашей происходит? В этой ситуации, пусть даже против его воли, но я установлю его отцовство. Пусть почувствует ответственность и поймет, что он не один, у него есть малыш, который нуждается в нем, его защите и опеке. Он должен отвечать за жизнь и воспитание своего сына, а для этого он сам обязан возвратиться в нормальную жизнь. Вырастить сына я и сама могу, но и Сашу оставить на произвол судьбы тоже не имею права, да просто не хочу. Пока он болен, мы с Санечкой останемся с ним, а потом время все расставит по своим местам. Мила, а ты почему молчишь? Устала?

— Есть немного. Пойдем отдыхать. Я провожу тебя, Зося? Хочу по пути тебе еще пару вопросов задать.

У Людмилы, наверное, был очень важный вопрос, потому что она вместе с Зосей зашла в ее комнату, закрыла дверь и присела на диван.

— Зоська, я знаю, что ты тоже устала, но мне очень нужно поделиться с тобой своей тайной — я влюбилась.

— Молодец, давно пора тебе влюбиться. Не секрет, в кого?

— Не секрет — в Анцева, но он на меня не обращает никакого внимания.

— То-то я смотрю, что ты при нем становишься немой и глухой. Милочка, ты очень яркий и интересный человек и тебя невозможно не заметить. А если Александр Михайлович так ничего и не заметит, то твоя жизнь уже украшена любовью. Посмотри на себя — ты прямо расцвела. Смотреть на тебя одно удовольствие. И выбор твой потрясающе правильный. Александр Михайлович достоин самой искренней и преданной любви.

— Ты меня утешаешь, Зоська? Я может быть и немая, но не слепая — совершенно определенно, что Анцев увлечен тобой.

— Милочка, что за глупости ты говоришь? А Чарышев не увлечен мной? Александр Михайлович дедушка моего сыночка, которого скоро возьмет на руки. Он просто ко мне очень хорошо относится. Ты, Милочка, поторопись его очаровать, а то он скоро уедет.

— Боюсь, что ничего у меня не получится. Я при нем боюсь рот открыть. С ним можно общаться только на его языке, а мой словарный запас пригоден разве, что для общения с уличными пацанами. Это первое, а второе — его привязанность к тебе! Ты чаще заглядывай в его глаза, Зоська. Он, когда разговаривает с тобой, то его глаза просто сияют от счастья. И там не уважение, там — любовь.

— Знаешь, Мила, для меня самой наши отношения — тайна за семью печатями. Я его тоже люблю, как-то по-своему, возможно, это дочерняя любовь. Любить по-настоящему мужчину я уже не смогу, — Зося вспомнила свой странный сон, в ее голосе зазвучало сомнение, — А может и могу? Что-то я совсем запуталась. Прости, Милочка, я не верю тебе. Никакой любви ко мне у Александра Михайловича не существует, есть простая благодарность за внука и уважение. Вот и все! Так, что дерзай, и у тебя все получится. А мне нужно рожать и думать о воспитании своего ребенка.

— Хорошо, я подумаю. Как ты считаешь, может, мне лучше влюбиться в твоего отца? — засмеялась Людмила, — Я тащусь от взрослых, умных и деловых мужиков. А твой отец ничуть не уступает Анцеву, или даже лучше его. Могу стать твоей мачехой. Как ты, Зоська, к этому отнесешься?

— Милочка, ты в своем репертуаре. Это простой розыгрыш? А я чуть тебе не поверила.

Людмила спускалась вниз по лестнице и злорадствовала: «Ну, вот, я все и выяснила. С возрастом ты, Зоська, стала еще умнее, но осталась такой, же наивной дурой, как и десять лет назад. Я пока не знаю, хорошо это или плохо. Но пока — меня это устраивает. В жизни ты не замечаешь вполне очевидные истины — рядом страстно влюбленный мужчина, а ты считаешь, что это уважение и дань твоему интересному положению. По-моему, даже Чарышев и Роза Самуиловна обо всем догадываются, одна только ты в несчастном неведении. А ты вон как зарделась и разгорелась, когда я тебе про Анцева правду сказала. Хочешь ты, чтобы он тебя любил. Так оно и есть, и ты уже готова ответить ему взаимностью, это невооруженным глазом видно. Зоська, Зоська, партнерша моя названная, как же ты разрулишь этот необычный треугольник? Ты бесспорно умная и сильная женщина, но ребенка носишь от слабого и недостойного мужчины. И ты, Зоська, приняла правильное решение — зачем тебе трудности и страдания в любви, когда рядом пропадает от неразделенной любви к тебе такой человек, как Анцев? Похоже, даже Чарышев предпочитает твоему Саше своего друга Анцева. Наверное, с большой радостью отдал бы тебя за него замуж. А вот загулявший Сашеньке наверняка останется в гордом одиночестве, при своих интересах. Вот ведь ситуация! Отец с сыном не могут женщину разделить. Пусть бы лучше Александр Михайлович меня полюбил — всем бы было проще и спокойнее. И в первую очередь тебе, наивная Зоська. Потому что, с учетом этих обстоятельств, я вынуждена буду подарить свою любовь твоему папаше. А там посмотрим, чей кошелек станет толще, и какую ступень пьедестала я сумею занять».

Зося с Людмилой возвращались из Ивановска. Дома их ожидал праздничный ужин — у Зоси сегодня был день рождения. Вернее, канун дня рождения. Двадцать девятое февраля в этом году отсутствовало. Роза Самуиловна давно составила меню и вручила своему любимому Коленке целый список необходимых продуктов. Зося в три голоса уговаривали сегодня никуда не ехать, но она сказала, что обещала Ивану Сергеевичу приехать в Ивановск именно сегодня, а свои обещания привыкла выполнять. В Ивановске они немного задержались.

Иван Сергеевич тоже знал про день рождения и пригласил их пообедать в местном ресторане. Выехали они из Ивановска во второй половине дня. Новое свидетельство о рождении Чарышевой Зои Николаевны было получено и сейчас лежало на переднем сиденье машины, рядом с Людмилой.

До дому оставалось еще километров десять, когда Зося вдруг согнулась от острой боли. Боль вскоре ушла и Зося толком не разобралась, что у нее болит — живот или спина. Через несколько минут боль снова повторилась.

— Милочка, у меня схватки, рожать пора, — догадалась Зося, — поедем мы с тобой сразу в роддом. Папе не звони, чтобы не беспокоился.

— Поедем, — немедленно согласилась Людмила, — только домой я позвоню. У меня от дедов другие инструкции. Они мне никогда не простят, если я им не сообщу, что мы уже направляемся в больницу. А мне такие враги не нужны.

Людмила остановила машину возле ближайшего телефона-автомата и вышла из нее. Недолго разговаривала по телефону и снова уселась за руль.

— Папе звонила? — У Зоси от боли постукивали зубы, — что он сказал?

— Молчи. Силы береги. Сказал, чтобы мы с тобой немедленно ехали в комбинатовскую больницу. Он туда позвонит и сам с Анцевым туда же выезжает.

Возле больницы Зося уже ожидали. Из машины ей помог выбраться отец. Зося снова согнулась от боли. К ним подбежал какой-то мужчина в белом халате — как оказалось, главврач больницы и сказал, что самой идти ей нельзя — сейчас подойдут санитары с носилками, отнесут роженицу в родильное отделение. Но Анцев не стал ожидать санитаров, взял Зося на руки и понес в здание. Зося обняла руками его шею и зашептала: «Александр Михайлович, я боюсь». Он нес ее в родильное отделение, а в голове билась сумасшедшая мысль: «Это моя женщина! Она скоро родит моего сына!» В родильном отделении Александр Михайлович сам снял с Зоси верхнюю одежду, взял ее за руки и сказал:

— Зосенька, драгоценный мой ребенок, успокойся. Ты сильная и смелая девочка. Соберись, зажми свою волю в кулачок. Все будет хорошо. Только ты должна быть спокойна. Обещаешь?

— А, Вы? — спросила Зося.

— А я буду рядом с тобой. Буду ждать, когда появится Санечка. Не будешь бояться? — он сжимал и целовал ее руки, — все, Зосенька, будь сильной умницей. Видишь, меня уже просят выйти.

Анцев забрал ее вещи и вышел в фойе. Чарышев мерил шагами больничные коридоры вдоль и поперек. За ним, как привязанный, ходил главврач:

— Николай Васильевич, пойдете ко мне в кабинет, нам позвонят, когда она родит. Да

не волнуйтесь Вы так, не первая она у нас рожает. Я уже вызвал на сегодняшний случай самых опытных врачей и акушеров. Они уже приехали в больницу. Уверяю Вас, что все будет хорошо, — врач повернулся к Анцеву, — Александр Михайлович, а Вы молодец. Умеете не только банковские бумаги подписывать, но и женщин на руках носить. Всех моих санитаров переплюнули. Мне показалось, что вес нашей роженицы Вы даже не почувствовали. Вы здесь по делам или случайно? Может, мне пригласить главного бухгалтера?

— Никого не приглашайте. У нас с Николаем Васильевичем один вопрос на двоих. Он, наш вопрос, уже в родильном отделении.

Чарышев подошел к Людмиле и сказал ей, чтобы ехала домой, успокоила Розу Самуиловну и отдохнула, а они с Анцевым останутся здесь. Люда согласно кивнула головой, но после того, как мужчины ушли, уселась на кушетку перед закрытыми дверьми с табличкой «Родильное отделение», и приготовилась ожидать. Вскоре к ней присоединился Левон, которого Людмила немедленно выпроводила из больницы с поручением к Розе Самуиловне — все пирожки пусть запакует и передаст сюда, в больницу. Вероятно, сегодня Чарышев в компании медиков захочет отметить двойной день рождения — Зоси и ребенка.

— Люда, — вдруг разговорился Левон, — правда, что Зоя Николаевна должна родить мальчика?

— Не знаю. Мальчика она сама себе напланировала. Врачи могли ей на диагностике точно сказать пол ребенка, которого она носит, но она отказалась — родится ребенок и все, а Санечкой и девочку можно назвать. Я очень хочу девочку, буду наряжать ее как куколку.

— Ты тоже ждешь ребенка?

— Причем здесь я? Я Зоськиного ребенка жду. А ты еще не уехал? Смотри, опоздаешь — я слышала, как какая-то серьезная тетенька сказала не менее серьезному дяденьке, что родит в полночь, значит, в двенадцать часов. Это они точно о Зоське говорили — Чарышев на уши всю больницу поставил. Оно и понятно — он всю жизнь только за себя отвечал, а тут родная дочь рождает. Они с Анцевым прямо оба посерели — как бы чего с Зоськой не случилось. Вот родит, тогда он и про коньяк с пирожками сразу вспомнит. Захочет врачей угостить, а тебя Левонушка все нет и нет. Давай, топай вниз и уезжай — там еще Роза Самуиловна долго собирать все будет. Ты только ее сюда не вези, не волнуй старушку. Скажи ей, что завтра я ее повезу в больницу, пусть бульончики готовит.

— Что-то раскомандовалась ты, Людмила!

— Просто я одна сейчас в здравом рассудке.

Люда сбегала вниз, забрала из машины Зосино свидетельство о рождении Зои Чарышевой, и снова прочно уселась на кушетку. Она волновалась, теребила рыжие волосы, и терла платочком свой вспотевший нос. Людмила посматривала на часы и ожидала полночь — она свято верила, что доктор сказал правду, Зося родит именно в двенадцать часов.

Когда до двенадцати часов оставались считанные минуты, Люда вскочила на ноги и принялась от нетерпения метаться по коридору, не забывая при этом поглядывать на дверь «Родильного отделения». И дверь действительно открылась, оттуда выбежала врач и побежала по коридору в сторону кабинета главврача.

«А ты чего пританцовываешь, — пробовала урезонить себя Людмила, — это чужой праздник, а ты здесь незванный гость». Но остановить себя не получилось. Люда хотела стать незаменимой в семье Чарышева, поэтому ускорила шаг и вслед за женщиной в белом халате вошла в небольшой кабинет, где на диване сидели Чарышев и Анцев.

— Пришла порадовать, — сказала врач, — ваша мамочка только что родила, с боем

часов. Мальчик, здоровый, толстенький, горластенький. Весом четыре килограмма пятьдесят граммов, ростом пятьдесят три сантиметра. Богатырь при такой миниатюрной мамочке!

— А нам можно к ней пройти? — вскочили с дивана оба дедушки, — на одну минуточку.

— При всем моем уважении к вам, нельзя, даже на секундочку, — строго отрезала женщина и вышла из кабинета.

— Как хорошо, что ты здесь, Люда, — только сейчас заметил девушку Чарышев, — мне твоя помощь нужна. Поручи Левону, чтобы привез...

— Я поняла, — перебила Чарышева Людмила, — все давно привезли. В машине коньяк, шампанское, пирожки и различные деликатесы от Розы Самуиловны. Что нести и куда?

— Пусть Левон несет все, — не раздумывал Чарышев, — не каждый день внуки рождаются. Сегодня тем более двойной день рождения моих детей. Стол накрывайте в кабинете главврача. Пригласим все родильное отделение — у многих из них сегодня был выходной день. До утра еще далеко, можно расслабиться.

Когда в кабинете стало тесновато от людей в белых халатах, Чарышев и Анцев хотели уйти, но врачи запротестовали:

— По плоточку за здоровье ребенка и мамочки выпить нужно обязательно. А еще любопытно узнать, что за таинственная леди у нас сегодня рожала?

— Да, действительно, таинственная, — подтвердил Анцев, — это моя вина — забыл взять документы и медицинскую карту. Мне Николай Васильевич поручил эти документы, а я их в суматохе забыл на столике в прихожей. Можно послать водителя, привезет!

— У меня есть документы, — Людмила протянула врачу Зосино свидетельство о рождении.

— Так, — раскрыл бумажку врач, — посмотрим, из-за кого у нас сегодня такой переполох: Чарышева Зоя Николаевна. Николай Васильевич, так это Ваша дочь? Но Вы никогда не говорили, что у Вас есть такая взрослая дочь.

— Как видите, уже и внук имеется. Вы мне лучше расскажите, как девочка перенесла роды? Сейчас с ней все в порядке? Когда ее и ребенка можно будет увидеть?

— Сейчас расскажем, — худенькая пожилая женщина в белом халате строго смотрела на Чарышева, — я врач, я принимала роды. Все остальные бегали вокруг и суетились, что не помешало им дружно прийти сюда. Это называется служебной поддержкой. А если серьезно, то девочка Ваша просто молодец. Зося не кричала, не капризничала, не звала на подмогу маму, четко исполняла все мои команды. Был такой момент, когда она нас всех просто пристыдила. Знаете, как-то повелось, что акушерки в момент потуг кричат «тужься, тужься» или «давай, давай». Так вот, Зося нас серьезно попросила не кричать, меньше суетиться — мол, ребенок испугается, роды могут затянуться. Вот так! Я сначала оторопела, а потом подумала, что, возможно, она права, ребенок должен появиться без суеты, и в тишине? Можно ли ее навестить — это уже вопрос к нашему психотерапевту, а о состоянии ребенка лучше узнать у педиатра. Но я еще хочу воспользоваться ситуацией и попросить у наших финансовых боссов немножко денежек, чтобы обновить самое необходимое оборудование. Ситуация, честно говоря, располагает немного поклянчить. Мы Николая Васильевича, да еще и в компании с Александром Михайловичем, раньше видели только на торжественных собраниях в заводском дворце культуры. Да и не для себя я прошу. Пора нам всем задуматься о падающих демографических показателях нашего города.

— Мы с Николаем Васильевичем уже подумали о демографической ситуации в нашем регионе, поэтому только что вы приняли в свои руки нашего внука. Ваш вопрос об оказании финансовой помощи уже обсужден на Совете трудового коллектива банка. Банк каждый год выделяет денежные средства для нужд облздравотдела. Но в этом году наш коллектив принял решение о прямом финансировании больницы, — сказал Анцев, — Буквально вчера принято решение об оказании благотворительной помощи, именно, больнице химкомбината. Сегодня, в первой половине дня, деньги ушли со счетов банка, завтра вы сможете ими распорядиться. Там приличная сумма, хватит на оборудование и нужды врачей. Николай Васильевич мне часто рассказывает о финансовых трудностях комбината. Вот, мы и приняли решение об оказании помощи больнице — за лечением к вам обращаются все жители города, а содержит больницу только химический комбинат. Несправедливо. А теперь я все-таки хотел бы продолжить наш прерванный разговор.

— Увидеть Зою Николаевну? Она сейчас, разумеется, не спит. Знаете ли, эйфория, стресс. От укола седативного средства она категорично отказалась, даже валериану не приняла — завтра собирается кормить ребенка грудью и боится, что лекарства ему навредят. И правильно поступает. Но и успокоиться ей просто необходимо. Я думаю, что лучше всего ей сейчас не лежать в палате в одиночестве со своими мыслями и переживаниями, а с кем-то пообщаться, но не с Вами, а лучше с женщиной.

— У нее нет матери, — сказал Чарышев.

— Я и не говорил, что ей нужна мать. Лучший вариант — это близкая подруга. Пусть беседуют до утра, пока обе устанут. Среди вас есть такая?

— Да, это я, — Людмила вопросительно посмотрела на Чарышева.

— Хорошо, Милочка, — ласково одобрил Чарышев, — тем более что ты осталась здесь и не ушла отдыхать.

— Вот и прекрасно. Вы, Людмила, сейчас пройдете в душ и получите стерильную униформу. Маска обязательна. Согласны? Ну, тогда вперед. Ребенка я тоже осмотрел, но это внешний осмотр, без всяких заключений. Педиатры пока никаких отклонений от нормы у малыша не диагностируют.

— Да, ребенок на первый взгляд здоров. Завтра окончим осмотр и переведем его в палату к мамочке. Там уже поставили детскую кроватку. Это ее просьба. Сейчас ребенок в детском отделении, и я вам его покажу. Правда, только через стеклянную дверь. Пойдемте.

Взрослые, солидные, деловые мужчины, сутками занятые решением проблем государственной важности, стояли перед стеклянной дверью детского отделения, и наглядеться не могли на крохотное, отекшее, красненькое личико своего первого внука, наследника и продолжателя их жизни. Мальчик, словно, понял важность момента, приподнял тяжелые веки, и что-то похожее на улыбку тронуло его губы.

— Смотри, улыбается, — в один голос прошептали они, и у обоих глаза подернулись предательской влагой счастья.

Врач понесла ребенка в палату, а Чарышев и Анцев поехали домой, чтобы вместе с Розой Самуиловной посидеть возле камина за рюмкой коньяка и произнести тост за день рождения самых любимых членов семьи. Роза Самуиловна их ждала — сидела за накрытым столом в гостиной, прислушивалась к каждому шороху за окном. Их праздничный ночной ужин в этот день плавно перетек в завтрак, а потом и в обед. На свои рабочие места каждый из них появился только к концу рабочего дня. Чарышева уже ожидали цветы и поздравления сослуживцев — вести из больницы с раннего утра незамедлительно просочились в

администрацию завода. А Анцев сам объявил секретарю, что у него вчера ночью родился внук — Александр третий Анцев.

Новость о том, что у Анцева родился внук, в Зосин отдел принесла секретарь начальника, Верочка. Она зашла в кабинет и спросила:

— Вы начальника собираетесь поздравлять?

— Да, собираемся, — в один голос согласились Оксана и Инга, — а с чем?

— Не с чем, а с кем, — поправила их Верочка, — вчера ночью Зоя Николаевна мальчика родила.

— Тогда надо Ромашову поздравлять. Мы ее собираемся в роддоме навестить, а через пару месяцев пойдем к ней в отведки. Обычай такой существует. А причем здесь наш начальник?

— Ничего-то вы не знаете. Ромашова наша, оказывается, Чарышеву дочерью приходится, она уже и фамилию поменяла на Чарышева. А ее новорожденный ребенок — внук нашего Александра Михайловича. И назвали его Александр третий Анцев. Эх, невежды! Так вас ожидать в приемной?

Иван поспешил в кабинет Зоси и взялся за телефонную трубку.

— Санька, привет! До тебя не дозвониться — поздравления принимаешь?

— Какие поздравления? Ты, о чем?

— У тебя, что от счастья крыша поехала, и ты ничего не помнишь? Если забыл, то я напомню — Зоська вчера тебе сына родила.

— Ничего не понимаю. Голова моя действительно перегружена головной болью — вчера хорошо посидели с друзьями, но объясни мне, какое я отношение имею к ребенку Ромашовой?

— Ну, ты Санька, кретин! Ты, что не знал, что Зоська от тебя ждет ребенка? Кстати, она уже не Ромашова, а Чарышева.

— Вот, вы Чарышева и поздравляйте, — разозлился Саша, — а от меня отстань, Ванька И без тебя тошно.

— Чарышева сегодня поздравляют всем комбинатом. Нам их кассир утром сказала, что комбинатовская администрация в полнейшем шоке — это надо же, жил одинокий человек и вдруг, бац, сразу и дочь, и внук. Мы только не поняли, что это про нашу Зоську. Она никогда и никому не говорила, что Чарышеву дочерью приходится. Как они нашли друг друга? Уму непостижимо — такое могло случиться только с нашей Зоськой! Вот такие новости! А твой отец сегодня на работе после обеда появился и сразу объявил, что загулял по поводу рождения внука. Ты хоть знаешь, как Зоська сына назвала? Да откуда тебе знать! Александр третий Анцев. Ну, ты все понял, отец счастливый?

— Не верю. Но отец, он правильный человек, не будет заниматься ерундой. И если он все знал, то почему мне ничего не сказал? Хотя здесь тоже все понятно — Зоська запретила, коза упрямая. В Москве я все ждал от Зоськи звонок, мечтал, что позвонит и скажет: «Саша, я жду ребенка и прошу тебя на мне жениться». Но я не знал, что она действительно от меня ждет ребенка. Мать говорила, что Ромашова нагуляла живот, а от кого — никто не знает. Я тогда подумал, что от Чарышева.

— Сань, а ты сам часто ей звонил? Наверняка, каждый день интересовался, как она тут, чем занимается, с кем общается, какие у нее новости в жизни? Молчишь? Значит, не звонил.

— Не звонил, но что это меняет? Могла сама мне сообщить о ребенке — я бы на ней женился, в Москву забрал. Но она такая непокорная и упрямая! Я всегда удивлялся, как ты

работаешь под ее руководством?

— Я сначала действительно ощущал некоторый дискомфорт и откровенно обрадовался, когда узнал, что она в декретный отпуск собирается — впереди свобода от ее рабочего деспотизма на долгое время. А сейчас хочу, чтобы она поскорее вышла на работу — мне не хватает ее мудрых решений и советов. С ней можно обсуждать любую тему, она найдет выход из самых тупиковых ситуаций. Ладно, Сань, как бы ты к ней не относился, я от всей души поздравляю тебя. Первый ребенок и у тебя, и у Зоси — я желаю счастья вам, троим. Кстати, ты его будешь усыновлять? Александр Михайлович уже малыша называет Анцевым. Верочка спросила, на кого он похож, так он ответил, что твоя копия. Да, Сань, понимаю твою ситуацию — ребенок ко многому обязывает, от королевы — тем более. Придется тебе уйти в завязку и расстаться со своими компаниями.

— Ты меня просто уничтожил своим сообщением, Ванька. Теперь я понял, что действительно кретин, похоже, неизлечимый. У меня сын родился, а я ничего не знаю! Но с завязкой обождем — я ей и раньше не очень-то нужен был, сейчас тем более. Она от меня получила все, что сама хотела, теперь близко к себе и малышу не подпустит. Моя свобода может по-прежнему остаться при мне, а жить легче с головной болью, а не с душевной.

— Не спеши с выводами. Вам просто объясниться нужно. Поговорите, и все встанет на свои места. А, может, у тебя уже москвичка завелась, тогда не нужно причинять Зосе боль, лучше оставить все так, как есть.

— Какая москвичка? Я превратился в одиночку-шатуна, которого не интересуют даже подиумные модели. Сам себе поражаюсь — одна Зоська на уме и в сердце. Я позвоню ей, когда выпишется из больницы, но боюсь, что это ничего не изменит. Да, насчет усыновления — конечно, с радостью, если она позволит. Ты ведь говоришь, что папа его уже называет Анцевым? Значит, он с ней все обсудил. Тогда, Ванька, до встречи — приеду навестить Зоську и ребенка, тогда увидимся.

Людмила остаток ночи и весь следующий день провела в палате у Зоси. Зося лежала на кровати, а Людмила сидела рядом на стуле. Им обоим хорошо была видна маленькая детская кроватка в углу палаты, на которую они с нежностью посматривали, как будто там уже лежал ребенок. За это время Людмилу несколько раз звали к телефону — звонил Чарышев, потом Анцев и Роза Самуиловна, и, конечно же, у всех был один и тот же вопрос — как Зося, как ребенок, что привезти. Милочка была необходима, она была востребована и очень этим гордилась.

Дежурная медсестра сказала, что она сейчас пригласит электрика, чтобы удлиннили шнур телефона, и аппарат можно будет перенести в палату.

Но Зося не согласилась — телефон будет громко звонить, а в палате будет ребенок. Вскоре принесли пакеты со стерильными пеленками и масками. Зосе начали рассказывать, как взять ребенка на руки, как пользоваться маской, готовить для кормления грудь. Зося покупала литературу об уходе за новорожденными детьми и теоретически была готова к встрече с сыном. Людмила же слышала все это впервые, и превратила маленький урок в семинарские занятия. Когда медсестра вышла, Зося спросила:

— Милочка, а ты, что тоже ждешь ребенка?

— Мне вчера Левон задавал этот же вопрос. Никого я не жду. Я вообще детей рожать не буду. У меня нет того, что называется базой для рождения детей.

— Это что такая за база?

— Материальная обеспеченность и моральная готовность к ответственности за жизнь

другого человека. Я до сих пор не поняла, зачем моя мать родила двоих детей — ей и одного-то было не вытянуть. Отец в аварию попал и погиб. Мы и при нем были не шибко богатыми, а без него вообще стали оборванцами. Для себя я не хочу такого многодетного счастья. Представляешь, я свою мать не люблю — она не так одета, всегда не выспавшаяся, злая, от нее плохо пахнет, она мелкая и ничтожная. Она мне отвечает взаимностью. А мой ребенок, за что должен меня любить? За то, что просто выдала ему бесплатную путевку в жизнь и предложила самостоятельное выживание? Детей я все-таки, наверное, люблю. Вот, с нетерпением жду, когда Санечку принесут, его можно будет на руках подержать. Но и плодить несчастных, обездоленных оборванцев не буду. Одной проще перенести все невзгоды. Сейчас-то я уже не одна — ты у меня есть и, вот, Санечка появился. Но это еще не повод для того, чтобы своих детей заводить.

Ребенка принесли перед обедом и положили на кровать, рядом с Зосей.

— Зоська, смотри, у него глазки открыты, — умилилась Люда, — темненькие, и реснички есть. Ты корми его, не стесняйся меня. Я могу отвернуться.

— Я тебя совсем не стесняюсь. Просто кормление ребенка грудью — это очень интимное занятие, как для мамы, так и для малыша.

— Тогда я выйду, погуляю по коридору.

Когда Людмила вернулась в палату, ребенок уже лежал в кроватке, тихонько посапывал, а Зося стояла возле, и улыбалась.

— На Саню похож.

— Зося, это хорошо или плохо?

— Для меня теперь это не имеет большого значения. Я не буду ощущать дискомфорт от того, что он напоминает мне своего отца. Совсем, наоборот — с первого дня, когда я узнала о своей беременности, ребенок заполнил пустоту, которая образовалась вокруг меня после того, как уехал Саша. Но своего Санечку я буду любить не за похожесть на Александра, а просто так любить больше всего на свете. А ты, Милочка, не грусти, будут и тебя дети — создашь свою базу и захочешь родить.

— Возможно. Я почти поверила в реальность нашего кооператива. Если надо, то я буду работать двадцать пять часов в сутки. А как мы наш кооператив назовем? Ты придумала название?

— Кафе можно назвать «Арабатская стрелка», кооперативу я пока название не придумала. У тебя есть какие-то мысли?

— Нет, просто спросила. Скажи мне, Зося, а, правда, что ты аристократка? На комбинате давно говорят, что Чарышев из княжеского рода. Может, люди просто за внешний вид называют его аристократом?

— Нет, Милочка, если говорить обо мне то, какая из меня аристократка? Я скорее барышня-крестьянка. А вот мой папа чистых княжеских кровей. Род князей Чарышевых очень древний, где-то под Москвой есть их имение. Называется «Чарь». Там до революции жила моя прабабушка, княгиня Ольга. Она была необыкновенной женщиной, образованной, нравственно чистой. Кроме того, она обладала определенной проницательностью, что позволяло ей угадывать чужие мысли и предсказывать человеку его судьбу. После революции она вместе со своей двоюродной сестрой переселилась жить в охотничий домик, расположенный в лесной глухомани, там принимала больных людей, лечила их недуги, а может быть, в первую очередь, души. У папы в то время был очень сложный период жизни, он с бабушкой не общался. Мы даже не знаем где ее могила. Но когда-нибудь, в память о

бабушке, я разыщу имение, ранее ей принадлежавшее, восстановлю. Видишь, и мне нужна материальная база не меньше, чем тебе.

— Не прибедняйся, Зоська. На крестьянку ты не тянешь. Ты только внешне не похожа на Чарышева, а манеры у вас общие. Как ты говоришь, называлось имение? «Чары»? Очень красиво. Давай и кооператив назовем тоже «Чары».

— Хорошо, Милочка, давай назовем, — Зося зевнула, ее глаза стали сонными, а веки тяжелыми.

— Ты засыпаешь? Ну и, слава Богу, спи. Мне тоже пора ехать. Александр Михайлович занялся перепланировкой твоей комнаты. Совмещает ее с детской, я хочу ему помочь. Спи, Зоська. Завтра приеду.

Зося считала, что прежде никогда не была в больнице. Со своими простудными заболеваниями она справлялась народными средствами — мед, липовый чай, шерстяные носки плюс бульон от Розы Самуиловны.

Но сейчас, в этой чистенькой палате, она неожиданно вспомнила своеобразный запах стерильной чистоты, который, скорее всего, не забывала всю свою жизнь. Ну, да, конечно, она прежде жила здесь, получила свое имя и отчество в подарок от худенькой женщины в белом халате, уберегшей ее от мрака детского дома. Память из своих глубин и тайников вернула ей воспоминания крохотной девочки, жившей здесь, среди взрослых людей с больничным запахом. Найти, немедленно разыскать врача с редким именем Зося! В больнице должны ее помнить, прошло всего-то ничего, чуть больше двадцати лет.

В больнице действительно помнили врача-педиатра — Зою Николаевну. Ее никто и не забывал, она никуда не уходила из больницы, сейчас работает с новорожденными детьми. И Санечку она тоже каждый день осматривает и берет в свои руки.

Зося разыскала ее в ординаторской, она закончила свою смену, собиралась уходить. Оказывается, Зоя Николаевна ее сразу узнала. Да и как не узнать — имя редкое, одно на двоих в этом городе, глаза и волосы запоминающиеся, узнаваемые. Очень похожа на свою мать-кукушку, которую когда-то всей больницей уговаривали не бросать на произвол судьбы новорожденную девочку. Смущала только новая фамилия — стоит ли дочери крупного промышленника напоминать о ее сиротском детстве в стенах этой больницы? Такое больное прошлое лучше сразу выметать метлой из памяти и никогда, даже в мыслях, туда не возвращаться. Зося плакала, держала в своих руках ее уставшие от бесконечных дезинфекций руки стерильной чистоты, винилась перед ней за то, что только сейчас вспомнила свою жизнь в этой больнице и своего доктора-спасителя по имени Зоя Николаевна.

Зоя Николаевна тоже расплакалась, но старалась успокоить Зося веским аргументом, что ей нельзя волноваться, она кормящая мамаша. Но они обе понимали, что эти слезы никому не навредят, а, наоборот, заживят в душе старую язвочку, не заживающую с раннего детства.

Потом, уже в своей палате, Зося думала, какой же подарок сделать этой женщине, чтобы не оскорбить ее самолюбие и гордость. Дарить ей цветы и конфеты, которыми каждый день заваливали гости ее палату, она не хотела — цветы и конфеты немедленно переправлялись в ординаторскую. Да, и Зоя Николаевна в таком передаривании может усмотреть подачку с барского плеча.

Часики в золотом корпусе, упакованные в бархатную коробочку, по поручению Зоси купила и привезла Людмила, при этом пробурчала, что можно было и конфетами обойтись.

Подарок был готов, но Зося все никак не решалась его вручить Зое Николаевне — а

вдруг не поймет и оскорбится. Во времена своих хождений по кабинетам, где решалась судьба регистрируемого ею кооператива, Зося ясно осознала, что никогда не сможет давать взятки и дарить корыстные подарки. Она понимала, что цветы для секретаря или коньяк для руководителя могли гораздо быстрее продвинуть к исполнению любой вопрос, нежели ее терпение и знание законодательства, но упорно не желала вступать в сделку со своей совестью.

К подаркам чужим людям она тоже относилась с большой долей сомнения в их необходимости и пользе. Сама Зося подарки не принимала, пакеты от клиентов немедленно возвращала в их сумки. Принятые подарки, в том числе и цветы, по ее мнению, обязывали человека к ответному шагу.

Но это был особый, неординарный случай и ей очень хотелось оказать простой знак внимания и благодарности, почти незнакомой, но такой дорогой, женщине. Зося носила коробочку в кармане жакета, но отдать ее Зое Николаевне так и не осмелилась. Выручил, как всегда отец — приехал, забрал коробочку, твердым шагом отправился в ординаторскую. Он же и уговорил Зою Николаевну навещать Зою у них дома. «Дорого общение с Вами, но не менее — профессиональный осмотр ребенка», — сказал он, чем и покорило сердце одинокой женщины.

Зою уже готовили к выписке, когда в больнице ее разыскал Иван. В палату к Зое его не пустили. Они пошли в фойе, уселись на маленький, уютный диванчик, со всех сторон окруженный цветами. Ванечка шутил, восхищался потрясающим внешним видом Зоси, убеждал, что она повзрослела и больше не похожа на строгую начальницу с детскими глазами. Зося слушала его, улыбалась — если Ванечка начал с комплиментов, то вскоре последует некое важное сообщение. И она не ошиблась, новость действительно ее обескуражила.

В январе Сбербанк начал обмен купюр достоинством пятьдесят и сто рублей, образца 1961 года, на новые денежные знаки, того же достоинства. Цель правительства была проста и очевидна — заставить население достать из мешков и кубышек спрятанные на «черный день» деньги и запустить их в оборот. Деньги, полученные незаконным путем, при этом просто изымались. Банки принимали к обмену крупные суммы денег только при наличии обоснованной декларации их честного происхождения.

Для обмена назначили короткие сроки и Сберкассы с утра осаждали толпы людей, а банковских специалистов, как всегда не хватало. Помощь Сбербанку правительство поручило организовать другим банкам, в том числе и «Проминвестбанк».

Иван, Оксана и Инга должны были работать с населением в общем зале для физических лиц — разъяснять, организовывать честные очереди, принимать декларации, проверять. И вот, в один из обменных дней, в сберкассу зашли около десяти стариков с огромными продовольственными мешками, в которых были деньги. Запачкованные купюры от долгого хранения в темном и влажном помещении слиплись в один комок и не поддавались пересчету. Всем было понятно, что бабушки и дедушки подставные лица, к этим мешкам не имеют никакого отношения, а просто за вознаграждение согласились принять участие в обмене купюр.

Пока Иван объяснял старикам порядок заполнения и предъявления декларации, без которой даже к списанию в утиль, такое количество ветхих купюр банк не примет, Инга вышла из здания в сопровождении молодого человека, молча наблюдавшего за происходящим со стороны.

Вернулась она через полчаса взволнованная, с лихорадочно блестящими глазами. Отозвала Ивана в сторонку и сказала, что она договорилась с владельцем денежных мешков на сделку фифти-фифти, что называется «делим поровну».

Банк принимает эти деньги, выдает владельцу половину суммы, а вторую половину забирает себе, в качестве вознаграждения за оказанную услугу. Иван посоветовал Инге забыть о своей сделке и заняться работой, но она упорствовала, даже угрожала разборками с добрыми молодцами, которые могут встретить Ивана на улице после работы.

И забылся бы этот случай, но рано утром следующего дня заведующая отделением решила спуститься в денежное хранилище, увидела Ингу и своего кассира, которые пыхтя и потая, тащили тяжеленные мешки в подвал.

Началось разбирательство, и когда дотошная женщина поняла суть происходящего, то первое, что она сделала — отстранила подчиненного себе кассира от работы.

А Инга сделала вид, что она просто помогла донести мешки до подвала и понятия не имеет, что в них находится.

Иван понимал, что Ингу тоже следует отстранить от работы, но ему обязательно хотелось услышать Зосино мнение по этому случаю. Ведь именно Зося принимала Ингу на работу в их отдел: «советуй, Зося, как поступить, — говорил Иван, — но если я напишу докладную Анцеву, то он Ингу без разборок сразу вышвырнет на улицу».

Зося вспомнила двух малолетних детей Инги, ее безработного мужа и попросила Ивана оставить все так, как есть — ограничиться строгим внушением наедине. Иван сказал, что, конечно, он промолчит, но из разговора с Ингой он понял одно — она не сожалеет о содеянном, а страшно переживает потерю, так близко оказавшегося возле нее богатства.

— Кстати, насчет богатства, — Иван пересел поближе к Зосе, — ответь честно, Зоська, твоя семья много денег потеряла на вкладных счетах Сбербанка, после того, как их заморозили?

— Мы не хранили деньги на сберегательных книжках. Папа боялся все потерять, и не ошибся в своих прогнозах. Он считал, что гораздо надежнее вложить личный капитал в предприятие. Их химический комбинат преобразован в народное предприятие, часть акций выкупили рабочие, а оставшиеся — продали заинтересованным в деятельности комбината лицам. Папа тоже купил долю в предприятии. Размер я не знаю, но, наверное, он незначительный. Последний год папа живет только заботами о своем комбинате. Его голова редко освобождается для домашних разговоров. Он говорит, что даже во сне не забывает о проблемах производства и сбыта продукции. Папа среди ночи может подняться с постели и искать среди своих бумаг ответ на вопрос, который, вероятнее всего, ему приснился. Свои деньги я тоже собираюсь вложить в бизнес.

— Понятно! Ты молодец, а я все потерял. Даже деньги своих родителей. Мама еще полгода назад привезла мне все свои сбережения и сказала, чтобы я их потратил с пользой для своей семьи. Моя мама не экономист, а рядовая воспитательница детского сада, но и она чувствовала скорый крах нашей экономики. Она мне популярно объяснила, что наша семья уже дважды пережила денежные реформы. В 1947 году бабушка потеряла половину своих сбережений, а в 1961 году — она сама. Каждый раз государство отнимало часть отложенных семьей накоплений. Горбачев и его команда превзошли своих предшественников и установили максимум достатка советского гражданина в размере пятисот рублей, которые я смогу получить после замораживания своего вклада. Зося, я потерял все свои накопления — подарки на свадьбу, сбережения родителей, которые моя жена при моем молчаливом

согласии отнесла в Сбербанк, наши личные деньги. Жена безоговорочно верила реформам Горбачева и считала, что он не подпишет указы, направленные против своего народа. Но где был я? Работая в банке, я видел, что государство уже неспособно отвечать по своим обязательствам, будет искать источники в других доступных местах. Но подлый менталитет советского человека, верить каждому слову партии и правительства, сделал свое дело. Я после разговора с мамой начал сомневаться в надежности гарантий сохранности частных денег государственным Сбербанком, но после заявления главы госбанка СССР, который утверждал, что денежные реформы не планируются, я успокоился. В результате все потерял. Мы с женой, да и родители тоже, стали нищими. А нищему человеку даже мечтать о счастье — безнравственно и как-то странно. Кстати, Инга и Оксана тоже потеряли значительные суммы, обе потрясены случившимся. У них были определенные планы на свои накопления, которые в первую очередь, связаны с их детьми.

— Мне нечем тебя утешить, Ванечка! Разве, что тем, что ты молод, слава Богу, здоров и главные деньги у тебя впереди.

Из больницы Зосю забирали Людмила и Анцев. Чарышев задерживался на очень важном для комбината совещании, домой должен был появиться только поздно вечером. Александр Михайлович взял на руки укутанного в кружева и ленточки ребенка, не выпускал его до самого дома. Вместе с Зосей и Людой он поднялся на второй этаж, положил малыша на пеленальный столик в детской комнате:

— Ты, Зосенька, сначала разверни малыша, а потом оцени нашу работу по ремонту твоей и Санечкиной комнаты. Ну, что, развернула? Дай мне его — поношу немного на руках, в кроватке он уже устал лежать.

Зося передала ребенка Александру Михайловичу и улыбнулась — так непривычно было видеть своего руководителя, начищенного, наглаженного, всегда подтянутого интеллигента Анцева с крошечным младенцем на руках. Санечка повертелся, покрутился, пока его головка уютно устроилась в широкой мужской ладони, закрыл глазки. Анцев хотел положить его в кроватку, но ребенок снова открыл глаза и сердито закричал — не хотел покидать уютное местечко. Анцев так и ходил с ребенком вслед за Зосей, которая рассматривала новое обустройство второго этажа. Ее спальня стала смежной комнатой с детской, которая в свою очередь имела выход в коридор. Рядом была большая ванная комната с душевой кабиной и теплым полом. В конце коридора, в бывшей кладовой стояла стиральная машина.

— Что тебе не понравилось, Зосенька? — спросил Анцев и вопросительно посмотрел в её глаза.

— Нравится абсолютно все, — ответила Зося, — своим умом я бы до этого не додумалась. После ремонта сразу вылезают наружу ошибки и просчеты, а здесь все идеально. В ванной комнате я заметила подставку с ванночкой — это для Санечки?

— Ты же должна его каждый день купать. Чтобы поменьше спина уставала, вот и соорудили подставку для ванночки. Ты сегодня собираешься его купать?

— Обязательно. Только боюсь, он тяжелый, а у меня еще руки дрожат.

— Вот я тебе и помогу. Давай, мы его сейчас выкупаем, а потом он будет спать.

После ванны Санечка спокойно заснул, а домочадцы собрались в гостиной за праздничным столом.

Чарышев удивился, когда услышал, как ловко и профессионально его друг справился с ответственным занятием — первым купанием Санечки.

— Откуда у тебя такие навыки в обращении с новорожденными младенцами? —

спросил он Александра Михайловича, — ты, может, когда-нибудь работал нянечкой в доме малютки?

— Я в отличие от тебя, — отшутился Анцев, — вместо комбинатовского баланса и прессы изучал брошюры по уходу за грудными детьми, которые обнаружил в Зосиной комнате. Я давно понял, что в этом доме никто не согласится помочь Зосе первый раз выкупать ребенка — ты занят комбинатом, Роза Самуиловна и Людмила просто побоятся взять на руки мокрого ребенка, который егозит, размахивает ручками и ножками, соответственно, может выскользнуть из рук. Поэтому, пока Зося не окрепнет, я ей буду помогать в этом мокром деле. Кто против? Вот, видите — все за, потому что некоторые из вас боятся ответственности.

— Александр Михайлович, — сказала Зося, — мне просто неудобно взваливать на вас еще и купание Санечки. Вам уезжать пора.

— Ошибаешься, Зосенька — это ты мне помогаешь. Мне все это в удовольствие. Я думаю, что смогу еще задержаться на пару недель. Подзаряжусь от вас с Санечкой молодой энергией и поеду осваивать новый участок работы.

Зося все-таки решила рассказать Анцеву денежную историю с ветхими купюрами. Анцев знал свой коллектив не по рассказам кадровиков и характеристикам начальников отделов, а знакомился с каждым работником персонально. В Инге он сразу рассмотрел скверный характер карьериста и кляузника.

— Я до сих пор, Зося, удивлен твоему согласию на перевод Инги в отдел. Это именно Инга пишет анонимки и доносы. Установить это было совсем несложно — свои труды она писала собственноручно, слегка измененным почерком. В нашем коллективе ей сообщника не удалось отыскать, пришлось самой трудиться. Я когда-то всерьез увлекался психологией и тогда уже усвоил, что умение обращать внимание на интонацию речи, мимику лица или жесты своего собеседника порой помогает понять истинный смысл произносимых им слов. Спустя некоторое время я пригласил к себе Ингу, поговорил с ней «по душам» на тему переустройства взаимоотношений в коллективе и тяготах ее личной жизни. Послушал я ее и сделал вывод, что она готова на любую подлость, которая ей поможет шагнуть по служебной лестнице и добиться высокооплачиваемой работы.

— Это точно есть, — подтвердила Зося

— Вот видишь, ты тоже это заметила, — продолжил Анцев, — стремление специалистов к карьерному росту я всегда поощрял, но, если за этим стремлением усматривал труд и активную жизненную позицию. Твоя протезе, напротив, хочет получить все блага служебной карьеры хитростью и напористостью. Не знаю, почему ты защищаешь ее, но эта дамочка может много дел наворотить, если ее вовремя не остановить. Может, сейчас тот случай, когда можно и нужно с ней расстаться? Она, когда окрепнет и пустит корни в банковскую деятельность, то выкорчевывать ее будет гораздо сложнее. Я знаю таких людей, они мне пырей напоминают. Знаешь, есть такой сорняк — его вырывают в одном месте, а он мгновенно прорастает рядом. Избавиться от него очень тяжело.

— Я не уважаю Ингу, потому что была свидетелем ее странной дружбы-ненависти с сокурсницей, но мне детей жалко, останутся без куска хлеба.

— Ладно, давай пожалеем детей, но и банк избавим от этой Инги. Я завтра же переведу ее в отделение, пусть работает в хозяйственном отделе — подальше от клиентов. Тебя такой вариант устраивает?

— Конечно! Главное, чтобы она не лишилась работы.

Анцев уезжал в Москву. Он зашел в комнату к Санечке и постоял возле его кровати — Санечка не любил пеленание и всегда упорно вытаскивал ручки из пеленок. Анцев поцеловал его крохотные ручки и сказал Зосе:

— Уже характер просматривается — не допускает насилие над своей свободой. Зосенька, а ты почему-то стала меня смущаться и даже, кажется, избегать. Я в чем-то провинился? У нас с тобой всегда были доверительные отношения. Что случилось сейчас?

— Вы преувеличиваете, Александр Михайлович, ничего особенного не произошло. Просто сомнения одолели. Вы столько внимания уделяете мне и ребенку, что мне порой бывает за себя стыдно — незаслуженно я пользуюсь Вашим временем и заботой.

— Вот это вывод! Я не просто о вас забочусь, я вас люблю. Но взамен мне ничего не надо. Скажи мне, Зося, ты любишь своего папу и Розу Самуиловну? Конечно, любишь. Они твоя семья. А ты и Санечка — моя семья. Как я могу вас не любить, или просить что-то взамен? Любовь не обязательно должна быть взаимной или строиться по каким-то принципам. Она возникает из уважения, привязанности и еще не знаю откуда, но ее точно не планируют и не создают искусственно. Не терзайся угрызениями совести, живи спокойно и расти сына. А я и дальше буду о вас беспокоиться и скучать без вас. Возможно, у меня получится иногда навещать вас, если ты, Зосенька не против.

— Я буду Вам всегда рада.

— И еще, Зосенька, у меня есть одно пожелание, — Анцев заглянул в ее глаза, — ты очень требовательна к себе, что, несомненно, тебя только украшает, является гарантией достижения намеченных целей. Но не допускай изнурения своего организма и огромной, разрушающей усталости — чаще позволяй себе отдых, покрепче люби себя.

— Александр Михайлович, мне стыдно за себя, простите мою мнительность. Я корю себя за то, что эгоистка, но без Вас откровенно пропадаю. Приезжайте, как можно чаще — мы с Санечкой всегда будем Вам рады. Санечка на свои ножки встанет, мы сможем сами к Вам приехать. Не обижайтесь на меня! Я выброшу из головы все страхи и сомнения, постараюсь стать достойной Вашей дружбы. Вы не забывайте нас, пожалуйста.

Зося подошла к Анцеву и поцеловала его в щеку. Он дотронулся до ее волос, погладил их и быстро забрал свою руку, словно обжегся. Анцев вышел из Зосиной комнаты и сбежал вниз по лестнице — прощание затянулось, во дворе дома его уже давно ожидала машина, а до отправления поезда оставались считанные минуты.

Санечка подрос до первого юбилея — тридцать дней его жизни, и Зося решила, что пора им с сыном начинать учиться плавать. Она позвонила Зое Николаевне, попросила ее приехать на первое занятие в бассейне. Людмила привезла Зою Николаевну, когда вода в бассейне была подогрета, в самом помещении стало тепло и уютно. На ручки ребенка надели надувные нарукавники, а на шею такое же надувное ожерелье, чтобы не было соблазна напиться воды из бассейна. Санечку опустили в воду. Он несколько минут лежал на воде и рассматривал разбросанные вокруг его игрушки. Потом, его внимание привлекла яркая уточка, которая плавала в другом конце бассейна. Санечка решительно замахал ручками и ножками, поплыл за игрушкой.

— Видишь, Зося, как все просто, — сказала Зоя Николаевна, — ребенок не забыл, в какой среде он находился до рождения и совершенно не боится воды. Бассейн у вас прекрасный, можно и взрослому с утра поплавать. Но лучше, пока ребенок еще маленький, использовать бассейн только для него. И ни на минуту не отвлекайся, не оставляй его одного. Ты сама поймешь, когда можно будет пускать его плавать без нарукавников и

ожерелья. Время занятий увеличивай постепенно до одного часа. Закаливание ребенка с первого месяца жизни в бассейне очень эффективный метод, но и очень ответственный для мамы. Зося, звони мне, пожалуйста, и рассказывай про ваши успехи. Не многие мамы находят время и место для таких занятий.

С того дня Санечка плавал каждый день. Зося сфотографировала его в бассейне и фотографии выслала Александру Михайловичу. В конверт с фотографиями она вложила короткую записку: «Александр Михайлович, отчитываюсь перед Вами первыми достижениями сына. Плавает прекрасно, потом крепко спит и хорошо ест. Смотрите, какой он энергичный и здоровенький. Спасибо Вам».

Санечка подрастал, а официально узаконить его фамилию Зося пока не решалась — боялась встречи с Сашей. Саша звонил только один раз, разговор с ним изначально был обречен на непонимание — даже по телефону можно было понять, что он на изрядном взлете от горячительных напитков. Но против усыновления ребенка он не возражал, просил назначить время, когда он сможет приехать и оформить документы. Зося ответила, что собирается ребенка крестить в церкви и хотела бы, чтобы папа тоже присутствовал на обряде, а оформление документов можно совместить, чтобы лишний раз не ехать в Горевск. «Как скажешь, — ответил Саша, — звони, когда определишься по срокам».

На том разговор и закончился — разговор по неотложному вопросу чужих друг другу людей. Зося боялась встречи с Сашей, но и откладывать крещение ребенка больше не было смысла. Наступало лето, Санечка заметно подрос и окреп. Крестные родители были давно приглашены и тоже с нетерпением ожидали, когда же они узаконят в церкви свою почетную должность. Крестной мамой была приглашена Людмила, а папой — Левон. Зося позвонила Саше в первой половине дня и не ошиблась — он был трезв и вполне адекватен.

— Саша, я определилась с днем крещения ребенка. Приезжай, пожалуйста. Но прошу тебя — не забудь, что ты едешь на первую встречу с маленьким сыном, воздержись от застолий и компаний.

— Хорошо, — коротко бросил Саша и закончил разговор.

Зося поехала на вокзал, чтобы встретить его вдали от внимательных глаз своих домочадцев. Она стояла на перроне, вглядывалась в суету выходящих из вагонов пассажиров. Но Саша подошел неожиданно сзади — она почувствовала его присутствие внезапно застучавшим сердцем. Зося медленно обернулась, и ее лицо окунулось в белый снег хризантем. Саша был все так же подтянут и элегантен, как и прежде. Только лицо осунулось и потемнело почти черными кругами вокруг глаз, да и сами глаза лихорадочно блестели. Он склонил свою голову к ее лицу, чтобы поцеловать, и она услышала запах алкоголя.

— Ты все хорошеешь, Зоська! Видимо, секс пошел тебе на пользу, — он хотел казаться смелым и беспечным, но голос предательски дрожал, — да не приноживайся ты — я просто бокал вина выпил для храбрости.

В машине он сел на заднее сиденье и тронул Зося за плечо:

— Подожди, Зоська, не спеши машину заводить. Давай поговорим. У тебя дома разговора, наверное, не может быть — там твой отец и Роза Самуиловна, а я для них сейчас отрицательный персонаж из детской сказки. Ты хочешь выйти за меня замуж?

— Нет! — Зося сглотнула горький комок в горле, — не могу!

— Как хочешь, я уговаривать не буду. А это все равно возьми, — Саша протянул ей маленькую коробочку, — там тебе подарок. Считай, что за сына. Спасибо тебе за то, что разрешаешь его усыновить. Зоська, надень кольцо, чтобы я был точно уверен, что ты приняла

мой подарок.

Зося открыла коробочку и надела на палец тонкое колечко с сияющим бриллиантом. Молча, показала Саше руку с кольцом. Он поцеловал ее окольцованный пальчик и попросил:

— Если можно, то носи его всегда. Так мне будет легче. Хорошо, Зоська?

— Не обещаю. Скажи, Саша, ты ничего не хочешь поменять в своей жизни?

— Мне нечего менять — у меня все прекрасно.

— Ладно, тогда поехали домой, там тебя ждет твой сын. Возможно, после знакомства с сыном, ты захочешь измениться?

Санечку крестили в маленькой деревенской церкви, недалеко от Ивановска, потому что за любые отношения с церковью советские граждане преследовались партийными органами. Местного священника рекомендовал Иван Сергеевич и отзывался о нем, как о настоящем духовном пастыре своего прихода. Батюшка привык не задавать вопросы посещающим его горожанам, потому что знал о жестком отрицании религии в идеологии коммунистической партии.

В Ивановск они выехали на двух машинах — за рулем одной была Зося, другой управлял Левон. Чарышев и Роза Самуиловна уселись в машину к Левону, а свой груз Зося везла сама. Санечку прижимал к себе папа, рядом сидела Людмила и периодически требовала ребенка на руки крестной. Но Саша не слышал ее недовольное бурчание или просто не обращал внимание.

С момента своего знакомства с сыном, Саша ни на одну минуту не хотел с ним расставаться — он готов был сутками держать его на своих руках и есть с ним одной ложкой из общей тарелки. Он даже спать приспособился на диване в детской комнате, рядом с кроваткой сына, хотя в доме ему была приготовлена отдельная комната. Зося старалась не мешать установлению их отношений, но иногда ловила себя на грустной мысли о быстротечности времени и меняющихся приоритетах — вот и наступило время, когда любимый Саша больше не ищет ее взглядом, ему вполне хватает общества сына. Да и ей совсем безразлично, где он, и чем занят.

Только в церкви Людмила приняла на свои руки Санечку и гордая тем, что стала главным участником предстоящего таинства, стояла рядом с Левоном. Лица Людмилы и Левона стали напряженно-торжественными, а сами они послушно и добросовестно исполняли все указания священника. Даже требование «Дунь и плюнь на него» у смешливой и дерзкой на язык Людмилы не вызвало ни малейшей усмешки. Наконец, Санечку раздели и трижды с головой погрузили в крещальную купель. Санечка не только не испугался воды, но стал смеяться и радостно размахивать ручонками, чем вызвал улыбку у всех церковных служителей. К великому огорчению для Людмилы и гордости Левона, Санечку после крещения передали на руки крестному папе.

Во дворе церкви Людмила сказала Левону, что они теперь духовные наставники своего крестника и должны чаще встречаться. На что Левон ответил, что по поводу своей духовной осведомленности он сомневается, но за крестника любому обидчику башку снесет, не разбираясь, кто прав, а кто виноват. У него крестник будет всегда прав. В подтверждение своих слов Левон поднял вверх свой большой кулак.

Уже сидя в машине, Зося спросила у Людмилы:

— Мила, ты не знаешь, зачем вы с Левоном в церкви плевались?

— Знаю. Если уж ты выбрала меня в крестные матери, то я постаралась соответствовать этому званию. Мы с Левоном предварительно съездили в церковь, исповедовались и

причастились. А потом монахини из нашего монастыря рассказали нам все об обряде крещения. Так, вот — дули и плевали мы на дьявола, чем и объявили ему войну, как Санечкины духовные наставники.

— Ну, Милочка, уважаю. Ты меня приятно удивила!

Впереди еще была процедура усыновления ребенка отцом и причастие матери и Санечки в церкви, где проходил обряд крещения. У Саши был оформлен очередной отпуск, он без проблем мог остаться в Горевске еще на две-три недели.

С Зосей он общался только при самой острой необходимости или по вопросам, связанным с уходом за ребенком. Иногда переводчиком в их диалоге могла быть Роза Самуиловна или Люда. Зося не слышала от него запах алкоголя, постепенно успокоилась и без страха доверяла ему сына.

Ночь следующего дня после крещения для Зоси была спокойной и безмятежной — Санечка спал в соседней комнате, а рядом с ним посапывал его отец.

Зося после рождения сына спала чутко, просыпалась от любого шороха в соседней комнате. Но этой ночью сон ее был долгим и крепким. Рядом с Санечкой был Саша, и Зося безмятежно спала, подложив руку под щеку и свернувшись по привычке калачиком на самом краешке кровати — так ближе до кроватки.

Уже яркое летнее солнышко заглянуло в ее спальню, когда Зося внезапно почувствовала прохладную руку с тоненькими пальчиками на своей голове и услышала тревожный голос своей бабушки:

— Проснись, Зося, проснись! Санечка, Санечка! Проснись, девочка, спаси Санечку!

Зося рывком села на кровати, сердце бешено колотилось в груди. Она вбежала в комнату сына — детская кроватка была пуста. Зося в пижаме и с босыми ногами побежала в бассейн. Возле высокого бортика бассейна стоял Саша и наливал в бокал что-то из темной бутылки. Санечки рядом с ним не было.

Своего Санечку она разглядела в толще прозрачной голубоватой воды недалеко от Саши — он лежал крестиком на дне бассейна, раскинув толстенные ручки и ножки.

— Нет, Санечка! Нет! — закричала Зося, прыгнула в бассейн и подняла со дна бассейна безжизненное тельце своего сына, — Саша, не стой столбом, а помогай мне — подними его за ножки и поддержи вниз головкой несколько секунд. Скорее, Саша. А я поддержу головку.

Санечка начал кашлять, изо рта потекла вода.

— Так, все хорошо, давай его мне. Ну, что, мой золотой?

Как ты, сынок? Напугал маму. Пойдем скорее в кроватку, согреешься и поспишь. Да, сынок? Не ходи больше без мамы плавать. Ты еще совсем маленький. Подрастешь, вот тогда и гуляй самостоятельно. А пока нельзя.

Перепуганная Зося прижимала к себе закутанного в полотенце малыша и шептала ему нежные ласковые слова. Уставший ребенок отказался от еды и сразу уснул. Зося сидела рядом с кроваткой малыша и гладила его ручку. Саша стоял возле окна детской комнаты и о чем-то сосредоточенно думал. Его лицо было белого цвета и пугало своей неестественностью. Всегда блестящие и живые глаза застыли, стали тусклыми и неподвижными.

— Саша, с тобой все в порядке? — тихо, чтобы не разбудить ребенка, спросила Зося, — ты плохо выглядишь. Приляг на диван, я тебе сейчас накапаю что-нибудь успокаивающее.

— Не беспокойся, Зоська, со мной ничего не случится. Я здоров, как бык. Ты лучше ударь меня или оскорби, но не жалея. Скажи мне, ребенок не сильно пострадал?

— Похоже, что он пробыл под водой несколько секунд, с ним ничего не случилось. Ты его сегодня первый раз заставил плавать самостоятельно, без нарукавников и ожерелья. Он устал и ушел под воду. Возможно, будет бояться воды и не захочет плавать. Завтра станет все понятно. А ты тоже иди, отдохай, выглядишь ты не совсем здоровым.

Уговорить Сашу отдохнуть не удалось — он так и простоял всю ночь возле окна. Ребенок спокойно спал, и к утру Зося задремала, положив голову на спинку детской кровати. Проснувшись от детского голоса — Санечка агукал и играл со своими ножками. Саши в комнате не было. Зося помыла, накормила ребенка. Вода в бассейне была уже подогрета, она попробовала опустить туда ребенка. Он с прежней радостью и удовольствием плавал возле ее ног, ручками и ножками, поднимая фонтаны брызг.

— Умница, сынок. Ты даже не испугался, смелым растешь, — ворковала Зося с малышом, — давай мы с тобой папу навестим, что-то он заспался. Пусть просыпается, ему будет полезно узнать, что ты у нас такой отважный мальчик.

Саши в комнате не было. На тумбочке возле кровати лежала записка и несколько скомканных, измятых комочков бумаги. Зося разгладила листики бумаги, это были черновики заявления на усыновление Санечки. Значит, Саша уехал, не оформив усыновление? Но почему? Зося взяла в руки записку:

«Я сегодня очень ясно увидел ту тонкую грань, которая разделяет жизнь и смерть. И если бы наш сын погиб, то я немедленно последовал бы вслед за ним. А все из-за чего? Я покурив травку и подогрел свое сознание лишним бокалом вина перед тем, как отправиться в бассейн. До сегодняшнего дня мне все казалось, что затуманенное алкоголем и наркотиками сознание помогает мне избавиться от своей дикой и необузданной ревности и забыть о тебе. В момент, когда ты подняла нашего малыша со дна бассейна, я понял во что превратился — ничтожный алкоголик и наркоман, претендующий на звание, нет, на должность отца и главы семьи. Ты права — я не могу быть мужем и отцом. Какой из меня муж? Я маньяк-ревнивец. А отцом я могу быть? Конечно, нет — несколько секунд и мой сын мог погибнуть из-за меня. Я уезжаю, но моя душа остается с вами. Зося, поверь мне, я постараюсь сделать все, чтобы навсегда расстаться с алкоголем и наркотиками. Поверь мне, Зося, прости и будь счастлива без меня. Я упал на дно глубокой ямы, мне предстоит долгий путь вверх. Ты хорошая мама и прошу тебя, думай только о себе и малыше, а я справлюсь со своими слабостями самостоятельно. Боюсь даже бумаге доверить свою любовь к тебе и Санечке, вы не просто часть моей жизни, вы — лучшая и драгоценная ее часть. Будь счастлива, моя любимая, дорогая, Зоська. Береги нашего сына. Прощайте. Ваш А.»

— Знаешь, сынок, — сказала Зося сыну, — папа твой не только меня бросил, но и тебя тоже. Позволим ему это сделать? Он заболел, твой папочка, но ты, сынок, можешь ему помочь. Ты как считаешь, папа будет возражать, если мы с тобой по этим вот бумажкам сами оформим твое усыновление? Правильно, сынок, я тоже считаю, что ответственность за маленького Анцева поддержит его в минуту слабости. Пусть меня забывает, но о тебе он просто обязан заботиться. Ты, Санечка, должен стать его жизненным стимулом. Правда, мы поможем твоему папочке снова стать сильным и уверенным в себе человеком?

Своим домашним Зося сказала, что Саша уехал, потому что его внезапно вызвали на работу.

Она всегда старалась говорить правду или вообще промолчать, если эта правда могла причинить кому-то боль, а сейчас, не задумываясь, обманывала самых близких себе людей. Она не могла рассказать о несчастном случае с любимым ребенком даже своему отцу,

потому что знала — Саше прощения не будет на долгие годы, а, может, навсегда. Именно, поэтому, она хотела сохранить для него обратную дорогу к своему сыну.

В загсе Зосю быстро развернули назад. Кругленькую заведующую не впечатлило измятое заявление отца ребенка об усыновлении. Она выпроводила Зосю из своего кабинета, предупредив, что без личного присутствия заявителя она рассматривать документы не будет.

Зося возвратилась домой грустная и поникшая. Вечером, за ужином, Зося вялоковырялась в своей тарелке и ушла в свою комнату, так ничего и не поев. Вслед за ней Чарышев появился в ее спальне и спросил:

— У тебя проблемы? Давай, делись.

— Никаких проблем нет. Но нужен твой совет — скажи мне, папа, как правильно дать взятку, чтобы человек ее принял и не обиделся.

— Зосенька, тот, кто берет взятки, может обидеться или оскорбиться только в том случае, если решит, что ему дали очень малую сумму. Ты, правда, собралась давать взятку? Не секрет, кому и за что? Хорошо, молчи, если это секрет. Тогда поступи следующим образом — положи в конверт несколько крупных купюр, зайди в кабинет вымогателя и скажи, что у тебя к нему есть очень серьезный вопрос. Оставь ему на столе конверт и поясни, что там находятся документы по твоему делу. Затем выйди из кабинета и возвратись через несколько минут. Если сумма удовлетворит взяточника, то он сразу начнет разбираться с твоими бумагами, если нет, то он открыто тебе предложит увеличить вознаграждение.

— Так просто? — удивилась Зося, — Спасибо, папа. Теперь я уверена, что справлюсь.

Заведующую загсом сумма удовлетворила, и она ласково стала уверять Зосю, что со свидетельством о рождении Санечки не будет никаких проблем. Через пару дней она его подготовит и лично вручит Зосе.

Зося получила свидетельство о рождении Санечки. В его первом в жизни документе были заполнены все графы, в том числе сведения об отце. Санечка стал законным членом семьи Анцевых. Зося с раннего детства помнила, как стыд покрывал бледностью ее лицо, когда она, протягивала свой ущербный документ чужому человеку. Словно, это она, Зося Ромашова была главным виновником своей безотцовщины, а сейчас несла наказание позором и презрением окружающих людей.

Это чувство неполноценности не ушло даже тогда, когда она уже держала в руках полный документ, подтверждающий ее происхождение.

Зося на обратной стороне самого лучшего студийного снимка Санечки карандашом обвела его ручку и в контуре ладошки написала: «Привет, папочка! Я тебя люблю! А ты меня?». Вместе с фотографией в конверт вложила свою записку, над содержанием которой долго думала и вообще сомневалась в ее необходимости. Записку она несколько раз переписывала, потом правила и снова переписывала. Сейчас перечитала последний вариант:

«Молодец, Саша! Ты сжег корабли и пепел развеял. И даже трогательное до слез письмо оставил. Хорошо, я могу жить и без тебя. Можно бросить женщину, переступить через любовь, но как ты можешь оставить и забыть своего сына? Он без отца вырастет однобоким, кривым деревцем. Нет, уважаемый, не позволю! Санечка, как и ты, Анцев, он плоть от плоти твоей, наследник твоего внешнего вида. Ты живи, с кем хочешь, люби, кого хочешь, но сына не смей забывать и отрекаться от него. Ты должен заботиться о своем ребенке, это не мной придумано, это закон жизни. Конечно, если ты человек...».

Затем дополнила содержимое конверта копией свидетельства о рождении Санечки,

сделала пометку «лично Саше» и отправила письмо Александру Михайловичу.

Через две недели ей позвонил Анцев. После расспросов о Санечке, он сказал:

— Зосенька, я тоже хочу перед тобой отчитаться — у Александра появился оптимистичный настрой, и возникло желание бороться с неврозом. Да-да, Зосенька, я правильно выразился — у него в результате злоупотребления алкоголем развилась симптоматическая депрессия, проще говоря, невроз. Из Горевска он приехал подавленный,пил остаток своего отпуска, не выходя из своей комнаты. Только после твоего письма, он собрал свои вещи и перевез их из квартиры матери в мой дом. Похоже, что он осознал серьезность своего заболевания и решил начать лечение. Я подыскал подходящую клинику в Европе. Врачи рекомендуют интенсивную терапию в течение двух-трех месяцев, а затем длительную реабилитацию под наблюдением специалистов этой же клиники. Его лечение может растянуться на несколько лет. Чтобы он не потерял профессиональную квалификацию, я перевожу его на работу в наше отделение банка в Европе. Сейчас все зависит только от него. Будет твердое желание вылечиться, значит, все будет хорошо. Если он сам не захочет, то врачи в этой ситуации просто будут бессильны. Я не знаю, что произошло в Горевске, но он мне сказал, что не сможет больше общаться с тобой и сыном, потому что боится вам обоим навредить.

— Александр Михайлович, пусть он только лечится. Не хочет с нами общаться — ну, и не надо. Мы с Санечкой организуем с ним одностороннюю связь — я буду высылать фотографии сына на ваш адрес, а вы, пожалуйста, пересылайте ему. Только бы он не отступил от своего решения, а мы поможем. Вам Саша сказал, что Санечка, как и Вы — Анцев? Да, Анцев Александр Александрович!

— Сказал. Он уже запись в свой паспорт сделал и в анкету на выезд за границу вписал Санечку. Поверь, Зосенька, он вас любит, только большое самолюбие мешает ему об этом говорить. Еще хочу сказать тебе, Зосенька, что я счастлив от того, что не ошибся в тебе. Живи спокойно, детка. Все будет хорошо. Не забывай о моей просьбе заботиться побольше о себе.

Саша все-таки позвонил Зосе. Главным его вопросом была материальная помощь сыну. Зося сразу от нее отказалась и просила его не беспокоиться — у Санечки будет все, что необходимо ребенку. Но фотографии Санечки обещала высылать регулярно. Затем телефонные провода наполнились молчанием и шумом эфира. На двух концах телефонной линии два человека ожидали друг от друга какие-то важные слова, которые могли определить их дальнейшую жизнь. Молчание стало тягостным и невыносимым. Зося первой положила трубку на телефонный аппарат и смахнула со щеки побужавшую ручейком слезу. Она училась управлять своими эмоциями и ругала себя за минутную слабость.

Зося вынесла на лужайку возле дома манеж и усадила туда Санечку. Обязанности по воспитанию сына были временно переданы Розе Самуиловне, которая вскоре ожидала в гости подмогу и главного наставника по здоровому образу жизни драгоценного Санечки — Зою Николаевну. Санечка, здоровенький и толстенький бутуз, уже проявлял свой упрямый характер и иногда тетя Розы впадала в глубокую задумчивость по поводу его очередного нежелания подчиниться вполне разумным желаниям взрослых. А вот, Зоя Николаевна сразу находила общий язык с Санечкой, из ее рук он ел даже овсяную кашу. «Вы просто добрая фея и волшебница, — восхищалась тетя Розы, — наверное, все дело в вашем многолетнем опыте общения с маленькими детьми». Но Зоя Николаевна, считала, что Санечка чувствует, что является бесценным кумиром взрослых людей, а поэтому пользуется этой ситуацией в своих интересах. Тетя Розы соглашалась, что, да, наверное, это так и есть, но баловать и любить Санечку от этого меньше не стала. «Любви много не бывает, — думала она, — особенно для нашего Санечки».

Зося помахала Санечке и тете Розы рукой и побежала к своим любимым питомцам, которые процветали за забором особняка. В большой теплице, занимающей почти половину арендованной земли, наливался спелостью разноцветный ассортимент помидоров, баклажанов, перцев и огурцов. Зося раньше и предположить не могла, что помидоры могут быть фиолетового цвета, а баклажаны — красные.

Воздух в теплице благоухал стойким запахом паслена.

Зося пошла по узкому проходу, между высокими стволами помидоров, ее одежда вскоре покрылась желтой пудрой, которая осыпалась с цветущих кустов. В противоположном входу конце теплицы она увидела агронома, Станислава Казимировича. Старичок сидел на маленькой скамеечке возле кустов какого-то необычного, но очень перспективного сорта огурцов и отщипывал пустоцвет.

Станислав Казимирович, потомственный агроном родом из Западной Белоруссии, жил в Горевске уже не одно десятилетие, но к обращению «товарищ» так и не привык. После знакомства с ним Зося узнала, что он поляк и неуважаемое им слово «товарищ» заменила близким ему — «пан», чем снискала к себе с его стороны глубокую привязанность и уважение.

— Здравствуйте, пан Станислав! Я могу Вам помочь?

— Что, Вы, пани Зося! Лучшее, что Вы можете сейчас сделать, так это собрать спелые помидоры для сока маленькому Александру. Людмила уехала в деревню и после обеда, когда спадет жара, привезет сюда женщин. Я сегодня планирую землю подрыхлить, с кустов удалить пасынки и подвязать их на шпалеры. Скажите, пани Зося, вы довольны первыми результатами? Теплицы у вас хорошие, урожай Людмила начала еще с весны продавать.

— Как Вам сказать? И довольна, и недовольна. Довольна Вашим трудом и достигнутой урожайностью. Не довольна ситуацией с легальностью своего бизнеса. Понимаете, я только несколько дней назад оформила разрешение на осуществление предпринимательской деятельности. Вот, уже и свидетельство о регистрации на имя Люды получила.

— А кооператив смогли узаконить?

— Нет, кооператив я так и не смогла узаконить. Поэтому все, что мы продавали — был нелегальный бизнес, по бросовым ценам. Хорошо, что рядом есть воинская часть, и их

хозяйственники не спрашивали сертификаты от санитарных служб. Я уверена в качестве наших овощей, но предъявить их на проверку, пока не могу. Вырученных от продажи овощей денег едва хватило на расчеты по заработной плате и покупку удобрений. Зато, сейчас, я уверена — все будет по-другому. У меня есть договоренность с предприятиями общественного питания на поставку овощей для их нужд. Кроме того, я открою несколько фирменных павильонов, где мы сможем самостоятельно торговать своей продукцией.

— А упаковка? Это тоже важно!

— Я заказала на фабрике народных промыслов фирменные корзиночки из лыка и лозы для самых взыскательных клиентов. Вы, пан Станислав, подумайте, как можно красиво упаковывать овощи. В первую очередь их нужно протирать, чтобы они, даже в упаковке, глаз радовали. Я, думаю, что Вы и Люда этот вопрос решите без проблем. И при первой же финансовой возможности, я хочу купить пару грузовых «пикапов», чтобы вы не заказывали транспорт для наших нужд в автотранспортных конторах, которые за каждый час эксплуатации берут плату по тарифу восьмичасового дня.

— Но это огромные деньги!

— В общем, да. Я подумаю и, возможно, оформлю кредит в банке под наши оборотные средства. Конечно, сначала нужно подготовить и сдать в налоговую инспекцию первый отчет, но так как мы легализовались, то через месяц можно будет и о кредите подумать.

— Пани Зося! Когда Вы успеваете оформлять все эти сложные бумаги, недоступные моему пониманию?

— Но вы же, пан Станислав, сумели непонятными для меня методами вырастить такой прекрасный урожай? Каждый из нас занимается своим делом, поэтому мы становимся командой.

— Вы, пани Зося, можете деньги, предназначенные на выплату нам зарплаты, использовать на покупку машин. Тогда они скорее окупятся. Это даже я понимаю.

— Ни в коем случае! Каждый труд должен достойно оплачиваться. И в этом я уверена.

Зося понимала, что это только начало ее бизнеса. Но если в это начало вложено столько бесполезного труда, то каких же усилий тогда потребует ее полноценная программа?

Александр Михайлович не только помог в начале ее первых шагов в бизнесе, но и вселил уверенность в успехе этого предприятия. Был бы он сейчас рядом, возможно, и для решения проблем нашлись бы простые варианты. Но он далеко и, почему-то, не звонит.

«А разве я сама не могу ему позвонить? — терзалась вопросом Зося, — поговорить можно и по телефону, было бы желание. Кстати, про желание — он, конечно, там сильно устает, но найти свободную минуту, чтобы позвонить и узнать, как растет Санечка, всегда можно. Значит, я его обидела, и он не хочет со мной общаться. Ладно, обидела, так обидела, но я ему все равно позвоню».

Зося разыскала домашний блокнот с записью номеров телефонов и набрала московский номер. К телефону подошла секретарь, сначала спросила, кто звонит, а потом победно сообщила, что Анцев проводит совещание и сейчас занят.

Зося сникла, положила трубку на рычаг аппарата и направилась в свою комнату. Но отойти от столика, где стоял телефон, она успела всего на несколько шагов. Телефонный звонок вернул ее назад: «видимо папу разыскивают», подумала Зося и сняла трубку. Разыскивали Зосю, и не кто-нибудь, а Александр Михайлович. Зося так обрадовалась знакомому голосу, что начала что-то быстро говорить о Санечке, о своих овощах и теплице, и еще о чем-то, что, скорее всего, не имело особого значения в ее жизни. Анцев внимательно

слушал ее голос, не перебивая и не комментируя услышанное. И только, когда Зосино красноречие иссякло, он сказал:

— Зосенька, за какие заслуги я сегодня вознагражден твоим вниманием? Боюсь, что мой секретарь тебя обидела, но этого больше не повторится, никогда. Звони в любое время, я всегда для тебя буду свободен. Ты прости меня, детка, что я не звонил, но все это ради твоего же спокойствия.

— Александр Михайлович, — обрела ясность ума Зося, — мне просто катастрофически не хватает общения с Вами. А звонить Вам я стесняюсь, потому что Вы можете быть заняты и мой звонок окажется неуместным.

— Зосенька, прости меня, с сегодняшнего дня я буду звонить тебе каждый день. Или через день? Как ты мне позволяешь?

— Если это удобно, то лучше каждый день. Папа занят целыми сутками, — начала искать себе оправдание Зося, — мне не с кем посоветоваться. А у меня вопросов накопилось не на один разговор. Я не сильно Вас нагружаю своими проблемами?

— Я только рад, что ты нуждаешься во мне. Я скучаю без тебя и Санечки, и очень хочу вас увидеть.

— Александр Михайлович, мы тоже будем Вам очень рады. Это правда.

После разговора с Анцевым Зося переставила к телефонному столику в прихожей небольшое креслице, а сам столик дополнила блокнотом для записей и ручкой. Чарышев сразу оценил появившееся в доме уютное местечко, предназначенное для телефонных разговоров, и сказал, что давно собирался сделать что-то подобное и очень рад, что его домашние о нем позаботились, сами все устроили. Зося улыбнулась, и промолчала о том, что готовила она это место для ежедневных разговоров с Анцевым. Пусть папа останется в неведение.

Уже осень начинала затягивать небо серыми тучами и моросить дождем, когда на Зосину землю зачастили ревизоры. Людмила показывала им свое свидетельство о регистрации предпринимательской деятельности, а потом выносила из своей комнаты папки документов с заключениями, разрешениями, договорами и прочей бумажной атрибутикой, сопровождающей даже самый маленький, незначительный бизнес. Люда листала бумаги и молча, стояла в ожидании вердикта проверяющих людей. Но что они могли сказать? Зося очень серьезно относилась к бумажной части своего бизнеса и каждый документ подкрепляла копиями нормативных актов. Людмилу она успокаивала, что проверки, скорее всего, плановые и формальные, но сама чувствовала, что возня вокруг ее участка земли вовсе не безобидная, а все продумано и по результатам преследуется какая-то цель. Только вот понять, что же от нее хотят, она никак не могла.

Ситуацию разъяснил Анцев — он полагал, что кто-то хочет разделить с ней ее бизнес или получать часть дохода от реализации продукции. «Не соглашайся ни на какие компромиссы, — строго сказал он ей, — один раз согласишься на их условия, и тогда будешь платить каждый месяц. Не допускай, чтобы тебя запугали, дай отпор. Ты хорошо знаешь законодательство, вот на него и опирайся».

Вскоре Людмилу пригласили в ревизионное управление. Людмила принарядилась в лучший свой костюм и отправилась на прием к главному ревизору области.

Возвратилась она хмурая и расстроенная. Зосе сказала, что в управлении подготовлено ходатайство об отзыве ее регистрационного свидетельства и возбуждении уголовного дела. Еще ей сообщили, что все разбирательства можно прекратить, если Людмила добровольно

будет отдавать ревизорам двадцать процентов от прибыли.

— Все понятно, — сказала Зоя, — не переживай, завтра мы с тобой поедем вместе в это управление. Ты фамилию ревизора запомнила?

Фамилию перепуганная Люда не запомнила, но дверь, в которую входила, может показать.

На следующий день Зоя и Людмила приехали в облизполком, и подошли к знакомой для Люды двери. На двери красовалась табличка: «Главный ревизор области Киреев С.А.»

Зоя постучала, и, не ожидая ответ, открыла дверь, пропустила в кабинет Людмилу, затем вошла сама.

За столом сидел мужчина лет тридцати пяти — сорока, спортивного телосложения, одетый в черный костюм и светлую рубашку с темным галстуком. «Типичный представитель засаленно-чиновничьей безвкусицы» — неприязненно оценила его внешний вид Зоя. Безусловным украшением Киреева были черные с глубокой проседью волосы и чистые, даже в какой-то мере наивные, глаза.

Людмила робко присела на стоявший возле стола стул, Зоя осталась стоять у нее за спиной.

— Ну, какое решение Вы приняли? — строго спросил Киреев у Людмилы.

— Решение принимала я, — ровным голосом сообщила Зоя, — и оно отрицательное. Ни о каких поборах из прибыли не может быть и речи. У нас вполне легальный бизнес, законодательство мы не нарушаем.

— А вы кто такая? — взвился главный ревизор области, — немедленно покиньте кабинет. Я собирался обратиться с ходатайством о возбуждении уголовного дела против этой горе-предпринимательницы, и теперь, обязательно это сделаю.

— Моя фамилия Чарышева. Зовут Зоя Николаевна. Я главный арендатор земли, а Пименова работает по договору субаренды. Все ваши вопросы прошу изложить мне.

— Чарышева? Зоя Николаевна? — тусклым голосом переспросил Киреев, он обмяк в своем кресле и заметно просел — Зоя Николаевна, очень рад Вас видеть. Что ж Вы сразу мне не сказали, что имеете прямое отношение к этому бизнесу? Кто у нас в городе не знает Николая Васильевича, Вы тоже личность известная. Да разве мы могли посылать к Вам какие-то проверки, если бы знали, что бизнес не совсем принадлежит вот этой гражданке. А Вы, почему молчали? — накинулся Савелий со злостью на Людмилу, — Зоя Николаевна, прошу Вас, давайте забудем про этот инцидент. Я со своей стороны обещаю Вам, что все проверки отныне будут обходить Вас стороной, а Вы мне — что об этом не узнает Николай Васильевич и мое руководство.

— Ладно, — ответила Зоя, — надеюсь, что мы больше не встретимся. Скажите, а Вы всех незащищенных в городе предпринимателей обложили данью?

— Я же Вам объяснил, что это было недоразумение. А если говорить про деньги, то если мне память не изменяет, несколько месяцев назад государство меня тоже обокрало. Я имею в виду замороженные вклады.

— Я не совсем понимаю, как взаимосвязаны между собой замороженные вклады и ваше вымогательство. А, впрочем, творческих вам успехов! И помните — все когда-то начинается и когда-то заканчивается.

Зоя с Людмилой вышли в коридор и Зоя сказала:

— Фу, как противно! Давай, найдем где-нибудь кран с водой и вымоем руки — может тошнота пройдет! Представляешь? Этот Савелий — любимый муж нашей Оксанки. Я совсем

забыла — вы не знакомы. Оксана Сулимова, его жена, работает в банке, в моем отделе.

— Бог с ними — Савелием и его Оксаной. Давай скорее о них забудем. Зось, а у моей мамы, оказывается, тоже деньги на сберегательной книжке пропали. Ты представляешь, мы плохо питались, одеты были в обноски, а она деньги от нас прятала, копила на черный день. Теперь все отобрали, чтобы выплатить зарплату таким вот недоноскам, как этот, — кивнула Людмила на дверь с табличкой, — пойдем туалет искать. Там, наверняка, будет умывальник. Мне тоже, что-то не по себе. Зоська, может, ты мне посоветуешь, что мне с моими деньгами делать? Я про те деньги, которые ты мне выплатила за овощи.

— Эти деньги, Милочка, можно очень перспективно вложить в твою красоту. Мы с тобой, конечно, очень старались, когда шили для тебя одежду, но все равно, даже невооруженным глазом видно, что это обыкновенные самоделки. А за эти деньги ты можешь себе купить полный гардероб красивой и модной одежды от хорошего производителя. Лучше всего, если мы побываем в фирменных салонах фабрик женской одежды.

— Где ты, Зоська, видела у нас в городе фирменные салоны?

— В нашем городе, конечно, нет. Но мы с тобой можем поехать в Москву. Александр Михайлович будет очень нам рад. Он сказал, что найдет для Санечки няню, чтобы мы с тобой днем были свободны. Лучше всего, если поехать туда за две недели до нового года. Тогда можно все успеть — одежду купить, и в театр сходить. Я никогда в Москве не была. Хорошо бы там Новый год встретить, вместе с Александром Михайловичем. Он сутками работает, заслужил себе небольшой отпуск и хорошую компанию.

— Понятно, Зоська! А я зачем вам нужна? Буду там третьей лишней. Отправляйся ты лучше без меня. Кстати, и Санечку можно не тащить в Москву. Я здесь за ним присмотрю.

— Не придумывай, Милочка! Ты просто меня ревнуешь к Александру Михайловичу. Или наоборот, его ко мне?

— Может и ревную, но не его, а тебя — боюсь, что ты от меня отдалишься. Я только сейчас нашла подругу и боюсь ее потерять.

— Что ты, Милочка! Любовь к мужчине и женская дружба — эти чувства не могут заменить друг друга, а только дополнить. С нашей дружбой ничего не может случиться. Тем более что Александр Михайлович уважает мою личную свободу.

— Ты никак влюбилась в нашего уважаемого Анцева? Не смущайся, вижу, что влюбилась. Я давно это предсказывала.

— Ничего ты пока не можешь видеть, Мила. Я сама не могу разобраться, чем к нему привязана. Скорее всего — это глубочайшее уважение его ума, такта и надежности. И если с этого начинается любовь, то я готова ее принять.

— А какая у Вас разница в возрасте?

— Где-то более двадцати лет. Но его возраст меня не пугает, а наоборот притягивает. Запас знаний в его голове превосходит самый полный энциклопедический словарь. Он знает ответ на любой вопрос, найдет выход из самой безнадежной ситуации. С ним я чувствую себя защищенной со всех сторон своей жизни.

— И что, Зоська, этого достаточно для любви между мужчиной и женщиной? Я считала, что в любви все определяют интимные отношения и страсть тела. Хотя, в Анцева можно влюбиться и не за его душу, а просто за тело и внешний вид — высокий, мощный, красивое лицо. Есть все, что называется — настоящий мужчина.

— Ошибаешься. Можно в первую очередь любить душу человека, а все остальное рассматривать, как простые составляющие отношений между мужчиной и женщиной.

— Мне твои высокие мотивы, конечно, не понять. Но ты на мои умозаключения не обращай внимания — люби, как можешь, только люби. Не позволяй себе из-за Александра засохнуть на корню. Зося, а как же Николай Васильевич останется на новый год один? Он согласится нас отпустить в Москву, да еще и с Санечкой?

— Мы с папой уже говорили на эту тему, и он совсем не возражает против нашей поездки. Говорит, что Анцев сейчас нуждается в поддержке. А он вовсе не один остается — с ним тетя Розы и Левон. Это Александр Михайлович совершенно один в чужом городе.

— Тогда ты меня убедила. Будем собираться в Москву. Поедем вместе, и мне с Санечкой не придется расставаться. Какая-то няня, что они умеют, столичные няни? Лучше я с Санечкой посижу, а вы с Анцевым сходите в свой театр. Я там все равно ничего не пойму. Зосья, а ты, когда успела с Анцевым договориться?

— Он мне каждый день звонит в свой обеденный перерыв, мы с ним целый час разговариваем. Обо всем, что мне и ему интересно. Я так привыкла к этим разговорам, что не мыслю свою жизнь без них. Если он по каким-то причинам не может мне позвонить в обед, то обязательно тогда позвонит поздно вечером. Правда, всегда беспокоится, что время позднее и мне пора отдыхать. Старается быстрее свернуть разговор, а мне обидно.

— Ну, ты молчунья! А я-то смотрю, что ты бегом домой бежишь, когда обеденный перерыв у нормальных людей начинается, не пропускаешь ни один телефонный звонок. Так, вот в чем дело. Звонок от Анцева ждешь?

Людмила была счастлива — скоро Зоська переедет жить в Москву, а ей останется не только бизнес, но и Чарышев. В одиночестве Николай Васильевич обязательно затоскует и потянется к ней, Милочке.

Осень уступала место зиме. За окном мела ранняя метель и лепила на стеклах белые узоры. Санечка пробовал делать первые шаги, но Зоя Николаевна советовала пока поберечь его ножки — могут не выдержать его толстенькое тельце и искривиться. Зося сидела в гостиной с Санечкой на руках и учила его разговорной речи. Она держала ручку сына в своей руке и направляла его пальчик поочередно на каждого взрослого, присутствующего в гостиной:

— Повторяй сынок — деда, — и пальчик Санечки направился в сторону Чарышева. Чарышев снял очки, отложил в сторону газету и взял внука на руки:

— Ну, так кто я?

— Деда, — весело повторил ребенок и ткнул своей ручкой Чарышева в грудь.

Хорошо, молодец, — похвалила Зося и подошла к тете Розы, — а это бабушка. Повтори.

— Баба, — сказал ребенок, и улыбнулся тете Розы.

Своих крестных родителей — Левона и Людю он объединил под общим словом «Котя».

— Санечка, — возмутилась Людмила, — ну какой из Левона Котя? Он не Котя, а самый настоящий взрослый кот. Смотри, у него даже усы есть. В лучшем случае, ты мог бы его дядей называть. Дядя! Повтори, Санечка.

— Людмила, — строго возвысил голос Левон, — договоришься у меня.

Зося взяла в руки фотографию Сашы, поднесла к сыну и сказала:

— Это папа. Повтори.

Санечка взял фотографию, бросил ее на пол и сказал:

— Дядя.

Больше всех веселилась и умилялась Людмила:

— Правильно, дорогой мой крестник, умница ты моя! Это дядя.

Вечером, когда в гостиной никого не было, кроме тети Розы, которая возилась с посудой на кухне, Зося решила сыну еще раз показать фотографию его отца. И снова все повторилось — Санечка бросил фотографию на пол и вслед ей сказал «дядя». Зося разволновалась и начала уговаривать ребенка произнести вслед за ней слово «папа». Роза Самуиловна оставила в покое свою посуду, вытерла полотенцем руки и села на диванчик рядом с Зосей и Санечкой.

— Что-то Зося я тоже не вижу здесь папу. Ты хочешь ребенка научить любить изображение человека, который уехал и прочно забыл о вашем существовании. Скажи мне, сколько раз он вам позвонил с момента рождения сына? Не можешь вспомнить? Зато я помню — ни одного раза. Твой отец очень долго добивался твоего прощения за то, что не совершал. Он просто не подозревал, что у него есть дочь. Вспомни, каким виноватым за твое сиротство он чувствует себя до сих пор. А Санечкин отец прекрасно знает о своем сыне, но забыл его и никакой вины за собой не чувствует. Не навязывай ребенку мифического отца. Если Александр когда-то захочет наладить отношения со своим сыном, то пусть потрудится, приложит усилия и докажет ребенку, что у него были веские причины, заставившие его запить, а потом и совсем вас бросить. А у нашего Санечки еще может появиться настоящий отец.

— Это моя вина, тетя Розы. Господь Бог послал мне испытание любовью к человеку, унизившему мое достоинство и забросавшего меня грязью. Я считала, что все могу простить и любить всю жизнь одного Александра, со всеми его недостатками и грехами. Я сама выбрала мужчину, который должен был стать спутником всей моей жизни и будущим отцом моих детей. Это было только мое решение, Саша мне ничего не обещал и не говорил, что любит меня. Даже его последняя записка не убедила меня, что мы ему нужны, а скорее напоминала горячечный бред больного человека. Я все поняла, когда он уехал и забыл нас навсегда. Любовь между мужчиной и женщиной может быть только взаимной и равноправной. В ней всегда принимают участие два человека. Я же хотела любить за двоих, за что и наказана. Сейчас все кануло в Лету, я напилась воды из реки забвения и рассталась со своими иллюзиями. Каждый из нас должен прожить свою собственную жизнь и ничего не навязывать близким людям. Для Санечки я стремилась сохранить отца — он не виноват в моих грехах, и имеет право на обоих родителей.

— Молодец, Зосенька, Господь послал тебе не только испытания, но и ясный ум. Только снова ты хочешь все решить за двоих — теперь уже за Санечку.

— Он очень маленький и я хотела ему помочь.

— Не стоит этого делать — у него уже проявился характер, и он сам может определиться в своих привязанностях. А твой Александр недавно звонил, но с тобой поговорить не захотел. Поинтересовался, как Санечка и сообщил о самом себе, драгоценном и неповторимом. Сказал, что прошел курс лечения, чувствует себя хорошо, уезжает в Германию на работу, но не один, а вместе с женой. Он еще порывался мне рассказать о достоинствах своей жены, но я сказала, что мне достаточно информации, и не стоит углубляться в подробности. Если я правильно поняла, то он женат на медсестре, которая ухаживала за ним в клинике. Я не хотела тебя огорчать, поэтому сразу тебе не рассказала об этом разговоре.

— Тетя Розы, наоборот, я рада за Сашу. Он вылечился, и это самое главное. Я каждый месяц высылала для него фотографии Санечки, а сейчас могу себе позволить прекратить эти бесполезные напоминания о нашем существовании. Не хочу, чтобы чужая, возможно, очень

хорошая женщина, раздражалась, глядя на фотографии моего любимого ребенка. И вот это тоже могу не носить.

Зося сняла с пальца тоненькое колечко с бриллианчиком, подаренное Сашей в их последнюю встречу.

В ноябре все средства массовой информации заголосили о прекращении деятельности коммунистической партии. Имущество партии повсеместно конфисковывалось, коммунисты сдавали свои партийные билеты. Единственная в СССР, марксистско-ленинская партия определяющая качество жизни советского народа и направляющая его в светлое коммунистическое будущее, не сопротивляясь и не борясь за свою собственную жизнь, тихо сдала свои позиции.

Чарышев никогда не был членом партии, но и его удивило прямое малодушие боевого испытанного авангарда советского народа. Ведь именно так любовно называли себя идеологи партии.

— Неужели среди пятнадцати миллионов коммунистов не нашлись преданные партии люди, которые не за должность, а по убеждениям получили партийный билет? — задал он свой вопрос Анцеву-коммунисту во время очередного телефонного разговора.

— Привыкли не спорить, молчать и беспрекословно исполнять все указания — собственное мнение много лет было наказуемо, — коротко ответил Анцев.

Вакантные руководящие места на предприятиях города в срочном порядке стали заполняться бывшей партийной номенклатурой.

Назначили нового руководителя и в Горевский филиал «Проминвестбанка». Им стал до недавнего времени первый секретарь горкома партии города Горевска — Авдей Эдвард Станиславович. Анцев подписал его назначение на эту должность, надеясь при его помощи сохранить банковскую клиентуру.

Анцев давно знал товарища Авдея, и в свое время был ему подотчетен. Эдвард Станиславович умел терпеливо выслушать мнение другого человека, но редко с ним считался. Зато партийная школа научила его не пустословить во время важной встречи, а умело перевести разговор в более конструктивное русло. Он хорошо знал всех руководителей-промышленников, которые обслуживались в «Проминвестбанке» и Анцев полагал, что Авдей сумеет сохранить для банка их большинство. Со спецификой банковской работы он, конечно, не знаком, но в филиале работает грамотный заместитель, который должен будет взять всю техническую работу на себя.

Зося давно хотела навеститься в банк, но не отпускали собственные дела. А вчера позвонила Оксана и сказала, что чувствует себя совершенно одиноким и покинутым человеком, очень хочет увидеться и поговорить.

И Зося поехала в банк. До окончания рабочего дня еще оставались пару часов — хватит времени для общения с Ванечкой и Оксаной.

Ванечку и Оксану она нашла на прежних местах, в кабинете, который когда-то готовил для нового отдела Анцев. Ванечка вытолкнул из своего кабинета Оксану и усадил Зосю на стул для клиентов.

— Зоська, я так рад, что ты нашла время и приехала. Ты знаешь, что у нас новый руководитель? Вижу — знаешь! Я совсем забыл, что ты общаешься с Анцевым и в курсе всех банковских новостей. Так, вот..

— А мне ты слово разрешаешь вставить? Анцев мне не рассказывает о сделанных назначениях. Я знаю вашу новость, но только от отца.

— Неважно от кого, но все-таки, знаешь. Так, вот — я продолжу. Авдей идеолог, но он, похоже, не собирается заниматься воспитанием коллектива. Знаешь, чем он сейчас всерьез увлекается — ремонтом здания, снимает со стен старые мраморные плиты и вешает новые. Поговаривают, что по совместительству облицовываются мрамором и стены его особняка.

— Пусть облицовывает. Это его решение. Может, он полагает, что новый мрамор стен сможет удержать наших клиентов? Я слышала, что клиенты сейчас самостоятельно выбирают банк для обслуживания своих счетов.

— Не знаю, что он полагает, только у нас и дураку стало понятно, что он на дух не переносит скуку и монотонный образ жизни. Сейчас одновременно с ремонтом, он занялся рокировкой в нашем коллективе. Представляешь, нашему отделу поручено разгрести дебиторскую задолженность. Его заместитель пробовал ему втолковать, что это прямая обязанность бухгалтерии, но он и слышать ничего не желает. В одном он, конечно, прав — кто-то должен вплотную заняться взысканием долгов, но не наш же отдел?

— Вань, а кто? Подойди к решению этой проблемы творчески — занимаясь взысканием долгов, ты подрастешь, как грамотный специалист. Представляешь, какие у тебя перспективы? С клиентами ты познакомишься! Появится возможность совсем близко изучить работу хозяйственных судов. Разберешься в плане счетов бухгалтерского учета. К твоим услугам творчество наших юристов, их нормативная и законодательная базы. Радуйся, Ванечка, что все это можно изучать вполне легально, без отрыва от производства. Ты пока специалист банковского дела узкого профиля, а можешь стать настоящим профессионалом.

— Ты права, Зоська! Надо воспринимать это предложение, как подарок к новому году. Хорошо, что ты появилась и вразумила меня. А-то я тут собрался писать всякие докладные записки и доказывать, что произошла ошибка в выборе штатного банковского вышибалы. Ладно, займемся долгами. Пока не забыл, хочу тебя предупредить, что наша Ступина вчера упорно разыскивала твой домашний телефон. Мы ей в этой информации отказали, а в кадрах — ее нет.

— Ты не знаешь, зачем я ей понадобилась. Особой дружбы и взаимопонимания у нас с ней никогда не было.

— Все просто — решила чужими руками вымостить очередной кусочек дороги в рай. Что-то хочет от Анцева получить, а тебя решила использовать в качестве телеграфного агентства.

— Спасибо, что предупредил. Но сегодня у меня не получится с ней встретиться.

— Зось, а ты знаешь, кто объявился возле нашего руководителя? Конечно, даже не догадываешься — это наша Инга Золотарева. Она ему помогает производить ремонтные работы. Вот так! Инга — строитель!

— Что-то в этом есть! Возможно, у Инги появилась возможность потихонечку присваивать строительные материалы? Или какие-то другие, корыстные цели!

В это время дверь кабинета широко распахнулась, на пороге стоял высокий мужчина среднего возраста. От него исходил запах хорошей мужской косметики, голову украшали ухоженные, волнистые волосы.

— Вы-то, мне и нужны, — мужчина склонился к Зосиной руке и галантно ее поцеловал, — я не мог ошибиться — Вы Чарышева Зоя Николаевна?

— Да, я Чарышева. До декретного отпуска — начальник этого отдела.

— Очень хочу с Вами познакомиться. Пойдемте в мой кабинет — чайку попьем и познакомимся. А Вы, Иван Сергеевич, могли бы даме предложить снять шубу. Что-то не

нравится мне Ваше отношение к женщине. Вы и с клиентками себя так ведете?

— Так, это же Зоська, — пробовал оправдаться Ванечка, — мы с ней вместе учились в институте.

— Я уже понял, что девушку зовут Зоя Николаевна и она, вообще-то, ваш начальник.

Проходя мимо Оксаны, Зося остановилась и сказала:

— Прости, Оксана! Не получается у нас с тобой сегодня поговорить. Может, встретимся после Нового Года? Не на работе, а где-нибудь в кафе. Хорошо?

Авдей проводил Зося в свой кабинет и попросил секретаря приготовить чай.

Интересовало его в первую очередь настроение Чарышева и его взаимоотношения с «Проминвестбанком».

— У химкомбината с банком всегда были ровные деловые отношения, — ответила Зося, — этот клиент с пониманием относился ко всем банковским требованиям. Если он сейчас задерживает расчеты за обслуживание и проценты за пользование кредитом, то, скорее всего, это временные финансовые трудности.

— А твой папа не планирует поменять для обслуживания предприятия банк?

— Он со мной производственные вопросы не обсуждает.

— Ладно. Понимаешь, Зося, в ближайшие дни я хотел бы навестить тебя дома. Это будет удобно? Поговорим с Чарышевым в домашней обстановке. Повод у меня есть — я твой новый руководитель и хочу тебя поздравить с новорожденным малышом. Так, что ты на это скажешь? А вот, лично с тобой я бы хотел потом наше знакомство продолжить. Может, посидим вместе в ресторане?

— Эдвард Станиславович, я, конечно, понимаю, что в борьбе за клиента все методы хороши, но при этом не могу допустить своё участие в игре против своего отца. Вы уж меня извините. В гости, конечно, Вы приходите, но без всяких производственных подтекстов. Что касается ресторана, то сразу и безоговорочно отказываюсь. Не привыкла посещать рестораны с незнакомыми мужчинами.

— Ты мне все больше нравишься, Зося Чарышева. И в гости я обязательно приеду. Скажем, на новый год. Не выставишь же ты меня за дверь?

— Ни в коем случае. Гостеприимство Вам гарантировано. Извините меня, я должна Вас покинуть — дома ребенок маленький.

Авдей помог ей надеть шубку и при этом прижал к себе.

Зося отстранилась и сказала:

— Эдвард Станиславович, вот это совершенно лишнее, и как-то Вас не украшает. Пожалуйста, будьте более корректны и уважительны. Я, кажется, Вам повод к такой вольности не давала?

Зося вышла в приемную, и только сейчас обнаружила за столом нового секретаря. «Значит, новый руководитель начинает подтягивать свои кадры, — подумала Зося, — так и нас всех скоро заменит на партийных инструкторов».

В фойе на первом этаже ее ожидал еще один сюрприз — Софья Анатольевна Ступина топталась вокруг мраморной колонны.

— Зося, как прекрасно, что мы случайно с тобой встретились. Давно тебя не видела. Раз уж так получилось, то почему бы нам не поговорить? Тем более что и тема для разговора есть.

Ступина взяла Зося за руку и подтолкнула к диванчику, который стоял в глубине фойе. После дежурных вопросов о здоровье самой Зоси и ребенка, Ступина перешла к главной

теме разговора:

— Ты в курсе, что у нас новый руководитель? Возможно, он грамотный хозяйственник, но свою работу в банке начал очень странно. Он приступил к ремонту здания за счет средств нашей прибыли, которые мы раньше использовали в основном на благотворительные цели. Так пусть бы и ремонтировал, не мое это дело, хотя все знают, что здание не нуждается в ремонте. Но он, что еще придумал — и свой особняк принялся облицовывать мрамором, а документы на строительные материалы, которые приобрел для личных нужд, положил мне на стол, чтобы я их тоже оплатила банковскими деньгами. Зоя, нужно все рассказать Анцеву, чтобы выслал к нам какую-нибудь проверку и навел здесь порядок.

— Я знаю более действенный метод борьбы с незаконным ремонтом — просто не оплачивать банковскими деньгами счета, предъявленные за ремонт особняка Авдея. Пусть оплатит сам, личными средствами. Софья Анатольевна, наша секретарь Верочка сама уволилась, или ее просто заменили?

— Она сама попросила Анцева перевести ее в Москву. Уехала вслед за ним. Сейчас работает в его приемной. Верочка — это образец преданности секретаря своему шефу. Пусть бы ей повезло, и Анцев оценил ее многолетнюю преданность и любовь. У них все может сложиться — я слышала, что он перед своим назначением в Москву развелся с Татьяной.

Поезд набрал скорость, вагон раскачивался и постукивал на стыках рельсов. За окном чернела ночь, изредка подсвеченная яркими сигнальными огнями редких полустанков, через которые поезд громыхал, не сбавляя скорость. Санечка спал, а Зося сидела рядом с ним и внимательно всматривалась в окно, словно, могла увидеть там ответ на мучивший ее вопрос.

Верочку она знала давно и привыкла к ее присутствию в приемной Анцева, как к должной необходимости. Это была тихая, скромная женщина, одетая в праздники и будни в привычный для банковских служащих темный, скромный костюм. Верочкины волосы всегда были уложены в строгую прическу, без единого вольного локона. Белоснежная блузка сливалась с белизной тонкого лица, оттененного накрашенными розовой помадой губами и подведенными высокими бровями.

«Вполне привлекательная женщина, — думала Зося, — намного моложе Анцева и всегда рядом с ним. Он привык к ее услугам и, наверное, принял единственно правильное решение, когда забрал ее в Москву. Не может же он жить в полном одиночестве, только ради того, чтобы мы с Санечкой один раз в год навестили его в Москве. Он и не звонил нам потому, что был счастлив рядом с ней. Интересно, как воспримет наше появление в доме Анцева его Верочка? Попросит нас долго не задерживаться и освободить ее территорию? Ну, уж нет! Здесь, уважаемая Верочка, мы тебе не помощники и останемся в его доме до самого нового года. А, впрочем, нет — Александр Михайлович, заслуживает личного счастья, а поэтому мы уедем перед праздником, чтобы не испортить окончательно его отношения с секретаршей».

— Зоська, — позвала с соседней полки Людмила, — ты почему не спишь? Приедешь в Москву не выспавшаяся и угрюмая. Если за Санечку волнуешься, то я могу за ним присмотреть.

— Знаешь, Мила, — я тут подумала, что мы не останемся на новый год у Анцева. Поедем домой, к папе и тете Розе.

— И к Левону, — добавила Катя, — правильно, хорошее решение! Я в Москве не была никогда, очень боюсь этого огромного города. Выйду куда-нибудь и заблужусь. А ты знакома с Москвой?

— Только по фильмам и книгам. Заблудиться мы с тобой, конечно, не заблудимся, но Москва действительно огромный мегаполис. Я уверена, что и сами москвичи толком свой город не знают. Что уж говорить о нас, провинциалах. Ты не волнуйся, нас встретят, если не сам Александр Михайлович, то его секретарша — обязательно.

— Ну, ты даешь! При чем здесь секретарша? Что он сам не найдет время, чтобы нас встретить? Ты что-то перепутала, такого не может быть!

— Возможно, не найдет — поезд прибывает в Москву в самом начале рабочего дня. А он говорил, что работает почти круглосуточно — огромная филиальная сеть, с которой он практически не знаком, а здесь еще и наступает время годового баланса. Ты знаешь, что такое годовой банковский баланс? И очень хорошо, что не знаешь. Мы иногда затерявшуюся копейку, из-за которой не сверстывается баланс, в ночь под новый год ищем всем банком по всем проводкам, а когда найдем, вот тогда и праздник начинается, прямо в банке. Такое случается. И в этом году Александр Михайлович новый год тоже будет встречать в банке. Я как-то об этом не подумала. Поэтому, Милочка, мы с тобой пораньше уедем из Москвы,

чтобы не мешать его работе.

— Что-то я не пойму, Зоська, ты этому рада или сильно огорчена? Раньше ты никогда по нескольку раз не возвращалась к принятым решениям. А сейчас ты сама не знаешь, где мы будем на новый год. Что сейчас случилось? Чем ты расстроена?

— Немного действительно расстроена, но об этом потом.

К утру поезд умерил свой бег и медленно въехал в город. Зося и Люда заволновались и уже хотели разбудить Санечку, но проводница сказала, что до вокзала еще ехать не один час, а потом поезд будет долго стоять на перроне, они смогут, не торопясь одеть ребенка.

Когда поезд остановился на своей конечной остановке, Зося выглянула в окно и сразу узнала, стоявшего на перроне Анцева. Александр Михайлович вскоре вошел в их купе, помог одеть Санечку, взял его на руки. Багаж забрал его водитель, а Санечку пытался забрать второй мужчина, ожидавший их на перроне, но Анцев сказал, что это его личная ноша, ее он никому не доверит. И уже только на перроне Анцев поздоровался с Людмилой, а потом прижал к себе Зося вместе с Санечкой и прошептал в Зосяно ухо «Любимые мои! Какое счастье снова видеть вас!» Зося спрятала свое смущенное лицо в его холодном, влажном от растаявших снежинок пальто, потом отстранилась, но поднять на него глаза, так и не решилась. Анцев подвел их к стоявшим на привокзальной площади машинам и сказал:

— Зосенька, сейчас вас отвезут домой. Вот эта машина будет постоянно при вас. Если необходимо, то все двадцать четыре часа. Есть договоренность с моим клиентом, который позаботится о внешнем виде Людмилы. Ваш водитель коренной москвич, вы смело ему доверяйте. Дома вас ожидает няня и экскурсовод. Холодильник забит продуктами, но вы можете обедать или ужинать в ресторане, он находится рядом с домом. Я, к сожалению, до нового года не смогу вам уделять много времени — не могу оставить работу, ты меня должна понять и простить. Сегодня, как, впрочем, и каждый день, я возвращусь домой очень поздно — вы не ожидайте меня и ложитесь спать. Вам приготовлены комнаты, и я уверен, что ты сразу поймешь, что и кому предназначено. Ну, все, моя хорошая, мне пора, — Анцев снова на несколько секунд прижал Зося к себе, затем поцеловал Санечку и усадил его в машину.

Няней и экскурсоводом оказались две молодые женщины — скромные, коммуникабельные и доброжелательные. Зося решила сначала самостоятельно осмотреться в незнакомой обстановке, поэтому договорилась о встрече с ними на следующий день, а лучше всего по телефонному звонку, когда в их услугах появится необходимость. Им тоже эта идея понравилась, они распрощались, довольные друг другом.

Дом Анцева своей внутренней планировкой мало, чем отличался от Чарышевского особняка.

А комнаты второго этажа откровенно повторяли Зосяны родные апартаменты в Горевске. Такого же размера совмещенные две комнаты — ее спальня и Санечкина комната. На стене, вдоль красивой деревянной лестницы, которая вела на второй этаж, висели в простых одинаковых рамках большие фотографии Санечки.

Снимки были выполнены Зосей, по ним можно было проследить, как менялся ребенок с момента рождения по сегодняшний день. Санечка улыбался, плакал, показывал свой первый зуб, плавал в бассейне.

Зося вошла в свою комнату и заглянула в платяной шкаф — на вешалках аккуратно развешаны пижамы, ночные рубашки, халаты. Отдельно висело нарядное вечернее платье, упакованное в блестящий полиэтилен, через который просматривались новенькие этикетки

и фирменные наклейки.

«Вот и Верочка себя обнаружила — подумала Зося, — наверное, она в этой комнате живет».

Зося закрыла шкаф и спустилась в гостиную. Люда уже определила для себя комнату и успела переодеться в домашнюю одежду.

— Зоська, пойдем, что покажу, — таинственно прошептала она и повела Зосю в дальнюю комнату на первом этаже, — смотри, как я понимаю, это хозяйская спальня!

— Милочка, это тебя не украшает — нехорошо подсматривать за чужой жизнью!

— Я просто смотрела комнаты, чтобы найти что-то для себя и обнаружила вот это, — Людмила пальцем показала на стену.

На стене, напротив большой кровати, висел Зосин портрет, написанный маслом. Маленькая счастливая девочка с распущенными длинными, пушистыми волосами и невероятно широко раскрытыми и счастливыми глазами держала в руке бокал, наполненный золотистым шампанским с россыпью мельчайших пузырьков, стремящихся вверх, на свободу.

— Боже мой, — ахнула Зося, — как давно это было! Мое счастливое детское путешествие по Крыму вместе с Анцевым. Только тогда я считала, что все это принадлежит мне и Саше и совершенно не замечала его взрослого отца. Но как, же Верочка терпит присутствие этого портрета в его спальне?

— Стоп! Какая Верочка? Я что-то пропустила? Возможно, из-за этой Верочки ты сокращаешь срок нашей гостевой визы? Тогда я не согласна возвращаться раньше запланированного срока. Никакой Верочке мы Анцева не отдадим.

В этот день они никуда не поехали, отдыхали после длинного путешествия и слушали музыку. Вечером, когда Санечка уже спал, и Людмила ушла в свою комнату, Зося приготовила ужин для Александра Михайловича, устроилась на кухонном диванчике с журналом, который разыскала на маленьком столике в гостиной. Материалы журнала рассматривали различные аспекты профессиональной банковской деятельности, она с интересом начала читать статью о современных методиках оценки стоимости залогового имущества. Зося увлеклась изучением формул и не заметила, как часы в гостиной пробили полночь. В это время робко, чуть слышно, прозвенел звонок входной двери, Зося побежала в прихожую, чтобы открыть дверь. Анцев стряхнул со своего пальто снег, подошел к Зосе, поцеловал ее в подставленную ему щеку и сказал:

— Прости, Зосенька, я, кажется, забыл ключи в банке. А ты почему не спишь?

— Вас ждала. Мы давно не виделись, а разговор по телефону не компенсирует личное общение.

Он пил горячий чай, а она сидела возле него, оба молчали. Разговор не получался, Зося пожелала ему спокойной ночи и ушла на второй этаж. Анцев отставил в сторону чашку с недопитым чаем, тоже ушел в свою комнату.

Но заснуть в эту ночь ему так и не удалось — совсем рядом спала любимая девочка, к которой он боялся прикоснуться, и вынужден был лицемерить и притворяться. Он мерил шагами свою комнату и думал о том, что совсем потерял голову от своей влюбленности, опустил до обмана, потому, что никакие ключи он не забывал, а они лежали в кармане его пальто. Подходя к дому, он заметил свет в гостиной и понял, что именно Зося сейчас не спит, его ждет.

За всю его долгую безрадостную семейную жизнь ему никто и никогда не открывал

входную дверь — он открывал ее сам и осторожно, чтобы не беспокоить Татьяну и Сашу, проходил в кухню, разогревал давно остывший ужин, ел, а потом так же тихо уходил в свою комнату.

Сегодня его ждали. Он несмело нажал кнопку звонка и услышал торопливые, легкие шаги за толстой дверью. Зося стояла перед ним домашняя и уютная, и от нее снова пахло Санечкой. Этот запах он полюбил и запомнил во время совместных купаний малыша в доме Чарышева. Так пахнут грудные младенцы и кормящие их мамы. Сегодня он с нежностью подумал о том, что Зося, наверное, еще изредка прикармливает малыша грудным молоком, поэтому не пользуется косметикой.

Сейчас он старался отойти от нее на безопасное расстояние, которое, как ему казалось, не позволит ему сделать последний шаг навстречу, схватить ее и отнести в свою комнату.

Во-первых, он не мог себе этого позволить, потому что считал, что Зося достойна уважения и другого к себе отношения. Сначала он хотел сделать ей официальное предложение и попросить ее руку у своего друга и партнера по бизнесу Чарышева.

Во-вторых, он совсем недавно выкупил большую долю в уставном фонде химкомбината и не мог допустить в самом начале совместного бизнеса с Зосиным отцом возникновение недоверия или даже малейшего сомнения в его порядочности. Что подумает о нем Чарышев, когда узнает, что он соблазнил его молодую дочь, которая годится Анцеву разве, что в дочери.

Он не один год мучился своей запоздалой любовью к молоденькой девочке, которую слишком поздно подвела к нему судьба.

Здесь, в этом доме, долгими ночами он думал о том, что у его сына и Зоси еще возможно семейное счастье.

Если бы Зося вышла замуж за Александра, то он бы искренне порадовался за их обоих и за себя тоже. Потому что, в этом случае, Зося стала бы членом его семьи, он смог бы видеть ее и Санечку в любое время, когда затоскует и заскучает по ее глазам его сердце.

Однако Саша забыл не только Зосю, но не интересовался даже сыном. Постепенно он перестал рассматривать Сашу, как своего потенциального соперника в любви к одной и той же женщине. Пусть будет счастлив со своей медсестрой в благополучной Европе. Зато из сына уже сейчас просматривался достойный профессионал банковского дела. Хорошо, что хоть в этом он сумел привить своему воспитаннику ответственность финансиста за доверенные ему в управление денежные средства и организаторские способности хорошего руководителя.

Похоже, что Александр не собирался возвращаться в Россию. У него было все, что он относил к составляющим счастья — большая зарплата в твердой валюте, работа руководителя среднего звена в солидном банке и молодая жена. Анцев не стал его переубеждать и рассказывать о приоритетах в жизни вообще, а в семейной, тем более — он окончательно понял, что жизненные пути Зоси и его сына разошлись параллельными прямыми.

Тогда он начал планировать и предвкушать свою встречу с Зосей, но она сама ему позвонила и сказала, что нуждается в его помощи и советах. «Нуждается», именно так она определила свою потребность в общении, и Анцев расценил ее потребность, как самое главное достижение в своей жизни. Он перестал уходить из своего кабинета в обеденный перерыв, стал использовать это личное время для общения с ней.

Верочка очень быстро поняла, что ради телефонного разговора с Зоей Николаевной он

отказывает себе в нормальном питании, стала накрывать ему обеденный стол прямо в его личной комнате отдыха. Вскоре в этой же комнате стараниями Верочки появился телефонный аппарат с отдельной линией, которую она называла домашней, потому, что никому не сообщила этот номер телефона. Зосе она позвонила сама и сказала, что домашняя линия для нее всегда свободна, она может воспользоваться ею в любое время рабочего дня. И Анцеву о поступившем звонке из родного Горевска она сообщала коротко и понятно «Звонок на домашней линии». И он торопливо покидал самое важное совещание, чтобы услышать Зосин голос.

Сначала Анцев полагал, что Зося, которая готовила платформу для собственного бизнеса, в первую очередь, ждет от него ответы и разъяснения на каверзную юридическую двусмысленность, присутствующую во всех нормативных актах, регулирующих новые экономические отношения в стране. Он даже попросил юристов подготовить для его личного пользования подборку материалов по предпринимательской деятельности. Зося всегда стремилась строить свою работу в соответствии с действующей нормативной базой и прежде, чем принять какое-либо решение, дотошно изучала законодательство. Этому он сам учил ее во время работы в Горевском филиале банка. И сейчас готов был помочь ей разобраться в дебрях противоречащих друг другу законодательных актов.

Но Зося, весело и восторженно могла часами рассказывать ему о новом сорте огурцов, который пан Станислав считает очень перспективным для выращивания в закрытом грунте или о разноцветных баклажанах и перцах. Он вслушивался в тембр и интонации ее голоса и постепенно начинал понимать, что, Зося, как и он, нуждается в простом общении с близким человеком, которому будут интересны все мелочи прошедшего дня.

Когда Зося сообщила Анцеву о своем скором приезде, он перестал спокойно спать и все думал, как же сохранить их намечающееся счастье на этой начальной стадии, до результатов его поездки в Горевск. Только после того, как он получит согласие Чарышева и самой Зоси на этот, по его меркам, неравный брак, он мог себе позволить самые близкие отношения. Зося он представлял непременно в статусе своей жены, другие отношения его не устраивали. Но втайне его еще мучило предчувствие неудачи в интимных отношениях с обожаемой девочкой. Какие они сейчас между молодыми людьми эти самые отношения он не знал и боялся их.

Вся жизнь прожита только работой. Работа была любимой частью его жизни и до последнего времени заменяла семью и любовь женщины. Когда, в какой момент их знакомства он влюбился в Зося? Рассмотрел глубину ее глаз, прикоснулся к волосам и погиб в лабиринтах любви.

Возможно, все случилось в Крыму, когда он со стороны любовался стройным девичьим телом, обласканным яркими лучами солнца. А, может, еще раньше, когда в его кабинет в первый раз вошла худенькая, очень серьезная девочка-подросток с застоявшейся тоской в серых глазах. Только через много лет он рассмотрел, что ее глаза могут быть ярко-синие и счастливые.

Он непозволительно рано нагрузил ее ответственностью за правильно организованную работу с руководителями предприятий-клиентов. Зося очень точно определила во взаимоотношениях с элитой банковской клиентуры контактное расстояние, ни одного раза не позволила, охочим до женской красоты руководителям разных рангов, подойти к себе очень близко.

Анцев сначала сомневался в правильности своего выбора, корил себя за то, что не

подумал побережь Зося от сальных взглядов женских угодников. Но постепенно успокоился и только иронично улыбался, наблюдая за неудачной попыткой очередного ловеласа привлечь Зосяно внимание.

Но от этого раннего назначения молодого специалиста, сам Анцев неожиданно получил хорошие дивиденды — Зося своим присутствием украшала все, назначенные им производственные совещания. Она внимательно слушала отчитывающийся или выступавший с докладом банковский народ. Когда ей было что-то не понятно, она переводила свои большие глаза на Анцева, и он не мог отказать себе в удовольствии возвратиться в это непонятное место и расставить все точки по своим местам. Он привык к безмолвным диалогам их глаз и научился понимать ее без слов.

Без ее слов и объяснений он догадался, что она готовится стать матерью и искренне любовался ее изменившейся фигурой. Она, даже сидя на совещаниях, ласково и нежно гладила живот, и он был уверен, что она с ним разговаривает.

У нее появилась странная манера передавать ему документы на подпись. Она проходила мимо его рабочего стола и останавливалась за его спиной, оттуда и ложились документы под его руку. Зося при этом иногда невольно прикасалась своим животом к его телу, и он четко ощущал живое шевеление ее ребенка.

Он вместе с ней ожидал рождение этого малыша, как самого большого чуда в своей жизни и не сумел себя убедить, что чем раньше он появится на месте своей новой работы, тем проще ему будет в дальнейшем разобраться в структуре этой масштабной банковской машины.

Он с удовольствием занимался переустройством ее быта, и уже тогда понимал, что ее ребенка он будет любить не меньше, чем ее. Хотя бы за то, что это часть ее души и плоти.

И вот сегодня Зося совсем близко от него, стоит только подняться на второй этаж. А может и подняться — ведь и Санечку он видел только на вокзале.

«Нет, — решил Александр Михайлович, — всему свое время, я не могу обидеть ее несдержанной страстью».

Анцев принял ледяной душ, поменял рубашку и ушел на работу — там Верочка приготовит чай с бутербродами, а нерассмотренные бумаги на несколько часов без остатка завладеют его вниманием. На следующий день все повторилось — он снова увидел свет в окне своего дома и не стал доставать ключи из кармана. Сидя за кухонным столиком, он сумел спокойно выслушать полный Зосин отчет о проведенном времени. Зося рассказывала, как Людмила рада покупкам. Оказывается, она впервые в своей жизни всерьез занялась своим гардеробом. В магазинах ей нравится все без исключения, и она готова покупать и покупать, без примерок, ориентируясь на оценку продавцов. Но благодаря их сопровождающему, который оказался грамотным ценителем женской одежды, Люду, хоть и с трудом, но все-таки возможно остановить от покупки лишних вещей.

Анцев заинтересованно кивал головой, но и в этот вечер, сославшись на усталость и позднее время, ушел в свою комнату. Через несколько дней ему позвонил его клиент, который помог решить Людмилины проблемы и сказал, что поручение Анцева он с удовольствием выполнил, и подруга Зои Николаевны одета и обута в последние модные модели нынешнего сезона. Только вот, Зоя Николаевна, в которую он уже безнадежно влюблен, для себя ничего не купила.

— Ваша жена, Александр Михайлович, обладает таким взыскательным вкусом, что ей что-то подобрать практически невозможно. Она предпочитает вещи, в которых можно

оставаться внешне скромной и неброской. Такие вещи, как и те, в которые она одета, можно купить только в дорогих бутиках за границей. Вы простите меня, Александр Михайлович, за то, что я ничего не смог предложить Вашей супруге, но она сама настоящий бриллиант и простая оправа из московского ширпотреба только испортит ее внешний вид.

Из этого разговора Анцев с огромным для себя удовольствием сделал вывод, что посторонний человек сразу и безоговорочно принял Зосю за его жену и не усмотрел в этом союзе ничего странного. Значит, не все так страшно, как рисует его воображение. И только к концу рабочего дня его словно облили кипятком — основная программа, из-за которой Зося приехала в Москву, уже выполнена, и они все могут уехать домой. Возможно, сегодня! Он мечтал о новогоднем празднике в своем доме с настоящей живой елкой, украшенной блестящими игрушками и мишурой, с Дедом Морозом, Снегурочкой и мешком подарков для Санечки. Все это можно было устроить без всяких проблем, потому что в банке Дед Мороз и Снегурочка давно состояли в штатном расписании, и на новый год поздравляли всех детей банковских работников, а потом с поздравлениями и подарками выезжали в детские дома и приюты. А уж его-то Санечке, тем более, могла быть устроена самая смешная и веселая возня вокруг елки. Но чем он сам будет в это время заниматься? Больше невыносимо видеть рядом тоскливые, потемневшие Зосины глаза, полные ожидания и вопросов. В праздничный день не очень-то просто уйти на целый день на работу.

И он придумал — конечно же, Зосе нужно предложить билеты в театры, кремлевский дворец и новогодние светские вечеринки. У него в отдельной папке лежали стопки различных приглашений на новогодние мероприятия от банковских клиентов. Пусть девочки веселятся, а он останется дома с Санечкой. Все будут довольны, а он в первую очередь — общество Санечки его вполне устраивало и не смущало.

В городе начинались рождественские каникулы, и в этот вечер он решил прийти домой пораньше, чтобы отдать Зосе всю праздничную корреспонденцию — пусть выберет для себя и Люды интересные предложения. Только бы заинтересовалась! На этот раз дверь ему открыла Людмила. Прихожая была похожа на временный склад для хранения дорожных сумок и пакетов.

— Людмила, вы собрались уезжать? — голос Анцева дрогнул, — А где Зося?

Люда посмотрела на него и кивнула в сторону лестницы:

— Собирается. Санечку пошла будить и одевать. Скоро машина за нами приедет.

— Людмила, пожалуйста, убери сумки, никуда вы не поедете. Распорядись сама, и отошли машину. А я к Зосе, должна же она меня понять.

Анцев на ходу снял пальто и туфли и оставил их лежать темными пятнами на светлом ковре в гостиной. Он ясно понял, что если она сейчас уедет, то все, что было создано ими двоими за последнее время, может разрушиться и никогда не возвратиться. Тогда, возможно, даже согласие Чарышева на брак не спасет их отношения.

Когда он вошел в Зосину комнату, она собирала в дорожную сумку детские вещи. Санечка спокойно спал.

— Зосенька, — он подошел к ней и положил руку на ее плечо, — посмотри на меня. Ты смогла бы уехать, не попрощавшись? Прости меня! Я не мог уделить тебе внимание в том количестве, которое ты заслуживаешь, но ты, же понимаешь — работа. В Вискулях подписано соглашение о выходе ряда республик из состава СССР. Нужно было срочно как-то защитить и спасти резервные фонды банка. Зосенька, но сейчас я освободился. Не уезжай, пожалуйста. Я и Санечку толком не рассмотрел.

— Причем здесь резервные фонды? — Зося отвернулась от него и продолжала возиться с вещами, — Вы, Александр Михайлович, даже завтракать уходили к своей Верочке. Я все понимаю — Вы тоже заслуживаете отдых. А тут мы целым табором. Верочка всегда мне нравилась, и я желаю вам счастья. Мы уедем, чтобы Вы смогли хоть праздничные дни провести вместе с Верочкой, в спокойной семейной обстановке.

— Не могу поверить в свое счастье, — засмеялся ошеломленный Анцев, — Зосенька, ты меня ревнуешь? К кому, к Верочке? Да, она снова сидит в моей приемной, но это означает только то, что она хороший помощник. И все! Драгоценная моя, ненаглядная девочка! Зосенька, я только тебя люблю! Давно и безнадежно! Без тебя и Санечки не может быть у меня никакого счастья. Почему я дома не появлялся? Все очень просто — боялся наброситься на вас с Санечкой, как одинокий голодный волк на свою добычу, ну и работой, конечно, перегружен. Зосенька, я хотел тебе предложение сделать и дать время, чтобы ты подумала.

— Но в этом шкафу Верочка оставила свои вещи.

— Какие вещи, — изумился Анцев и открыл шкаф, — вот эти, что ли? Я для тебя купил, чтобы ты из Горевска не везла домашнюю одежду. Ты обратила внимание, что мой дом в точности повторяет дом твоего отца в Горевске? Это не случайность — я хотел, чтобы ты и Санечка по приезду сюда не привыкали к новой обстановке. Зосенька, я после праздников собирался поехать в Горевск, просить твою руку у Николая Васильевича. А ты за это время подумаешь, нужен ли я тебе в качестве мужа.

— А без этого никак нельзя? — Зося, наконец-то, посмотрела в его глаза, — я пропадаю без Вас! Я Вас люблю, люблю сейчас, сию минуту. Какого согласия Вы еще ожидаете? Боже мой, что я говорю? Это настоящая катастрофа!

Зосино лицо внезапно покрыли алые пятна, а из глаз закапали крупные слезы.

— Зосенька, солнышко, не плачь, — Анцев начал целовать ее лицо, губы и мокрые глаза, — скажи, а ты никогда об этом не пожалеешь? Его голос стал глухим и незнакомым, а руки уже расстегивали первую пуговку ее блузки.

Счастье его почти пятидесятилетней жизни сейчас спало рядом с ним, прижавшись горячим телом к его груди. Он не спал, потому что ночная эйфория уступила место утренним сомнениям.

Он боялся, что утром Зося может совершенно по-иному расценить их ночную любовь. Молодая женщина, красавица лицом и безупречным телом, и он — никогда не знавший счастья в интимной близости и избегавший серьезных отношений с женщиной уже более двадцати лет.

В кровати начал ворочаться Санечка и Зося моментально проснулась, потерлась щекой об его успевшее за ночь стать колючим лицо, посмотрела на него синими, сияющими глазами и прошептала: «Мой любимый, счастье мое сладкое». Это было так неожиданно и необычно, что его мысли спутались, а нужные слова покинули голову. Он стал говорить о том, что, возможно, не совсем безупречным был ночью, а сейчас и, вообще, плохо выглядит. А еще эта вот растянутая и измятая майка...

Зося засмеялась, велела ему не кокетничать, и пообещала, что растянутой майки в их жизни больше вообще не будет, потому, что она проследит, за тем, чтобы свою майку он своевременно снимал. В подтверждение своих слов, Зося сняла с него майку, пробежалась губами по обнаженной груди и подала халат.

Она забрала Санечку из его кровати, посадила рядом с Анцевым. Санечка потянулся к

ней ручками, она снова легла на кровать, возле него. Ребенок засмеялся, уселся на Зосину грудь, радостно хлопая ручками, начал прыгать. Анцев забрал его и сказал:

— Санечка, маме тяжело. Смотри, какая она у нас нежная, совсем хрупкая девочка. Давай мы с тобой нашу маму будем беречь. Ладно? Прыгай здесь, мне будет только приятно.

Санечка притих, ему сразу расхотелось прыгать.

Мальчик тихонько сидел возле Анцева, потом направил на него свой пальчик и сказал:

— Папа.

— Нет, Санечка, не спеши, — сказала Зося, но заглянув в глаза Александра Михайловича, увидела, как в них заметалась паника ожидания ее реакции. Вот сейчас она скажет ребенку, что это не папа, а дедушка, и можно собирать осколки их счастья.

— Давай мы с тобой, сынок, — торопливо продолжила она, — сначала спросим разрешение у Александра Михайловича.

— Папа, папа — утверждался ребенок в своих правах.

Анцев взял Санечку на руки:

— Мой любимый ребенок! Спасибо тебе, Санечка, за признание. Конечно, я твой папа. Давно, с самого рождения. Ты ведь сразу это понял, правда? Ах, ты, мое солнышко драгоценное! Сыночек мой маленький!

Он целовал его ножки, ручки и попу, а ребенок заливался веселым смехом. Два счастливых человека наслаждались обществом друг друга.

— Вставайте, лежебоки, а то с голоду умрете, — Зося уже успела принять душ и привести себя в порядок, — Где твой Котя, сынок? Мы о ней совершенно забыли. Вы тут без меня мойтесь, брейтесь и одевайтесь, а я ушла Людмилу разыскивать и завтрак готовить.

— Зося, но мои вещи все внизу. Как ты считаешь, мне удобно будет в таком виде пройти через гостиную? Тебя это не скомпрометирует?

— Александр Михайлович, я Вас правильно поняла — мы должны скрывать наши отношения?

— Нет, Зосенька, я беспокоюсь только о твоём спокойствии и благополучии!

— Не стоит! Я счастлива оттого, что сама люблю и любима! А разве можно счастливого человека скомпрометировать любовью? Однако Ваши вещи принесу — действительно, не стоит смущать Милочку.

Зося открыла дверь и вышла в коридор. Возле лестницы она увидела пакет, заглянула туда и обнаружила аккуратно уложенные домашние вещи Александра Михайловича. Станок для бритья и баночки мужской парфюмерии лежали в отдельном пакетике. Зося забрала пакеты, возвратилась назад, в спальню.

— Александр Михайлович, Милочка для Вас приготовила сюрприз. Здесь все самое необходимое для утреннего туалета.

Зося спустилась в гостиную, прошла в кухню — на маленьком диванчике спала Люда, одетая в лучший, новый костюм. Возле диванчика обнаружились пустые бутылки из-под шампанского, блестящие обертки от шоколада и начатая коробка конфет.

— Милочка, — Зося начала тормошить подругу, — чем ты тут развлекалась? Ты в одиночку осилила содержимое всех этих бутылок? И ела только конфеты?

Людмила открыла сонные глаза, приподняла с дивана взлохмаченную рыжую голову.

— Зоська. А чем еще я могла заниматься? Нашла вот какую-то кислятину, ей и отравилась.

Зося подняла с пола бутылку, внимательно рассмотрела этикетку.

— Говоришь кислятина? Это лучшее в России шампанское «Новый свет», а кислое потому, что брют. Давай, Милочка, я тебе кофе сварю.

— Нет, уж! Сама сварю. А у тебя теперь есть кому кофе варить, и в постель подавать.

— Милочка, ты из-за меня эту пьянку устроила? Расстроилась, что ли?

— Нет, душа попросила. Но это ненадолго — все пройдет. Потом поговорим, ладно?

В гостиную входил Александр Михайлович с Санечкой на руках. Людмила взяла Санечку на руки и запричитала:

— Почему ты, Котенька, так долго спал? Я соскучилась без своего любимого крестника. Пойдем кашку кушать. Мамочка твоя уже все приготовила.

Людмила к Санечке относилась с нежностью. Тайно, но и она мечтала о таком же карапузе.

После завтрака Люда и Зося разложили приглашения, а Анцевы уселись возле телефонного аппарата. Александр Михайлович кого-то просил привезти елку с игрушками. Следующим телефонным звонком — записать его сына на проведение домашнего утренника. Санечка теребил пуговицы на его рубашке, одновременно пытался отобрать телефонную трубку.

К концу дня в гостиной появилась зеленая пушистая красавица, и вскоре засияла разноцветными огоньками и елочными игрушками. В доме Анцева заканчивались приготовления к самому любимому советскими людьми празднику. Новогодний вечер они провели дома за тихим семейным ужином. Санечка сидел рядом с Анцевым, потом пересел на его колени и заинтересовался салатом в стоящей рядом тарелке. Сразу обнаружил, что его ручки грязные, поэтому вытер их об рубашку Анцева. Анцев встал вместе с Санечкой, отправился его мыть и переодевать. Через пять минут Зося пошла их искать, назад к столу они не вернулись.

Людмила пила специально для нее купленную бутылку полусладкого шампанского, и смотрела по телевизору новогодний концерт. После второго бокала она приняла твердое решение, что все оставшиеся дни проведет с Санечкой, а Зоську и Анцева отправит развлекаться по полной новогодней программе — должны же они когда-нибудь остаться наедине.

В первый день наступившего нового года они собрались в гостиной только к обеду, а еще через полчаса туда ввалилась шумная толпа массовиков-затейников во главе с Дедом Морозом и Снегурочкой. Сначала Санечка испугался, спрятался на руках у Анцева, но потом его переманила на свои руки Снегурочка. Вместе они ушли к елке, позвали к себе зайцев и клоунов, которые выстроились в хоровод. Санечка восторженно размахивал ручками и пытался стащить с головы Снегурочки ее блестящую шапочку.

Дед Мороз почему-то сразу выпал из общего веселья, его явно заинтересовала Зося. Он присматривал в большой гостиной камерный уголок, где он сможет составить для нее личный гороскоп на новый год. Зося смеялась, но от личного гороскопа отказалась. Снегурочка заметила недостойное поведение своего напарника, подошла к нему, что-то горячо зашептала ему в ухо, несколько раз кивнув в сторону наблюдавшего за всем происходящим Анцева.

Дед Мороз сразу образумился, извинился перед Зосей, немедленно приступил к исполнению своих непосредственных обязанностей. Он вывел Людмилу из хоровода и вместе с ней пустился в пляс, выделявая замысловатые па, какого-то непонятного экзотического танца, напоминающего скорее пляску папуасов вокруг ритуального костра.

Было так шумно и весело, что никто не услышал давно звонивший телефон. Звонил Чарышев, который второй день не мог им дозвониться:

— Александр Михайлович, что у вас там происходит? — Чарышев был явно обеспокоен, — мы звоним уже почти сутки, но никто не подходит к телефону. Где Зося и Санечка? Почему у вас так шумно? Что случилось с моими детьми?

— У нас все в порядке. Шумно, потому что у нас в гостях Дед Мороз и Снегурочка.

— Да, ты что! Ты действительно пригласил затейников к себе домой? А я вот не додумался. У Зоси никогда и елки-то настоящей не было. Ладно, веселитесь, не буду вам мешать. Скажу откровенно — я тебе завидую. Ты умеешь моим детям настоящие сюрпризы преподносить.

— Если ты не забыл, то Санечка и мой ребенок. А Зося самый любимый человек. Мне для них всей оставшейся жизни не жалко. Звучит пафосно, но это правда.

Первая новогодняя неделя для Зоси и Анцева пролетела единым быстротечным мигом. За это время они успели побывать в театре, посмотреть балет, принять участие в двух корпоративных вечеринках по приглашению клиентов банка, а с генеральным директором одного из клиентов посидеть несколько часов в ресторане.

Матвей Кузьмич приехал из Сибири в Москву по приглашению друга, одновременно решил познакомиться с новым генеральным директором «Проминвестбанка», клиентом которого его предприятие было много лет. Он позвонил Анцеву домой, назначил встречу в ресторане. Анцев не смог отказать клиенту, но и с Зосей расставаться даже на несколько минут в его планы не входило. Поэтому уговорил ее пойти в ресторан вместе. Когда они вошли в фойе ресторана, к ним сразу подошел высокий, грузный мужчина, скорее похожий на былинного богатыря, нежели, чем на генерального директора крупнейшего в России металлургического комбината. Он долго тряс руку Анцева, а потом с чисто русской бесцеремонностью спросил:

— А это что у нас здесь за прелестное создание?

Зося протянула ему руку и представилась:

— Чарышева Зоя Николаевна.

Матвей Кузьмич взял ее руку в свою огромную ладонь и спросил:

— А кем ты Зоя приходишься Николаю Васильевичу? Знаешь такого? В Лабении он работает, на химкомбинате. Впрочем, давай я сам отгадаю — дочь ты его. Зосей он тебя называет. Отгадал?

— Да, — удивленно протянула Зося, — это мой папа. А как Вы догадались?

— Я твою шубку признал. Такой мех, дорогая девочка, только в Сибири можно найти. Шубку мы заказывали по просьбе твоего отца. Я поэтому имя твое знаю. Привет не забудь своему папе от меня передать.

К ресторанным изыскам Матвей Кузьмич не притронулся, отпил глоток минеральной воды, затем придвинул свой стул поближе к Анцеву:

— Ну, что, Александр Михайлович, может, ты мне объяснишь, что все это значит?

— Вы о чем, Матвей Кузьмич?

— Я о распаде СССР. Фактически с 25 декабря субъекта международного права под названием СССР уже нет. А как же мартовский референдум, на котором большинство советских граждан проголосовало за сохранение СССР? Ты как считаешь, имели прав несколько политиков от имени почти трехсотмиллионного населения подписать документы, уничтожившие великую державу?

— Безусловно, документы о роспуске СССР подписаны с нарушением юридических норм. Еще хуже, что при этом проигнорировано мнение народа. Но возврата назад, скорее всего, не будет. Мировой общественностью с большим воодушевлением все принято, как факт, сейчас требовать соблюдение формальных правил бессмысленно. Могучая держава рухнула, и начала стремительно распадаться на мелкие субъекты хозяйствования.

— А как же мы, предприятия и банки? Одновременно с СССР разорваны все экономические и хозяйственные связи предприятий. А как сейчас пойдут платежи?

— Я думаю, что в ближайшем будущем начнут формироваться новые финансовые институты, включая банки и небанковские учреждения в каждой бывшей союзной республике. Ну, а пока готовьтесь к картотекам и тромбам на банковских корсчетах. Не только хозяйственные связи рухнули, но и банковские счета обрезаны по границам новых государств. Мы тоже выбиты из нормальной работы. Финансовые потоки и документооборот замкнулись внутри Российской Федерации.

— Ладно, ты не забывай информировать нас, как дела обстоят. Будем помогать. Мы, хозяйственники, не можем оставить свои банки на произвол судьбы, иначе задохнемся.

— Я сам собираюсь к вам в ближайшие дни навестись. Посмотрю банковскую сеть, с клиентами поближе познакомлюсь. Будет у меня к вам одно предложение — обсудим на месте.

— Приезжай, будем рады. Помогу промышленников собрать. Мы с тобой все о делах, а нашей Зосе все это неинтересно.

— Наоборот, мне все интересно. Я тоже в банке работаю, в Горевском филиале. Основной клиент нашего филиала, это химкомбинат, родное предприятие моего отца.

— Значит, ты тоже банкир?

— Нет, до звания «банкир» мне еще очень далеко. Я простой банковский клерк.

— Если быть честным, — уточнил Анцев, — то Зося уже не клерк, а хороший банковский специалист. Непременно подучим, станет настоящим банкиром.

Дни проходили один за другим, приближая их расставание — ей нужно было возвращаться домой, а ему к своим делам.

Днем они любовались друг другом со стороны и блаженствовали от каждого прикосновения. А ночи превратили в царство сладкого безумия. В одну из таких ночей, Зося склонилась к лицу своего любимого и в сером утреннем свете увидела, как оно осунулось и побледнело, а его глаза обвели темные круги.

— Все, — сказала она, — сегодня мы уезжаем. Иначе оба сгорим в этом пламени. Ты не хмурься — нам нужно привыкнуть к тому, что мы вместе, а это в первую очередь означает то, что мы должны заботиться друг о друге. Твое здоровье для меня важнее физического наслаждения. У нас впереди вся жизнь.

Они стояли на платформе Лабенецкого вокзала, и между ними росла холодная стена непонимания. Так обычно прощаются чужие люди, когда хотят избавиться друг друга от уже ставшего тягостным общения.

Когда на платформу въехал поезд, лязгнув металлом, открылись двери, а проводница начала приглашать всех пассажиров пройти в вагон, Людмила забрала Санечку, его ручкой помахала Анцеву:

— Пока, пока. Приезжай, папочка, меня навестить.

— Зосенька, — Анцев коснулся ее руки, — твой поспешный отъезд напоминает скорее бегство. Что-то не так? Впереди вся жизнь у тебя, а у меня она может скоро закончиться.

— Вот, именно, этого я боюсь. А тебя очень прошу — не напоминай мне больше о своем паспортном возрасте. Ты для меня мудрый змей или, возможно, дракон, что мне нравится в тебе больше всего. Я люблю твою все понимающую, очень близкую мне душу. Физическая близость с тобой, это тоже великое наслаждение, но оно не должно быть приоритетом в наших отношениях. Своим поспешным отъездом я, наоборот, хочу доказать свою преданность тебе, а вместе с ней — мою ответственность за твое здоровье. Я тебе обещаю, что у нас все образуется. Давай вдвоем подумаем, как научиться сдержанности.

— Ладно. Тогда прими от меня право «вето» на наши отношения, которым ты можешь воспользоваться в любой момент. Я все пойму.

— Не будет этого никогда. Я люблю тебя.

— Ты все-таки не забывай, что за тобой остается право выбора. Счастливой тебе дороги, родная моя девочка.

Зося вошла в вагон, подошла к окну — Анцев стоял на платформе, совершенно несчастный. Его лицо было закрыто поднятым воротом пальто.

Даже через стекло Зося ощущала, как ему холодно, а, возможно, совсем одиноко. «Что я делаю? Может, мне нужно забрать Санечку и выйти из вагона?», но поезд уже тронулся, Зосин вагон стал удаляться от стоявшего на перроне Анцева.

После возвращения из Москвы прошла неделя, но спокойствие и полное понимание произошедшего, почему-то не наступило. Зосино сознание во сне и наяву не покидала одинокая мужская фигура, оставшаяся на Лабенецком вокзале.

Анцев ей не звонил, а его домашняя линия была недоступна. «Что-то случилось с нашими отношениями, — пробовала разобраться в ситуации Зося, — но, что, именно? Все было так хорошо. Даже была уверенность, что счастье реально существует и никогда не закончится. Совершенно точно только одно — Александр Михайлович меня любит. Это я сама не сумела убедить его, что у меня тоже все серьезно. Неужели мы с ним расстались навсегда?»

Зося занималась домашними делами, составляла с Людмилой список необходимых семян для весенней посевной, но все делала машинально и неохотно. Даже встреча с паном Станиславом не смогла отвлечь ее от грустных мыслей. Она привезла ему из Москвы пакет семян экзотических овощей, купила обычный набор продуктов, которыми можно порадовать пожилого человека, и вместе с Людмилой отправилась к пану Станиславу в гости.

Дверь им открыл молодой юноша, внешне очень похожий на пана Станислава. Увидев входивших в его комнату Зося и Людмилу, старичок разволновался, растрогался. На его глазах блеснула слеза. Пану Станиславу нездоровилось, на нем была одета меховая безрукавка, а сверху накинут большой женский платок.

— Пани Зося, пани Людмила! У вас, при всей вашей занятости, нашлось время навестить больного старика? У меня радость — внук приехал на зимние каникулы. На агронома учится, еще один год остался, а дальше защита. Летними каникулами он хотел бы со мной поработать на Вашей земле, пани Зося. Если Вы позволите, то буду премного Вам благодарен. Его тоже Станиславом зовут. От меня ему имя досталось, внешность и любовь к земле.

— Вы еще спрашиваете, пан Станислав! Пусть работает, мы ему зарплату назначим. Правда, Мила?

— Спасибо, пани Зося. Деньги ему, конечно, нужны. Мы с ним вдвоем живем на мои доходы. Но пока он может без денежного вознаграждения поработать.

— Только за зарплату, пан Станислав! Я, когда училась, мне тоже позволили работать все летние каникулы в банке. А за мое присутствие на рабочем месте еще и деньги платили. Теперь-то я понимаю, что таким способом банк мне материальную помощь оказывал. Умница наш Александр Михайлович, — голос Зоси стал грустным и нежным, — он понимал, что просто так я деньги не приму, лучше умру от голода. Зато деньгами, полученными в банке по ведомости, я гордилась, потому что считала их честно заработанными. Мне их потом на целый год хватало, конечно, при условии разумной экономии. Вот, же не дал мне Бог ума, когда-нибудь зайти к Александру Михайловичу со словами благодарности за эту поддержку. Вы мои воспоминания, пожалуйста, не относите к Вашему Стасику. Он-то, наверняка, свою зарплату зарабатывает. Поедем, Мила, домой. Там Санечка, наверное, заскучал.

Но Людмила знала, что кроме Санечки, Зося еще интересуется домашний телефон. Она всегда первой подбегала к звонившему телефону, а потом разочарованно передавала трубку кому-то из домашних. Анцев не звонил! Людмила тоже нервничала — она страстно хотела,

чтобы Зося навсегда уехала к своему банкиру. Она мечтала стать богатой, выйти замуж и нарожать детей. Но Зосино присутствие в доме могло перечеркнуть все ее планы.

Наступали выходные дни, и Зося вспомнила, о неисполненном обязательстве прошлого года — она обещала Оксане, что найдет свободное время для встречи с ней сразу после праздников. Вечером позвонила Оксане домой, и они договорились о месте и времени встречи.

Оксана утратила свою былую жизнерадостность, похудела, побледнела, возле рта залегла тяжелая складка. Когда Зося уселась рядом с Оксаной за столик в небольшом малолюдном кафе, Оксана достала носовой платочек, вытерла мокрые от слез глаза:

— Прости меня, Зося! Не знаю, чего больше я ожидаю от нашей встречи — сочувствия, помощи или просто мне нужна всепонимающая и прощающая жилетка, в которую можно уткнуться разбитое в кровь лицо.

— Оксана, ты, в первую очередь, успокойся. Главное, что ты жива и здорова, а с остальным давай будем разбираться. Я сегодня оставила своего малыша в надежных руках, на целый день. Мы с тобой можем не спеша все обсудить и, возможно, принять какое-то решение.

— Ладно, — Оксана отпила глоток кофе и отставила чашку, — моя жизнь летит быстрыми темпами под откос. Про моего Павлика ты знаешь многое — он драчун, наркоман и маленький бродяга. Его до такой степени затянуло это болото, что он в последнее время старательно избегает со мной любое общение. Он стал прятаться от меня у своих друзей, а иногда перебирался жить на чердак или в подвал. Одновременно, я заметила, что у них намечается какая-то дружба с Савой. Первое, что я испытала от своих наблюдений — это счастье. Наконец-то, думала я, Сава заметил мальчика и протянул нам руку помощи. Но я ошибалась. Именно, Сава учил мальчика ненависти ко мне. Он поучал Павлика, что меня совсем необязательно называть мамой, я чужой ему человек, а у него где-то есть настоящая, любящая его мама, которая вероятно уже ищет его, чтобы забрать к себе домой. Павлик стал меня называть Ксюшей, а когда хотел мне за что-нибудь отомстить или унижить, то придуманная им для меня кличка «швабра» была одним из лучших обращений ко мне. Тогда же, в характере мальчика, я с ужасом обнаружила дикую жестокость. В тот день у меня на работе разболелась голова, Иван отпустил меня пораньше домой, чтобы я смогла принять аспирин и отлежаться в постели. Я открыла дверь своим ключом, разделась и прошла в комнату. Сава и Павлик были чем-то заняты на балконе, меня не заметили. Я уже хотела их окликнуть, когда заметила, что руки Павлика в крови. У нас на балконе голуби слепили гнездо, вскоре там запищали голые птенцы. Так вот, Павлик в руках держал птенца. Как я потом сообразила, он пальцами разорвал его грудь, затем достал трепещущее, живое сердце. Второй птенец лежал рядом, уже разорванный и недвижимый. Я была потрясена — под вполне благополучной, я бы даже сказала, невинной внешностью моего сына скрывается такая крайняя жестокость.

— А что же твой муж? — спросила Зося

— Сава стоял возле Павлика и поощрительно улыбался. Мне даже показалось, что Саве жестокость мальчика доставляет физическое наслаждение. Сава всегда увлекался охотой, и в первые дни нашей совместной жизни, иногда, с восторгом мне рассказывал, как он разделявал раненого, но живого зайца, или как пульсирует сердце в разрезанной грудине косули. Он даже пил свежую кровь застреленных животных и ел сырую печень. Со временем, он, по моей просьбе, перестал посвящать меня в эти пикантные подробности

своей охоты, потому что наши взгляды на мирное сосуществование человека с представителями фауны и флоры кардинально различались. От увиденного в тот день, я потеряла сознание, и рухнула возле входной двери на балкон. Очнулась от шока — меня обильно, из ведра поливали ледяной водой. Снова исполнителем был Павлик, а Савелий, довольно ухмыляясь, стоял рядом. Я заболела, целую неделю провалялась в постели, а когда мой лечащий врач начал догадываться, что у меня, возможно, был нервный срыв, попросила закрыть больничный лист. Я не хотела посвящать в свои семейные проблемы посторонних людей.

— А для себя ты сделала какой-то вывод?

— Безусловно. После этого случая, стала активно подыскивать для лечения Павлика подходящую клинику. Но, ты сама понимаешь, что для этого требовались большие деньги. Представляешь — я собрала необходимую сумму! Возможно, ты заметила, что с момента появления у меня Павлика, я начала экономить на всем. Отказывала себе в покупке самых необходимых вещей, продуктов, а о косметике вообще забыла. Открыла счет в Сбербанке, каждый месяц, в день зарплаты, его пополняла. Я уже тогда понимала, что Павлик нуждается в длительном лечении. После случая с птенцами, я решила, что откладывать лечение Павлика больше невозможно. Недостающую часть денег мне прислала моя тетя из Крыма. Я их тоже временно положила на свой счет в сберкассе. Ходили различные слухи о возможных непопулярных мерах правительства в отношении вкладов населения, но я в них не верила. А еще была уверенность в том, что я все успею сделать вовремя, иначе быть не может, ведь от этих денег напрямую зависело здоровье моего Павлика. Но не успела — мои деньги заморожены на счете в сберкассе. Ты представляешь мое отчаяние? — Оксана снова судорожно всхлипнула и приложила платок к глазам.

— Оксанка, может, мы продолжим разговор в другом месте? Я знаю такое место, там, кстати, и пузырек настойки валерианы найдется.

— Да, давай уедем отсюда. Не могу переносить чужие любопытные взгляды — я физически ощущаю их липучий холод.

Зося привезла Оксану в квартиру, где раньше жила вместе с Розой Самуиловной и Михаилом Исааковичем. Возле входной двери стала искать ключи в своей сумочке и неожиданно наткнулась на связку ключей от московского особняка. «Как они здесь оказались, — удивилась Зося, — я прекрасно помню, что оставила их на полочке в прихожей. Возможно, это Александр Михайлович возвратил ключи в мою сумочку? У меня уже накопилось много вопросов, самый правдивый ответ на них я смогу получить только от Анцева. Не звонит? Что ж, я сама поеду в Москву за ответами».

— Проходи, Оксана. Располагайся, осматривайся. А я сварю кофе. Может, ты что-нибудь выпьешь? — Зося заглянула в маленький кухонный бар, — коньяк, водка, вино?

— Да, я выпью. Лучше коньяк и кофе.

Зося сварила крепкий кофе, налила в рюмку коньяк. Чашечки и рюмку поставила на поднос и пошла в гостиную. Оксана сидела, сторбившись в кресле, сжатые в кулачки руки лежали на подлокотниках.

— Оксана, ты у меня дома, тебя здесь никто не обидит, ты можешь расслабиться.

— Ты здесь живешь?

— Нет, давно переехала жить к отцу. Квартира сейчас пустая. Если ты хочешь, то живи пока здесь. Отдохнешь и успокоишься.

Оксана одним глотком выпила коньяк и взяла в руку чашечку:

— Я могу продолжить свою горькую повесть? Я не смогла обеспечить Павлику квалифицированную медицинскую помощь — у меня не было денег. Савелий в последний год неплохо зарабатывал, но просить у него деньги на лечение чужого ребенка — бессмысленно и, как он бы сказал, безнравственно. Я знала, что каждый новый день может закончиться бедой. Павлик становился все более агрессивным и неуправляемым. Лучшим вариантом в этой ситуации был специнтернат для душевнобольных детей. Павлик не был придурком и мог окончательно деградировать в обществе умственно отсталых детей, но у меня не было другого выхода. Мы вместе со школой оформили документы, но отвезти Павлика в интернат самостоятельно я не смогла, пришлось за помощью обратиться в инспекцию по делам несовершеннолетних. Милиционеры его поймали в очередном подвале и доставили в специнтернат. Сейчас я его навещаю, но на первые каникулы домой взять побоялась — у нас с Савелием каждый день скандалы, все это нельзя выворачивать перед Павликом.

Оксана налила себе коньяк и снова выпила одним глотком.

— Оксанка, — попробовала остановить ее Зося, — может не стоит заливать проблемы алкоголем? От этого их не станет меньше.

— Не обращай на меня внимания, а главное не останавливай. Я хочу хоть на несколько часов все забыть и отдохнуть от своих мыслей. Ты, наверное, полагаешь, что мне проблемы создает только Павлик?

— Давай на несколько минут прервемся. Мне нужно позвонить домой и узнать, как там ребенок.

К телефону подошла Людмила:

— Милочка, как там Санечка? Ты его уже уложила спать?

— А ты во мне сомневаешься? У нас с Санечкой все в порядке.

— А у кого не в порядке?

— Сейчас скажу, — Людмила перешла на шепот, — Николай Васильевич места себе не находит. Его очень беспокоит твое долгое отсутствие — ругается на всех, даже поссорился с Розой Самуиловной. Она ушла в свою комнату и попросила сердечные капли. А ты, когда домой?

— Я задержусь, видимо, надолго. Позови папу к телефону. Папочка, здравствуй! Извини, не могла раньше позвонить. Я задерживаюсь, ты не жди меня, ложись спать.

— Зося! Это черт знает, что! Ты где? Почему бросила ребенка? Немедленно иди домой.

— Папочка, я тебе сказала, что сейчас занята. Давай мы с тобой дома все обсудим. Извини. В следующий раз, пожалуйста, не допускай подобный тон разговора. Целую тебя.

Зося опустила трубку на телефонный аппарат и возвратилась в гостиную. Бутылка с коньяком была наполовину пуста.

— Оксанка, мы говорили о втором источнике твоих проблем.

— Да, но там не один источник, а целых два. Представляешь, Инга все-таки познакомилась с Савелием. Если быть честной, то я сама их познакомила. Инга после работы увязалась за мной с понятной тогда, очень простой целью — пробежаться по магазинам. Потом проводила меня до дому, попросила напоить ее чаем. Я согласилась — как-то не смогла отказать в таком незначительном знаке гостеприимства. Савелий был дома. В тот вечер Инга блистала красноречием и эрудицией. Даже я с удовольствием и заинтересованностью слушала мифы о древних героях и богах в ее трактовке.

— Ты говоришь мифы? Я знаю другую историю, когда Инга, чтобы привлечь к себе

внимание понравившегося ей мальчика, увлеклась спортом и, в частности, футболом. Ее познания в спорте в те дни сделали ее популярной у всех моих сокурсников мужского пола. Если Инга поставила перед собой конкретную цель, то к ней она будет ломиться напролом через любые препятствия. Воля у нее железобетонная, только не в ту сторону направлена. Извини, не сдержалась. И что же твой Савелий?

— Что Савелий? Они нашли друг друга — мой любимый муж Савелий и коллега по работе Инга Золотарева. Инга стала у нас появляться почти ежедневно. В один из вечеров я их застала за вполне понятным занятием. Самое интересное в том, что мое появление им нисколько не помешало. В моем присутствии они со стонами и криками закончили свой акт. Потом Инга сказала мне, что я к их любви добавила экзотику и шарм. Был экстрим и безумие, поэтому она не возражает против любви втроем. Я была уничтожена. В тот миг я выглядела полнейшей дурой. Лучшее, что я сообразила сделать, так это развернуться и уйти в другую комнату.

— И это все, что ты сделала? — удивилась Зося.

— Через пару дней я подала заявление на развод. Сава не возражал, но потребовал, чтобы я ушла из квартиры, которую получал он. Конечно, из квартиры уйти я не согласилась — он ее получил, будучи женатым на мне. Там есть и моя площадь. Судом мы разделили квартиру — каждому из нас по комнате. Павлик остался прописанным на моей площади. От опеки над Павликом он не отказался. Вроде бы разделились и все — давай жить просто по-соседски. Нет, у нас так не получилось. Мои соседи по коммунальной квартире начала активно меня выжимать с законных, судом отчужденных метров. Инга ушла от Сергея, там же оставила детей. Сейчас живет в гражданском браке с Савой. К ним иногда заходит очень интересный гость — Авдей Эдвард Станиславович, наш нынешний начальник филиала банка. Оказывается, они с Савелием старинные друзья. К его приходу Инга выставляет из горки мою праздничную посуду, накрывает моей же скатертью стол. Иногда, на стол попадают мои продукты из холодильника. Инга снова работает в нашем филиале, поэтому старательно ухаживает за Савелием и Авдеем. Ее приняли переводом, в качестве помощника начальника по общим вопросам. Как я поняла, она занимается выполнением ремонта в банке и заодно ремонтирует банковскими материалами личный коттедж Эдварда Станиславовича.

— Это все понятно. Только не понятно, что ты там делаешь? Тебя держат твои квадратные метры в малогабаритной квартире? Ты можешь пожить вот здесь, пока решишь свою жилищную проблему. По-моему, в банке несложно получить комнату в общежитии малосемейного типа. Или можно перевестись на работу в другой город. Тогда и Павлика своего ты сможешь с легким сердцем забирать на каникулы домой. В чем дело, Оксана? Почему ты опустилась до войны с ничтожным человеком за совершенно бросовое имущество? Оставь все ему и уйди, не унижай свое достоинство и не губи здоровье. Ты молода, красива, впереди все еще может состояться — любовь, дети, квартира, карьера. Да, что угодно...

— Все дело в Павлике. Я тебе уже говорила, что Савелий оставил за собой опеку над Павликом. Павлик элементарно может стать орудием мести в руках моего бывшего супруга. Из Павлика умелым скульптором можно слепить, что угодно — уголовника, маньяка, алкоголика. Все, что пожелает Савелий. Пока я нахожусь рядом, Савелий не посмеет глумиться над Павликом — я ведь в милицию могу обратиться.

— За что он так ненавидит Павлика?

— К Павлику он совершенно равнодушен. Месть предназначается мне. А руками

Павлика меня можно просто уничтожить, а самому при этом остаться чистым и незапятнанным. Мальчик состоит на всех учетах, которые существуют в нашем городе. Савелий законы знает — что можно предъявить психически неуравновешенному ребенку?

— Скажи, Оксана, у тебя в этом городе есть какой-нибудь друг, покровитель. Тот, кто сможет тебя защитить?

— Да, есть человек, которого я давно люблю. Но я ему ничего о войне с Савелием не рассказываю. У него крутой нрав, за эти фокусы он может просто убить Савелия, как он говорит — без суда и следствия. Нет, я свой крест должна нести сама, до последнего конца. Это, как я понимаю, расплата за мои былые грехи. Человек за все должен платить. Таков закон жизни.

— Как ты сказала — за все должен платить? Наверное, ты права. Мне тоже стоит задуматься о некоторых зигзагах своей судьбы. Я несколько лет была влюблена в своего сокурсника. Мы кругами ходили друг за другом, но, при этом, дистанция между нами никогда не сокращалась. И вот случай, в буквальном смысле, бросил нас в объятия друг друга. Расстались мы потом холодно, я бы даже сказала враждебно. Но я решила, что мне просто необходимо родить от него ребенка. Я молилась и просила Богородицу подарить мне сына. Она меня услышала — я родила своего Санечку. Но мой любимый внезапно ударился в пьянство, наркоманию и загулы в женских компаниях. Возможно, у него отсутствовала элементарная ответственность за последствия нашей связи или он прятался от нее, предварительно отключив свои мозги. Но, что странно — после рождения ребенка я поняла, что не люблю Санечкиного отца. Я думала, что наши чувства заболели и умерли, потому что мы никогда о них не говорили. Но вот сейчас ясно осознала, что это расплата за мою просьбу. За рождение сына и материнскую любовь я должна была отказаться от любви к его отцу. Все взаимозаменяемо. Ты правильно сказала — закон природы.

— Ты внимательно наблюдай своего малыша. Он рожден от мужчины с плохой наследственностью.

— Что ты говоришь? При чем здесь Александр Михайлович? Разве Анцев смог бы бросить своего ребенка?

— Анцев? Я говорю о биологическом отце Александра. Зоя Николаевна, а Вы уважаемая, ничего о своем Александре не знаете? Очень жаль! Там присутствует скверная наследственность. Зося, давай я тебе кое-что расскажу. Не относи это к категории сплетен, а считай изучением родословной своего ребенка. Слушаешь?

Растерянная, потерявшая дар речи Зося, в знак согласия кивнула головой.

— Биологический отец Александра, — продолжила Оксана, — жив, здоров и работает на химкомбинате, мастером цеха. Одно время я работала вместе с ним и хорошо его изучила. Он внешне красив, Александр на него поразительно похож. Имеет высшее образование, которое не улучшило его умственные способности. Кляузник и скандалист. Возникшие проблемы, жалобы или обиды предпочитает излагать анонимно. Свою анонимную творческую деятельность от коллег по цеху не скрывает. Его гневная тирада «Пойду, наострю им под самое, под то» вошла в историю комбината, как самый рассказываемый анекдот, и стала основой его клички «Вострячок». Но у него есть и несомненное достоинство — он, как магнит притягивает женское внимание. Главное хобби Вострячка — коллекция разбитых женских сердец. Но, ни с одной из своих женщин он надолго не задерживается. Официально был женат не менее пяти раз.

— Татьяна Алексеевна одна из его жен?

— С Татьяной Алексеевной он познакомился в цеху — она начинала свою трудовую биографию на нашем комбинате обычной рабочей цеха. От Вострячка забеременела, но он детей не хотел. Анцев, в то время как молодой специалист банка, получил комнату в общежитии комбината и жил на одном этаже с Вострячком. Там же, познакомился с Татьяной. Фабричная девочка сразу сообразила, что можно своего ребенка предъявить перспективному во всех отношениях Анцеву. Интеллигентный и застенчивый Анцев почему-то принял все за правду и, когда ребенку было уже года два, женился на Татьяне, а ребенка усыновил.

— Он до сих пор остается в неведении?

— Самое непонятное в этой истории то, что, оказывается, Анцев знал, что ребенок не его, и втайне от Татьяны подстраховался — заплатил деньги Вострячку и получил от него расписку в том, что тот отказывается от сына, и никогда не будет предъявлять претензии на установление отцовства. Татьяна при поддержке Анцева окончила институт, получила работу и все материальные блага жены крупного руководителя. Но Татьяна и в замужестве осталась той, же скаковой кобылицей, как и в девичестве. Когда она снова возвратилась на работу в администрацию химкомбината, то ее встречи с Вострячком возобновились — его, как он сам комментировал эти отношения, возбуждала неординарность связи с женой банкира, и свой оргазм он получал уже тогда, когда задира л юбку высокопоставленной дамы, где-нибудь в грязном углу цеха или в рабочей бытовке.

— Не может такого быть!

— Зося, все это правда! Кроме самого Вострячка, на комбинате продолжают работать очевидцы этой истории. Твой отец давно дружит с Анцевым и, наверняка, знаком с историей его семьи. Поверь мне на слово, или задай несколько вопросов своему отцу. Мне кажется, что в своем коридоре любви ты вошла не в ту дверь. Теперь судьба возвращает тебя назад, чтобы ты попробовала исправить свою ошибку. Я несколько раз наблюдала, как Анцев заходил в твой кабинет — он перед тем, как постучать, нежно прикасался к двери, за которой находилась ты. Я была потрясена — он любит даже дверь, имеющую к тебе прямое отношение. Для меня Александр Михайлович — это образец мужского достоинства и красоты. Именно о таком мужчине мечтает большинство женщин. А если говорить в частности, то три четверти нашего женского коллектива серьезно влюблены в нашего руководителя. Возможно, все дело в его харизме? Под его обаяние попадаешь после первой встречи. Я видела его всего несколько раз, а присмотрелась, когда мы ходили поздравлять с рождением внука. Он тогда был счастливый и веселый, угощал нас шампанским. И оторвать от него взгляд было невозможно — безупречный костюм, белоснежная рубашка, приspущенный узел галстука, смуглая кожа, черные с проседью, густые волосы. Фигура по-настоящему мужественная, сильная, притягательная. Улыбка искренняя, голос низкий, чарующий, богатый оттенками. И смотри, какая стойкость — руководит женским коллективом, но за все это время не замечен ни в одной любовной интрижке. В чем ты сомневаешься, Зося? Сарафанное радио из Москвы донесло, что твой сын называет его папой. Если ты уже допустила любовь своего ребенка и взрослого, влюбленного в тебя мужчины, то это может означать только то, что ты сама к нему тоже не равнодушна. Я никогда не поверю, что все дело в его нынешней должности.

— А что, так тоже говорят?

— Говорят разное, но самое главное, что наш коллектив, а ты сама знаешь, что это очень непростой коллектив, с интересом наблюдает за развитием ваших отношений и

искренне желает счастья и удачи вам обоим. Вы равноценная пара и пусть вам повезет.

— Однако, как быстро в нашем банке моя личная тайна стало достоянием общественности. Я тоже хороша — как любопытная Пандора, не сдержалась и заглянула в ларец с личными секретами семьи Анцевых.

— Там секреты не хранились. Их прилюдно, сама Татьяна Алексеевна давно вытащила из ларца. Тебе же, надеюсь, эти сведения принесут спокойствие. Разве тебя не угнетало то, что дедушка твоего сына влюблен в тебя и что эта связь может быть греховной?

— Дискомфорт по этому поводу, несомненно, был. Я даже хотела сходить в монастырь и поговорить с матушкой-игуменьей.

— Человек по своей природе от рождения греховен, но лучше жить с добрыми делами и чистой совестью, потому что бывшие грехи все равно придется искупать, иногда ценой своей жизни. Я это знаю на опыте собственной жизни. Но об этом как-нибудь в другой раз. Ты смотрела на часы? Мы с тобой всю ночь проговорили. Поедем домой? Твой сын тебя уже заждался!

— Да, поедем. Разговор у нас с тобой получился очень продуктивным и полезным для меня тоже. Оксана, я очень хочу тебе помочь. Но как? Перевод на работу в другой город ты не рассматриваешь, переезд на другое местожительство тебя тоже не устраивает. Тебе нельзя оставаться в одной квартире вместе с Савелием. Ты это понимаешь?

— Да, понимаю! Но пока я буду жить там, ради Павлика. Чем ты можешь мне помочь? Выходи скорее на работу. Это и будет твоя помощь. Мы поговорили, и я снова готова жить! Тяжело годами носить в себе груз обид и собственных греховных падений.

Зося приехала домой к обеду. Тетя Розы и Людмила сидели за кухонным столом и вдвоем кормили Санечку. Ребенок капризничал и отказывался от надоевшей каши. Зося взяла в свои руки тарелочку с кашей и быстро накормила малыша.

— Странное дело, — сказала Люда, — из твоих рук он все ест и не отказывается, а мы битый час пытались втолкнуть в него эту кашу и все напрасно. Делись секретом особого подхода к Санечке.

— Никакого особого подхода нет. Нельзя с ним сюсюкать и причитать. Он все понимает и считает себя сильнее вас. Веди себя с ним на равных, и ваши отношения изменятся. Поучись у Зои Николаевны — она несомненный авторитет у всех пеленочных детей. Стоит ей взять на руки кричащего кроху, как он сразу затихает и начинает улыбаться. Могу вам предоставить время для практических занятий с Санечкой — присмотрите за ним два-три дня. Мне срочно, сегодня же, нужно уехать в Москву. Присмотрите?

— Зосенька, могла и не спрашивать, ухаживать за Санечкой, это удовольствие для нас с Милочкой, — сказала тетя Розы, — ты, конечно, уезжай. Но, прошу тебя, предварительно поговори с отцом. Он сегодня ночь не спал, бродил по дому. Он не одобряет твое поведение. Считает, что, как бы ты ни любила Сашу, все равно должна сохранять свое достоинство. Да и Сашу он, мягко говоря, недолгобливает.

— Какое на сегодняшний день отношение имеет ко мне Саша? — удивилась Зося.

— Ты разве вчера не с ним встречалась?

— Нет. Моя коллега попала в неординарную, тяжелую ситуацию. Говорили с ней о наболевшем, всю ночь.

— Так бы и объяснила Коленке. Ему сказали, что Саша на днях должен приехать в Москву и, возможно, захочет встретиться с тобой и Санечкой. И твою нынешнюю поездку он может аналогично расценить.

— Да, я хочу поговорить с Сашей, но с другим. Папе я позвоню.

Зося набрала рабочий телефон отца. Услышав его раздраженный голос, сказала:

— Привет, папочка! Кто тебя рассердил? Если я, то прошу у тебя прощения. Я и предположить не могла, что моя встреча с подругой может тебя так огорчить. Ты уже не сердишься? Спасибо. Еще я хочу тебе сказать, что уезжаю на несколько дней. Мне нужно поговорить с дорогим для меня человеком. Папочка, поверь мне, это не Санечкин отец. Веришь, да? И больше не сердишься? Целую тебя. Пока.

В купе Зося ехала одна. Впереди была ночь, она постелила постель и улеглась. Колеса поезда выстукивали «Са-ша, Са-ша», под этот перестук она сразу уснула и проснулась только в Москве. На такси заехала в гастроном, купила продукты и вскоре открывала дверь Анцевского дома.

Она жила здесь совсем недолго, но сегодня возвратилась в этот дом, как в свой собственный, родной, где она жила долгие годы, а потом уехала в ненужную командировку, и там очень скучала по своему домашнему уюту.

Зося обошла все комнаты с инспекционной проверкой хорошей хозяйки, поддерживающей в своем жилище чистоту и порядок. Вот на стуле висит мужская рубашка. Зося сняла ее и положила в стиральную машину. На столике стоит чашка с недопитым кофе — чашку вымыть и поставить в шкафчик, с прикроватной тумбочки вытереть пыль. Она возвратилась в гостиную и решила навести порядок на столике, стоявшем возле камина. Это было ее любимое место — она здесь любила посидеть в кресле с чашкой чая. Взяла в руки прозрачный кейс, чтобы под ним вытереть пыль, и сквозь обложку разглядела свою фамилию.

«Странно, — подумала Зося, — какие документы я могла здесь забыть? Раз там написана моя фамилия, значит, я имею право посмотреть на эти бумаги».

Это был технический паспорт Анцевского дома, выписанный на Зосю. Внутри паспорта лежала дарственная от Анцева на ее имя. Зося сложила бумаги и положила их на прежнее место.

«Наверное, это как-то связано с его служебным положением. Не захотел или не смог покупать дом на свое имя. Сам мне все расскажет, когда вернется домой. Пока я здесь возилась, уже и рабочий день заканчивается — нужно позвонить Анцеву и сказать, что я здесь», — решила Зося и подошла к телефону.

Сегодня домашняя линия была свободна, но к телефону долго никто не подходил. После множества звонков трубку сняла Верочка и сообщила, что Анцев неделю назад уехал в командировку и когда возвратится, она не знает. Зося вздохнула — зря приехала. На вечерний поезд она уже опоздала, поэтому решила остаться в Москве еще на один день. Завтра можно будет походить по Москве, обязательно пешком. И, в первую очередь, побывать на Красной площади. Для самостоятельной пешей прогулки хорошо бы изучить карту Москвы. Ее можно завтра купить в киоске и следом потерять несколько часов на изучение, а можно поискать на книжных полках дома и составить маршрут сегодня.

Зося поднялась наверх, переоделась в домашний халатик и отправилась изучать содержимое всех книжных полок. Карту она нашла на столике в спальне Анцева. Зося развернула карту и улеглась на его кровать. Проложить для себя пеший маршрут по огромному незнакомому городу — дело очень увлекательное и кропотливое. Зося водила пальцем по улицам и переулкам, которые должны были ее вывести к Красной площади, и старалась запомнить их название. Было уже очень поздно. Зося сложила карту, но уходить из

спальни Александра Михайловича не хотела — здесь она была рядом с ним, да и пустой дом пугал ее темнотой и ночными звуками своей повседневной жизни. Зося нырнула под одеяло и по привычке свернулась калачиком.

Она уже засыпала, когда громко щелкнула дверная задвижка входной двери и послышались шаги на первом этаже. Зося встала и тихонько приоткрыла дверь — Анцев прошел мимо в душевую комнату.

«Он дома, — запело в Зосе счастье, — сейчас организуем для него сюрприз».

Зося, осторожно ступая, подошла к душевой комнате. Через матовое стекло четко просматривался силуэт большого мужского тела. Зося сняла халат, раздвинула двери кабины и шагнула под струи воды. Ее тело мгновенно пронзили тысячи острых холодных иголок — это был душ из ледяной воды. Зося прижалась к холодному любимому телу и звонко хохотала, запрокинув голову. Анцев онемел, и не сразу сообразил, что рядом с ним действительно его Зосенька. Сейчас она может превратиться в сосульку.

Он выключил воду, завернул Зося в большой халат и отнес на свою кровать.

— Зосенька, — он целовал ее холодные губы, растирал руки и ноги, — Драгоценная моя, любимая хулиганка, так и заболеть недолго!

— Но ты же, слава Богу, не болеешь. Кстати, а почему именно холодный, нет, просто, ледяной, душ?

— Наказываю свое тело за преступную страсть. Ты ведь мне велела научиться быть сдержанным.

— Получается?

— Нет. Я все так же задыхаюсь при виде твоего тела. Если быть честным, то холодный душ — это многолетняя привычка. Тебе этого делать не следует, ты можешь заболеть. Ты приехала по делам или ко мне?

— Только к тебе. Я приехала сказать тебе, что очень люблю тебя и согласна выйти за тебя замуж. И, если там, — Зося показала рукой вверх, — заключаются браки не только земные, но и духовные, то я хочу, чтобы мы с тобой венчались в церкви. Я и после смерти не хочу с тобой расставаться. Мое собственное Я должно стать твоим Ты. Я готова к ответственности за тебя, и к отношениям по законам наших предков «Я за Ты». У нас с тобой все должно быть поровну. А твой холодный душ станет и моей многолетней привычкой. Ты хотел просить моей руки у отца?

— И сейчас хочу! — ответил Анцев

— И это правильно, пусть мой папочка одобрит мой выбор и успокоится! Я знаю, что он все поймет и будет рад за мое счастье. Необходимо срочно с ним поговорить и, конечно, это должен сделать ты. Я люблю своего папочку и мне больно со стороны наблюдать, как он сейчас мучается и переживает за меня. Он считает, что я унижаюсь перед Санечкиным отцом, навязываю ему свою любовь, этим преступаю через свое достоинство и княжеский род Чарышевых. Я не могу ему рассказывать и доказывать, что Саня — это ошибка моей молодости, я давно о нем забыла. Там сегодня нет никаких чувств — ни любви, ни ненависти, ни даже сожаления. Случилось то, что случилось — у меня есть любимый ребенок и никаких воспоминаний.

— Кто Саша для тебя сейчас?

— Саня для меня, нынешней — сокурсник, которому я искренне желаю добра и счастья. Тебе это тоже необходимо знать, чтобы в твоей голове и сердце никогда не возникала даже тень сомнения в моей любви. Ты должен знать еще об одном мужчине, дружбой с которым я

очень дорожила, будучи еще совсем ребенком. Несколько детских лет мы были с ним неразлучны, как сиамские близнецы. Это были очень тяжелые годы нашей жизни. В те, детские годы я считала его своим братом, покровителем, кем угодно, но только не любимым человеком. Детская влюбленная пришла позже. Он мечтал о военной специальности, войнах и прочих мужских доблестях где-нибудь на краю света. И он уехал, поступил в военное училище, там женился. Но что-то мешало ему написать мне правду, он начал сочинять трактаты о неразделенной любви, просил меня дожидаться его после окончания училища, иначе с ним может случиться какая-то мифическая беда. Единственное решение, которое я смогла тогда принять так это то, что нам нужно встретиться и поговорить. Я хотела ему объяснить, что у нас не было любви, что нельзя серьезно относиться к детской влюбленности, все давно прошло. Я хотела ему сказать, что он мне друг, любимый друг, и я не могу ничего изменить. Он приехал, и когда я ему сказала, что любви нет, и не было, в его штанах разыгралось уязвленное мужское самолюбие, и он меня изнасиловал. Он полагал, что я, изуродованная мужским насилием, никогда больше не смогу физически полноценно полюбить другого мужчину. Мы с ним больше не виделись, он где-то служит, или воюет в самой горячей точке нашей страны. Он с детства был защитником слабых и обиженных.

— Зосенька, если он вернется, ты смогла бы его простить и возобновить вашу дружбу?

— Тяжелый вопрос. Все зависит от обстоятельств. Правда состоит в том, что я всегда дорожила, и дорожу сейчас, нашей дружбой. Петя — это самые теплые воспоминания моего детства. Одной минутой похоти, которую Петя, вероятно, считал своей мужской победой, он подверг сомнению саму вероятность существования дружбы между мужчиной и женщиной без того, что называется сексом. Земля вращается, и мы, возможно, с ним встретимся. А когда встретимся, тогда и разберемся, стоит ли дальше поддерживать наше знакомство. Именно, знакомство и дружбу. Любить я могу только тебя. И душой, и телом. Никакого секса на стороне я себе никогда не позволю. Я говорю это потому, что ты иногда очень внимательно со стороны присматриваешься к моему общению с другими мужчинами. Я это пристальное внимание заметила еще в Горевске и очень старалась себя не скомпрометировать в твоих глазах. Ты, то ли сомневаешься во мне, то ли ревнуешь?

— Ладно, придется и мне быть откровенным с тобой. Действительно, присутствует в небольших количествах и то, и другое. Сомневаюсь, в правильности твоего выбора. Заметь — не своего, а твоего. Во мне сомневаться не приходится — ты моя первая любимая женщина. До тебя я никогда и никого не любил. Женщины для меня делились на две категории — коллеги по работе или соседки по жизни. Татьяна относилась ко второй категории — соседка по коммунальной квартире. Маленьким ребенком я часто и продолжительно болел, от чего и пострадал мой природный иммунитет. Когда мне было пять лет, в детском саду началась эпидемия паротита. Мы знаем эту детскую болезнь под именем «Свинка». Я заболел в числе первых — температура, рвота и все прелести этой свинячей болезни. Болел долго и тяжело. В результате — осложнение, которое в будущем привело к бесплодию. Зная о своем недуге, я стал избегать серьезных отношений с женщинами, чтобы в дальнейшем не унижать себя бесполезными оправданиями в неспособности построить полноценную семью.

— А как же Татьяна Алексеевна? — спросила Зося.

— Татьяна ждала ребенка от другого человека, но стала утверждать, что забеременела именно от меня, во время нашей случайной биологической связи, которую искусно спровоцировала. Женился я на ней, потому что очень хотел иметь ребенка. Пусть не своей

крови, но ребенка, который бы называл меня отцом и жил рядом со мной. Татьяна так и оставалась в полной уверенности в том, что я принял ее ложь за правду. Когда я ей сообщил, что мы разводимся, она была в шоке и решила, что я уйду от нее ради другой женщины. Но я не уходил от нее — мы никогда вместе не были, жили в общей коммунальной квартире, каждый со своими привычками и устоями. Я тогда решил, что достоин отдельного жизненного пространства, без лжи и предательства. Но это только верхушка айсберга. Уже в то время я, пусть еще совсем неосознанно, но любил тебя. Что-то мне подсказывало, что только с тобой у меня еще могут состояться серьезные, на всю оставшуюся жизнь, отношения. Это, вероятнее всего, и стало основной причиной моего ухода из своей эфемерной семьи. На уровне подсознания я очищал свою жизнь от всего ненужного, чтобы начать с нуля новую главу, вместе с тобой. Но ты ведь тоже была несвободна — ты любила моего сына. Приемного, но любимого сына. Ваши отношения я не имел права разрушать, и я их поддерживал. Я желал тебе счастья. Даже когда вы окончательно расстались, я все еще не надеялся на твою любовь. Остались сомнения и после нашей первой близости — ты в минуты страсти шептала «Саша, Саша», а я корчился от горя, так как считал, что ты рядом видишь моего молодого сына. Мог ли я, со всеми своими мужскими комплексами, стать в любви полноценным партнером юной, темпераментной девочки, которая при дневном свете, учитывая мой возраст, называет меня Александром Михайловичем и никак иначе. Ты, конечно, удивилась, а потом и обиделась, когда я, не поставив тебя в известность, уехал в Сибирь. Я давал тебе время подумать и, возможно, принять любовь моего сына. Завтра он прилетает. Конечно, захочет увидеть Санечку и тебя. Это я организовал его командировку в Россию — хотел дать ему еще один шанс выяснить ваши отношения. Но ты, моя умница, и на расстоянии сумела понять, что я готов совершить самый нелепый поступок в своей жизни. Прости меня, родная девочка. Если ты не позволишь, то Саша завтра здесь не появится.

— Позволю. Пусть приходит. Он твой сын, и вы должны общаться. Правду о наших с тобой отношениях он все равно узнает. Возможно, приукрашенную в злые, лживые тона. Поэтому давай мы с тобой сами ему честно обо всем расскажем. Днем ты, конечно, для меня Александр Михайлович. И так будет всегда, потому что мое уважение к тебе не позволяет прилюдно сказать тебе «ты» или унижить тебя фамильярностью. А вот, сейчас, — Зося потянулась к прикроватному светильнику и выключила его, — сейчас ты мой сладкий Саша. Мой порочный, нежный, любимый Саша! И дети у нас с тобой обязательно будут. Наша любовь не может быть пустой.

Утром Зося проснулась непривычно рано, но Александра Михайловича рядом уже не было. За стеной шелестел поток душевой воды.

Зося вскочила с кровати и решительно направилась в душевую кабину.

Сегодняшний ее рывок в холодную воду был морально подготовлен, но все равно обжигающий ее кожу холод вызвал бурю эмоций — она кричала, смеялась и крутилась возле Анцева, пока он не вытолкнул ее за дверь. Зося накинула халат и бегом помчалась на первый этаж, готовить завтрак. Анцев вышел из душевой комнаты, увидел на полу цепочку мокрых следов маленьких женских ног, убегавших к привычным для всех хранительниц семейного очага утренним хлопотам приготовления завтрака, и безоговорочно поверил в то, что его счастье состоялось — у него есть любимая жена, драгоценная девочка, которая останется с ним на всю жизнь.

В коридоре, уже одетый в верхнюю одежду, Анцев прижал Зося к себе и сказал:

— Мне следовало бы купить для тебя цветочный магазин со всем его содержимым, но я

предпочитаю дарить вещи более практичные — там, на столике заberi дарственную на этот дом и сегодня я туда же положил ключи от машины твоего любимого красного цвета. Ты покатайся сегодня по Москве самостоятельно — я знаю, что ты хороший водитель и в помощи не нуждаешься.

— Дом и машина? Мне не нужны подарки. Я даже от папы стараюсь материально не зависеть. К тому же ты планировал сегодня меня передать по акту приема-передачи своему сыну.

— Зосенька, прошу тебя, не напоминай ты мне о моей глупости. Если ты согласилась выйти за меня замуж, то прими как данность — я обязан заботиться о вашем материальном благополучии. Тебе и Санечке здесь должно быть комфортно и уютно. Зосенька, здесь все твое, и я в том числе. Дом и машина без тебя мне не нужны. Кроме того, наступают тяжелые времена, моя профессия и будущий бизнес становятся опасны. Все может случиться, и я хочу предварительно материально обеспечить тебя и маленького сына. Так будет и дальше.

— Прости, я пошутила, а ты разволновался! Конечно, я все с благодарностью принимаю, и в будущем охотиться на мамонта будешь только ты. А я буду поддерживать огонь в семейном очаге. Покататься по Москве — идея, конечно хорошая, я вчера как раз собиралась устроить себе пешую прогулку по городу. Но сегодня ты дома, поэтому я хочу здесь прибраться и тебе ужин приготовить.

— Забудь ты про уборку — я никогда в тебе не видел домохозяйку, и ты не должна ею быть. Ты позитивный, умный человек с активной жизненной позицией. Оставайся такой навсегда, и не заморачивайся бытом. Машина в гараже. Надеюсь, самостоятельно откроешь и все найдешь. В случае возникновения проблем звони — приду, помогу.

Саша прилетел из Лондона в первой половине дня. Его встретили в аэропорту и отвезли в банк. До конца дня он работал с юридическими службами — оформлял доверенности на право распоряжения от имени банка денежными средствами, поступающими на субкорсчет банка-корреспондента, в котором он работал. С отцом увиделся только после окончания рабочего дня, сейчас они сидели в гостиной Анцевского особняка. Именно из этого дома он уезжал в Европу лечиться от своего безумия. После длительного лечения в швейцарской клинике он с ужасом осознал, что московские загулы выжали его из интересной, полноценной жизни на самые грязные задворки тупого существования. Если бы отец и Зоська остались равнодушными созерцателями его падения, то он застрял бы там навсегда.

С отцом он часто разговаривал по телефону, а вот Зоську с болью и кровью старался вырвать из своего сердца. Он столько лет пытался добиться ее любви, а когда это случилось, то обнаружил, что святая молчунья и недотрога Зоська имеет сексуальный опыт.

О ее любовной связи со стареющим джентльменом Чарышевым дома с большим удовольствием, захлеб рассказывала мать. Саша привычно верил своей авторитетной и всезнающей маме, поверил и в байки про Зосю. Правда, потом оказалось, что Чарышев ее родной отец, привыкающий к внезапно свалившемуся на него счастью.

Но Саша не выбросил обиду из своего сердца. Наоборот, он старательно ее подкармливал новыми слухами и предположениями о ее беременности. Банковский народ гадал — а кто же у нас счастливый отец? Потенциально туда были записаны Анцев, несколько руководителей предприятий, с которыми она работала, и даже безвинный Чарышев, который якобы по ошибке, пока еще не знал, что это дочь..

Саша растил свою обиду и тогда, когда поверил, что его Зоська родила ему, дураку, сына и назвала его именем. Он жаждал увидеть ее сломленной, подавленной, раскаявшейся,

униженной. Он даже опустил до шантажа, и позвонил Розе Самуиловне, чтобы сообщить ей, что женился и счастлив в браке.

Но упрямая коза Зоська молчала, только перестала высылать фотографии сына. Как он мог жениться? У его постели всегда стояла Зоська и смотрела на него своими строгими глазами. Она часто снилась ему, во сне он снова сжимал ее в своих объятиях и немел от таинственного шепота «Саша, Саша». Почему он никогда не говорил ей, что без нее нет жизни, что, если не она, то никто? Почему он так страстно хотел сломать ее независимость и увидеть в ее глазах слезы раскаяния или покорности? Возможно, только для того, чтобы уравнивать ее со своими слабостями и никогда более не чувствовать ее превосходство над собой.

Когда он узнал, что его вызывают в Московский офис, то обезумел от счастья — скоро он увидит свою Зоську, расскажет ей, как он любит ее и сына. Он снова сможет прикоснуться к ее волосам и взять на руки своего сына. Он летел в Россию с твердым намерением встать перед ней на колени и вымолить прощение за свое идиотское поведение.

Сейчас он рассказывал отцу о своей работе, о том, что долго не мог привыкнуть к непривычной для нашего банковского труженика простой и понятной работе иностранных специалистов со своими клиентами. Там отсутствуют сложные расчеты и оценки платежеспособности клиентов, а процентные ставки стабильны и предсказуемы. Главное направление работы администрации с коллективом служащих банка — изучение психологии взаимоотношений в процессе банковской деятельности.

— Представляешь, папа, там даже существует научный и, снова-таки, психологический подход к изучению причин производственного травматизма. Нам бы сейчас их проблемы! Папа, а наш дом как-то изменился, в лучшую сторону. Живой стал, что ли?

— Да, — рассеянно отозвался Анцев, — наверное, ты прав.

— В чем прав? Да ты не слушаешь меня! Твое внимание почему-то сконцентрировано на прихожей. Ты кого-то ждешь? Я в прихожей заметил женские тапочки, а здесь, на каминной полке, женскую заколку. Ты случайно не влюбился, папа?

— Случайно влюбился. И уже успел жениться. Ее и ожидаю. Где-то задерживается.

— Все правильно. Не получалась у вас с мамой счастливая жизнь. Значит, у меня есть мачеха? Кто она? Коллега по работе?

— Да, коллега. Скоро придет, и ты сам ее увидишь.

В это время с металлическим стуком повернулся ключ в замочной скважине, и кто-то вошел в дом. Анцев торопливо поднялся и пошел в прихожую. Саша услышал тихий, счастливый женский смех, звук поцелуя и приглушенный разговор двоих, влюбленных людей. «А я ни одного раза не слышал, как моя Зоська смеется, — подумал он и улыбнулся, — ничего, она тоже будет смеяться и тайком, чтобы не заметил сын, целовать меня в прихожей». Анцев вернулся в гостиную вместе с молодой, улыбающейся женщиной.

«Какая красивая! — подумал Саша, — и волосы такие же, как у Зоськи. Папа, помнится, на Зоську всегда смотрел с обожанием, вот и жену себе нашел очень на нее похожую».

— Привет, Саня, — Зоськиным голосом поздоровалась женщина, — не скучал в Европе по нашей зиме? Я сегодня нагледеться не могла на заснеженную Москву. Вот и запоздала. Александр Михайлович, может, мы что-то на стол соберем?

— Зося? — растерялся Саша, — Что ты здесь делаешь?

— Я здесь живу. Я, Саня, замуж вышла. Нет, немного приврала — я через несколько дней выхожу замуж за Александра Михайловича.

— Зоська, что ты говоришь? Ты и мой отец? А это не инцест? — это было лучшее, что ему пришло сейчас в голову.

— Саша, постарайся трезво оценить ситуацию! — Анцев обнял Зою за плечи, — Все уже случилось — мы с Зосей любим друг друга. Никакого инцеста нет. Да, ты мой сын, но не по крови. Ты уже взрослый и должен знать правду — ты мой приемный сын.

— Но у нас с Зосей есть сын. Как же Санечка?

— О Санечке отдельный разговор, — Зося смело заглянула в Сашины глаза, — Я тебя очень прошу, Саша, забудь о Санечке. Он Александра Михайловича очень любит и называет его папой. Это его собственный выбор. Ты ведь не захочешь сделать ребенка несчастным? У тебя есть любимая жена, значит, будут дети и самая счастливая семья во всем мире.

— А у вас, похоже, детей не будет? Все понятно. А вы, уважаемые родители, если захотите детей завести, то обращайтесь ко мне — помогу по-родственному, по льготному тарифу. Мне не привыкать. Одного ребенка вы от меня уже получили.

— Ох, и негодяй же ты, сынок! — звонко засмеялась Зося, — спасибо, сами справимся!

Саша понял, что в ней изменилось — из строгой, не улыбкающей, хмурой девочки Зося превратилась в счастливую, беспечную женщину. Он встал с кресла и сказал:

— Папа, будет лучше, если я устроюсь в нашу банковскую гостиницу. Ты не возражаешь? Прошу тебя, папа, никогда больше не говори мне, что ты мне не родной. Я не могу, и не хочу в это верить. Дикость какая-то! Увидимся в банке.

Он ушел, так до конца, не поверив в то, что он опоздал с признанием в любви и словами благодарности за похожего на него сына. Опоздал на целую жизнь, которая может пройти без его любимой Зоськи и маленького сына, нашедшего для себя другого папу. Он еще надеялся, что Зоська вернется к нему, за все простит, и они втроем уедут жить в Европу, где царит старый, устоявшийся мир благополучия и покоя.

Утром он набрал знакомый номер домашнего телефона своего отца и услышал родной Зоськин голос. Саша просил ее о недолгой встрече на нейтральной территории. Она должна его выслушать, она просто обязана это сделать, ради маленького Санечки.

Но Зося сразу и решительно отказалась от всех ненужных, как она выразилась, переговоров. Зачем, сказала она, ворошить старые воспоминания, их за ненужностью нужно всегда забывать, ведь мы не любим друг друга, и ничего сейчас нельзя изменить.

Он пробовал ее спровоцировать старым, школьным методом — что испугалась встречи, значит, боишься за себя, значит, любишь, как и прежде.

Зося засмеялась и ответила, что в этой ситуации боится одного — причинить ненужную боль Александру Михайловичу. А ему, Саше, она желает счастья и любви, большой и настоящей. На этом их разговор закончился — упрямая коза Зоська положила трубку.

Сидя в самолете, он утешал себя тем, что Зоська решила таким образом его наказать за подлость по отношению к ней и ребенку. «Что, ж, заслужил, и приму, как должное. Пройдет время, она обязательно простит меня, тогда моя жизнь наполнится любовью и смыслом. А пока пусть будет так, как она решила. Все еще может измениться». Он в это верил.

Зося вернулась в Горевск и начала собирать самые необходимые вещи. В основном для Санечки. Она собиралась на целый месяц в Москву, к любимому Анцеву. Они оформят свои отношения гражданским браком, а затем обвенчаются в церкви.

Гражданская запись должна пройти буднично и незаметно — никаких гостей и торжеств по этому случаю она не планировала.

К церковному обряду Зося готовилась более тщательно. В церковь она обязательно

наденет строгое белое платье, фату и фамильные драгоценности княгинь Чарышевых. Она должна быть элегантной невестой, чтобы соответствовать зрелой красоте своего суженого.

На церемонию венчания из Горевска приедут только самые близкие люди — Чарышев, Роза Самуиловна, Милочка и Левон.

Торжественный ужин Анцев закажет в ресторане, туда же и пригласит своих московских друзей.

Домашних в свои планы она пока не посвятила, через два дня должен был приехать Александр Михайлович, его ожидал разговор с Чарышевым. По телефону Александру Михайлович говорил Зосе, что он волнуется, как нашкодивший мальчишка, которому предстоит оправдываться о своем недостойном поведении перед суровым отцом. Зося смеялась и успокаивала его. Она уверяла, что обязательно разделит с ним все тяготы наказания. Это она виновата в том, что их совместный душ случился без родительского благословения.

Чарышев радовался предстоящему визиту друга, и считал, что Анцев выкроил день-другой, с единственной целью — подержать на руках внука, который совсем недавно начал топтать своими ножками. Николай Васильевич сам встретил Анцева на вокзале и привез его к себе домой. Зося увидела их во дворе, поднесла к окну Санечку:

— Смотри, к нам папочка приехал.

Санечка ухватил Зосю за руку, раскачиваясь, и спотыкаясь неумелыми ножками, побежал встречать Анцева в прихожую. От восторга он размахивал ручкой и кричал:

— Папа, папа.

Анцев поднял Санечку на руки, обнял и поцеловал Зосю.

И только сейчас Чарышев понял, к кому рвалась в Москву дочь, и с какой целью приехал к ним Александр Михайлович. Он вышел из прихожей — пусть радуются встрече без свидетелей. Его дочь сделала свой выбор. Правильный выбор! Пошли, Господи, им счастье!

Больше книг на сайте - Knigoed.net